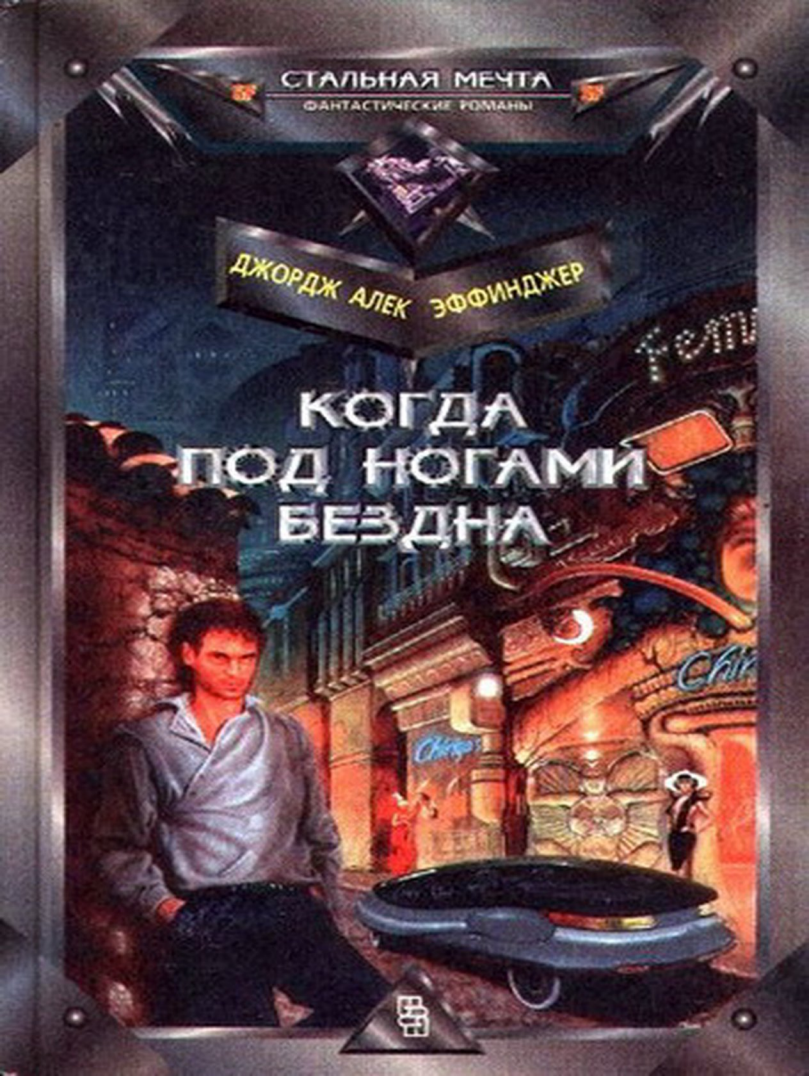
СТАЛЬНАЯ МЕЧТА
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ
ДЖОРДЖ АЛЕК ЭФФИНДЖЕР
КОГДА ПОД НОГАМИ БЕЗДНА

Когда под ногами бездна
Джордж Алек Эффинджер

Аннотация
Джордж Эффинджер. КОГДА ПОД НОГАМИ БЕЗДНА
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20

Аннотация

Произведения Дж. Эффинджера создали ему репутацию писателя — фантаста, одаренного научным вымыслом. «Перекошенный, мрачный и жестокий… это нож позади каждой улыбки», — так характеризовал творчество писателя один из видных критиков Америки. Имя Эффинджера не сходит со страниц газет и журналов, его книги мгновенно раскупаются, о его персонажах спорят, равнодушных нет.

Джордж Эффинджер
КОГДА ПОД НОГАМИ БЕЗДНА

Затерян в Хуаресе:
Пасха и дождь, как черная мгла,
Когда под ногами бездна и больше не держит Земля.
Не время строить крутого: ты забрел на МОРГ-авеню, —
Здесь бабам по вкусу свежее мясо, здесь никто не скажет "люблю".

Боб Дилан

...В своем мире ему не должно быть равных, да и в любом другом он окажется на высоте... Он одинок; он гордый человек, а это Значит, что с его самолюбием придется считаться, — иначе он заставит вас горько пожалеть, что повстречался на вашем пути. Его речь и манеры — взрослого мужчины нашего времени, то есть: грубоватый юмор, острое ощущение абсурдных сторон жизни, ненависть к притворству и обману, презрение ко всяческой мелочности.

Раймонд Чандлер. Описание частного детектива в книге "Простое искусство убийства"

Глава 1

Ночной клуб Чириги расположен в самом центре Будайина: восемь кварталов от Южных ворот и столько же от кладбища. Так что кладбище, можно сказать, под рукой, что очень кстати. Наша часть города — опасное место, это вам скажет любой. Приезжим всегда советуют держаться подальше отсюда, но туристы все равно набегают каждый день. Как же — они столько слышали о Будайине, а теперь должны уехать, так и не увидев? Ну нет!

В основном искатели приключений внедряются сюда через Южные ворота и начинают поход по Главной улице. С боязливым любопытством Озирая окрестности; миновав три-четыре квартала и приступ легкой паники, они обычно устраивают привал в одном из заведений, где можно выпить или заправиться пилюльками. Затем поспешно ретируются по Главной улице и, добравшись живыми до гостиницы, радуются своей удаче. Некоторым удача изменяет, и они остаются с нами навеки, украсив своим присутствием кладбище. Как я уже отметил, оно удивительно удобно рас-

положено — большая экономия времени и сил.

Я вошел к Чириге довольный, что вырвался из душной, липкой ночной жары. У столика возле самой двери сидели две пожилые женщины: туристки, обремененные хозяйственными сумками, туго набитыми сувенирами для родных и знакомых. Одна держала камеру, делая снимки голограммы людей, собравшихся в клубе. Здешние завсегдатаи обычно такого безнаказанно не спускают, но на двух немолодых дам не обратили особого внимания. Мужчине никогда бы не позволили снимать у Чириги не заплатив; так или иначе туристок демонстративно игнорировали все присутствующие, кроме высокого, очень тощего мужчины в темном европейском костюме и галстуке. Странный наряд для наших мест, но нынешней ночью я видел и более нелепые одеяния. На чем специализируется этот тип, что он собирается предложить вниманию дам? Я заинтересовался и, остановившись у бара, стал подслушивать.

— Меня зовут Бонд, — представился мужчина дамам, — Джеймс Бонд. — Как будто это и без слов было непонятно.

Женщины были явно испуганы.

— О Господи, — прошептала одна из них. Так,

теперь моя очередь. Я подошел сзади к модулю (уменьшительно-ласкательное — модик) и схватил за запястье.

Загнув большой палец внутрь ладони, резко нажал на ноготь. Модик вскрикнул от боли.

— Да ладно тебе, идем отсюда, Ноль-ноль-семь, старина, — шепнул я ему на ухо. — Поиграем в эти игры в другом месте.

Проводив его до двери, я с удовольствием вытолкнул этого типа в мягкую, пахнущую болотной сыростью темноту.

Женщины воззрились на меня так, словно им явился сам Пророк, держа в каждой руке по конверту с персональным пропуском в райские кущи.

— Благодарю вас, — пролепетала владелица камеры по-французски. — Не могу найти слов, чтобы выразить нашу признательность…

— Пустяки, — ответил я. — Не люблю, когда эти типы с подключенными к мозгу личностными модулями пристают не к себе подобным. Вторая никак не могла взять в толк, о чем я говорю.

— Модули, молодой человек? — Как будто в их краях такого не водится. — Ну да. Парень носит личностный модуль Джеймса Бонда. Вообразил себя Бондом и будет исполнять этот номер всю

ночь, пока кто-нибудь не стукнет его хорошенько и не выдернет модик из головы. Во всяком случае, он этого заслуживает. Однако Аллаху известно, какие он нацепил училки в придачу к своему модику. — Я снова заметил недоумение на их лицах и объяснил:

— Училка — это своего рода обучающая программа. На время подключения она дает знание определенного предмета.

Вставляешь, скажем, училку шведского языка, и, пока не выдернешь, шведский твой родной язык. Владельцы магазинов, законники — все члены этой воровской банды — пользуются училками.

Женщины растерянно моргали, не понимая, верить или нет услышанному.

— Вставлять такие устройства прямо в мозг? — произнесла вторая. — Но ведь это ужасно!

— Откуда вы приехали? — спросил я. Они переглянулись.

— Из Народной Республики Лоррейн, — ответила та, что с камерой.

Все понятно: им наверняка еще не приходилось сталкиваться с идиотами, слепо следовавшими прихотям собственного модика.

— Дорогие дамы, — сказал я, — хотите добрый

совет? Я думаю, вы оказались в неподходящей части города. И уж наверняка выбрали не подходящий для себя бар.

— Спасибо-спасибо, молодой человек, — отозвалась вторая женщина.

Они пошептались друг с другом, засуетились, зашуршали своими сумками и пакетами и выскочили на улицу, оставив на столике недопитые стаканы. Надеюсь, им удастся выбраться из Будайина живыми и невредимыми.

Этой ночью Чирига (уменьшительно-ласкательное — Чири) работала за стойкой одна. Мне нравится Чири; мы давние друзья. Она высокая, грозная, прямо чернокожая амазонка, лицо сплошь покрыто выпуклыми шрамами — наподобие тех, какими щеголяли ее далекие предки. Когда Чири улыбалась — а это случалось не очень-то часто, — ее зубы грозно сверкали ослепительной белизной. Грозно, потому что она подпилила клыки, ставшие острыми, как у вампира. Общеизвестный обычай каннибалов. Когда в клуб заходил чужак, ее глаза становились пронзительными, пустыми и черными, как дырки от пуль в стене. Но мне она продемонстрировала традиционную приветственную ухмылку.

— Джамбо! — вскричала Чири. Я перегнулся

через узкую стойку и быстро чмокнул ее в мозаичную щеку.

— Что у тебя делается, Чири? — спросил я. — Нджема, — ответила она на суахили, просто из вежливости. Потом потрясла головой. — Ничего, ни-че-го, все та же осточертевшая работа, и так каждый день.

Я кивнул. Никаких особых изменений на нашей улице, только новые лица. В клубе двенадцать клиентов и шесть девочек. Четырех Чиригиных красоток я знал, две были новенькими. Они могут остаться здесь надолго, как Чири, или быстро удариться в бега.

— Это кто? — спросил я и кивнул в сторону сцены, где работала новенькая.

— Пуалани. Просит, чтобы ее так называли. Говорит, это значит «райский цветок». Нравится? Не знаю, откуда она родом. Фема, настоящая девочка.

Я поднял брови.

— Значит, тебе наконец-то будет с кем поговорить.

Чири изобразила крайнюю степень сомнения.

— Да? Сам попробуй поговорить с ней. Увидишь.

— Такой тяжелый случай?

— Увидишь. Все равно никуда не денешься. Ну ладно, ты пришел сюда отнимать у меня время или закажешь что-нибудь?

Я бросил взгляд на часы за баром.

— Примерно через полчаса я встречаюсь с одним господином.

Теперь уже Чири подняла брови.

— М-м-м, бизнес? Мы снова трудимся, да?

— Черт, Чири, это уже вторая работа за месяц.

— Тогда закажи что-нибудь.

Перед деловой встречей я стараюсь воздерживаться от наркотиков, поэтому заказал свою обычную смесь: джин, бингара со льдом и немного сока лайма.

Несмотря на то что клиент скоро заявится, я продолжал стоять у бара: как только сяду за столик, новенькие попытаются со мной поработать. Даже если Чири велит им отстать, они все равно попытаются. Еще успею занять столик, когда покажется этот самый господин Богатырев.

Я потягивал напиток и рассматривал девочку на сцене. Очень привлекательна, но они ведь все такие: профессиональный признак. Безупречное тело — маленькое, гибкое и такое неотразимо женственное, что чувствуешь непреодолимое желание прикоснуться, пробежать пальцами по

этой прекрасной коже, сейчас покрытой сверкающими росинками пота. Смотришь на нее и испытываешь желание… — в этом вся суть. Вот почему здесь торчат девочки, вот почему здесь торчишь ты и Чири со своей кассой. Ты покупаешь девочкам выпивку, разглядываешь их безупречные телеса и ведешь себя так, будто нравишься им. Они тоже делают вид, что ты им нравишься. Как только перестаешь сорить деньгами, девочки встают и делают вид, что им нравится клиент за соседним столиком.

Не могу вспомнить, как зовут эту красотку. Она хорошо поработала над собой: скулы подняты с помощью силикона, выпрямлен и уменьшен нос, некогда квадратную челюсть «строгали» до. тех пор, пока она не приобрела симпатичную округлость. На диво крупные силиконовые груди; задик аппетитно выпуклый благодаря тому же силикону… Все это оставляет следы. Никто из клиентов их не заметит, но мне за последние десять лет приходилось наблюдать массу разных женщин, танцующих на разных сценах. Все они выглядят примерно одинаково.

Чири, обслужив гостей на другом конце стойки, вернулась ко мне. Мы посмотрели друг на друга.

— Она потратилась и на то, чтобы подправить

мозги? — спросил я.

— По-моему, может принимать только училки, и все, — засмеялась Чири.

— Девочка столько извела денег на тело, что могла бы оборудовать себя полностью.

— Она гораздо моложе, чем выглядит, мой сладкий. Приходи сюда через полгода, и у нее уже будет розетка для модика. Дай только время; она сможет переключаться на любой тип, какой только пожелаешь: от похабной шлюхи до нежной загубленной голубки, плюс все варианты между ними.

Чири права. Просто непривычно, что девочка в таком вот ночном клубе полагается только на свой девственный мозг. Интересно, хватит у этой новенькой выдержки, чтобы продолжать работать в таком качестве, или она бесславно вернется домой, приобретя идеально модифицированное тело и частично модифицированный мозг? Бар для модиков и потребителей училок — нелегкое место для работы. Пусть у тебя самое роскошное тело на свете, но если все клиенты подключены и заняты собственным внутримозговым развлечением, ты с таким же успехом можешь отправиться домой и тоже подключиться.

— Вы Марид Одран? — негромко произнес чей-то невозмутимо ровный голос.

Я медленно повернулся и взглянул на говорившего. Очевидно, это и есть Богатырев. Небольшого роста, уже лысеющий человек со слуховым аппаратом; никаких признаков модификации мозга. Видимых признаков, конечно. Он мог быть от уха до уха вооружен модиком и приставками-училками, не заметными для меня. Мне приходилось сталкиваться с такими пару раз. Это опасный тип людей.

— Да, — сказал я. — Господин Богатырев?

— Рад нашему знакомству.

— Взаимно, — отозвался я. — Вам придется заказать какой-нибудь напиток, иначе эта барменша начнет разжигать свой огромный страшный чугунный котел.

Чири окинула нас фирменным плотоядным, каннибальским взглядом.

— Мне очень жаль, — сказал Богатырев, — но я не употребляю алкоголь.

— Все в порядке, — объявил я, повернувшись к Чири. — Налей ему то же самое. — Я поднял свой стакан.

— Но… — протестующе начал Богатырев. — Все в порядке, — повторил я. — За мой счет, я плачу.

Так будет честно: я ведь и выпью это зелье.

Богатырев кивнул; совершенно никакого выражения на лице. Полная невозмутимость. Считается, что абсолютной монополией на этот счет обладают азиаты, но у молодцев из Обновленной России тоже неплохо получается. Они работают над собой. Чири сделала мою смесь, я заплатил ей. Потом провел маленького Богатырева к одному из угловых столиков. Мой клиент ни разу не посмотрел по сторонам, ни на секунду не задержал взгляд на почти обнаженных женщинах вокруг. С такими типами мне тоже приходилось сталкиваться.

Чири любит, чтобы в ее клубе царил полумрак. В полумраке девочки выглядят презентабельнее: не такие хищные и алчные, как на самом деле. Колышущиеся тени смягчают их облик, придавая влекущую таинственность. По крайней мере, так обычно кажется туристам. Чири просто не хочет выставлять на всеобщее обозрение всяческие торговые сделки, происходящие за столиками и в кабинках. Яркий свет, бьющий со сцены, едва рассеивал темноту, высвечивая только лица людей у столика, погруженных в созерцание, мечты или галлюцинации. Все остальное тонуло во мгле. Это мне нравилось.

Я опустошил свой первый стакан и отодвинул его в сторону; потянулся за вторым.

— Чем могу быть полезен, господин Богатырев?

— Почему вы предложили встретиться именно здесь?

Я пожал плечами.

— В нынешнем месяце у меня нет офиса. Люди вокруг — мои друзья. Я помогаю им, они мне. Закон взаимовыручки.

— Полагаете, вам потребуется их защита? — Я видел, что не убедил его в своей надежности. Пока не смог убедить. Он все еще оценивал меня. Но делал это очень тактично. Они работают над собой и в этом отношении.

— Нет, защита тут ни при чем.

— У вас ведь имеется оружие? Я улыбнулся:

— Как правило, я не таскаю с собой оружия, господин Богатырев. Ни разу не попадал в ситуацию, когда оно могло бы выручить. Одно из двух: или у парня пушка, и я делаю то, что он скажет, или у него нет таковой, и тогда приказываю я.

— Но если вы сначала продемонстрируете орудие, это поможет избежать ненужного риска, не так ли?

— И сбережет бесценное время. Но у меня

много времени, господин Богатырев, и рискую я собственной задницей. Каждый волен поддерживать интерес к жизни по-своему. Кроме всего прочего, здесь, в Будайине, мы придерживаемся своеобразного кодекса чести. У меня нет оружия — у них нет оружия, и обе стороны знают это.

Каждый, кто нарушит правило, испытает последствия на своей шкуре. Мы все — одна большая дружная семья.

Не знаю, купился Богатырев или нет, но я этого и не добивался. Просто давил на него слегка, пытался понять, что русский из себя представляет.

Сквозь маску его невозмутимости чуть-чуть проглянуло разочарование.

Наверняка сейчас он решает, не переиграть ли все. В кодовой системе легко можно найти координаты целой армии наемных громил. Крупных, тренированных, готовых продемонстрировать самое разнообразное оружие, чтобы успокоить сердце такого клиента, как Богатырев. Там числятся агенты с блестящими новенькими парализаторами под пиджаками, принимающие посетителей в просторных, удобных офисах в респектабельном квартале города, с секретаршами, компьютерами, имеющими доступ к базам данных в любой части света, с фотографиями в

красивых рамках, где они обмениваются рукопожатием с особами, которых знаешь по газетным снимкам… Все это — не я. И мне очень жаль.

Я знал, о чем хочет спросить Богатырев, и опередил его:

— Вы не можете понять, почему лейтенант Оккинг рекомендовал меня, а не одну из городских организаций?

Ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Да.

— Лейтенант — часть нашей дружной семьи, — сказал я. — Он подыгрывает мне, я — ему. Слушайте: если вы пойдете к одному из наших хромированных агентов, он выполнит работу, но возьмет в пять раз больше, чем я, и будет возиться дольше даю гарантию. И еще: эти птички высокого полета имеют привычку громыхать повсюду своим дорогим оборудованием и оружием и привлекать всеобщее внимание. Я работаю без лишнего шума. Меньше риска, что объект вашего интереса, кто бы он ни был, получит украшение в виде ожогов от лазерной пушки.

— Понимаю. Раз уж вы сами затронули вопрос оплаты, могу я узнать, во сколько вы оцениваете свои услуги?

— Зависит от того, что требуется сделать. Есть

работа, за которую я вообще не берусь. Можете считать это заскоком. Но если я откажусь, то порекомендую надежного парня, который наверняка согласится. Не лучше ли вам рассказать все с самого начала?

— Надо найти моего сына. Я молчал, ожидая продолжения, но Богатырев, кажется, уже высказался.

— О'кей, — произнес я.

— Вам понадобится его фотография. — Это было утверждение, а не вопрос.

— Конечно. И вся информация: давно ли он пропал, когда его видели в последний раз, что он говорил; сбежал мальчик или вы думаете, что его сманили.

Это большой город, Богатырев; при желании здесь легко найти укромный уголок и затаиться. Я должен знать, откуда начать поиски.

— Сколько вы берете?

— Хотите поторговаться?

Он начинал действовать мне на нервы. С трудом нахожу общий язык с новыми русскими. Я родился в 1550 году хидиры (2172 по летоисчислению неверных). За тридцать-сорок лет до моего появления на свет коммунизм и демократия как бы скончались во сне, исчерпав ресурсы, от эпи-

демий и нищеты. Советский Союз и Соединенные Штаты раздробились на множество монархий и диктаторских государств.

Вскоре за ними последовали другие нации. Скажем, появились независимая Моравия, Тоскана, Содружество Западной Территории — все отгорожены от соседей и панически дрожат. Я не имел понятия, из какого именно государства Обновленной России прибыл сюда Богатырев. Пожалуй, особой разницы не было.

Он не отрывал от меня глаз; наконец я сообразил, что русский и рта не раскроет, пока я не назову свою цену.

— Тысяча киамов в день плюс расходы, — объявил я. — Заплатите сейчас за три дня вперед в качестве аванса. Когда найду вашего сына, иншалла, представлю список расходов.

Названная цифра в десять раз превышала мою обычную плату; я ждал, что он начнет торговаться и немного собьет.

— Вполне удовлетворительно. — Богатырев открыл литой пластиковый кейс и вынул небольшой пакет. — Здесь голографические кассеты и полное досье моего сына: увлечения, причуды, таланты, особенности психологии. Все, что вам потребуется.

Я уставился на него. Странный пакет. Кассеты — ладно, тут нет ничего необычного; меня насторожило остальное, например «особенности психологии».

Зачем он приготовил для меня эти сведения — разве что страдает маниакальной педантичностью или острой формой паранойи. Наконец меня осенило.

— Давно ли пропал ваш сын?

— Три года назад.

Я растерянно моргнул; спрашивать, почему папа так поздно взялся за поиски, было бы дурным тоном. Очевидно, Богатырев уже побывал у здешних «нужных людей», и они ничем не смогли помочь.

Я взял пакет.

— За три года песок заносит следы, господин Богатырев, — предупредил я.

— Буду весьма признателен, если вы уделите этому делу максимум внимания, сказал он. — Я понимаю, существуют определенные трудности, но готов платить до тех пор, пока вы не добьетесь успеха или не убедитесь, что всякая надежда потеряна.

Я улыбнулся:

— Надежда всегда остается, господин Богаты-

рев.

— Иногда — нет. Приведу вашу арабскую пословицу: «Один час судьба за тебя, десять — против тебя». — Он вытащил из кармана толстую пачку банкнот, отсчитал от нее три купюры. Быстро убрав пачку, чтобы хищные глаза Чиригиных акул не успели заметить поживу, протянул мне три тысячи аванса. — Вот за три дня вперед.

Раздался чей-то вопль.

Держа в руке деньги, я повернулся, чтобы посмотреть, что происходит. Две девочки распластались на полу; Джеймс Бонд стоял со старинным пистолетом в руке. Готов поручиться, что это была подлинная коллекционная «беретта» или «Вальтер-ППК». Он выстрелил всего один раз; в маленьком помещении ночного клуба словно разорвался артиллерийский снаряд. Я метнулся через островок между столиками и баром, но сразу сообразил, что Бонда мне не достать. Он уже повернулся и прокладывал путь к выходу. Позади него визжали девочки и клиенты, отталкивали и пихали друг друга, стараясь выбраться из опасной зоны. Мне не прорваться сквозь толпу этих охваченных паникой людей. Проклятый модик сегодня ночью вошел в свою роль до конца, исполнил заветное желание в

ничтожной игре: выстрелил из настоящего пистолета в переполненном баре. Теперь, наверное, будет проигрывать эту сцену в памяти до конца жизни. Придется ему довольствоваться таким стимулятором, ибо, если его физиономию заметят на улице хоть раз, его так отметелят, что у парня останется только одно заветное желание — чтобы когда-нибудь люди смогли узнать в нем собрата по расе.

Возбуждение понемногу спадало. Будет о чем поговорить нынешней ночью.

Девочкам потребуется немало добавочных порций выпивки, а также сильное мужское плечо, чтобы успокоить расстроенные нервы. Они будут хныкать на груди намеченных жертв, а бедные жертвы обогатят хозяйку заведения.

Я поймал взгляд Чири.

— Бвана Марид, — негромко посоветовала мне она, — положи деньги в карман и возвращайся к своему столику.

Оказывается, я размахивал купюрами, как маленькими флажками. Засунув деньги в карман джинсов, я подошел к Богатыреву. Пока вокруг царила немыслимая паника, он и не пошевельнулся. Дурак с заряженным пистолетом — недостаточный повод для того, чтобы заста-

вить подобных типов со стальными нервами выйти из себя.

Я опустился на стул:

— Извините, что вынужден был прервать наш разговор.

Подвинул к себе стакан с выпивкой и взглянул на Богатырева. Он молчал. На груди его, на шелковой белой традиционной крестьянской рубахе, медленно расползалось темное пятно. Целую вечность я сидел и просто смотрел на него, машинально потягивая напиток, понимая, что следующие несколько дней превратятся в кошмар. Наконец поднялся и повернулся к бару. Но Чири уже стояла рядом с телефоном в руке. Не говоря ни слова, я взял его и пробормотал код лейтенанта Оккинга.

Глава 2

На рассвете меня разбудил звонок. Я едва разлепил веки, чувствуя, что за ночь состарился лет на сто. Лежал и слушал, надеясь, что телефон наконец заткнется, но тот все звонил и звонил. Тогда я повернулся на бок и постарался забыть о его существовании. Дзинь-дзинь-дзинь… десять, двадцать, тридцать раз! Я шепотом выругался, перегнулся через крепко спящую Ясмин и стал шарить в груде нашей одежды, разбросанной по полу.

— Да кто там еще? — прошипел я в трубку, выудив наконец телефон. Кто бы это ни был, я его уже не любил.

— Мне пришлось встать еще раньше, Одран, — раздался голос лейтенанта Оккинга. — Я у себя в кабинете.

— Мы все будем спать безмятежно, зная, что ты бережешь наш покой, о меч справедливости!

Я все еще не мог забыть, что он устроил мне этой ночью. После допроса по всем правилам мне пришлось выложить пакет, переданный Богатыревым перед смертью. Я не успел даже

заглянуть в него.

— Когда будешь острить в следующий раз, напомни, чтобы я рассмеялся дважды, сейчас мне не до смеха, — сказал Оккинг. — Слушай, я в долгу перед тобой за твое хорошее поведение…

Одной рукой я прижал трубку к уху, другой потянулся к заветной коробочке с пилюльками. На ощупь открыл ее и вытащил два маленьких голубых треугольничка.

Они меня живо разбудят! Проглотил без воды и стал терпеливо ждать, когда Оккинг кинет мне кусочек информации за верную службу.

— Ну?

— Твоему другу Богатыреву следовало просто-напросто прийти к нам. Мы довольно быстро сопоставили его сведения с нашими старыми делами. Его пропавший сын погиб в результате несчастного случая почти три года назад. Тело так и не было опознано.

Несколько секунд я молчал, переваривая услышанное.

— Значит, наша встреча с самого начала была напрасной затеей. Если бы бедняга не пошел в клуб, не лежал бы сейчас с дыркой в рубахе.

— Как странно иногда складывается судьба, да, Одран?

— Угу. Когда состришь в следующий раз, напомни, чтобы я посмеялся дважды, — расквитался с ним я. — Расскажи, что ты знаешь о нем.

— О ком? О Богатыреве или о его отпрыске?

— Да все равно, можешь о том и о другом. Мне известно только, что какой-то коротышка попросил найти его сына. Сегодня просыпаюсь, а он сам и объект поисков — мертвы.

— Ему надо было обратиться к нам.

— Там, откуда он родом, есть вековая традиция — не ходить в полицию. Я имею в виду — добровольно.

Оккинг подумал над этим и решил не комментировать.

— Сочувствую: потерял возможность заработать, — сказал он, симулируя соболезнование. — Богатырев, похоже, был политическим представителем Вячеслава, царя Украины и Белоруссии. Его сынок ставил в неловкое положение белорусскую дипломатию. Все эти суетливые русы из кожи вон лезут, чтобы убедить мир в своей надежности, а сын Богатырева вечно попадал в скандальные истории. Папе следовало оставить его дома, и тогда оба были бы живы и здоровы.

— Возможно. Как умер парень? Оккинг замешкался; наверное, выводил данные на дисплей,

чтобы ничего не пропустить.

— Тут только отмечено, что погиб в автокатастрофе. Повернул в неположенном месте, столкнулся с грузовиком, водителю которого обвинения не предъявлялось. У сынка не было удостоверения личности, и он сидел за рулем угнанной машины. Тело год продержали в нашем морге, но за ним Никто не пришел. Потом… — …потом его потроха продали за гроши.

— Я вижу, ты хочешь поучаствовать в расследовании, Марид. Напрасно. Найти этого маньяка Бонда — дело полиции.

— Ясно. — Я поморщился: во рту пахло паленой шерстью.

— Буду иметь тебя в виду, — пообещал Оккинг. — Может, найдется какое-нибудь дельце.

— Если увижу того модика, упакую его как следует и подкину к дверям твоего кабинета.

— Ну, конечно, крошка. — Резкий щелчок. Оккинг повесил трубку.

— Мы все — большая дружная семья, это ты верно сказал, — пробормотал я тихо. Потом осторожно опустил голову на подушку, хотя знал, что заснуть уже не смогу. Просто лежал и созерцал отслоившуюся краску на потолке. Надеюсь, хотя бы на этой неделе она не свалится мне на голову.

— Кто звонил? Оккинг? — прошептала Ясмин. Она все еще лежала спиной ко мне, свернувшись калачиком, зажав руки между колен.

— Ага. Спи.

Но она и так уже спала. Я раскинулся на кровати, время от времени скреб в затылке, лелея надежду, что мои треугольные пилюльки подействуют раньше, чем я окончательно поддамся чувству, естественному после вчерашних событий. Я скатился с кровати и встал. В висках здорово стучало, несколько минут назад этого не было. После сеанса дружеской вивисекции, устроенного мне Оккингом прошедшей ночью, я принялся странствовать по улице, опустошая запасы спиртного во всех заведениях на своем пути. В процессе этого бродяжничества я, очевидно, натолкнулся на Ясмин, если она сегодня лежит рядом со мной. Убийственный факт.

Я направил свое исстрадавшееся тело в ванную. Стоял под душем, пока не иссякла горячая вода. Пилюльки еще не начали действовать. Потом наскоро вытерся, ломая голову, как лучше поступить: то ли проглотить еще один треугольничек, то ли смириться с потерянным днем, плюнуть на все и залечь в постель. Взглянул на свое отражение в зеркале: ужасный вид, но зер-

кало всегда искажает, ничего особенного. Меня поддерживала лишь тайная уверенность, что на самом деле моя физиономия гораздо симпатичнее. Я почистил зубы, и это избавило меня от отвратительного привкуса во рту. Ободренный, я начал было даже причесываться, но на это сил уже не хватило. В конце концов отправился в свою комнату, натянул джинсы и выбрал свежую рубашку.

На розыски ботинок ушло минут десять. Они почему-то валялись под одежками Ясмин. Так, теперь я экипирован. Если бы начали отрабатывать затраченные на них деньги проклятые треугольники, я готов был бы выйти в мир. Только не думать о еде, Я уже наелся досыта. Накануне.

Я оставил Ясмин записку, прося запереть дверь, когда будет уходить. Ясмин — одна из немногих, кому я доверял свое жилище. Нам всегда было хорошо вместе, и, по-моему, с самого начала нас соединила какая-то хрупкая, почти незримая ниточка, невысказанная потребность друг в друге. Мы оба старались не испытывать на прочность это чувство, зная, что оно существует. Думаю, причина в том, что Ясмин родилась не девочкой. Возможно, будучи полжизни существом одного пола, полжизни — другого, человек воспринима-

ет все по-иному, приобретает особую чуткость. Правда, я знаю множество обрезков и первов, с которыми просто невозможно поладить. Что ж, когда принимаешься за обобщения, всегда так получается.

Ясмин модифицировала себя с ног до головы, и плоть, и мозг. У нее было одно из тех идеальных тел, которые заказывают по каталогу. Садишься рядом с дядей из клиники, и он начинает показывать тебе картинки. Спрашиваешь, скажем:

«А вот эти сиськи — во что обойдутся?» — и он говорит тебе, сколько они стоят; интересуешься: «А такая талия?» — и он подсчитывает, во сколько станет сначала сломать, а потом переконструировать тазовые кости. Тебе состругивают адамово яблоко; ты выбираешь новые черты лица, задницу, ноги. Иногда можно даже поменять цвет глаз. В клинике помогут с шевелюрой, а проблема бороды решается с помощью таблеток и одного-единственного сеанса медицинской магии. В результате получаешь себя в обновленном виде, вроде восстановленного газолинового авто.

Я посмотрел на Ясмин, раскинувшуюся на кровати на другом конце комнаты.

Длинные, прямые, роскошные черные волосы — вот что мне нравилось в ней больше всего, и

они принадлежали ей от рождения. Органическая часть подлинной Ясмин.

Больше, наверное, ничего не сохранилось, даже характер и манера поведения становились иными, когда она подключала модик, но зато функционировало все очень, очень здорово, да и выглядело не хуже. И все же у тех, кто изменил свой пол, всегда было что-то, что выдавало их. Например, руки и ноги: в клинике избегали их оперировать, слишком много разных костей. Бывшие мужчины — обрезки — всегда отличались не по-женски большими ногами. И еще, почему-то они говорили слегка в нос. По этому признаку я всегда могу отличить обрезка от фемы, даже если все остальное — как на подбор.

Я мнил себя знатоком человеческих душ. А на самом деле… Вот почему я всегда выбирал самую ненадежную ветку, усаживался на нее и протягивал топор каждому, кто желал рубануть по этой ветке.

Когда я уже спускался в вестибюль, пилюльки вдруг взорвались во мне фейерверком волшебных ощущений. Окружающий мир сделал глубокий вдох и, словно воздушный шарик, раздулся, стал огромным и ярким. Я ухватился за перила и только так смог сохранить равновесие;

потом, переведя дыхание, подошел к двери.

Не знаю, куда бы сейчас отправиться, но одно могу сказать точно: пора добывать хрустики. Скоро платить за квартиру, и мне очень не хотелось одолжаться у людей Бея. Я засунул руки в карманы и в одном из них обнаружил деньги. Ну конечно!

Русский успел дать мне три куска! Вытащил пачку банкнот и пересчитал: осталось примерно две тысячи восемьсот. На остальные двести мы с Ясмин прошлой ночью, судя по всему, устроили дикий загул. Хотелось бы воскресить в памяти хоть какие-то детали.

Снаружи меня едва не ослепило солнце. Плохо ориентируюсь днем. Прикрыв глаза ладонью, я осмотрелся. Никого: Будайин всегда прячется от яркого света.

Неторопливо зашагал вниз по улице, вдохновленный идеей, приобретавшей все большую четкость: надо нанести визиты кое-каким знакомым. Теперь я могу себе это позволить. Я радостно ухмыльнулся; наркотики усердно поднимали мое настроение, а соблазнительно хрустящие денежки помогали воспарить до самых райских врат. Три ближайших месяца, или даже больше, можно не беспокоиться о квартплате и прочих

расходах. Пришло время копить жирок: восстановить запасы пилюлек в заветной коробочке, сделать себе подарок в виде нескольких таблеток экстракласса, вернуть парочку долгов, купить еды про запас. Остальное украсит мой счет в банке. Деньги имеют дурную привычку улетучиваться, оставаясь в моем кармане. Лучше убрать их подальше, превратить в крепкий кредит. Я не ношу с собой электронную кредитную карточку, иначе в один прекрасный вечер, в очередной раз нагрузившись до полной потери соображения, разорюсь вчистую.

Я повернул к Восточным воротам. Чем ближе к стене, тем больше людей вокруг: соседи по кварталу, идущие в город так же, как туристы, спешащие насладиться прелестями Будайина в «безопасное время». Они обманывают себя, конечно: у чужака одинаковые шансы попасть в беду как ночью, так и ясным днем.

На углу Четвертой улицы городские службы воздвигли небольшую баррикаду там что-то чинили. Я прислонился к загородке, стараясь не упустить детали переговоров уличных шлюх, вышедших на ранний промысел, а может быть, если ночь оказалась неудачной, все еще рыскающих в поисках подходящей добычи. Я слышал подоб-

ные диалоги несчетное число раз, но Джеймс Бонд заставил меня заново взглянуть на феномен модиков, так что сейчас знакомый спектакль приобретал новое значение.

— Садам, йа бинт, — произнес коротконогий, тощий мужчина, потенциальная «добыча». Он был одет на европейский лад и говорил по-арабски так, словно выучил язык за три месяца в школе, где ни ученики, ни учитель никогда в жизни и близко не подходили к местности, где произрастают финиковые пальмы.

«Охотница» превосходила его ростом фута на полтора, учитывая длину острых каблуков ее черных сапожек. Скорее всего это не фема, а обрезок или предоперационный гетеросек. Но «добыча» либо ничего не заметил, либо ему было все равно. Так или иначе, она выглядела впечатляюще. Все уличные охотницы в Будайине просто должны так выглядеть, чтобы их заметили среди прочих достопримечательностей. Тип скромненькой, бесцветной домохозяйки здесь не распространен. На шлюхе было короткое воздушное черное платье с оборками, с открытой спиной и откровенным вырезом спереди, без рукавов, опоясанное тяжелой серебряной цепочкой, с которой свисали католические четки. Ее

лицо, раскрашенное в пурпурные и оранжевые тона, выделялось кричаще-ярким пятном на фоне прекрасных золотисто-каштановых волос, уложенных так искусно, что меркли все известные науке законы.

— Хочешь поразвлечься? — Как только она открыла рот, мне стало ясно, что в каждой клетке этого тела еще полно мужских хромосом, что бы там ни скрывалось под короткой юбкой.

— Может быть. — «Добыча» осторожничал.

— Ищешь что-нибудь особенное? Парень нервно облизнулся.

— Я надеялся найти Ашлу.

— Ой, деточка, извини. Что угодно — губки, ножки, ноготочки, но вот Ашлы нет. — Она на секунду отвернулась и сплюнула. — Вот, иди к той девочке. По-моему, у нее есть Ашла. — Фема указала на свою подругу, стоявшую неподалеку. Ту я знал.

Парень благодарно кивнул и направился к ней. Я случайно встретился взглядом с охотницей.

— Дерьмовые дела, милый, — произнесла шлюха с коротким смешком. Мгновение спустя она уже озирала окрестности в поисках типа, который обеспечит ей завтрак. Через несколько минут подвернулась очередная жертва, состоялся

точно такой же разговор:

— Ищешь что-нибудь особенное?

Новый кавалер был выше и плотней первого.

— Бриджит? — произнес он извинительным тоном.

Она порылась в черной пластиковой сумочке и вытащила коробку с модиками.

Модуль немного больше, чем училка. Ее обычно вставляют в специальное гнездо, находящееся в модике, а если ничего больше не можешь принимать или хочешь для разнообразия побыть самим собой, — прямо в мозг. Зажав в руке пластмассовый модик розового цвета, охотница сунула коробку обратно.

— Вот она, женщина твоей мечты. Бриджит постоянно спрашивают, эта девочка с фантазией. Она стоит дороже. — Я знаю. Сколько?

— А ты сам как думаешь? — сказала шлюха, смутно подозревая, что парень легавый и хочет поймать ее на слове. Время от времени это происходило, когда обнаруживался дефицит неверных, и религиозным властям приходилось переключаться на таких, как она.[1]

---

[1] Примечания: 1

В мусульманских странах судопроизводство ведется по законам шариата, и отступление от религиозных норм преследуется как уголовное преступление.

— Сколько можешь заплатить?

— Пятьдесят? — За Бриджит, паренек?!

— Сто?

— Плюс пятнадцать за помещение. Пошли, мой сладенький.

И они, рука об руку, зашагали по Четвертой улице. Как прекрасна любовь…

Я уже имел удовольствие познакомиться с «Ашлой» и «Бриджит»; интересно, что представляют собой другие модики в коробке шлюхи? Так или иначе подобное знание никак не стоит ста киамов (плюс пятнадцать за помещение). Теперь эта тициановская красотка приведет к себе своего милого, вставит модик Бриджит и превратится в нее: обретет сознание Бриджит, ее мысли, чувства, манеры; и так всякий раз с любым — мужчиной или первом, фемой, обрезком или гетеросеком, кто подключится к данному модику.

Я миновал Южные ворота. На полпути к банку, возле ювелирного магазина, вдруг остановился. Что-то не давало мне покоя, настойчиво вертелось в голове.

Очень неприятное чувство, словно тебе щекочут мозги, но избавиться от него нельзя. Может, побочное действие пилюлек: когда я в таком

состоянии, как сегодня, на ум приходят всякие бессмысленные идеи. Но нет, это не обычное наркотическое «озарение». Что-то, связанное с убийством Богатырева или телефонным разговором с Оккингом… Какая-то мелочь насторожила меня.

Я прокрутил в памяти все, что мог вспомнить о событиях прошлой ночи. Вроде бы ничего необычного; что касается Оккинга, то он явно решил поставить меня на место, но это обычные штучки легавых: «Слушай, то, что произошло, — дело полиции, и мы не хотим, чтобы ты совал нос куда не следует; прошлой ночью у тебя наклевывалась работа, но все полетело к чертям, так что спасибо, в твоих услугах больше не нуждаемся». Я слышал подобное от Оккинга сотни раз. Почему же сегодня мне кажется, что дело нечисто?

Я покачал головой. Если есть какая-нибудь гниль, обязательно докопаюсь. Я загнал все мысли об этом в самый дальний уголок. Пусть отлежатся немножко, а потом либо испарятся, либо сконденсируются в ясный, четкий перечень фактов, который можно использовать. А сейчас не желаю ни о чем беспокоиться. Хочу, чтобы ничто не мешало мне наслаждаться ощущением собственной силы, уверенности, теплоты, раз-

лившейся по телу, — всем, что дают наркотики. Позже, когда их действие закончится, придется заплатить за это блаженство постнаркотическим «похмельем», так что надо взять свое за потраченные на них денежки.

Минут через десять, когда я подходил к кредитным автоматам, расположенным на улице, зазвонил телефон. Я снял его с пояса.

— Марид? Это Никки.

Никки — полоумный обрезок, шлюха, работающая на одного из шакалов Фридландер-Бея. Год назад мы с ней довольно близко сошлись, но уж слишком много хлопот доставляла эта особа. Когда ты с Никки, приходится все время следить, чтобы она не перебрала выпивки или пилюлек. Одна штучка сверх нормы, и Никки становится бешеной и совершенно неуправляемой. Каждый раз, когда мы отправлялись куда-нибудь, дело заканчивалось потасовкой. До того как Никки подверглась модификации, она, судя по всему, была высоким, мускулистым парнем намного сильней меня. Даже после изменения пола в драке она неудержима.

Пытаться отнять у нее несчастного, которого она заподозрила в намерении оскорбить ее честь и достоинство, — тяжелое испытание, а проце-

дура успокоения и доставки домой отнимает последние силы. В конце концов я понял, что Никки здорово нравится мне трезвой, но все ее достоинства не окупают мучений, которые приходится терпеть из-за нее в остальное время. Мы встречаемся иногда, говорим «здрасте», болтаем, но я больше не хочу быть свидетелем ее бессмысленных пьяных драк, с воплями и визгом.

— А, Никки. Что хорошего скажешь?

— Марид, милый, мы можем сегодня встретиться? Мне очень нужна твоя помощь.

Ну вот, начинается!

— А что стряслось?

Несколько секунд она молчала, обдумывая, как лучше сформулировать свою проблему.

— Я не хочу больше работать на Абдуллу. Так звали одного из доверенных людей Фридландер-Бея. Абдулла держал на поводке около дюжины девочек и мальчиков, рассредоточенных по всему Будайину.

— Не вижу никаких трудностей.

Время от времени мне приходилось подрабатывать таким образом, получая киам-другой. Бей (весь квартал называл его Папа) неплохо относился ко мне.

Фридландер-Бей был фактическим хозяином

Будайина, да и остальную часть города вполне мог засунуть в карман. Я всегда держал свое слово, что в глазах такого человека, как Бей, уже было неплохой рекомендацией. Наш Папа — что-то вроде старейшины. Ходили слухи, что ему, ни много ни мало, две сотни лет, и иногда я верил этому. Бей отличался старомодными взглядами на честь и верность и на бизнес. Он раздавал награды и карал по собственному усмотрению, словно воплощал в себе древние представления о Всемогущем. Папе принадлежало множество ночных клубов, публичных домов и харчевен в Будайине, но он не душил здоровую конкуренцию. Если кто-нибудь желал попытать счастья и открывал свою лавочку рядом с его заведением, Бей не имел ничего против. Придерживался простого принципа: если не трогаешь его — он не трогает тебя, и предлагал весьма соблазнительные условия; в результате великое множество независимых дельцов становились его людьми, потому что никогда не смогли бы добиться самостоятельно того, что получали из его рук. У них просто не было нужных связей. А Папа олицетворял и это понятие.

Главный девиз Будайина — «бизнес есть бизнес». То, что вредило интересам независимых

дельцов, в конечном итоге ударяло и по Фридландер-Бею. Будайин хорошее место, добычи хватает каждому, но все могло обернуться иначе, принадлежи Папа к ненасытному типу людей, ревнивых к чужой удаче. Однажды он признался мне, что когда-то испытывал подобную ревность, но, прожив сто пятьдесят (или сто шестьдесят) лет, обнаружил, что больше не способен ощущать радость обладания. Наверное, это самое грустное признание, которое мне когда-либо приходилось слышать.

…Никки облегченно вздохнула.

— Спасибо, Марид. Ты знаешь, у кого я сейчас квартирую?

Я уже давно перестал следить за ее перемещениями.

— Нет. У кого?

— Решила пожить у Тамико. Отлично, мне опять везет, подумал я грустно.

Тамико — одна из Сестер Черной Вдовы.

— Это на Тринадцатой улице?

— Ага.

— Тогда знаю где. Если приду, ну, скажем, в два, устроит?

Никки замялась:

— А ты не можешь пораньше… в час? У меня

еще кое-какие дела.

Наглость с ее стороны, но сейчас я чувствовал себя щедрым, сильным и снисходительным — действие голубых треугольников. Ради старой дружбы я решил уважить ее.

— Ладно. Подойду к часу, иншалла — если пожелает Аллах.

— Ты лапочка, Марид. Салам. — Гудок. Я прицепил телефон к поясу. Мне даже не приходило в голову, что я влезаю в дело, из которого не смогу выбраться. Так всегда бывает: ничего не чувствуешь, пока не увязнешь по уши.

Глава 3

Я отыскал дом на Тринадцатой улице только без пятнадцати час. Тамико (уменьшительно-ласкательное — Тами) обитала в старом двухэтажном особняке, теперь разгороженном на отдельные квартиры. Я бросил взгляд на ее балкон, нависавший над улицей. Железные перила высотой до пояса, по углам — кружевные чугунные колонны, увитые плющом, которые доставали до самой крыши. Из открытого окна доносились звуки ужасной синтезированной музыки в стиле кото.

Душераздирающе-визгливые вопли под мартовских котов, сопровождавшие электронную мелодию, заставляли меня инстинктивно вздрагивать. То ли голос тоже был синтезирован, то ли это пела сама Тами. Кажется, я упоминал, что Никки немного чокнутая? Так вот, по сравнению с Тами, Никки — ласковый плюшевый зайчик.

Тамико заменила одну из своих слюнных желез пластиковым контейнером, наполненным каким-то сильнодействующим токсином. Пластиковая трубочка выводила его в искусственный зуб. Яд был совершенно безвреден при глотании,

но, попадая в кровь, вызывал страшную, мучительную смерть. Тамико могла пустить в ход свой убийственный зуб при малейшей необходимости — или просто когда ей взбредет в голову. Вот почему Тами и ее подружек прозвали Сестрами Черной Вдовы.

Я нажал на кнопку рядом с ее именем — безрезультатно. Постучал по небольшому окошечку из толстого плексигласа, вмонтированного в дверь. В конце концов, вышел на улицу и начал орать. Из окна высунулась белокурая головка. Сейчас спущусь, — крикнула Никки. Музыка кото заглушала все на свете. Ни разу не встречал никого, кроме Никки, кто смог бы вынести эту какофонию. Тами — не в счет, она абсолютная психопатка.

Дверь приоткрылась, выглянула Никки. У нее был довольно бледный вид.

— Послушай, — сказала она нервно, — Тами сегодня не в своей тарелке.

Поддала немного. Веди себя осторожно, чтобы не завести ее, ладно?

В конце концов, стоит ли влезать в это дело ради Никки и ее сотни киамов, подумал я. Мне ведь не так уж нужны сейчас деньги. Но обещание есть обещание: я кивнул и зашагал за ней вверх

по лестнице.

Тами раскинулась на пестро расшитых подушках, уткнувшись головой в один из динамиков. На улице доносившиеся из окна звуки показались мне оглушительными, но только сейчас я понял истинное значение этого слова. Музыка, наверное, пульсировала в висках Тами, словно самая ужасная в мире мигрень, но в душе ее, казалось, царила гармония. Очевидно, звуки совпадали с веселой пляской наркотиков в организме Тамико: она зажмурила глаза и медленно покачивала головой. Лицо одной из Черных Вдов было густо набелено, как у гейши, а губы и веки — иссиня-черные. Тамико-сан выглядела сейчас, как мстительный дух персонаж театра Кабуки.

— Никки, — произнес я. Та не услышала. Пришлось подойти и заорать ей прямо в ухо:

— Давай уберемся отсюда! Пойдем куда-нибудь, где можно нормально поговорить! — Тамико жгла какие-то благовония, и ноздри забивал тошнотворно-сладкий запах. Если сейчас не глотну свежего воздуха, мне станет плохо.

Никки отрицательно мотнула головой и показала на Тами.

— Она меня не выпустит.

— Почему?

— Тами думает, что она меня защищает.

— От кого? Никки пожала плечами:

— Спроси у нее.

Пока мы разговаривали, Тами повернулась и повисла на краю постели. Потом, как при замедленной съемке, плавно скатилась на пол и замерла, прижавшись щекой к покрытому темным лаком паркету.

— Слава Аллаху, что ты способна сама постоять за себя, Никки.

Она слабо рассмеялась:

— Да, наверное. Спасибо, что пришел, Марид. — Ерунда, никаких проблем, отшутился я. Опустился в кресло и посмотрел на нее.

Никки — экзотическое создание, даже для нашего Города Экзотики. Роскошные платиновые волосы до пояса, кожа прозрачная, молочно-белая, почти как грим на лице Тами. Потрясающие, словно нарисованные глаза василькового цвета, в которых синими сполохами сверкали безрассудно-безумные огоньки. Тонкое лицо, лицо беззащитного ребенка, не вязалось с крупным, мускулистым телом. Такое встречалось довольно часто: выбирая новую внешность, люди стремятся к твоему идеалу, не понимая, что он не соответствует их телосложению. Я взглянул на

неподвижную тушу Тами. Ее можно было распознать даже издалека по фирменному признаку Сестер: гигантскому, невероятному искусственному бюсту. Объем груди Тами был никак не меньше полутора метров. Представляете выражение лица какого-нибудь туриста, который случайно сталкивается с одной из Сестер? Но это перестает забавлять, как только сообразишь, что произойдет с несчастным потом.

— Я не хочу больше работать на Абдуллу, — повторила Никки, накручивая на палец белокурый локон.

— Можно понять. Я позвоню и организую встречу с Хасаном. Знаешь Хасана-Шиита? Человека Папы? Вот с ним и придется улаживать твое дело.

Никки потрясла головой. Обвела глазами комнату. Она сильно волновалась.

— Но ведь это может быть опасным, или… Я улыбнулся:

— Опасным? Да что ты! Мы сядем рядышком за стол, Абдулла — напротив, Хасан расположится посередине. Дальше происходит следующее: я излагаю твою точку зрения на проблему. Абдулла — свою. Хасан погружается в размышления и объявляет приговор. Скорее всего, заплатишь

отступного Абдулле; Хасан скажет сколько.

Потом придется потратиться, чтобы подмазать Шиита за посредничество, и необходимо поднести какой-нибудь подарок Папе. Это важно.

Кажется, Никки не успокоили мои объяснения. Она встала, заправила черную майку в обтяжные джинсы такого же цвета.

— Ты не знаешь Абдуллу, — произнесла она. — Уж кого-кого, а этого типа знаю, можешь не сомневаться. — Полагаю, намного лучше, чем знает Никки. Я встал и подошел к Таминому «Телефункену», ткнул пальцем в кнопку и избавил мир от музыки кото. Комнату затопила волна покоя и умиротворения: мир сказал мне «спасибо».

Тами застонала во сне.

— А если он плюнет на свои обязательства?

Придет за мной и заставит снова работать на улице? Он любит бить своих девочек, Марид. По-настоящему любит, понимаешь? — Я все о нем знаю. Но Абдулла, точно так же, как и все мы, уважает Папу и не забывает про его влиятельность.

Он никогда не посмеет ослушаться Хасана. Кстати, ты тоже, Никки: не дай тебе Бог даже подумать об этом. Если попытаешься улизнуть, не заплатив, Папа пошлет за тобой своих громил. И тогда ты уж точно будешь работать на улице.

После того, как сможешь подняться на ноги.

Никки содрогнулась:

— А кто-нибудь из твоих клиентов пробовал смотаться?

Я нахмурился. Да, однажды такое случилось. Отчетливо помнил все подробности: это произошло, когда я в последний раз влюбился. — И что сделали Папа и Хасан Ох, как мне не хотелось ворошить эти воспоминания!

— Ну, раз я поручился за клиентку, деньги пришлось заплатить мне. Срочно занял две тысячи двести киамов. Чуть живот не надорвал от натуги, но поверь, хрустики я им выложил. Не хочу вспоминать, на какие сумасшедшие и опасные дела пришлось пойти: из-за того, что сделала та девочка, я числился у Папы в должниках. Бей любит, чтобы долги платили вовремя. В подобных случаях терпение Папы быстро истощается.

— Я знаю, — сказала Никки. — А что произошло с ней?

Я замешкался: потребовалось несколько секунд, чтобы заставить себя рассказывать дальше.

— Они выследили, куда убежала девочка. Для них это было нетрудно. Когда ее вернули в Будайин, каждая нога оказалась сломанной в трех местах, а лицо сплошное месиво. Ее послали ра-

ботать в один из самых омерзительных и грязных притонов. Заработок в таком месте — сто-двести киамов в неделю, не больше, а оставляют они ей, скажем, десять или пятнадцать. До сих пор она копит на починку лица.

Никки долго не могла выдавить из себя ни слова. Я ей не мешал — пусть поразмыслит хорошенько над тем, что услышала. Это ей полезно.

— Ты прямо сейчас можешь договориться о встрече? — спросила она наконец.

— Конечно, — сказал я. — Следующий понедельник тебя устроит?

Никки широко распахнула глаза:

— А сегодня вечером никак нельзя? Мне надо покончить с этим делом немедленно.

— Эй, Никки, что за спешка? Собралась куда-нибудь?

Никки искоса посмотрела на меня, рот слегка приоткрылся, губы шевельнулись, словно она хотела что-то сказать, но передумала.

— Нет, — произнесла она наконец слегка вздрагивающим голосом.

— Нельзя запросто назначить Хасану встречу, когда тебе в голову взбредет.

— А ты попробуй, Марид. Позвони и попробуй, вдруг получится?

Я развел руками, показывая, что сдаюсь.

— Ладно, позвоню и спрошу его. Но Хасан назначит встречу, когда пожелает.

Никки кивнула.

Я отцепил от пояса телефон. Справляться в информсервисе не пришлось: я помнил код Шиита. Раздался гудок, потом трубку поднял один из прихлебателей Хасана — шестерка. Я объяснил, кто звонит и по какому делу, мне важно велели подождать. Они всегда так отвечают, а ты всегда покорно ждешь, сколько надо…

Я сидел и смотрел, как Никки нервно накручивает на палец пряди волос, как медленно и равномерно вздымается Тамин макси-бюст; мой слух услаждал негромкий храп распластавшейся на полу Черной Вдовы. Тамико была в легком хлопчатобумажном кимоно матово-черного цвета. Она никогда не носила украшений.

В этом кимоно, с уложенными в мудреную прическу черными волосами Тами походила на гейшу — профессиональную убийцу. Наверняка так оно и есть. Для каждого, кто не был азиатом, Тамико со своими стильными складочками и прочим оборудованием выглядела очень убедительно.

Спустя двадцать пять минут, в течение которых

Никки нервно металась по комнате, в трубке снова раздался голос шестерки Шиита. Встреча нам назначается на сегодня, сразу после вечерней молитвы. Я пристегнул телефон к поясу, не поблагодарив шестерку: какая-то гордость у меня еще осталась.

— Зайду за тобой в половине восьмого, — предупредил я Никки.

Снова этот странный взгляд исподлобья.

— А прямо там нельзя встретиться? Я утомленно опустил плечи.

— Почему же нет? Знаешь, где это?

— В магазине Хасана, да?

— Внутри зайди за занавес. Там будет склад. Пройдешь его, через заднюю дверь выйдешь в проулок. Напротив в стене увидишь стальную дверь. Она заперта, но нас будут ждать. Стучать тебе не придется. И еще, Никки, пожалуйста, не опаздывай, хорошо?

— Ну конечно. Марид… в общем, спасибо тебе за все!

— Какое там спасибо! Мне нужна моя сотня за работу, и прямо сейчас!

Ее явно ошарашил мой тон и то, что я потребовал денег. Может, я немного пересолил?

— А нельзя после…

— Прямо сейчас, Никки. Она вытащила из кармана джинсов небольшую пачку денег и отсчитала сотню киамов.

— Держи. — Между нами словно возникла ледяная стена: мы больше не были старыми приятелями.

Дай еще двадцатку на маленький презент Папе. И бакшиш Хасану тоже оплатишь ты. Увидимся вечером. — Я поспешил убраться из этого логова, чтобы бациллы психоза, кишащие в комнате, не проникли в мой мозг.

Отправился домой. Выспаться мне не удалось, и ужасно болела голова, а ощущение пьянящей бодрости, созданное пилюльками, незаметно испарилось под лучами полуденного солнца. Ясмин еще спала, и я устроился рядом. Наркотики не дадут мне заснуть, но я хотел немногого: всего-навсего полежать тихо и спокойно с закрытыми глазами. Как бы не так — стоило мне расслабиться, как отрава заставила пульсировать мозг еще сильней, чем раньше. Темнота за плотно закрытыми веками стала красной, ее пронизывали ослепительные вспышки, похожие на полицейскую мигалку. Я почувствовал дурноту и головокружение; потом в голове заплясали причудливые голубые и темно-зеленые пятна,

словно какие-то микроскопические создания в капле воды. Пришлось открыть глаза, чтобы избавиться от проклятых вспышек. Мускулы лица, рук и бедер непроизвольно подергивались. Черт, треугольники завели меня гораздо сильнее, чем казалось вначале. Нет покоя для грешных душ…

Я снова встал и скомкал послание, которое оставил перед уходом для Ясмин.

Она сонно пробормотала:

— Ты же хотел сегодня сходить куда-то в город…

Я повернулся к ней:

— Уже ходил. Часа два назад.

— А сколько сейчас?

— Около трех.

— Йа салам! Мне нужно в три быть на работе!

Я вздохнул. Ясмин славилась на весь Будайин своей привычкой опаздывать везде и всюду. «Французик», Френчи Бенуа, хозяин клуба, где работала Ясмин, упорно штрафовал ее на пятьдесят киамов, даже если она опаздывала на минуту против положенного. Но Ясмин и не думала отрывать от постели свой красивый маленький задик из-за такой ерунды: она отсыпалась всласть, практически каждый день отдавала Френчи полтинник, и за первый час работы воз-

мещала убыток, вытягивая деньги из клиентов. Я не встречал ни одной девочки, которая могла бы с такой быстротой избавить какого-нибудь придурка от лишних хрустиков. Ясмин трудилась в поте лица, ее нельзя было назвать лентяйкой. Просто обожала поспать. Из нее получилась бы замечательная ящерица, способная дремать целый день на раскаленном камне под палящим солнцем.

Пока она выбиралась из постели и одевалась, прошло не меньше пяти минут. Я удостоился рассеянно-формального поцелуйчика, попавшего куда-то в скулу; секунду спустя Ясмин уже торопливо шагала по улице, на ходу выкапывая из сумочки модуль, нужный для работы. Она повернула голову и что-то сказала мне со своим варварским левантийским акцентом.

Наконец-то я остался один. В принципе мне нравилось, как идут дела. Такого не случалось уже много месяцев. Но когда я, разнежившись, соображал, не завалялось ли у меня какого-нибудь экстраординарного желания, чтобы можно было угрохать на его исполнение свалившееся с неба богатство, перед глазами, заслонив убогую обстановку комнатушки, вдруг возникла окровавленная рубаха Богатырева. Чувство ви-

ны? У меня — чувство вины? У парня, которого жестокий мир не смог заставить изменить свое естество, который не поддался на дешевые соблазны. Ни к чему не стремлюсь, ничего не боюсь. Вроде катализатора, усиливающего химическую реакцию: как и он, провоцирую изменения, но сам никогда не меняюсь. Я помогал тем, кто нуждался в помощи, и это — мои единственные друзья. Я играл активную роль в жизни, но меня она ни разу не задела. Я наблюдал за происходящим, но держал свое мнение при себе. Вот примерно такова моя персона. И вот почему я сам сделал все возможное, чтобы жизнь наконец стукнула меня хорошенько.

У нас в Будайине — да нет, черт возьми, наверное, везде и всюду, существует в основном два типа людей: уличные шлюхи и клиенты, охотники и добыча. Ты или одно, или другое. Нельзя ласково улыбнуться окружающим и объявить, что просто посидишь в сторонке. Охотник или добыча — а иногда немного от того, немного от другого. Войдя в Южные ворота, ты сразу же, не сделав и десяти шагов по Главной улице, навечно определяешься как первый или второй тип.

Охотник — добыча. Третьего не дано.

Ничего сложного, правда? Но мне еще предсто-

яло дойти до такой простой истины, и я, конечно, выберу самый головоломный путь. Как всегда.

Я не чувствовал голода, однако заставил себя сварить пару яиц. Надо больше заботиться о питании. Прекрасно это понимаю, но уж больно хлопотное дело.

Бывают дни, когда мой организм. вынужден черпать калории из фруктового сока, добавленного в коктейль. Но сегодняшний вечер обещает быть долгим и трудным, и мне понадобятся все ресурсы. Три голубых треугольника выдохнутся до начала переговоров с Абдуллой и Хасаном; скорее всего, к тому времени у меня начнется наихудший период — депрессия, полное изнеможение и неспособность защищать интересы Никки. Что делать? Ответ тривиален: принять еще несколько треугольничков. Снова подстегнуть себя. Я стану действовать со сверхчеловеческой быстротой, с точностью компьютера, согреваемый безмятежной уверенностью в мировой гармонии и порядке. Космическая взаимосвязь, ребята!

Общность бытия, пронизывающая каждый миг, каждое мгновение, каждое «сейчас»; конвергенция времени, пространства и жизни; всякие шекспировские «приливы и отливы в человеческих делах», чтоб их черт побрал, и какие там

есть еще умные цитаты… Ладно, по крайней мере, такое у меня будет настроение, и, по-моему, если смогу держать себя достойно и произведу соответствующее впечатление на Абдуллу за столом переговоров, так какая разница, от пилюлек это или я такой способный от рождения. Я приобрету бодрость мысли и моральную чистоту, и проклятый сукин сын Абдулла сразу почувствует, что Марид Одран притащился не для того, чтобы он мог безнаказанно наплевать ему в физиономию! Вот какими убийственными аргументами я соблазнял себя, подбираясь к коробочке с пилюлями.

Еще два треугольничка? Или лучше, чтобы уж наверняка, три? А вдруг такое количество слишком взвинтит меня? Я ведь не хочу, чтобы меня бросало от стены к стене, как лопнувшую гитарную струну. Я проглотил две таблетки, а третью засунул в карман, на всякий случай.

Ох, не хочется даже думать, что меня ожидает завтра! «Курс на химизацию всей жизни» может прибавить своим верным последователям немного энергии, но, как любит говорить Чири, «страшное дело — платить по счетам!». Если я ухитрюсь выжить, когда на меня обрушится похмелье, впору отметить это всеобщим ликова-

нием у трона Аллаха.

Примерно через полчаса наркотики заработали. Я принял душ, тщательно вымыл волосы, подровнял бороду, сбрил на щеках и шее щетину, чтобы не портила общий вид, почистил зубы, привел в порядок ванну и раковину, прошелся голым по всей комнате в поисках других объектов, нуждающихся в чистке, мытье или перестановке… и наконец сообразил, что внезапный взрыв энергии — результат того, что я все-таки пересолил с пилюльками.

— Не дергайся, парень, — пробормотал я сам себе. Слава Богу, что я так рано принял два треугольника, — когда надо будет выходить из дому, обрету норму.

Время мучительно тянулось. Может, позвонить Никки, напомнить о встрече; нет, незачем. Связаться с Ясмин или Чири? Но они сейчас на работе… Я сел, прислонился к стене и едва не завыл: Господи, у меня и вправду нет друзей! Была бы хоть топографическая система, как у Тамико, все какое-то развлечение. Мне приходилось видеть голопорнуху такого качества, что секс в натуре по сравнению с ней казался отвратительным барахтаньем в грязной луже.

В семь тридцать я стал одеваться: выбрал ста-

рую выцветшую голубую рубашку, джинсы, ботинки. Старайся не старайся, Хасану я все равно не угожу, так что наряжаться нет смысла. Выходя за порог дома, услышал шипение и треск ожившего радио, потом раздался многократно усиленный голос муэдзина: «Ла-а-а иллаха иллал-ла-а-а-ху». Красивая штука этот призыв к молитве, неотразимо мелодичный, берущий за душу даже неверующего пса-отступника, вроде меня. Я торопливо зашагал по пустынным улицам. Шлюхи перестали шнырять в поисках клиентов, клиенты перестали шнырять в поисках подходящих шлюх: весь Будайин погрузился в молитву. Мои шаги по древним камням мостовой, одиноко отдающиеся эхом в царящем безмолвии, уличали меня в кощунстве. Но когда я дошел до магазина Шиита, город уже вернулся к прежней суматошной жизни. И пока не прозвучит призыв к очередной молитве, шлюхи и клиенты снова будут отплясывать свой сумасшедший рок-н-ролл мелкой коммерции и взаимной эксплуатации.

За прилавком в магазине стоял молоденький, хрупкий американский мальчик, которого все называли Абдул-Хасан. «Абдул» означает «раб такого-то», затем обычно следует одно из девяноста девяти имен Аллаха — Господь миров, Милосерд-

ный и так далее. В случае с американцем ирония заключалась в том, что он действительно принадлежал Хасану, был связан с ним всем, кроме, конечно, генетического родства. Поговаривали, что Абдул-Хасан не родился мальчиком, точно так же как, скажем, Ясмин — девочкой, но никто, насколько мне известно, еще не потрудился вникнуть в эти глубины.

Абдул-Хасан о чем-то спросил меня. Я не говорил по-английски, поэтому просто сделал жест большим пальцем в сторону грязного набивного занавеса.

Мальчик кивнул и снова погрузился в блаженное самосозерцание, от которого я оторвал его. Для любителей поглазеть на товар и поторговаться, время от времени забредавших сюда, магазин Хасана представлял собой настоящую загадку, потому что товар в нем попросту отсутствовал: Шиит торговал практически всем на свете, стало быть, и демонстрировать образцы покупателям незачем.

Я прошел за занавес, пересек склад, вышел в проулок. Приблизился к стальной двери, и она почти бесшумно распахнулась.

— Сезам, откройся! — не удержавшись, шепнул я.

Потом шагнул внутрь скудно освещенной комнаты и осмотрелся. Наркотики заставили меня забыть страх. А также, к сожалению, осторожность и осмотрительность; но мое главное богатство и основное оружие — инстинкт исправно служило мне днем и ночью, одурманен я пилюльками или нет. Хасан возлежал на миниатюрной горе из подушек и не спеша курил кальян. Единственным звуком, нарушавшим тишину, было бульканье его кальяна — я уловил острый запах гашиша. На краю ковра в неудобной позе, с прямой как палка спиной, застыла до смерти перепуганная Никки. Абдулла покоился на подушках рядом с Хасаном и шептал ему что-то на ухо. Шиит сохранял абсолютное бесстрастие: его лицо казалось таким же пустым, как рука, поймавшая ветер. Сегодняшним приемом ведает он; я стоял и терпеливо ждал слов хозяина.

— Ахлан ва сахлан! — произнес наконец Хасан, коротко улыбнувшись. Это формальное приветствие, что-то вроде «добро пожаловать», а буквально: «ты пришел к своей родне и нашел ровное место», — должно было задать тон всей нашей встрече. Я ответил такой же формальной фразой, меня пригласили сесть. Я устроился рядом с Никки. В ее платиновых волосах, на самой

макушке, я заметил одну-единственную училку. Наверняка языковая приставка: я знал, что без нее она ни слова не понимает по-арабски. Я принял маленькую чашечку кофе, щедро сдобренного кардамоном, поднял ее, приветствуя Хасана, сказав: «Да будет вечно изобильным ваш стол», — и поднес к губам.

Воздев руки, Хасан в ответ произнес:

— Да продлит Аллах вашу жизнь.

Мне вручили следующую чашечку. Я украдкой толкнул Никки, которая до сих пор не выпила своего чая. Нельзя деловой разговор начинать сразу, нужно отведать по крайней мере три порции угощения. Отказываться от добавки недопустимо — рискуешь обидеть хозяина. Смакуя маленькими глотками дымящийся напиток, мы с Хасаном обменивались вопросами о здоровье наших родных и друзей, периодически взывали к Аллаху, прося благословить такого-то и такого-то, а также охранить нас и весь мусульманский мир от козней неверных.

Я тихонько пробормотал Никки на ухо, чтобы она обязательно выпила свой чай, обладавший каким-то странным запахом, понимая, что присутствие Никки неприятно Хасану по двум причинам: во-первых, она проститутка, во-вто-

рых, не настоящая женщина. Мусульмане так и не смогли понять статуса обрезков.

Обращаясь со своими женщинами как с существами второго сорта, они вставали в тупик, не зная, какого отношения заслуживают мужчины, добровольно изменившие свой благородный пол на более «низкий». Естественно, Коран не содержит никаких указаний по этому поводу. То, что полномочный представитель Никки, Марид Одран, известен своим, мягко говоря, непостоянством в соблюдении заветов Несомненного Писания,[2] усугубляло положение.

Итак, мы с Хасаном пили чашку за чашкой, приветливо кивая друг другу и приятно улыбаясь, восхваляли Аллаха и обменивались комплиментами, словно мячиками на теннисном корте. Самое употребительное выражение у мусульман иншалла, «если Аллах пожелает». С людей снимается всякая вина за случившееся, за все отвечает Аллах. Вас застали в постели с женой вашего брата — так пожелал Аллах. Высыхает оазис и его заносит песком — тоже воля Аллаха. Отрубили руку, голову или член в наказание за несоблюдение Его воли — что ж, так Он пожелал…

---

[2] Примечания: 2
Один из синонимов Корана.

Что бы ни случилось в Будайине, все сопровождается рассуждениями об отношении к этому событию Всемогущего и Всеведущего.

Прошел почти час, и было заметно, что обе стороны начинают испытывать нетерпение. У меня дела шли прекрасно, а улыбка Хасана становилась все шире и шире: с каждой могучей затяжкой он получал рекордное количество гашиша.

Наконец Абдулла решил, что его терпение истощилось. Он пожелал, чтобы разговор наконец затронул денежную проблему. То есть сколько должна будет заплатить Никки за свою свободу.

Хасану явно пришлась не по душе такая торопливость. Он воздел руки, удрученно оглядел потолок и продекламировал арабскую поговорку:

— *«Жадность умаляет накопленное».*

Слышать подобное заявление из уст Шиита, принимая во внимание его собственные повадки, было по меньшей мере удивительно.

Он посмотрел на Абдуллу и произнес:

— Эта молодая женщина находилась под вашей охраной и покровительством?

В моем древнем языке существует множество выражений, обозначающих понятие «молодая

женщина», и каждое отличается своим оттенком и смыслом. Хасан мудро выбрал словосочетание «ил-махруса» — «ваша дочь», а в буквальном переводе «находящаяся под охраной, покровительством», — так что оно прекрасно подходило к нашей ситуации. Вот каким образом Шиит стал одной из козырных карт Папы, безошибочно находя выход из конфликта между требованиями обычая и необходимостью, возникающей при решении конкретной проблемы.

— Да, о мудрейший, — ответил Абдулла. — Уже более двух лет.

— И вы недовольны ею? Абдулла сморщил лоб:

— Нет, о мудрейший.

— И она не причиняла вам когда-либо неприятностей и ущерба?

— Нет.

Хасан повернулся ко мне: такая, как Никки, не заслуживала его внимания.

Хотя у арабов принято обращаться друг к другу на «ты», в определенных ситуациях можно употребить формы, соответствующие русскому «вы»

— Находящаяся под покровительством желает жить в мире? Она не затаила обиду и не замышляет злое по отношению к Абдулле абу-Зайду?

— Клянусь, что нет. Хасан прищурился:

— Твои клятвы ничего не значат здесь, неверный. Нам придется оставить в стороне честь достойных мужей и скрепить договор словами и серебром.

— Те, кто слышал твои слова, да живут в мире, — сказал я.

Хасан кивнул, довольный тем, что я по крайней мере умею себя вести.

— Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного, — возгласил Шиит, воздев руки ладонями вперед, — я объявляю свое решение. Те, что присутствуют здесь, пусть слушают и повинуются. Находящаяся под покровительством возвратит все драгоценности и иные украшения, полученные ею от Абдуллы. Она вернет все дары, имеющие ценность. Она вернет все дорогие одеяния, оставив себе лишь такую одежду, которая подходит для ежедневного пользования. Со своей стороны, Абдулла абу-Зайд должен дать обещание, что позволит находящейся под покровительством беспрепятственно заниматься своим делом. Если возникнет какой-либо спор, я рассужу его. — Нахмурившись, он посверлил взглядом обе стороны, убеждаясь, что никакого спора не возникает. Абдулла кивнул, Никки выглядела подавленной. Кроме этого, находящаяся

под покровительством заплатит Абдулле абу-Зайду завтра до полуденной молитвы три тысячи киамов. Таково мое слово. Аллах велик.

Абдулла ухмыльнулся.

— Пусть не покидает тебя здоровье и счастье! — воскликнул он. Хасан вздохнул.

— Иншалла, — пробормотал он, снова сжимая в зубах кальян.

По обычаю я тоже должен был поблагодарить Шиита, несмотря на то, что он здорово пощипал Никки.

— Я твой должник, — произнес я, встав, заставляя Никки подняться вместе со мной. Хасан рассеянно-брезгливо помахал рукой, словно отгоняя назойливую муху.

Когда мы уже проходили через стальную дверь, Никки вдруг обернулась и плюнула себе под ноги.

Она выкрикнула все худшие ругательства, которые могла ей подсказать арабская училка:

— Химмар у ибн-химмар! Ибн-вушка! Йилан абук! — Я крепче сжал ее руку, мы бросились бегать. За спиной раздался смех Абдуллы и Хасана. Охотники получили свою добычу, были удовлетворены вечерним промыслом и решили проявить снисходительность, позволив Никки

избежать наказания за ее длинный язык.

Когда мы выбрались на улицу, я немного притормозил, чтобы перевести дыхание. — Мне срочно надо выпить, — объявил я, увлекая ее внутрь «Серебряной ладони». — Ублюдки, — прорычала Никки. — У тебя что, нет трех тысяч?

— Есть. Просто не хочется отдавать деньги им. Я думала потратить их на другое. Я пожал плечами:

— Если очень хочешь выбраться из-под туши Абдуллы…

— Ага, я знаю. — Но Никки все еще переживала потерю трех кусков.

— Все будет в порядке, — пообещал я ей, пробираясь по темному и прохладному помещению бара.

Никки вытаращила глаза и подняла руки, издеваясь над дешевой помпезностью Хасана.

— Все будет в порядке, — вскрикнула она, смеясь. — Иншалла! — Насмешка показалась мне какой-то вымученной и невеселой. Никки сорвала с себя училку арабского языка. Вот последнее, что сохранилось у меня в памяти от этого вечера.

Глава 4

Вы наверняка знаете, что такое похмелье. Голова раскалывается, беспрестанно ноет желудок, ужасно хочется потерять сознание и не приходить в себя до тех пор, пока все это не пройдет. Знакомо? Но известно ли вам, что испытывает человек после солидной порции гипнонаркотиков? Вы словно попали в чужой сон: не чувствуете себя настоящим, реально существующим; убеждаете себя:

«Сейчас ничего не происходит, я просто вспоминаю то, что случилось когда-то давно». Но время от времени сознаете, что вы — это вы, в определенном месте в определенное время, и диссонанс в ощущениях рождает новый цикл мучительного беспокойства и усиливает чувство полнейшей нереальности происходящего. Иногда трудно отыскать собственные руки и ноги; кажется, кто-то выстругал вас из куска дерева, и, если будете вести себя хорошо, когда-нибудь станете настоящим.

«Мысль» и «движение» — чуждые вам понятия, атрибуты живых людей. Соедините все это

с вышеперечисленными симптомами обыкновенного алкогольного похмелья, прибавьте фантастическую депрессию, сокрушительное изнеможение, не забудьте озноб, тошноту, спазмы — остаточные явления после треугольников, проглоченных позавчера. Гамма этих ощущений расскажет вам, как чувствовал себя я, когда был насильственно разбужен на рассвете. Рассвет… Все живое радостно приветствует первые лучи солнца. Но, увы, я не чувствую себя живым.

Оглушительный стук в дверь вырвал меня из забытья как раз в тот момент, когда раздался призыв муэдзина: «Спешите на молитву! Спешите на молитву!

Молитва лучше сна! Аллах велик!» Если бы я сейчас мог соображать, меня наверняка рассмешила бы фраза насчет сна. Я перекатился на матрасе, уставился на покрытую трещинами зеленую стену и сразу же пожалел о том, что вообще пошевелился; это было похоже на замедленную съемку, причем часть кадров куда-то исчезла. Вселенная как бы запульсировала вокруг меня…

В дверь продолжали колотить. Через несколько секунд до меня дошло, что ее пытаются проломить сразу несколько могучих кулаков.

— Сейчас, подождите минуту, — откликнулся

я и сполз с постели, стараясь не потревожить те части организма, которые еще сохраняли чувствительность.

Благополучно опустился на пол и очень осторожно, очень медленно поднялся на ноги.

Постоял, немного покачиваясь, стараясь убедить себя в том, что я настоящий, но потерпел неудачу и решил все-таки двинуться к двери. Проковыляв добрую половину пути, сообразил, что я совершенно голый. Остановился. Черт, как же трудно постоянно принимать исторические решения в таком состоянии…

Возвратиться назад и накинуть что-нибудь на себя? К грохочущим ударам прибавились негодующие вопли. Тут не до одежды, решил я.

Открыл дверь и остолбенело воззрился на самую ужасную картину: мне, как некоему герою, пришлось столкнуться лицом к лицу с Медузой и двумя Горгонами в придачу. С тремя жуткими чудовищами, сектой Сестер Черной Вдовы в полном составе: Тамико, Деви и Селимой. Гигантские груди оттягивали одинаковые черные пуловеры; под ними — узкие черные юбки и черные туфли на шпильках. Это их рабочая одежда. Зачем наряжаться, словно идешь на дело, в такую рань, мелькнула в моей одурманенной голове нелепая

мысль. Рассвет… Никогда не вижу рассветов, разве что время от времени встречаю их «наоборот»: ложусь спать после восхода солнца. Ну, надеюсь Сестры не…

Деви, беженка из Калькутты, втолкнула меня в комнату. Сестры последовали за ней, захлопнув дверь. Селима, чье имя по-арабски означает «спокойствие, мир», повернулась, вскинула правую руку и, рыча, воткнула твердый локоть прямо мне под дых. Удар вышиб весь воздух из легких; задыхаясь, как рыба на суше, я рухнул на колени. Чья-то нога жестоко врезала мне по челюсти, и я повалился навзничь. Одна из Сестер подхватила меня, а две другие неторопливо и методично били, не оставляя без внимания ни одной незащищенной чувствительной точки тела.

Я с трудом соображал и до начала избиения, а после первых безжалостных ударов утратил всякое представление о реальности. Висел мешком на чьих-то цепких руках и в своем бреду почти радовался, что на самом деле ничего не происходит и все это — кошмарный сон, воссоздавший пережитое в далеком-далеком прошлом, который я сейчас безмятежно наблюдаю…

Не знаю, долго ли они меня били. Когда пришел в себя, часы показывали одиннадцать утра.

Я лежал на полу и старательно дышал. Наверняка сломаны ребра, потому что каждый вздох вызывал немыслимую боль. Сделал попытку собраться с мыслями: по крайней мере, наркотическое похмелье немного прошло. Коробочка с пилюлями! Я должен найти заветную коробочку! Ну почему никак не удается отыскать проклятую коробочку? Со скоростью черепахи я пополз к кровати. Сестры поработали надо мной на совесть: с каждым движением я проникался все большим почтением к их профессиональному мастерству. На мне буквально не осталось живого места, но не пролито ни капли крови. Если бы Сестры хотели меня убить, довольно было бы одного игривого укуса. То, что они со мной сделали, предупреждение или наказание. За что? Не забыть бы спросить у милых девочек, когда снова увидимся.

Я свалился на постель и потянулся через матрас за одеждой. Коробка — в кармане джинсов, я всегда ее ношу там. Слава Аллаху! Я открыл ее в твердой уверенности, что найду парочку болеутолителей быстрого действия. Но весь запас «красоток», таблеток бутаквалида аш-си-ай, бесследно исчез. Они строжайше запрещены, так же как, например, порнуха, а стало быть, продаются

на каждом углу. У меня оставалось по крайней мере восемь штук. Куда они девались?

Наверное, пригоршню я проглотил, чтобы заснуть назло бесновавшимся треугольникам, а остаток сожрала Никки. Но какая разница? Мне нужны любые опиаты. Я нашел семь пилюлек соннеина. Когда они засияют внутри меня, словно солнечные лучи, пронзающие угрюмо-серые облака, я смогу купаться в их теплом, ласкающем свете; иллюзия счастья и благополучия распространится по всему телу, окутает поврежденные Сестрами, нестерпимо болящие места. Одна мысль о том, чтобы попытаться доползти до кухни и налить стакан воды, заставила меня содрогнуться. Я набрался решимости, набрал побольше слюны и проглотил похожие по вкусу на мел таблетки-«солнышки», одну за другой. Минут через двадцать, не раньше, придет избавление от боли, но одно сознание близкого забытья уже заставило ее немного утихнуть. Однако еще до того, как заработали «солнышки», в дверь снова постучали. Помимо воли из моего горла вырвался тревожный полувскрик-полувсхлип. Я не двинулся с места. Стук повторился, негромкий, но настойчивый.

— Йа шабб, — раздалось за дверью. Хасан. Я за-

крыл глаза; если бы я только был способен верить во что-то, я облегчил бы душу, помолившись о спасении.

— Одну минуту, — прохрипел я. Кричать я не мог. — Позволь мне одеться.

Хасан только что использовал достаточно дружественную формулу приветствия, но это ничего не значило. Я доковылял до двери с той быстротой, на какую был способен; кроме джинсов, на мне ничего не было. Распахнул дверь. Рядом с Хасаном стоял Абдулла. Плохой признак…

— Бисмиллах! — пригласил я гостей войти во имя Аллаха. Пустая формальность, и Хасан никак не отреагировал на мои слова. — Абдулла должен получить три тысячи киамов, — просто сказал он, разводя руками. — Деньги причитаются с Никки. Ступай к ней. Мне сейчас не до твоих нудных поучений.

Наверное, не следовало так говорить. Лицо Хасана омрачилось, словно небо перед бурей.

— Находящаяся под покровительством сбежала, — ответил он резко. — Как ее представитель, ты отвечаешь за своевременную уплату долга.

Никки сбежала? Я не мог поверить, что она способна так поступить со мной.

— Полдень еще не наступил, — выдавил я на-

конец. Неуклюжая отговорка, но больше ничего в голову не приходило.

Хасан кивнул:

— Мы воспользуемся твоим гостеприимством и подождем.

Они уселись на матрас и пронзительно уставились на меня. Мне совсем не нравилось выжидательно-хищное выражение на лицах гостей.

Что делать? Попробовать связаться с Никки? Нет смысла: Хасан и Абдулла наверняка уже посетили дом на Тринадцатой улице. Неожиданно до меня дошло, что исчезновение Никки и физическая обработка, которой меня подвергли Сестры, связаны между собой. Никки была их приемной деточкой, чем-то вроде любимой зверюшки. Да, что-то здесь вырисовывается, но пока я ничего не мог сообразить.

Ладно, оставим это. Судя по всему, придется найти и выложить три куска Абдулле, а потом уже вытащить хрустики у Никки, когда поймаю ее.

— Слушай, Хасан, — сказал я хрипло, облизывая распухшие, разбитые губы, я могу сейчас дать, самое большее, две с половиной. Ровно столько лежит у меня на счету в банке. Остальные полтыщи заплачу завтра. Это все, на что я способен.

Хасан и Абдулла переглянулись.

— Ты заплатишь мне две с половиной тысячи сегодня, — произнес Абдулла, — и еще тысячу завтра. — Снова быстрый обмен взглядами. — Поправка: полторы тысячи завтра.

Я сообразил, в чем суть. Пятьсот законного долга плюс пятьсот навара Абдулле, а остальные пятьсот — доля Хасана.

Я молча кивнул. В любом случае, выбора мне никто не оставлял. Вся боль и злость, которую я испытывал, сфокусировалась на Никки. Я отвлекся от собственных проблем, предвкушая нашу встречу. Ах, что я с ней сделаю! Будь это даже рядом с мечетью, мне на это наплевать! Каждый унизительный момент, каждый миг ада, через который прошел я по милости старой подружки, все, что мне пришлось претерпеть от Сестер, а теперь — от двух толстозадых ублюдков, испытает и она, поганая сука!

— Я вижу, ты не очень хорошо себя чувствуешь, — слащавым тоном сказал Хасан. — Мы поможем тебе добраться до кредитного автомата. Воспользуемся моим автомобилем.

Я долго не отрывал глаз от Шиита, страстно желая стереть тошнотворно-благостную улыбку с его лица; в конце концов просто сказал:

— Не нахожу слов, чтобы выразить свою благодарность.

Хасан снисходительно помахал рукой.

— Правоверный не ждет благодарности, когда исполняет долг милосердия.

Аллах велик.

— Хвала Аллаху! — отозвался Абдулла.

— Это точно, — буркнул я.

Мы вместе вышли на улицу: Хасан по-братски прижимался к моему правому плечу, Абдулла — к левому.

Абдулла устроился рядом с водителем, я сел сзади вместе с Хасаном, закрыв глаза, прильнув к обивке сиденья из настоящей кожи. Никогда в жизни не приходилось мне ездить в такой роскошной машине. Но сейчас мне было абсолютно наплевать на все, кроме боли. Она все росла и росла, сжимая тело тисками… Я почувствовал, как по лбу медленно текут капли пота.

Наверное, я застонал, потому что Хасан шепнул:

— Когда покончим с расчетами, обязательно позаботимся о твоем здоровье.

Остальную часть дороги я проехал молча, ни о чем не думая. Где-то на полпути к банку заработали «солнышки», и я обнаружил, что могу свободно

дышать и даже немного двигаться. Возбуждение росло, мне показалось, что я вот-вот потеряю сознание, но потом все улеглось, оставив прочное ощущение приподнятости, предчувствие чего-то прекрасного. Я едва услышал Хасана, когда мы прибыли к банку. Засунул в автомат кредитную карточку, проверил, все ли в порядке, и снял со счета две с половиной тысячи пятьдесят киамов. Теперь в банке у меня лежала вдохновляющая сумма в шесть киамов. Протянул крупные банкноты Абдулле.

— Остальные полторы тысячи — завтра, — буркнул он.

— Иншалла! — сказал я насмешливо.

Абдулла занес руку, чтобы ударить меня, но Хасан удержал его и что-то пробормотал, — я не смог разобрать, что. Оставшиеся пятьдесят киамов я запихнул в карман джинсов и при этом обнаружил, что больше денег там нет. Странно…

Хоть немного-то должно было остаться — хрустики, полученные от Богатырева, плюс сотня Никки, минус — потраченное прошлой ночью. Наверное, стянула моя сбежавшая клиентка или позарилась одна из Черных Вдов. Господи, какое это сейчас имеет значение? Хасан и Абдулла что-то оживленно обсуждали вполголоса. Наконец

Абдулла приложил ладонь ко лбу, губам, сердцу и оставил нас вдвоем. Хасан крепко взял меня за локоть и помог дойти до своего роскошного сверкающего черного чуда техники. Я старался заговорить, но первая попытка провалилась.

Наконец пробормотал: «Куда?»

Голос показался мне чужим — хриплым, срывающимся, словно голосовые связки томились без работы уже многие годы.

— Я отвезу тебя в госпиталь, — ответил Хасан, — и там покину. Надеюсь, ты не обидишься. У меня масса неотложных дел. Увы, бизнес есть бизнес…

— А дело есть дело, — закончил я. Хасан улыбнулся. Не думаю, что у Шиита имелась какая-то личная неприязнь ко мне. — Салаамтак, — он пожелал мне мира. Аллах йисаллимак, — произнес я в ответ. Когда мы добрались до бесплатного госпиталя, я вывалился из машины и заковылял к отделению неотложной помощи.

Пришлось показать удостоверение личности и ждать, когда все данные обо мне извлекут из компьютера. Примостился на стальном сером стуле с распечаткой этих данных на коленях и терпеливо ждал, когда меня вызовут. Сидел так несколько часов. «Солнышки» перестали действовать через девяносто минут, потом на-

чался ад… Полубред-полуявь: огромная комната, переполненная искалеченными, страдающими людьми, все — хронические бедняки, всех мучает боль. Нескончаемый стон, вопли младенцев. Воздух пропитан табачным дымом, вонью немытых тел, мочи, блевотины, сладковатым запахом крови. Наконец меня принял ошалевший от работы доктор; он долго бурчал что-то, осматривая меня, не задавал никаких вопросов, прощупал ребра, выписал рецепт и вызвал следующего.

Сегодня я уже не успею зайти в аптеку, но зато мне известно, где достать кое-какие дорогие пилюльки. Сейчас примерно два часа — самый разгар работы на Улице. Пришлось пешком добираться до Будайина. Меня подстегивала нестерпимая злость на Никки. Придется поквитаться и с Тами и ее подружками.

В клубе Чириги было необычно тихо и безлюдно. Девочки и гетеросеки казались безжизненными, словно куклы; клиенты мрачно разглядывали свои кружки с пивом. Но музыка, конечно, как всегда, ревела, а пронзительный голос Чири, с ее неповторимым суахильским прононсом, перекрывал весь шум. И все же не слышалось смеха, отсутствовал привычный фон — негромкий гул деловых переговоров. Работа замерла… В баре

царил застоявшийся запах пота, пролитого пива и виски, гашиша.

— Марид, — оторопела Чири, увидев меня. Она тоже выглядела осунувшейся.

Прошлая ночь, стало быть, для всех нас оказалась мучительно долгой и неудачной в смысле заработка.

— Можно я угощу тебя чем-нибудь? — спросил я. — Судя по тебе, выпивка явно не помешает.

Она с трудом растянула губы в улыбке:

— Когда-нибудь я отказывалась от подобного предложения?

— На моей памяти — никогда, — отозвался я.

— И не откажусь.

Она повернулась и налила себе зелья из специальной бутылки, которую держала под стойкой. — Это что? — поинтересовался я.

— Тэнде. Особый напиток из Восточной Африки.

После недолгих колебаний я решился:

— Налей и мне!

Чири изобразила беспокойство и утрированно-озабоченным тоном пробормотала:

— Тэнде плохо-плохо для белый бвана! Белый бвана выпить — и сразу бум-бум на свой белый мгонго.

— У меня был сегодня длинный и поганый день, Чири. — Я протянул ей бумажку в десять киамов.

Она сочувственно кивнула, налила мне и подняла свой стакан:

— Ква сихо яко!

— Сахтайн! — сказал я по-арабски, отпил немного тэнде и сразу вытаращил глаза и поднял брови. Питье обжигало, как огонь, и имело неприятный привкус, но я знал, что, если как следует постараюсь, смогу оценить его. И осушил свой стакан.

Чири покачала головой:

— Моя сильно-сильно бояться за белый бвана. Моя думать, что белый бвана вот-вот облюет чистый хороший бар.

— Еще раз, Чири. А когда выпью, сразу наливай следующую порцию.

— Такой плохой был, значит, день? Ну-ка, милый, подойди к свету.

Я обошел вокруг стойки и встал так, чтобы она могла разглядеть меня как следует. Лицо у меня, должно быть, выглядело жутко. Чири протянула руку, осторожно коснулась ужасных ссадин на лбу, кроваво-синей вздувшейся кожи вокруг глаз, носа, разбитых вспухших губ.

— Хочу хорошенько напиться как можно быстрее, — сказал я. — Кстати, я остался без гроша.

— Ты разве не сорвал три тысячи с русского? Ты ведь, кажется, сам мне сказал. Или я слышала от кого-то другого? Может, от Ясмин? Знаешь, после того, как русский скушал пулю, мои новенькие сразу попросили расчет, и с ними ушла Джамиля. — Она налила мне следующую порцию зелья.

— Ну, Джамиля небольшая потеря. — Это был предоперационный гетеросек, который и не собирался делать операцию.

Я протянул руку к стакану. Кажется, сегодня я пью за счет заведения.

— Тебе легко говорить… Посмотрела бы я, как ты заманиваешь сюда туристов без баб, трясущих голыми сиськами на сцене. Ты мне расскажешь, что с тобой приключилось?

Я осторожно взболтал содержимое стакана.

— Как-нибудь в другой раз.

— Ищешь кого-нибудь?

— Никки.

Чири коротко рассмеялась:

— Да, кое-что это объясняет, но все-таки Никки не могла тебя так хорошо отделать?

— Сестры.

— Все три? Я поморщился:

— Да, все вместе и каждая в отдельности. Чири подняла глаза к потолку.

— Почему? Что ты им сделал? Я фыркнул:

— Пока еще не знаю.

Чири наклонила голову и искоса посмотрела на меня.

— Послушай, — произнесла она вполголоса, — я ведь видела сегодня Никки.

Она приходила сюда примерно в десять утра. Просила, чтобы я передала тебе ее благодарность. Не сказала за что, правда, но, думаю, ты сам знаешь. Потом отправилась искать Ясмин.

Я почувствовал, как во мне закипает злость.

— Не сказала, куда идет? — Нет.

Я снова расслабился. Если кто-нибудь в Будайине знает, где обретается моя бывшая подружка, это Тамико. Но меня никак не привлекала перспектива снова столкнуться с толстой рожей бешеной суки, а судя по всему, придется.

— Не знаешь, где мне достать немного пилюлек?

— Что именно тебе нужно, детка?

— Ну, скажем, полдюжины «солнышек», столько же треугольников и «красоток».

— И все это, учитывая, что ты сейчас без гроша? — Она снова запустила руку под стойку и вытащила свою сумочку. Порывшись в ней, извлекла черный пластмассовый цилиндрический

контейнер. — Держи. Зайдешь сейчас в мужской туалет и отсчитаешь сколько нужно. Потом заплатишь. Что-нибудь придумаем например, что скажешь, если я приведу тебя сегодня ночью к себе?

Волнующая и вместе с тем страшноватая перспектива. Вообще-то меня не осаждают толпы жаждущих моих ласк фем, обрезков, гетеросеков или мальчиков, я не какой-нибудь гигант секса, машина любви, но в общем справляюсь, когда нужно… Однако от мысли о ночи с Чири мороз по коже подирает. Эти зловещие узоры из шрамов по всему телу, вампирские клыки…

— Скоро вернусь, — сказал я, нежно поглаживая контейнер с пилюльками.

— Я только что купила новый модик Хони Пилар, — крикнула Чири мне вслед. Не терпится испробовать его. Когда-нибудь хотел трахнуть Хони Пилар, Марид?

Соблазнительное предложение, но, увы, в ближайшее время у меня есть другие дела, никак не терпящие отлагательства. А потом… вставив личностный модуль непревзойденной секс-бомбы Хони Пилар, Чири станет ею. Чернокожая амазонка будет любить меня так, как делала это сама Пилар, когда записывала модуль.

Достаточно закрыть глаза, и в твоих объятьях — самая сексапильная женщина на свете, и из всех мужчин она жаждет лишь тебя одного, молит тебя о любви… Я пополнил свой лекарственный запас за счет хозяйки клуба и вернулся в бар. Чири рассеянно оглядывалась по сторонам. Я вложил контейнер в ее руку.

— Этой ночью никто не зашибает хрустики, — сказала она подавленно. — Еще по стаканчику?

— Надо бежать, Чири. Дело есть дело…

— А бизнес есть бизнес, — отозвалась Чири. — Любой. Лишь бы он вообще был.

Скажем, если дешевые ничтожества, собравшиеся здесь, начнут тратить хоть немного денег, это снова будет бизнес, а не бесцельное отсиживание задницы…

Не забывай, что я тебе сказала о моем новом модике, Марид.

— Слушай, Чири, если ты еще будешь здесь, когда я освобожусь, мы испробуем его вместе. Иншалла.

Она подарила мне свою замечательную улыбку, которую я так любил.

— Ква кери, Марид.

— Ассалам алейкум, — ответил я и вышел из клуба.

Меня окутал теплый, влажный ночной воздух; я глубоко вдохнул аромат распустившихся цветов и поплелся по улице.

Тэнде здорово подстегнуло меня, кроме того, я проглотил треугольник и одно «солнышко». Когда ворвусь в крысиную нору псевдогейши Тамико, ей придется плохо. Я попытался бегом преодолеть расстояние до Тринадцатой улицы. Увы, обнаружилось, что это выше моих сил. Раньше я мог пробежать куда большую дистанцию. В конце концов я решил, что возраст тут ни при чем. Все дело в мучениях, которые пришлось претерпеть этим утром. Да, конечно.

Сейчас полтретьего или три часа ночи, а из окна Тами доносится громыхание музыки кото! Я барабанил в дверь, пока не отбил кулаки.

Она не слышала меня то ли из-за громкой музыки, то ли из-за наркотиков. Я налег плечом на дверь и обнаружил, что она не заперта. Медленно и осторожно поднялся по ступенькам. Практически каждый житель Будайина как-нибудь модифицировал себя. Ввинченные в мозг модики и приставки-училки дарят самые разные знания, навыки и целые библиотеки информации, или, как в случае с Хони Пилар, другое «я», совершенно новую личность. Я один

оставался нетронуто-естественным, полагаясь на природные рефлексы, собственный опыт и осторожность.

Я превосходил других, используя дарованный Аллахом разум против их компьютеризированной натаски.

И вот сейчас дарованный Аллахом разум говорил мне, что здесь что-то не так. Тами не оставила бы дверь открытой, разве что ради Никки, забывшей дома ключи…

Она лежала примерно в той же позе, в какой я застал ее накануне. Лицо густо набелено, иссиня-черная краска на веках. Но сейчас Тамико была полностью обнажена, и ее странное созданное хирургами тело выделялось кричащим белым пятном на деревянном полу. Кожа имела болезненно-бледный синеватый оттенок, на ней ярко проступали темные следы ожогов и багрово-красные полосы вокруг запястий и шеи. Горло перерезано от уха до уха; белила смешались с кровью, растекшейся огромной лужей вокруг Тами. Эта Черная Вдова больше никого не сможет ужалить.

Я опустился на подушки рядом с безжизненным телом и попытался сообразить, что здесь произошло. Может быть, Тами выбрала не то-

го клиента, и он нанес ей удар первым? Следы ожогов и кровоподтеки говорили о том, что ее истязали; пытали долго, неторопливо, так, чтобы причинить максимальную боль. Тами с лихвой заплатила за то, что сделала со мной. Квадаа уквадар — правый суд Аллаха и судьбы.

Телефон на моем поясе зазвонил как раз в тот момент, когда я собрался связаться с лейтенантом Оккингом. Я настолько ушел в свои мысли, уставившись на труп Тами, что звонок ударил по нервам. Что ж, сидеть так в компании мертвой женщины, которая неотрывно глядит тебе в лицо, — довольно неприятное времяпрепровождение. Это кого угодно выведет из себя. Я взял трубку.

— Слушаю.

— Марид? Ты должен… — Связь прервалась. Трудно было сказать, кому принадлежит голос, но, кажется, я все-таки узнал его. Похоже на Никки.

Я посидел еще немного. Что хотела передать мне Никки — попросить о чем-то, предупредить? Тело сковал озноб, я не мог пошевелиться. Стали действовать наркотики, но сейчас я почти не почувствовал этого. Несколько раз глубоко вздохнул, собрался с силами и продиктовал код

Оккинга в трубку. Сегодня ночью Хони Пилар мне не светит.

Глава 5

Я выяснил один интересный факт.

Правда, это знание никак не стоило мучений, перенесенных мною за сегодняшний ужасный день, но все же заслуживало того, чтобы поместить его в копилку моего замечательного мозга. Оказывается, лейтенанты полиции редко преисполняются энтузиазмом, когда им сообщают об убийстве за полчаса до конца их дежурства.

— Твой второй труп, а неделя еще не кончилась, — меланхолично отметил Оккинг, прибыв на место происшествия. — Учти, если ты добиваешься комиссионных, мы не собираемся выплачивать. Обычно мы стараемся отвратить граждан от подобной практики.

Я взглянул на вытянувшееся, усталое лицо Оккинга. Принимая во внимание, что сейчас глубокая ночь, сказанное можно было с натяжкой оценить как своеобразный полицейский юмор. Не знаю точно, откуда Оккинг родом — скорее всего из какого-нибудь прогнившего, выродившегося европейского государства или из Северо-Американских Федераций, — но он

умудрялся прекрасно уживаться со всеми разношерстными группировками, находившимися под его юрисдикцией. Он говорил по-арабски, пожалуй, хуже всех, кого мне приходилось слышать (обычно мы беседуем с ним по-французски), и все же Оккинг находил общий язык со всеми жителями Будайина — представителями разных течений ислама, святошами и теми, кто пренебрегает религиозными обязанностями, арабами и людьми других национальностей, богатыми и бедными, добропорядочными и ступившими на путь порока. С каждым лейтенант обходился одинаково, элегантно и ненавязчиво создавая впечатление сочувствия и понимания. Поверьте, я по-настоящему ненавижу легавых. Масса жителей Будайина боится, не доверяет или попросту не любит фараонов; я их ненавижу. Когда я был еще совсем маленьким, матери пришлось заняться проституцией, чтобы получить пропитание и крышу над головой. Я до боли четко помню, в какие игры играли с. лей тогда полицейские. Это происходило в Алжире много лет назад, но для меня легавые всюду одинаковы. За одним-единственным исключением в лице лейтенанта Оккинга.

Медицинский эксперт, обычно демонстриро-

вавший стоическую бесстрастность, на этот раз не удержался от еле уловимой гримасы отвращения, увидев Тамико. Ее убили примерно четыре часа назад, заявил он. Эксперт узнал кое-что о преступнике по отпечаткам пальцев на шее и другим уликам. Убийца имел короткие толстые пальцы, а у меня они тонкие и длинные. Вдобавок, у меня было алиби: сохранилась выписка из госпиталя со штампом, где указано время, когда мне оказали первую помощь, а также рецепт.

— О'кей, дружок, — сказал Оккинг в своей обычной манере гробовщика-остроумца. — По-моему, тебе можно позволить разгуливать по нашему мирному кварталу: смертельной угрозы для жителей ты не представляешь.

— Что думаешь? — спросил я, указывая на распростертое тело. Оккинг пожал плечами:

— Что ж, кажется, у нас объявился какой-то маньяк. Сам знаешь, шлюхи сплошь и рядом заканчивают жизненный путь таким образом. Это как бы неотъемлемая часть их профессии, вместе с макияжем и тетрациклином. Подруги убитой стараются не думать об этом, поскорее выбросить из головы. А им бы лучше как раз не забывать, потому что тот, кто укокошил Тами, скорее всего убьет кого-нибудь еще; так мне подсказывает

опыт. Прежде чем мы поймаем его, он может пришить двух, трех, пятерых, десятерых… Расскажи своим друзьям о том, что увидел. Сделай так, чтобы они прислушались. Пусть об этом узнают все.

Постарайся, чтобы представители шести или восьми разных полов, обитающие в стенах нашего квартала, четко уяснили, что им следует избегать интимных встреч с мужчиной плотного телосложения, ростом примерно пять с половиной футов, с короткими толстыми пальцами и явным пристрастием к садистским забавам. Да, чуть не забыл: эксперт обнаружил, что, когда наш таинственный незнакомец бил, прижигал и душил Тами, он познал высшую радость… Следы семени найдены во всех трех отверстиях.

Я добросовестно постарался разнести новость по всему Будайину. Каждый соглашался с моим тайным убеждением: человек, убивший одну из Сестер, теперь будет не охотником, а объектом охоты. Тот, кто изберет Черных Вдов в качестве жертвы, сам станет жертвой неутомимых дам. Селима и Деви сейчас начнут отлавливать всех, кто хоть немного подходит под описание убийцы, руководствуясь простым расчетом, что один из них окажется преступником. Мне почему-то показалось, что Вдовы не станут пускать в дело

ядовитые клыки, по крайней мере сразу. Я на собственной шкуре почувствовал, как им нравятся… назовем это предварительными ласками.

Следующий день у Ясмин был свободным, и часа в два я позвонил ей. Ночью моей подруги дома не было; где она провела ее, разумеется, не мое дело, но с удивлением отметил, что меня все-таки мучает ревность, ну совсем немного… Мы договорились в пять пообедать вместе в нашем любимом кафе. Там можно сидеть за столиком на террасе и наблюдать за происходящим на улице. В двух кварталах от ворот еще довольно спокойно и даже напоминает обычную городскую жизнь. Кафе было подходящим местом, чтобы стряхнуть с себя заботы, расслабиться. Я ничего не сказал Ясмин о событиях прошлого дня, иначе мы проговорили бы до обеда, а чтобы успеть вовремя, ей требовалось не меньше трех часов.

В ожидании Ясмин я успел выпить только дважды. Она появилась в четверть шестого, хотя обычно опаздывает минут на сорок — сорок пять; я ждал Ясмин не раньше шести и собирался влить в себя хотя бы еще две порции спиртного, потому что проспал всего четыре часа и все это время страдал от ужасных кошмаров. Мне нужна была выпивка, хороший сытный обед и добрая

мамочка в лице Ясмин, которая подержит меня за руку, пока я буду плакаться ей в жилетку.

— Мархаба! — весело приветствовала меня подруга, плавно скользя между металлическими столиками.

Я махнул Ахмаду, обслуживавшему нас, он осведомился, что будет пить дама, и принес меню. Пока Ясмин изучала список блюд, я изучал ее. Волосы падали волной на плечи, словно черное облако; легкое хлопчатобумажное летнее платье было в европейском стиле — желтое с белыми бабочками. Вокруг загорелой смуглой шеи — серебряная цепочка, с которой свисал миниатюрный серебряный полумесяц.

Она выглядела такой волнующе-красивой… Очень не хотелось тревожить ее сейчас.

— Ну, как прошел день, Марид? — произнесла она, чуть улыбаясь.

— Тамико убита, — выпалил я, чувствуя себя ужасным недотепой. Наверное, можно было найти массу способов сказать об этом, не оглушая ее сразу страшным известием.

Ясмин широко раскрыла глаза и прошептала формулу, отвращающую зло.

Я сделал глубокий вдох. Потом поведал обо всем, начиная с утреннего визита Сестер ко мне

и энергичной разминки, последствия которой ощущал и сегодня.

Описал, как прошел день, как меня отпустил Оккинг и, наконец, как я, заброшенный и измученный, добрался до дома.

По ее гладкой щеке, нарушив тщательно наложенный румянец, медленно сползла слезинка. Несколько секунд Ясмин сидела молча, не в силах произнести ни слова.

Не понимаю, что ее так расстроило; я проклинал себя за неловкость.

— Мне так жаль, что я не была с тобой прошлой ночью, — сказала она наконец. Ясмин не сознавала, как крепко она сейчас сжимает мою руку. — Я встречалась с клиентом, Марид, каким-то парнем из клуба. Он несколько недель подряд приходил, чтобы увидеть меня, и в конце концов предложил мне две сотни за ночь. Вроде бы неплохой человек, но…

Я поднял руку. Не хочу слышать об этом. Мне нет дела до того, как девочка зарабатывает на жизнь. Но, конечно, я тоже хотел бы, чтобы прошлую ночь Ясмин провела со мной. Чтобы в перерывах между кошмарами утешаться в ее объятиях.

— Теперь все позади. Я хочу потратить остаток

полтинника на обед, а потом давай хорошенько прогуляемся.

— Ты правда думаешь, что все кончилось? Я пожевал губу.

— Все, кроме дела с Никки. Хотел бы я знать, что означал этот телефонный звонок. Просто не могу понять, как она могла сбежать вот так, подставив меня из-за несчастных трех тысяч. Понимаешь, в Будайине никогда нельзя быть на сто процентов убежденным в верности друзей, но я в свое время вытащил эту девочку из нескольких очень неприятных ситуаций и думал, что такого она не забудет.

Ясмин еще шире раскрыла глаза и неожиданно рассмеялась. Я не понимал, что смешного можно найти в моем положении. Лицо еще было ужасным — распухшее, покрытое кровоподтеками и синяками; страшно болели ребра. Вчерашний день не содержал ничего забавного.

— Вчера утром я встречалась с Никки, — призналась Ясмин.

— Вот как?

Я вспомнил, что Чирига тоже видела Никки часов в десять утра, и та сказала, что идет искать Ясмин. Я не связывал этот визит к Чири с последовавшим исчезновением Никки.

— Она была очень взвинченной и испуганной, — сказала Ясмин. — Призналась мне, что бросила работу и вынуждена уйти от Тами. Только не объяснила почему.

Сказала, что беспрестанно названивает тебе, но никто не отвечает.

Ну, конечно: когда Никки пыталась связаться со мной, я лежал на полу своей комнаты, совершенно отключившись после избиения.

— Она отдала мне этот конверт и просила обязательно вручить тебе.

— А почему Никки не оставила его у Чири? Это избавило бы меня от массы физических и моральных страданий.

— Ты что, не помнишь? Никки работала у Чири Примерно год, может, больше.

Чирига поймала ее на том, что она обсчитывает клиентов и крадет чаевые у девочек.

Я кивнул: действительно, Чири и Никки обычно избегала друг друга.

— Значит, она зашла к Чири только для того, чтобы узнать, где найти тебя?

Я стала ее расспрашивать, но Никки не ответила. Твердила только одно: «Обещай, что непременно передашь Мариду конверт».

Я надеялся, что таинственное послание ока-

жется письмом, по которому можно найти Никки и вернуть свои деньги. Взяв конверт, я разорвал его. Внутри лежали три тысячи киамов и записка, написанная по-французски:

«Милый Марид!

Я так хотела сама отдать тебе эти деньги; много раз звонила, но никто не отвечал. Оставляю конверт у Ясмин, но если ты так и не получишь его, то никогда не узнаешь об этом и навеки меня возненавидишь. Не знаю, когда мы снова увидим друг друга… Я в таком смятении, все так переменилось!

Буду жить с одним старинным другом нашей семьи, богатым коммерсантом из Германии: помню, он всегда приносил мне подарки, когда я еще была застенчивым, погруженным в себя маленьким мальчиком. Теперь, после того, как я стала… в общем, тем, кем я стала, немецкий бизнесмен обнаружил еще большую склонность к разным подаркам. Мне он всегда был симпатичен, Марид, хотя я не могу полюбить его. Но жить у такого человека неизмеримо приятнее, чем терпеть

общество Тамико.

Этого джентльмена зовут герр Люц Сейполт. Он владелец великолепного дома в пригороде; попроси водителя отвезти тебя (мне пришлось списать это) к Байт ил-Симсаар ил-Альмаани Сейполт, и он доставит тебя к нашей вилле.

Передай мою любовь Ясмин и всем остальным. Когда выдастся возможность, я навещу наш квартал, но, думаю, сначала какое-то время буду с наслаждением играть роль хозяйки имения. Уверена, что ты наверняка поймешь меня, Марид: в конце концов, бизнес есть бизнес, муш хайк? (А ты, могу поспорить на что хочешь, вообразил, что я так и не выучила ни слова по-арабски!)

С любовью и благодарностью, Никки».

Я вздохнул и протянул письмо Ясмин. Вспомнив, что она ни слова не понимает по-французски, перевел послание Никки.

— Надеюсь, девочка будет там счастлива, — произнесла она, когда я сложил бумагу.

— Быть игрушкой какого-то тупого немецкого денежного мешка? Никки?! Ей требуется свобод-

ная, бурная жизнь не меньше, чем мне и тебе. Она вернется.

Просто сейчас, очевидно, в шоу Принцессы Никки настало время поиграть «сладенького папочку». Ясмин улыбнулась:

— Согласна, Никки вернется, но только когда сама решит, что настало подходящее время. Эта девочка заставит престарелого немца заплатить за каждую минуту совместной жизни!

Мы оба рассмеялись, а потом официант принес выпивку для Ясмин, и мы заказали обед.

Завершив свой маленький пир, мы лениво болтали, потягивая шампанское.

— Каким адом казалась жизнь вчера, — воскликнул я, — а сегодня все стало на свои места. Я возвратил свои деньги, правда, потеряю тысячу. Как только уйдем отсюда, разыщу Абдуллу и отдам ему то, что должен.

— Да, конечно, — подхватила Ясмин. — Но даже тогда не все станет на свои места. Убита Тами, и этого уже не изменить.

Я нахмурился:

— Тами — проблема Оккинга. Если ему понадобится мудрый совет знатока, лейтенант знает, где меня найти.

— Ты и вправду хочешь спросить у Деви и Се-

лимы, Почему они избили тебя?

— Еще бы! Можешь поспорить на свои пластиковые грудки, милая! А Сестры пусть приготовят убедительное объяснение!

— Это должно быть как-то связано с Никки. Я согласился с ней, хотя и не представлял, какая здесь может быть связь.

— Да, чуть не забыл. Давай заглянем по дороге к Чири. Я должен ей за пилюльки: прошлой ночью она разрешила попользоваться ее запасами.

Ясмин посмотрела на меня сквозь стекло бокала.

— Похоже на то, что мы вернемся домой очень поздно, — тихо произнесла она.

— А когда придем, не сможем найти постель. Ясмин широко взмахнула рукой утрированно-пьяный жест.

— Да на черта тебе постель? Трахать ее, что ли?

— Ну нет, — сказал я. — У меня есть более подходящий объект для этого.

Ясмин смущенно хихикнула, словно мы вернулись к самому началу наших отношений и впереди первая ночь любви.

— Какой модик мне включить сегодня? Я с трудом перевел дыхание, завороженный ее красотой

и неподдельным, спокойным обаянием. Я и в самом деле чувствовал себя так, словно заново переживал миг первой встречи.

— Не хочу, чтобы ты подключала модик, — тихо произнес я. — Хочу любить тебя.

— Ох, Марид. — Она сжала мне руку. Мы оба замерли, не отрываясь смотрели в глаза друг другу, вдыхали сладковатый аромат оливковых деревьев, слушали, как заливаются соловьи, щебечут дрозды. Казалось, так будет вечно… но неожиданно я вспомнил, что меня ждет Абдулла. Нельзя забывать о подобных вещах: арабы говорят, что одна ошибка умного человека равна ошибкам тысячи глупцов.

Однако перед тем, как уйти, Ясмин пожелала поискать какого-нибудь совета в книге. Я сказал, что Коран никогда не служил мне опорой в жизни.

— Да нет, — пояснила Ясмин, — я имела в виду не Книгу, то есть не Несомненное Писание.[3] Просто книгу. — Она вытащила миниатюрное устройство размером с пачку сигарет. Электронный аналог китайской книги предсказания судьбы, «Ицзин». Держи, — она протянула прибор

---

[3] Примечания: 3

Книга пишется с большой буквы, и т. д. — синонимы Корана.

мне, — включи эту штуку и нажми на букву «Г».

На китайскую мудрость я полагался еще меньше, чем на Коран, но моя подружка страстно верила в Судьбу, в Момент Бытия, в непознанную реальность и подобную ерунду. Я сделал все, как она сказала: после того, как нажал на белый кружочек, обозначенный буквой «Г», крошечный компьютер продребезжал мелодию, и тоненький женский голос пропищал:

«Гексограмма восемнадцать. Знак Ку. Восстановление того, что разрушено. Изменения в пятой и шестой линиях».

— Теперь нажми «Т» — толкование, — сказала Ясмин.

Я нажал, устройство снова порадовало наш слух своей невзрачной песенкой, и электронный голосок объявил:

«Толкование:

Восстановление того, что было разрушено Принесет огромный. успех.

Пересечение великой воды подарит, удачу. Выждать три дня перед началом дела.

Выждать три дня перед завершением

дела.

То, что разрушено, можно восстановить ценой огромных усилий. Не бойся опасности — пересечения великой воды. Успех зависит от предвидения; будь осторожен, приступая к делу. Следует опасаться повторного разрушения достигнутого; будь осторожен, завершая дело.

Сильнейший и мудрейший ведет за собой людей, окрыляет их, заставляя воспрянуть духом».

Я взглянул на Ясмин:

— Надеюсь, хоть ты что-то извлекла из всего этого, потому что для меня подобный набор слов — все равно что стеклянный глаз для верблюда.

— Ну еще бы, — полушепотом произнесла Ясмин; ее глаза горели. — Давай дальше. Нажми «Л» — линии.

Я молча повиновался. Адская машинка продолжила вещать:

«Шесть на пятом месте означает: Восстановление того, что разрушил отец.

Действия, заслуживающие восхищения.

Девятка наверху означает:

Он не служит королям и принцам. Ставит перед собой более высокие цели».

— О ком говорит машинка, Ясмин? — спросил я. — О тебе, милый, о ком же еще! — Что теперь мне делать?

— Выясни, во что изменяющиеся линии превращают гексограмму. Ага, еще одна гексограмма. Нажми на «И» — изменения.

«Гексограмма сорок семь. Знак К'ун. Подавление».

Я нажал на «Т» — толкование.

«Подавление. Успех. Упорство и стойкость.

Могучий муж приносит успех Здесь нет вины Когда объясняет, никто не верит.

Могучий муж сохраняет стойкость и уверенность при всех превратностях судьбы, и эта стойкость становится залогом грядущего успеха. Сила, которая поборет судьбу. Следует ожидать, что какое-то время власть ему не будет дана, а советы отвергаются. Во время тяжелых испытаний важно сохранять стойкость

и уверенность в себе и не говорить много.

Если он слаб перед лицом тяжелых испытаний, останется под голым деревом и скорбь его многократно увеличится. Это внутренняя болезнь, заблуждение, которое необходимо, преодолеть любой ценой».

Все: оракул сказал свое слово.

— Теперь мы можем идти? — брюзгливо осведомился я.

Ясмин завороженно разглядывала стол, очевидно проникая взором в какое-то иное измерение, где царствуют законы китайской премудрости.

— Тебе предназначен великий удел, Марид! — пробормотала она.

— Это точно, — согласился я. — Но самое интересное — может ли твоя говорящая книга, скажем, угадать мой вес? Какая польза от подобной игрушки? Я даже не пойму, если чертова машинка вздумает послать меня подальше.

— Нужно во что-то верить, Марид, — сказала Ясмин очень серьезно.

— Слушай, Ясмин, я стараюсь. Честное слово! Это было что-то вроде предсказания? Машинка сейчас говорила про мое будущее?

Она сдвинула брови:

— Нет, не совсем, Марид. Можно назвать это отголоском Момента, частью которого мы все являемся. Из-за того, каков ты по своей сути, по своим мыслям, чувствам, поступкам, из-за того, что уже сделал и собираешься сделать, ты мог получить только гексограмму восемнадцать, и никакую другую, с изменениями в тех двух линиях. Если сейчас попробуешь снова, будет совсем другой результат, потому что первая гексограмма изменила Момент и общая схема теперь иная.

Понимаешь?

— Наложение моментов, правильно? Она озадаченно посмотрела на меня.

— Да, что-то в этом роде.

Я рассчитался с Ахмадом. Стоял теплый, приятный вечер; предстоит замечательная ночь. Я встал, расправил плечи.

— Пойдем разыщем Абдуллу. Бизнес есть бизнес, черт бы его побрал?

— А потом? — Она улыбнулась.

— Дело есть дело, дорогая. — Я взял ее за руку; мы направились к магазину Хасана.

Смазливый мальчишка-американец все еще восседал на табуретке, уставившись куда-то в пространство. Интересно, он способен мыслить,

или это некое электронное приспособление, пробуждающееся к жизни, когда слышит шаги или шуршание киамов? Мальчик поднял на нас глаза, улыбнулся и проворковал что-то по-английски. Конечно, можно предположить, что большинство завсегдатаев магазина Хасана свободно изъясняются на этом языке, но я сильно сомневаюсь. Здешнее заведение не предназначалась для туристов; тут хранились отнюдь не обычные сувениры… Мальчик, должно быть, чувствовал себя совсем беспомощным: ни слова по-арабски, нет даже языковой училки. Конечно, он и был беззащитным, а следовательно, зависел от хозяина, то есть от Хасана. Зависел во многом, очень многом…

Я знаю несколько элементарных английских фраз; если бы мальчик говорил медленно, смог бы кое-что разобрать. Я способен сказать: «Как найти туалет?», «Биг Мак, пожалуйста» и «Пошел на…» — на этом мои познания исчерпываются. Я уставился на американца, тот уставился на меня. Потом по его лицу медленно расползлась улыбка. По-моему, я ему понравился.

— Где Абдулла? — спросил я по-английски. Парнишка моргнул и прощебетал что-то совершенно непонятное. Я помотал головой, показывая, что

ни черта не разобрал. Абдул-Хасан горестно опустил плечи. Он попробовал объясниться по-испански, но я снова покачал головой.

— Где сахиб Хасан? — стоял я на своем. Мальчик ухмыльнулся и отстучал новую порцию резких отрывистых слов, но на этот раз догадался показать пальцем на занавес. Замечательно: наконец-то мы поняли друг друга!

— Шукран, — поблагодарил я его, вместе с Ясмин направляясь в конец магазина.

— You're welcome, — неожиданно отозвался мальчик.

Я поразился: Абдул-Хасан уже знал, как будет по-арабски «спасибо», но что сказать в ответ, не выучил. Тупой молокосос! В одну прекрасную ночь лейтенант Оккинг наткнется на его тело где-нибудь в глухом переулке. Или, принимая во внимание мое особое везение, его найду я.

Хасан в помещении склада проверял количество ящиков, сверяясь со счетом.

На ящиках стоял адрес магазина по-арабски, но другие надписи были сделаны на каком-то европейском языке. Внутри могло храниться все что угодно — от электрических пистолетов до засушенных человеческих голов. Хасана совершенно не заботило, что именно он покупает и

продает, коль скоро это приносило доход. Он мог служить идеальным примером умелого торговца по Платону.

Шиит услышал шелест раздвигаемого занавеса и приветствовал меня, словно блудного сына. После отеческих объятий он заботливо спросил:

— Сегодня ты чувствуешь себя лучше?

— Да, хвала Аллаху.

Он переводил взгляд с Ясмин на меня. По-моему, Шиит знал ее как одну из девиц, работающих на Улице, но вряд ли был лично знаком с моей подругой. Я решил, что не стоит представлять ее Хасану. В принципе, это нарушение этикета, но при определенных обстоятельствах такое допускается. Хасан протянул руку:

— Прошу, выпей чашку кофе вместе со мной!

— Пусть стол твой будет вечно изобильным, Хасан, но мы только что пообедали, а я хочу побыстрее найти Абдуллу. Если помнишь, за мной числится долг.

Хасан сдвинул брови:

— Да, да, верно. Милый Марид, проницательный друг мой, я не видел Абдуллу уже несколько часов. Думаю, он предается развлечениям в другом месте. Неодобрительный тон Шиита показывал, что эти развлечения входят в число

запретных для мусульман.

— Однако деньги у меня с собой, и я желал бы выполнить свои обязательства.

Хасан сделал вид, что погрузился в размышления о том, как помочь мне.

Наконец произнес:

— Ты, конечно, знаешь, что часть денег должна быть передана мне.

— Да, о мудрейший.

— Тогда можешь оставить у меня всю сумму, а я, как только увижу Абдуллу, отдам ему то, что причитается.

— Отличное предложение, о мой дядюшка, но я хотел бы получить от Абдуллы расписку. В тебе никто не смеет усомниться, но, в отличие от нас с тобой, Абдулла и я не связаны узами любви.

Хасану это не очень-то понравилось, но он не стал возражать.

— Думаю, ты найдешь Абдуллу за этой стальной дверью. — Шиит повернулся ко мне спиной и продолжил работу. Даже не глядя на нас, он произнес:

— Твоя спутница должна остаться здесь.

Я вопросительно посмотрел на Ясмин; она пожала плечами. Я быстро прошел помещение склада, пересек проулок и постучал в стальную

дверь. Несколько секунд пришлось подождать, пока мою личность разглядывали в потайное отверстие, убеждаясь в том, что я свой. Наконец дверь распахнулась. Передо мной возник высокий, тощий, как скелет, бородатый старик по имени Карим.

— Что тебе здесь нужно? — спросил он ворчливо.

— Спокойствие, о шейх. Я пришел отдать долг Абдулле абу-Зайду.

Дверь захлопнулась прямо перед носом. Спустя некоторое время ее снова открыл сам Абдулла.

— Давай их скорее сюда. Мне как раз нужны деньги.

Уважительное обращение к старшему или покровителю.

За его спиной я смог разглядеть несколько человек, с жаром предающихся какой-то азартной игре.

— Я принес все, что должен, Абдулла, — сказал я, — но ты выдашь мне расписку в получении долга. Не хочу, чтобы потом говорили, что я не заплатил причитающегося.

Он разъярился:

— Ты смеешь воображать, что я могу так поступить?

Я в ответ обжег его взглядом:

— Расписку. Потом получишь свои деньги. Абдулла пару раз обругал меня, потом нырнул в комнату, торопливо нацарапал расписку и показал мне.

— Давай сюда полторы тысячи киамов, — прорычал он.

— Сначала расписку.

— Давай сюда мои деньги, поганый кот, которого кормят девки!

В моем воображении возникла соблазнительная картина: я с размаху бью его ребром ладони по переносице, превращаю наглую жирную харю в кровавое месиво…

Какое прекрасное зрелище!

— О Господи, Абдулла! Позови сюда Карима. Эй, Карим! — Когда к двери снова подошел седобородый старик, я сказал ему:

— Сейчас я передам тебе деньги, Карим, а Абдулла бумажку, которую сжимает в руке. Ему отдашь деньги, мне бумагу, хорошо?

Карим заколебался, словно такая операция показалась ему немыслимо сложной.

Потом медленно кивнул. Обмен произошел в полной тишине. Я повернулся и, не говоря ни слова, зашагал к магазину Шиита.

— Сын шлюхи! — выкрикнул Абдулла мне вслед. Я улыбнулся. Вообще-то у мусульман это считается страшным оскорблением, но, поскольку, увы, сказанное было истиной, меня это по-настоящему не задело. И все же, из-за Ясмин и нежелания нарушать приятные планы на вечер, я позволил Абдулле перейти предел оскорблений. Обычно такое не проходит безнаказанно. Я твердо пообещал себе, что скоро и этот долг будет ликвидирован. У нас в Будайине очень вредно для здоровья заработать репутацию человека, покорно терпящего хамство и поношения.

Проходя мимо Хасана, я сказал:

— Ты можешь забрать свою долю у Абдуллы. Советую поторопиться, потому что сегодня ему, кажется, крупно не везет в игре.

Шиит кивнул, но промолчал.

— Я рада, что это дело закрыто, — сказала Ясмин.

— Ну, не больше меня, наверное. — Я аккуратно сложил расписку и сунул ее в карман джинсов.

Мы отправились к Чири; я подождал, пока она закончит обслуживать трех молодцов в форме морских офицеров Калабрии.

— Чири, — произнес я, — мы спешим, но я хочу отдать тебе хрустики.

Отсчитал семьдесят пять киамов и положил деньги на стойку. Чири продолжала спокойно стоять.

— Ясмин, ты сегодня просто красавица, моя милая. Марид, это за что? За пилюльки, которые ты взял прошлой ночью? — Я кивнул. — Ты, я знаю, очень стараешься держать слово, всегда отдавать долги, соблюдать всю эту выспреннюю ерунду с кодексом чести, и так далее. Но возьми часть бумажек обратно: я не собираюсь обирать тебя по ценам улицы.

Я ухмыльнулся:

— Чири, ты рискуешь оскорбить правоверного.

Она рассмеялась:

— Ну и правоверный из тебя, клянусь своей чернокожей попкой! Хорошо, тогда выпейте за счет заведения. Нынче бизнес идет бойко, хрустики так и порхают.

Девочки в хорошем настроении, я тоже.

— У нас сегодня маленький праздник, Чири, — произнесла Ясмин.

Они обменялись каким-то таинственным жестом. Может быть, во время операции по перемене пола каким-то путем передается и специфически-женское, почти сверхъестественное умение говорить друг с другом без слов? Так или

иначе, Чири все уловила. Мы взяли бесплатную выпивку и поднялись.

— Желаю вам хорошо провести эту ночь, — сказала Чири.

Семьдесят пять киамов давно исчезли. Честно говоря, я так и не увидел, как и когда хозяйка клуба взяла их.

— Ква кери, — произнес я, когда мы выходили на улицу.

— Ква керини йа квонана, — отозвалась Чири. Потом, на одном дыхании: О'кей, которая из вас, ленивых толстожопых шлюх, должна сейчас танцевать на сцене? Кэнди? Отлично, сбрасывай свои тряпки и за работу! — Чири казалась счастливой. С миром снова все было в порядке.

— Мы можем по дороге заскочить к Джо-Маме, — предложила Ясмин. — Я не видела ее уже несколько недель.

Джо-Мама — гигантская во всех отношениях женщина почти шести футов ростом, весом примерно три-четыре сотни фунтов, обладательница уникальной шевелюры, периодически меняющей цвет. Повинуясь какому-то таинственному циклу, она становилась блондинкой, рыжей, темноволосой и жгучей брюнеткой, затем светлой шатенкой; далее цвет делался все темнее и

темнее, пока в один прекрасный день Джо-Мама, словно по мановению волшебной палочки, снова не превращалась в блондинку. Она принадлежала к типу несгибаемых, сильных женщин: в ее баре никто не осмеливался затеять скандал, а там в основном сшивались греческие моряки торгового флота. Джо-Мама жила по собственным заповедям и могла со спокойной совестью вытащить пушку или золингеновский перфоратор и создать вокруг себя картину полного умиротворения в виде груды окровавленных тел. Я уверен, что такая, как она, справилась бы с двумя Чиригами сразу и одновременно, сохраняя полное спокойствие, готовила бы «Кровавую Мери» для посетителя. Либо Джо-Мама любила тебя всей душой, либо так же страстно ненавидела; ну, а люди обычно хотели, чтобы она выбрала первое. Мы зашли в ее заведение; хозяйка приветствовала нас в своей обычной манере, говорила очень громко, быстро, проглатывая слова, и постоянно отвлекалась.

— Марид! Ясмин!

Далее последовала какая-то фраза по-гречески: Джо-Мама забыла, что никто из нас не понимал этого языка. По-гречески я знаю еще меньше слов, чем по-английски, а их я выучил, ошиваясь в

заведении Джо-Мамы. Могу, скажем, заказать узо и рецину, сказать «калимера» (привет) и обозвать кого-нибудь «малакой» (что-то вроде мудака).

Я старательно сжал Джо-Маму в объятиях. Она такая обильная, что наверняка мы вдвоем с Ясмин не смогли бы обхватить хозяйку бара. Мы сразу же стали слушателями истории, которую она рассказывала какому-то посетителю. «…И вот наш Фуад стремглав бежит ко мне и хнычет: „Эта черная сука меня обчистила!“ Мы с тобой прекрасно знаем, что ничто так не возбуждает Фуада, как возможность быть обворованным чернокожей девкой». Джо-Мама вопросительно посмотрела в мою сторону, я согласно кивнул. Фуад был невероятно худым парнем, который питал слабость к черным шлюхам. Никто не любил Фуада, но его использовали на о подхвате, а парень так хотел понравиться, что бегал по чужим делам всю ночь напролет, пока не натыкался на девицу, которую избирал объектом своей любви на текущую неделю. «Ну вот, я спрашиваю, как он умудрился опять позволить себя обчистить. Я была уверена, что теперь парень узнал все приемы на собственном горьком опыте. Господи, даже Фуад не может быть таким идиотом, как… как Фуад.

Ну, ты понимаешь, что я хочу сказать… Так вот, он отвечает: „Она работает официанткой в „Старом Чикаго Большого Ала“.[4] Я расплатился за выпивку, а когда девка принесла сдачу, она протерла поднос мокрой губкой и держала его высоко, так, что мне все было видно. Чтобы взять деньги, пришлось подвинуть их к краю подноса, нижняя банкнота прилипла к мокрой поверхности“. Тогда я схватила идиота за уши и стала трясти его. „Фуад, Фуад, — говорю я ему, — ведь это самый заезженный трюк! Ты, наверное, видел такое миллион раз, а может, и больше! По-моему, то же самое в прошлом году с тобой проделала Зейнаб“.

Несчастный скелетина кивает, а его адамове яблоко так и ходит вверх-вниз, вверх-вниз; только послушайте, что он ответил, только послушайте: „Да-а-а, но ведь все прошлые разы тибрили бумажки в один киам. Никто еще не проделывал такое с десяткой!“ Как будто это меняет дели!» Джо-Мама начала смеяться: так вулкан, перед тем как взорваться в полную силу, издает глухой рокот. Когда раздались первые раскаты убийственного смеха, весь бар задрожал, зазвенели

[4] Примечания: 4

Имеется в виду Чикаго 20-х годов времени жизни знаменитого гангстера Аль Капоне.

бутылки и стаканы, и, сидя у стойки, мы ощутили вибрацию, как при землетрясении. Смех Джо-Мамы обладает большей разрушительной силой, чем стул в руках обычного смертного.

— Так что ты хочешь, Марид? Узо и рецина твоей даме? Или просто пиво?

Решайте быстрей, я не могу ждать всю ночь: у меня собралась целая толпа греков, только что прибывших со Скорпиоса. Их корабль перевозит ящики, полные взрывчатки, для революции в Голландии, парни проделали долгий трудный путь, и все, как один, трясутся, словно золотая рыбка на съезде котов. Морячки опустошили запасы спиртного в моем заведении! Говори наконец, что будешь пить, черт тебя дери! Вытягивать из тебя ответ все равно, что добиваться чаевых у китаезы!

На мгновение поток слов иссяк, и я воспользовался этим, чтобы сделать заказ. Мы получили выпивку, — я джин и бингару, Ясмин стакан «Джека Дэниелса» с кока-колой. Потом Джо-Мама принялась рассказывать новую историю, и я, как коршун, следил за ней, потому что иногда, заслушавшись ее, люди забывают, что им причитается сдача. Я никогда не забываю.

— Дай мне сдачу мелкими, Мама, — сказал я,

тактично прервав ее, на тот случай, если хозяйка заведения слишком увлеклась и такой пустяк вылетел у нее из головы.

Джо-Мама выразительно посмотрела на меня и протянула деньги, а я отвалил ей целый киам. Могучая дама засунула чаевые в бюстгальтер. Там хватило бы места для всех денег, которые я когда-либо видел в жизни. Выслушав три-четыре колоритных рассказа, мы опустошили свои стаканы, расцеловали Джо-Маму на прощанье и продолжили странствие вверх по Улице. Сделали привал в заведении Френчи, потом в паре других мест и, когда добрались домой, чувствовали, что набрались вполне удовлетворительно.

Не произнесли ни слова, даже не подумали, что нужно включить свет или зайти в ванную; не помню, когда успели сбросить одежду…

Лежали на матрасе, тесно прижавшись друг к другу. Я провел ногтями вдоль бедер Ясмин: ее это возбуждает. Ясмин легонько царапала мне спину и грудь: это возбуждает меня. Я осторожно, слегка щекоча, самыми кончиками пальцев гладил бархатистую кожу от подмышек до запястья, коснулся ладоней и длинных красивых пальцев. Затем проделал обратный путь; мои руки спустились ниже, добрались до ее потряса-

ющих маленьких упругих ягодиц. Дотянулись до нежных складок между бедер. Ясмин негромко застонала; ее пальцы, словно обретя самостоятельное существование, сжимали матрас, потом стали ласкать груди. Я дотянулся до запястий и, прижав ее руки к матрасу, распял ее. Ясмин, как будто пробудившись от сладкого сна, изумленно раскрыла глаза. Я тихонько хмыкнул и нарочито грубо отбросил ее правую ногу в сторону, потом, надавив коленом, заставил отодвинуть левую, так что бедра широко распахнулись. Стон; легкая дрожь пробежала по телу.

Ясмин попыталась протянуть руку, чтобы дотронуться до меня, но я не отпускал запястья. Так она беспомощно лежала, распластанная подо мной, словно пленница, покорная воле повелителя… Меня охватило пьянящее, почти жестокое в своей первобытной силе ощущение полной власти над этим прекрасным телом; однако эта власть выражалась так нежно, с такой любовью и чуткостью! Звучит нелепо казалось бы, одно противоречит другому. Если вы никогда не испытывали подобного, я не смогу ничего объяснить. Ясмин безмолвно отдавала мне себя всю без остатка; в то же время я владел ею, потому что она хотела этого. Ясмин нравилось, чтобы

время от времени я изображал необузданного жеребца; небольшая доля насилия, которую я себе позволял, еще больше возбуждала мою подругу… Я вошел в нее, и наши голоса слились в едином стоне наслаждения. Мы начали медленно двигаться; она так крепко охватила ногами мои бедра, словно хотела слиться со мной, а я старался проникнуть как можно глубже, чтобы слиться с ней… Мы не торопились, упиваясь каждым прикосновением, каждым нюансом, каждым возбуждающим уколом насилия. Это длилось долго, целую вечность. Потом мы не разжимали объятий, чувствуя, как бешено колотится сердце, с трудом переводя дыхание. Мы не разжимали объятий, пока мускулы не расслабились, но и тогда продолжали ощущать себя единым целым, опьяненные новой уверенностью в том, что полностью доверяем, нужны и, главное, любим друг друга. Наверное, в один прекрасный момент мы все-таки перестали изображать зверя о двух головах и заснули. Но, когда я пробудился утром, наши ноги все еще были сплетены, а голова Ясмин покоилась на моем плече.

Итак, все устроилось, мир вокруг действительно стал прежним. Что еще нужно для счастья: у меня есть любовь — Ясмин, деньги, которые

помогут продержаться несколько месяцев; а если станет скучно, всегда найдется масса дел. Уж чего-чего, а этого в Будайине навалом — стоит только захотеть. Я улыбнулся и снова погрузился в сладкую пучину сна.

Глава 6

Это был один из редчайших моментов абсолютной близости, общего счастья, довольства и умиротворения. Нас не покидало радостное ожидание: жизнь чудесна, но станет еще чудесней в будущем. Подобные моменты, пожалуй, самая редкая и хрупкая вещь в жизни. Надо использовать их на сто процентов. Перебери в памяти, словно кучу грязного белья, все мерзкое и унизительное, что пришлось пережить, чтобы получить в награду удивительное состояние полного покоя и душевного мира; не забывай, — хотя сейчас кажется, что так будет вечно, — у жизни другие планы на твой счет. Поэтому торопись насладиться каждой минутой, каждым часом. Люди должны благодарить судьбу, если она подарила им хотя бы мгновение чуда, но они просто неспособны на это. Увы, человеку по природе не дано умение жить полнокровной жизнью, использовать божественный дар сполна. Вы замечали, что, казалось бы, одинаково отмеренные порции радости и боли на самом деле длятся вовсе не одинаково. Боль тянется, пока не начи-

наешь сомневаться, что твоя жизнь когда-нибудь снова станет нормальной; а вот наслаждение, достигнув вершины, вянет быстрее, чем растоптанная гардения, и ты лихорадочно пытаешься воскресить в памяти ее томительный аромат.

Когда мы наконец полностью проснулись, опять занялись любовью; на этот раз я лежал На боку, прижавшись к ее спине, к упруго-податливому заду. Когда все кончилось, мы полежали обнявшись, но отдых продолжался всего несколько секунд, потому что Ясмин снова желала жить полнокровной жизнью… Я напомнил ей, что подобное умение не дано человеку по природе, — по крайней мере, применительно к данной ситуации. Мне хотелось еще немного насладиться ароматом все еще благоухавшей гардении; Ясмин же хотелось сорвать еще один цветок. Я сказал, что буду готов через минуту-другую.

— Ну да, конечно, — отозвалась она язвительно, — завтра, когда поспеют абрикосы! (Левантийский вариант «После дождичка в четверг».) Я бы с радостью продолжил ее трахать, пока она не взмолилась о пощаде, но плоть моя была еще слаба.

— Понимаешь, — сказал я проникновенно, — сейчас наступило состояние, которое называют

моментом осмысления. Духовно богатые, разносторонние, чуткие люди вроде меня ценят его не меньше самого процесса траханья.

— Да пошел ты со своими моментами, — ответила Ясмин, — просто стал дряхлым!

Я знал, что она говорит в шутку, верней, пытается меня раззадорить. Вообще-то я почувствовал, что уставшая плоть вновь набралась сил, и собрался уже доказать, что вовсе не старею, но тут в дверь постучали.

— Ну вот, утренний сюрприз, — сказал я. — Что-то уж слишком много гостей в последнее время стучится в келью такого замкнутого человека, как я.

— Кто это может быть? Ты ведь никому ни киама не должен.

Я схватил джинсы и торопливо влез в них.

— Значит, кто-то попытается взять взаймы, — бросил я, направляясь к дверному глазку.

— У тебя-то? Да ты не одолжишь медный грош нищему, который может поведать великую тайну жизни!

— В жизни нет никаких тайн, великих или малых, — только ложь и ловкий обман. — Я посмотрел в глазок, и мое благодушное настроение сразу испарилось. Ах ты черт, — выдохнул я и

вернулся к кровати. — Ясмин, — вполголоса попросил я, — дай сумочку.

— Зачем тебе? И кого ты там увидел? — Она протянула мне сумочку.

Я знал, что Ясмин всегда носит с собой парализатор, на всякий случай. Мне самому оружие казалось ненужным: один, вооружившись лишь своим природным интеллектом, я работал среди головорезов в самом опасном квартале города, потому что считал себя особенным. Да, я был гордым, как горный козел, и глупым, как ишак. Понимаете, меня все еще грели разные иллюзии, я жил в придуманном романтическом мире. Конечно, я вел себя не более эксцентрично, чем обычный средний… буйный идиот. Итак, я взял парализатор и возвратился к двери.

Встревоженная Ясмин молча наблюдала за моими Перемещениями.

Я открыл дверь и нацелил парализатор прямо между глаз одной из Сестричек, Селиме.

— Как приятно снова тебя увидеть, — воскликнул я злорадно. — Входи, входи, мне не терпится расспросить тебя об одном дельце.

— Тебе не понадобится оружие, Марид, — сказала Селима.

Она шагнула вперед, не обращая внимания на

парализатор, протиснулась мимо меня, растерянно посмотрела на Ясмин и обвела глазами комнату в безнадежной попытке найти место, чтобы сесть. Черная Вдова вела себя, как потерянный ребенок, и была чем-то ужасно расстроена.

— Что, Сестричка, — разил я безжалостно, — хочешь напоследок отколошматить кого-нибудь, пока тебя саму не располосовали, как Тами?

Селима обожгла меня взглядом, размахнулась и отвесила мне сильную пощечину. В принципе, я заслужил это.

— Садись на кровать, Селима, Ясмин немного подвинется. Что касается оружия, оно бы очень пригодилось, когда ты со своими подружками забежала ко мне позавчера утром и очень славно взбодрила. Или ты уже забыла, а?

— Марид, — протянула она, нервно облизывая багрово-красные губы, — мне очень жаль, что так получилось. Это была ошибка.

— Ну понятно, стало быть, все в порядке, не так ли?

Ясмин Торопливо, прикрылась простыней и старалась быть как можно дальше от Селимы, подобрав ноги и прижавшись к стене. Не считая весьма массивного бюста фирменного отличия Сестер, остальные части тела Селимы практи-

чески не подверглись модификации. Она от природы была намного привлекательней, чем большинство изменивших свой пол. Тамико превратила себя в нелепую карикатуру на скромную и сдержанную гейшу; Деви довела до гротеска образ уроженки Восточной Индии, включая даже кружочек на лбу, указывавший на касту, к которой она на самом деле не принадлежала, а в свободное время носила яркое шелковое сари, отделанное золотом. В отличие от них, Селима прятала лицо под легким покрывалом, носила накидку с капюшоном, употребляла духи с нежным пряным ароматом и вообще вела себя как мусульманская женщина-горожанка, принадлежащая к среднему классу. По-моему, она действительно была религиозным человеком; правда, не могу представить, как Селима умудрялась совмещать воровство и частые акты насилия с учением Пророка, да будет с ним мир и молитвы каждого! Как видно, я не единственный занимающийся самообманом идиот в Будайине…

— Пожалуйста, Марид, дай мне объяснить. — Никогда не видел Селиму — или ее Сестер — в подобном, почти паническом, состоянии. — Ты знаешь, что Никки ушла от Тами? — Я кивнул. — Думаю, она сделала это не по своей воле. Ее

заставили.

— У меня другие сведения. Она написала мне письмо. Там говорилось о некоем немце, о том, какой замечательной жизнью она теперь заживет, и что на сей раз надежно подцепила крупную рыбку и собирается выжать из немца все, что только можно.

— Мы все получили одинаковые письма, Марид. Но неужели тебе ничего не показалось подозрительным? Возможно, ты не знаешь почерк Никки так, как я; возможно, не обратил внимания на необычный выбор слов. В письме рассыпаны намеки, которые убедили нас, что она пыталась сообщить что-то между строк.

Думаю, когда Никки сочиняла его, кто-то стоял рядом и заставлял выводить буквы так, чтобы никто ничего не заподозрил после ее исчезновения. Наша девочка не была левшой, а письмо написано левой рукой и почерк ужасный — совсем не похож на тот, что я видела раньше. Записки были на французском языке, хотя она отлично знает, что мы ни слова не поймем. Никки объяснялась по-английски, Деви и Тами сумели бы прочитать письма без переводчика, они с ней говорили на английском. Никки раньше никогда не упоминала этого старинного друга семьи; конечно, такой

человек мог и вправду существовать, но вот фраза Никки насчет «застенчивого маленького мальчика» подтвердила все наши подозрения. Девочка много рассказывала о своей жизни до перемены пола и в общем избегала касаться деталей — ну, скажем, откуда она родом на самом деле и так далее, — но много раз со смехом вспоминала, каким жутким была хулиганом — то есть он был в детстве. Понимаешь, она хотела выглядеть такой же, как мы, и подробно описывала бандитские подвиги юности. Так что эта девочка в бытность мальчиком отличалась чем угодно, только не застенчивостью и нелюдимостью. Марид, письмо — явная липа от начала до конца!

Я опустил парализатор. Все, что сказала Селима, казалось вполне логичным.

— Вот почему ты так трясешься, — произнес я задумчиво. — Считаешь, что Никки грозит опасность.

— Да, я считаю, что Никки грозит опасность, — ответила Селима, — но напугана не этим, Марид. Деви мертва. Ее убили.

Я закрыл глаза и застонал; Ясмин громко охнула и пробормотала еще одну ритуальную формулу — «далеко от тебя», — чтобы защитить нас всех от зла, которое только что упомянули. Я чувствовал

себя разбитым и подавленным, словно принял слишком большую дозу жутких известий — и организм не способен справиться с перегрузкой.

— Не говори, я сейчас догадаюсь сам. С ней разделались так же, как с Тами.

Следы от ожогов, содранная кожа и кровоподтеки вокруг запястий; перед смертью ее трахали во все дыры, потом задушили и перерезали горло. Думаешь, кто-то решил убить вас всех, и ты будешь следующей жертвой. Правильно?

— Нет, неправильно, — с удивлением услышал я. — Я нашла ее лежащей в постели; все выглядело так, словно Деви безмятежно спит… Ее застрелили, Марид, с помощью старинного пистолета, который убивает маленькими кусочками металла. Пуля попала прямо в кастовую метку на лбу. Никаких признаков насилия, в комнате ничего не тронуто. Все как обычно — только Деви, у которой снесено пол-лица, и кровь на кровати и стене… Господи, сколько крови! Меня стошнило.

Никогда не видела ничего подобного. Это старое оружие действует так примитивно-жестоко, так… грубо! — Удивительно слышать подобное от женщины, располосовавшей на своем веку немало физиономий несчастным жертвам. — Могу поспорить, за последние пятьдесят лет не

случилось ни одного убийства с помощью пули.

Селима явно ничего не слышала о русском (забыл его имя); неудивительно, ведь в Будайине насильственная смерть обычно не вызывает особой сенсации, такое происходит слишком часто. Трупы здесь рассматривают, в основном, как неприятную помеху. Выводить большие кровавые пятна с дорогого шелка или кашмирского ковра — довольно-таки утомительное занятие.

— Ты уже позвонила Оккингу? — спросил я. Селима кивнула:

— Тогда было не его дежурство. Приехал сержант Хаджар и допросил меня.

Жаль, что так получилось.

Я хорошо понимал ее. Хаджар представлял из себя классический тип легавого; именно такой тип возникает в моем воображении, когда я думаю об этой проклятой породе. Он вышагивает по кварталу, словно в задницу засунут штопор, вынюхивая всякие мелкие происшествия, чтобы подвести их под солидную статью. С особым сладострастием Хаджар доводил арабов, которые пренебрегали своими религиозными обязанностями, то есть людей вроде меня, а такие в большинстве и жили в Будайине.

Я положил парализатор в сумочку Ясмин.

Настроение полностью изменилось: впервые в жизни я сочувствовал Черной Вдове. Ясмин положила руку ей на плечо, чтобы как-то ободрить.

— Пойду принесу кофе, — сказал я, взглянув на последнюю из Сестер. — Или, может, ты предпочитаешь чай?

Селима была благодарна за доброту и участие, да и просто рада, что оказалась рядом с нами в такой трудный момент.

— Если можно, чай. — Она начала успокаиваться.

Я доставил воду кипятиться.

— Ладно, теперь объясни мне, почему вы трое позавчера так хорошо меня отделали?

— Да простит меня Аллах! — произнесла Селима. Она вынула из сумочки сложенный клочок бумаги и протянула мне. — Это обычный почерк Никки, но по всему видно, она страшно спешила.

Послание было нацарапано по-английски на обратной стороне конверта.

— Что там написано? — спросил я. Селима бросила на меня взгляд и быстро опустила глаза.

— Только: *«На помощь. Быстрее. Марид».* Вот почему мы так поступили.

Обычная ошибка. Мы решили, что ты вино-

вен в том, что с ней случилось, — что бы там ни произошло. Теперь я знаю, что ты помог ей, договорившись с этой скотиной Абдуллой, и она задолжала тебе деньги. Наша девочка хотела, чтобы мы сообщили тебе, что она нуждается в помощи, но времени хватило только на несколько слов.

Наверное, ей повезло, что вообще удалось их нацарапать.

Я подумал о кошмаре, который они мне устроили; о том, как несколько часов пролежал без сознания; о мучительной боли, которая до сих пор еще дает себя знать; о бесконечно долгом и страшном ожидании в госпитале; о бешеной злости на Никки и тысяче киамов, потерянных по ее вине. Я сложил все это и попытался разом выбросить из памяти. Нет, не получается. Внутри все так же кипела неведомая прежде ярость, но теперь, кажется, я лишился объекта ненависти… Я посмотрел на Селиму.

— Ладно, забудем об этом.

Нашу гостью никак не тронуло мое великодушие и благородство. Сначала было немного обидно: могла бы хоть как-то показать, что ценит подобный жест, — но потом я вспомнил, что имею дело с Черной Вдовой.

— Не все проблемы решены, Марид, — напомнила мне Селима. — Я все еще тревожусь за Никки.

— Но, в принципе, то, что написано в письме, вполне может оказаться правдой, — сказал я, разливая чай. — А улики, о которых ты говорила, объясняются вполне невинными причинами.

На самом деле, я не верил в это. Просто хотел немного успокоить Селиму.

Она взяла чашку и сжала ее в ладонях.

— Не знаю, что теперь делать.

— Возможно, какой-то тронутый тип решил всех вас укокошить, — предположила Ясмин, — и лучше на время спрятаться.

— Я думала об этом, — отозвалась Селима. Теория Ясмин казалась мне не очень убедительной. Тамико и Деви убиты совершенно разными способами. Конечно, здесь мог орудовать убийца, наделенный творческим воображением; несмотря на старые полицейские изречения насчет «неповторимого почерка», я не понимал, что запрещает нашему маньяку разнообразить методы. Но свои соображения оставил при себе.

— Ты можешь пожить в моей квартире, — сказала Ясмин, — а я переберусь к Мариду.

Селима и я были одинаково ошарашены таким

предложением.

— Спасибо, ты очень добра, — ответила Селима, — я подумаю об этом, моя сладенькая, но сначала хочу Попробовать несколько других вариантов. Я дам тебе знать.

— С тобой ничего не случится, если будешь просто все время настороже, предупредил я. — Несколько дней не занимайся своей работой, не связывайся с незнакомыми людьми…

Селима кивнула. Она протянула мне чай, который даже не пригубила.

— Я должна идти. Надеюсь, теперь между нами не осталось никаких обид.

— Сейчас у тебя есть заботы посерьезнее, Селима. Мы никогда не были в особо дружеских отношениях. Кто знает;, возможно, эти страшные события в конце концов сблизят нас.

— Слишком высокую цену пришлось заплатить, — ответила Селима.

Да, это точно. Она хотела что-то добавить, но передумала, повернулась и вышла, осторожно прикрыв за собой дверь.

Я стоял возле плиты с тремя непочатыми чашками.

— Ты будешь пить чай?

— Нет, — сказала Ясмин. — Я тоже, — и вылил

чай в раковину.

— Одно из двух, — задумчиво пробормотала Ясмин, — либо где-то бродит один совершенно сдвинутый ублюдок, либо, что еще хуже, два разных поганца убивают людей почти одновременно. Знаешь, даже страшно идти на работу.

Я сел рядом и погладил благоухающие духами полосы.

— На работе бояться нечего. Главное, помни, что я сказал Селиме: не связывайся с клиентом, которого не встречала раньше. Оставайся здесь, со мной, вместо того чтобы в одиночку добираться до дома.

Ясмин слабо улыбнулась:

— Я не могу водить сюда клиентов.

— Да, это точно, — подхватил я значительно. — Вообще, забудь о таких вещах, пока убийцу не поймают. У меня хватит денег, чтобы какое-то время содержать нас обоих.

Она обняла меня за пояс и положила голову на плечо.

— Ты парень что надо.

— Да и ты ничего, когда не храпишь, как ифрит, — ответил я.

В наказание Ясмин провела своими длинными кроваво-красными ногтями по моей спине. По-

том мы плюхнулись на подушки и порезвились еще полчасика.

Я вытащил Ясмин из постели примерно в половине третьего, заставил немного перекусить в промежутке между душем и одеванием и чуть ли не силой выталкивал из дома, чтобы ее опять не оштрафовали за опоздание: полтинник есть полтинник, не уставал я повторять ей.

— Ну что ты дергаешься? Все бумажки в пятьдесят киамов совершенно одинаковы. Отберут одну, принесу домой другую, тебе-то какая разница?

Никак не могу растолковать своей подруге, что если она немного организует себя и перестанет опаздывать, то будет приносить в наше гнездышко две бумажки вместо одной.

Ясмин спросила, что я собираюсь делать вечером. Она немного завидовала тому, что я уже заработал достаточно хрустиков, чтобы протянуть несколько недель, и мог позволить себе целыми днями сидеть в какой-нибудь кофейне, болтая о том о сем, обмениваясь сплетнями с дружками разных танцовщиц и девочек. Я заверил Ясмин, что тоже займусь делом.

— Хочу выяснить, что это за история с Никки.

— Ты что, не поверил Селиме? — удивилась Ясмин.

— Я давно ее знаю. В подобных ситуациях она всегда преувеличивает. Могу поспорить, что Никки сейчас в полной безопасности нежится в роскошном доме парня по имени Сейполт. Селиме надо было выдумать эффектную историю, чтобы ее жизнь казалась необычной и насыщенной.

Ясмин окинула меня недоверчивым взглядом.

— Селиме не приходится выдумывать никаких историй. Ее жизнь и так достаточно необычна и полна опасностей. Нельзя ведь «преувеличить» простреленную насквозь башку? Убийство есть убийство» Марид.

С такими доводами трудно спорить, но мне не хотелось баловать ее подобным признанием.

— Иди работать, — сказал я ей, поцеловал, обнял и выпихнул за дверь.

Снова я остался один. Совсем один… Это слово сегодня звучало как-то неприятно; наступившая тишина не радовала. Кажется, я предпочел бы шумную толпу и суету вокруг. Плохой признак для отшельника, и уж совсем тревожный для агента-одиночки, крутого парня, живущего ради схваток и постоянной опасности, одним словом, для уверенного в себе профессионала, которым я себя воображал. Когда тишина начинает действовать на нервы, обнаруживаешь, что, оказывается,

ты вовсе не супергерой. Конечно, я знал немало очень опасных типов и провернул немало опасных дел. Я оставался в центре событий и был акулой, а не одним из пескарей, да и собратья-хищники признавали меня за своего. Проблема в том, что, когда ко мне переедет Ясмин, жизнь станет довольно приятной, что не очень соответствует образу одинокого волка.

Я повторял это себе, пока подбривал бороду, любуясь своей физиономией в зеркале ванной. Пытался. убедить себя в чем-то, но, когда наконец добился цели, вывод меня не обрадовал: я немногого добился за последние несколько дней; уже трое, совсем недалеко от меня, попали в наш морг. Одних я знал, других нет.

Если так будет продолжаться, жизнь Ясмин окажется в опасности.

Черт возьми, в опасности окажется моя жизнь!

Я заявил Ясмин, что у Селимы нет никаких оснований тревожиться. Ложь.

Когда Черная Вдова рассказывала нам свою историю, я вспомнил загадочный звонок, неожиданно кем-то прерванный, задыхающийся голос: «Марид? Ты должен…» Раньше у меня не было твердой уверенности, что звонила Никки, но сейчас я знал это и чувствовал себя виноватым,

потому что тогда даже не попытался ничего сделать.

Если Никки хоть как-то пострадала, придется нести эту вину в своей душе до конца жизни.

Я облачился в белую галабийю,[5] надел традиционный арабский головной убор, белоснежную кафию, и закрепил ткань веревкой «укаль», сунул ноги в сандалии. Теперь я выглядел как типичный неотесанный феллах, приехавший в город из деревни, — таких здесь великое множество. Думаю, подобным образом я одевался всего раз десять за все годы жизни в Будайине. Всегда предпочитал европейский стиль, и в юности, в Алжире, и позже, когда отправился на Восток. Сейчас я не походил на алжирца: надо было, чтобы меня принимали за здешнего крестьянина-феллаха. Неплохо; разве что рыжеватая борода портила впечатление, но вряд ли немцу это что-то скажет.

Выход из дома, пробираясь к воротам по Улице, я ни разу не обратил на себя внимания знакомых, ни один меня не окликнул — никто не мог себе представить Марида Одрана в галабийе. Я чувствовал себя невидимкой, а это сразу создает

---

[5] Примечания: 5

Галабийя-просторное длинное одеяние, которое носят кочевники-бедуины, крестьяне, иногда — городские жители.

иллюзию силы и власти над окружающими. Растерянность и подавленность испарились, вернулась прежняя уверенность, помноженная на самомнение. Я снова стал крутым профессионалом, с которым лучше не связываться.

Сразу за Восточными воротами тянулся широкий бульвар Иль-Джамил, по обеим сторонам его высились пальмы. Два потока машин разделяла широкая полоса — на ней высажены цветущие кусты. Круглый год здесь полыхали все новые и новые краски, воздух был всегда напоен свежим ароматом, и каждый невольно поворачивал голову, привлеченный броскими пятнами соцветий в море зелени: нежно-розовым, огненно-пунцовым, роскошным лиловато-пурпурным, шафранно-желтым, девственно белоснежным, голубым, — бесконечным, как само небо, разнообразием оттенков…

Высоко над головами людей, спрятавшись среди листвы и на крышах домов, щебетали певчие птицы, жаворонки — целая пернатая армия. Глядя на всю эту красоту, хотелось вознести хвалу Аллаху за бесценный дар. Я на мгновение замедлил шаг.

Выйдя за пределы Будайина в своем истинном обличье, — араба с парой киамов за душой,

неграмотного, почти без всяких возможностей и перспектив, — я не ожидал, что это вызовет у меня такой прилив эмоций. Глядя на феллахов, спешащих по своим делам, я чувствовал, что нас снова связывают нерушимые узы. Это включало — по крайней мере, в данный момент — и религиозные обязанности мусульманина, которыми я так долго пренебрегал. Я твердо пообещал себе, что исправлюсь и, как только смогу, займусь самоусовершенствованием. Сначала надо найти Никки.

Пройдя два квартала по направлению к мечети Шимаал, на север от Восточных ворот, я увидел Билла. Так и знал, что найду его рядом с огороженной частью города, сидящего за рулем своего такси и, как всегда, озирающего прохожих с любопытством и холодным страхом во взгляде. Билл — парень почти моего роста, но более мускулистый. Его плечи сплошь испещрены зелено-голубой татуировкой, такой старой, что линии расплылись, и разглядеть рисунок было трудно; не могу сказать даже, что там изображено. Он не брился, не стриг волос песочного цвета уже много лет и выглядел, словно какой-нибудь иудейский патриарх. Кожа в тех местах, где Билл подставлял ее солнцу, пока раскатывал по городу, загорела до

ярко-красного цвета. На огненно-алом лице, как две лампочки, сверкали бледно-голубые глаза, с маниакальной настойчивостью буравящие взглядом собеседника, так что я обычно не выдерживал и отворачивался. Конечно, Билл был законченным психом, но сознательным: свое безумие он взлелеял сам, так же тщательно и продуманно, как, скажем, Ясмин перед пластической операцией подобрала себе высокие скулы, придающие ей такой сексуальный вид.

Я познакомился с Биллом, когда впервые приехал в город. Он уже успел научиться жить среди изгоев, различных человеческих отбросов и трущобных головорезов Будайина и помог мне вписаться в это сомнительное общество. Билл родился в Соединенных Штатах Америки — да-да, лет ему было порядочно, — в области, ныне ставшей Суверенным Краем Великих Пустынь. Когда произошла балканизация США и они распались на несколько враждующих наций, Билл навеки покинул свою родину. Не представляю, как он умудрился продержаться, пока не усвоил здешний образ жизни; сам Билл не помнит этого. Каким-то немыслимым образом он наскреб денег на одну-единственную модификацию своего тела. Вместо того чтобы вделать розетку в мозг,

как поступили многие потерянные души нашего квартала, Билл выбрал гораздо более изощренный и пугающий способ получить забвение: ему удалили одно легкое, заменив искусственной железой, периодически выбрасывающей в кровь порцию какого-то психоделического наркотика четвертого поколения. Билл не мог сказать, какой именно препарат он выбрал, но, судя по его бессвязно-напыщенной манере выражаться и интенсивности галлюцинаций, это был рибопропилметионин — РПМ, либо аксетилированный неокортицин.

И то, и другое нельзя запросто купить на улице: на них нет желающих. Оба вызывают необратимые изменения в организме: после длительного применения начинает разрушаться нервная система. Наркотик «выбивает» законного «связного» человеческого мозга — ацетилхлорин. Новые психоделические препараты атакуют и оккупируют эти участки, словно победоносные орды, напавшие на обреченный город; перед ними бессилен и организм, и любые методы лечения. Интенсивность, яркость и реальность галлюцинаций, вызываемых наркотиками, не сравнимы ни с чем другим в истории фармакологии, но организм платит за это слишком

высокую цену.

Человек, применяющий их, буквально сжигает свой мозг, клетку за клеткой.

Последствия практически неотличимы от болезней Паркинсона или Альцхеймера.

Конечный результат постоянного употребления, когда зелье начинает воздействовать на работу центральной нервной системы, — чаще всего смерть.

Билл еще не дошел до подобного состояния. Он жил в призрачном мире нескончаемых грез. Помню, как-то раз я попробовал одно куда менее сильное психоделическое средство и чуть не загнулся от дикого страха, что «не смогу вернуться»: довольно обычный глюк, пытка, которой подвергает человека собственное сознание. Чувствуешь, что на этот раз не будет привычного кайфа, сегодня ты наконец доигрался и капитально сломал что-то в башке; сжимаешься в дрожащий комок, не сознавая ничего, кроме всепоглощающего страха, пытаясь спрятаться от темного бреда, поднявшегося из глубины твоего «Я». Но в конце концов глюк проходит, сила наркотика иссякает, ты попросту забываешь, как плохо было в прошлый раз, и повторяешь все снова; может быть, во второй раз судьба тебе улыбнется…

Но для Билла улыбка судьбы ровным счетом ничего не значила. Ему уже не суждено «вернуться». И когда накатывали моменты абсолютного, непереносимого ужаса, он ничего не мог сделать, не мог даже сказать себе, что нужно только продержаться, а утром все пройдет и он снова почувствует себя нормально. Что ж, именно этого он и хотел. Что касается неминуемой гибели — клетка за клеткой нервной системы, Билл только пожимал плечами:

— Так ведь когда-нибудь она все равно умрет, не правда ли, старик?

— Да, — отозвался я, опасливо прижимаясь к спинке заднего сиденья такси, мчащегося с бешеной скоростью по узким петляющим улочкам.

— А если клеточки возьмут и сдохнут сразу, — блям! — все остальные могут участвовать в твоих похоронах, а ты ничего не можешь. Тебя в землю закапывают, все, конец. Ну, а я-то могу похоронить свои клетки, сказать каждой гуд-бай.

Ребята много чего для меня сделали. Гуд-бай, гуд-бай, прощайте навсегда, нам было хорошо вместе. Вот так, каждой трахнутой малявке — персональное гуд-бай!

Если подыхаешь как обычный человек, — блям! — и ты мертвяк: все механизмы внезапно

отказали, вода в карбюраторе, смерть мотору, отвалились тормоза, дымятся шины, скрежет, стук, — стоп, отъездились, у тебя секунда, ну, от силы, две, чтобы проорать небесам: «Эй, Господи, я сейчас приду!» Ужасно так умирать… Бурной жизни — бурная смерть, старик. А я… я протягиваю бармену через стойку по одной клеточке, ага? И если придется уйти в этот добрый мрак,[6] отправлюсь туда покорно, спокойненько, ага? И плевать я хотел на парня, который писал, что так нельзя, понял? Он в земле лежит, давно уже сдох, откуда ему знать, как надо? Может, когда умру, ифриты наконец потеряют меня, если буду держать рот на замке. Оставят беднягу Билла в покое. Не желаю, чтобы меня продолжали трахать и после смерти, понял? Как ты себя защитишь в гробу? Подумай об этом, пораскинь мозгами! Хотел бы я добраться до того, кто придумал демонов, старик. И они еще называют меня чокнутым!

Мне не хотелось продолжать обсуждение этой темы, хотя каждый раз, когда отправляюсь за чем-нибудь в город, сажусь в его машину. Безумие американца отвлекает от назойливой нормальности окружающего, железной упорядоченности

---

[6] Примечания: 6

„…не уходи покорно в добрый мрак…“ — классическое стихотворение Дилана Томаса.

жизни, в которой все расписано до мелочей. Ездить по этому раю для домохозяек вместе с Биллом — все равно что носить в кармане кусочек Будайина; он — как баллон с кислородом, который цепляешь на себя, спускаясь в океанские глубины.

Дом Сейполта оказался довольно далеко от центра, на южной окраине города, откуда можно было разглядеть границу, за которой простиралось вечное царство песков, где гигантские дюны терпеливо ждали своего часа, когда люди немного расслабятся и забудут о ненасытных соседях, чтобы похоронить всех нас под грудами пепла, под слоями пыли. Пески сгладят конфликты, сотрут плоды столетних усилий, съедят надежды. Как победоносная армия, обрушатся волна за волной и умиротворят навсегда. Когда-нибудь пески поглотят нас, похоронят в своих глубинах. Придет вечная ночь… Но все это в будущем, урочный час еще не настал.

Судя по всему, Сейполт следил за должным порядком в своих владениях, сдерживал наступление песков. Виллу окружали финиковые пальмы и сады — в этом негостеприимном, мало пригодном для жизни месте человек создал систему искусственного орошения. Крошечный

оазис изобиловал зеленью и цветами, ветерок доносил пьянящее, пряное благоухание. Железные ворота, отлично смазанные, сверкали свежей краской; белоснежные стены здания сияли, словно дом только что был построек; длинные, изогнутые подъездные аллеи были разровнены и расчищены.

Грандиозное место, резиденция миллионера! Надежное убежище от моря песков, от вечного мрака, терпеливо ждущего своего часа.

Мотор нашей машины вульгарно тарахтел и булькал, а мой приятель Билл бормотал и время от времени посмеивался. Я казался себе маленьким нелепым человечком. Здешнее великолепие невольно, подавляло… Что я скажу Сейполту?

Этот человек обладал властью. Господи, да я и песок не смогу удержать в горсти, не то что власть, даже если буду возносить горячие молитвы Аллаху и стараться изо всех сил.

Я попросил Билла подождать и не отрывал от него взгляда до тех пор, пока не убедился, что одна из еще функционирующих клеток мозга удержала информацию.

Потом вышел из такси и направился через ворота по усыпанной белой галькой подъездной аллее к парадному входу. Я давно знал, что Никки

психопатка, а Билл совсем чокнутый; с каждым шагом во мне крепла уверенность, что сам я тоже явно не в порядке.

Галька скрипела под ногами. Уютный звук… Интересно, почему люди не желают просто возвратиться к своим истокам? Вот в чем истинное обретение, величайший дар: быть там, где тебе предназначено находиться. Если повезет, когда-нибудь я найду свое извечное место — иншалла!

Массивная дверь внушала почтение. Она была сделана из какого-то светлого дерева с гигантскими петлями и железной решеткой. Не успел я дотронуться до медного молотка, как дверь распахнулась. Сверху вниз на меня смотрел высокий, стройный светловолосый европеец. Голубые глаза, как у Билла (в отличие от безумного взора американца, взгляд, которым меня подарил незнакомец, принято называть «пронизывающим», и, клянусь бородой Пророка, я почувствовал себя пронзенным!), тонкий прямой нос с раздувающимися, как у жеребца, ноздрями, квадратная челюсть и тонкогубый рот, который, казалось, с рождения искажала гримаса едва сдерживаемого брезгливого отвращения. Европеец произнес какую-то фразу на языке истинных арийцев.

Я покачал головой и сказал: «Анаа ля афхам», — ухмыляясь, как тупой арабский крестьянин, за которого он явно меня принял.

Блондин потерял остатки терпения. Он попробовал заговорить по-английски; я снова покачал головой и, подобострастно улыбаясь и извиняясь, обрушил на него поток арабских фраз. Видно было, что европеец не понимает ни слова и вряд ли продолжит попытки найти способ объясниться со мной. Он уже собрался захлопнуть тяжелую дверь перед моим носом, но заметил такси Билла. Это заставило его заколебаться. Я выглядел как типичный араб, а для него все мы были примерно одинаковы. Одним из главных отличительных особенностей здешних недочеловеков являлась бедность. Однако грязный нищий дикарь в моем лице нанял такси, чтобы добраться до резиденции богатого и влиятельного белого господина. Подобное обстоятельство никак не укладывалось в обычную схему и повергло немца в легкое замешательство, что мешало ему сразу прогнать меня. Он ткнул пальцем в мою грудь и что-то пробормотал, очевидно: «Жди здесь». Я растянул рот до ушей, прикоснулся к сердцу и лбу и вознес хвалу Аллаху не менее четырех раз.

Через минуту блондинчик вернулся с пожилым

арабом-слугой. Они коротко переговорили о чем-то, затем старик повернулся ко мне, улыбнулся и приветствовал:

— Мир тебе!

— И тебе мир! — отозвался я. — О мой добрый сосед, скажи, этот человек рядом с тобой — известный своими достоинствами, почтенный Люц Сейполт-паша?

Старик коротко рассмеялся:

— Ты ошибся, о мой племянник. Он всего лишь привратник, такой же слуга, как и я.

Я сильно сомневался в их равном положении. Блондинчик явно принадлежал к свите Сейполта, вывезенной из Германии.

— Клянусь честью, я глупец! — воскликнул я. — Я приехал, чтобы задать важный вопрос Его Превосходительству.

Арабские правила приветствия допускали сложную многоступенчатую лесть.

Сейполт занимался каким-то не очень крупным бизнесом; я уже успел назвать его пашой (архаичный титул, используемый для восхвалений и приветствий) и Превосходительством (словно он был послом). Старый иссохший араб-слуга хорошо понял, чего я хочу. Он повернулся к немцу и перевел наш разговор.

Сейчас блондинчик выглядел еще менее радостно. Он пролаял короткую фразу.

Араб обратился ко мне:

— Привратник Рейнхарт желает услышать твой вопрос.

Я ухмыльнулся, глядя прямо в глаза немцу.

— Я только разыскиваю свою сестру Никки, господин.

Араб пожал плечами и перевел мои слова. Рейнхарт моргнул и поднял было руку, но спохватился. Он сказал что-то старику.

— Здесь нет никого с таким именем. В нашем доме вообще нет женщин.

— Я уверен, что моя сестра у вас. Речь идет о семейной чести. — Я говорил угрожающим тоном; глаза слуги-араба удивленно расширились.

Рейнхарт не знал, что предпринять: то ли расквасить мне нос дверью и избавиться от назойливого посетителя, то ли переложить решение проблемы на плечи начальства. Я решил, что блондинчик трус, и оказался прав. Он не захотел брать на себя ответственность и препроводил гостя внутрь, в прохладный, роскошно обставленный дом. Я был рад избавиться от палящих лучей солнца. Старик исчез для исполнения своих прямых обязанностей. Рейнхарт не удостоил меня

ни словом, не взглядом; он просто шел впереди, а я следовал за ним. Мы добрались до еще одной массивной двери, вырезанной из прекрасного темного дерева.

Рейнхарт постучал, раздался резкий грубый голос, привратник ответил. После небольшой паузы прозвучал приказ, Рейнхарт повернул ручку, приоткрыл дверь всего на несколько миллиметров и удалился. Я вошел в комнату, вновь преобразившись в тупого араба, сложил ладони и несколько раз поклонился, приветствуя большого белого пашу.

— Я имею честь разговаривать с Его Превосходительством? — спросил я по-арабски.

«Его Превосходительство» был грузным, лысым человеком с тяжелыми чертами лица; я дал бы ему лет шестьдесят. В гладкий череп, блестящий от пота, воткнут модик и две-три училки. Он сидел за столом, заваленным бумагами, сжимая в одной руке телефон, в другой — большой, сверкающий голубоватой сталью игломет. И улыбался.

— Окажи мне честь, пожалуйста, подойди поближе, — произнес он на безупречном арабском: очевидно, за него старалась языковая училка.

Я снова поклонился, надо было срочно что-то придумать, но мозг словно отключился. Иногда

так на меня действует вид игломета, направленного в мой лоб.

— О почтенный, известный своими достоинствами господин мой, — начал я, молю, прости меня за то, что я отвлек от важных дел…

— Оставь всю эту шелуху. Зачем пришел? Ты знаешь, кто я. Тебе известно, что мое время дорого стоит.

Я вытащил из сумки записку Никки и протянул ее Сейполту; думаю, он сам разберется, что к чему.

Немец внимательно прочитал ее, потом опустил телефон, но, к сожалению, не игломет.

— Значит, ты Марид? — Он перестал улыбаться.

— Так меня назвала мама, — ответил я.

— Не надо играть в умника. Садись вот сюда. — Он махнул рукой, держащей оружие, в сторону стула. — Я кое-что слышал о тебе.

— От Никки?

Сейполт покачал головой:

— От разных людей в городе. Ведь арабы обожают сплетничать. Я улыбнулся:

— Не думал, что приобрел такую репутацию.

— Ну, радоваться тут особенно нечему, сынок. Теперь скажи мне, что дает тебе повод предпола-

гать, что Никки, кто бы она ни была» находится здесь? Это письмо?

— Я решил, что логично начать поиски с вашего дома. Если ее здесь нет, почему вы играете такую важную роль в планах Никки?

Сейполт, казалось, искренне недоумевал.

— Не имею ни малейшего представления. Я говорю правду, Марид. Никогда не слышал о твоей Никки, и она меня нисколько не интересует. Прислуга подтвердит: уже много дет меня вообще не интересуют женщины.

— Никки — не совсем обычная женщина, — заметил я. — То, что связывает ее со слабым полом, создано хирургами на каркасе мальчика. Может, именно это поддерживало ваш интерес столько лет…

Сейполт начал терять терпение.

— Буду краток, Одран. У меня попросту отсутствуют физические возможности для того, чтобы чувствовать влечение к кому бы то ни было. Я больше не испытываю желания восстановить данные функции, так как обнаружил, что сейчас меня по-настоящему интересует лишь бизнес. Ферштеен?

Я кивнул:

— Думаю, вы не позволите мне осмотреть ваш

прекрасный уютный дом? Я не помешаю вашей работе, буду тих, как тушканчик.

— Нет, — сказал Сейполт злорадно. — Арабы — известные воришки. — По лицу его расползлась очень неприятная улыбка.

Меня не так-то легко спровоцировать; я сделал вид, что ничего не случилось.

— Могу я получить свое письмо обратно? Сейполт безразлично пожал плечами.

Я подошел к столу, взял записку Никки и засунул ее обратно в сумку. Бросил взгляд на кипу документов.

— Импорт-экспорт? Сейполт удивился.

— Да, — произнес он и опустил глаза на стопку накладных.

— Что-нибудь конкретное, или, как обычно, всякая всячина?

— Какая тебе, к черту, разница, чем я за... — Я подождал, пока он дойдет до середины своей гневной тирады, затем внезапно стукнул левой рукой по внутренней стороне его кисти, отбив в сторону дуло игломета, а правой хлестнул по пухлой белой физиономии. Потом сильнее сжал руку, держащую оружие.

Мы безмолвно боролись какое-то время; Сейполт продолжал сидеть, я возвышался над ним.

Выгодная позиция и неожиданность нападения дали мне преимущество. Я резко вывернул кисть немца. Он захрипел, игломет вывалился из онемевших пальцев и упал на стол; свободной правой рукой я отбросил его в дальний угол комнаты.

Сейполт не пытался вернуть игломет.

— У меня имеется и другое оружие, — сказал он тихо. — Есть сигнальное устройство, чтобы вызвать Рейнхарта и других.

— Не сомневаюсь, — произнес я, не ослабляя хватки. Маленький садистик, сидящий в темном уголке моей души, начал наслаждаться ситуацией. — Расскажи мне о Никки.

— Эта девка сюда никогда не приходила, я ни черта не знаю о ней, — сказал Сейполт. Ему уже было по-настоящему больно. — Пожалуйста, можешь приставить к моему виску пистолет, можешь драться со мной, с моими людьми, можешь обыскать дом. Но, черт тебя возьми, я не знаю никакой Никки! Если ты вбил себе в голову, что я вру, все равно не поверишь ни единому слову, что бы я ни сказал. Теперь проверим, умный ты или дурак.

— По меньшей мере, еще четыре человека получили такое же письмо, — сказал я, размышляя

вслух. — Два уже стали трупами. Может быть, если мне не удастся найти здесь какие-нибудь улики, это сможет сделать полиция?

— Отпусти руку, — произнес он повелительным ледяным тоном. Я разжал пальцы: зачем бесполезно напрягаться? — Давай, вызывай свою полицию! Пусть ищут. Пусть они тебя убедят. А когда они уйдут ни с чем, я заставлю тебя пожалеть, что ты вообще появился здесь. Если сию же секунду не покинешь мой кабинет, ты, некультурный идиот, другого шанса покончить дело миром у тебя не будет. Ферштеен?

«Некультурный идиот» — популярное в Будайине ругательство. В переводе оно звучит довольно глупо. Сомневаюсь, что подобное выражение имелось в словарном запасе училки, из которой Сейполт черпал сейчас знания; удивительно, что такой человек за годы, проведенные среди нас, смог выучить именно эту фразу.

Я бросил взгляд на игломет, лежащий на ковре примерно в дюжине футов от меня. Я был бы не прочь забрать оружие с собой, но не хотел поступать «некультурно». Однако подбирать и услужливо подавать оружие Сейполту тоже не собирался; пусть блондинчик отрабатывает свои деньги.

— Спасибо вам за все, — произнес я тепло и дружелюбно. Затем снова превратился в тупого араба, потрясенного оказанной ему честью. — Я твой должник, о обладатель многих достоинств! Да будут твои дни счастливыми, да проснешься ты завтра сильным и здоровым!

Сейполт пронзил меня полным ненависти взглядом. Я, пятясь, стал отступать к двери, — не из-за боязни нападения, а просто утрируя традиционную манеру учтивого прощания, чтобы поиздеваться над ним. Я добрался до двери, тихонько приоткрыл ее, и передо мной снова возник Рейнхарт. Я ухмыльнулся и почтил его глубоким поклоном; он подтолкнул меня к выходу. По пути я замешкался, чтобы полюбоваться содержимым шкафов, где красовались разные редкостные произведения искусства: ацтекские статуэтки, европейское стекло, хрусталь, русские иконы, обломки древнеегипетских и античных статуэток. Среди этого невероятного смешения стилей и эпох я заметил ничем не примечательное простенькое серебряное колечко с лазуритом. Когда Никки играла своими золотистыми волосами, оно было у нее на пальце. Я хотел стянуть кольцо, но не смог: Рейнхарт очень внимательно следил за мной.

На пороге я обернулся и начал произносить витиеватую формулу благодарности, но блондинчик не дал мне закончить: на сей раз этот арийский ублюдок с великим наслаждением захлопнул дверь так, что едва не расквасил мне нос. Я зашагал по гальке, погруженный в размышления; забрался в такси Билла.

— Поехали домой.

— Ха, — прорычал безумный американец. — Играй с болью, играй боль… Ему легко говорить, этому сукиному сыну, ему легко говорить. Вот она, лучшая в истории игр линия обороны, только и ждет, чтобы я схватил себя за маленькую розовую попку, понял? «Пожертвовать собой ради победы!» Я надеялся, что они попасуют немного и дадут мне отдохнуть; нет, ни фига! Квортербекто оказался ифритом, только прикинулся человеком. Я его раскрыл, понял? Когда он подавал, мяч всегда бывал раскаленным, как уголь в печке! Что мне стоило сразу догадаться, уже тогда все просечь? Огненные демоны! Понимаешь, немного горящей серы с дымом, и судья не замечает, что они пытаются сорвать лицевую маску.

Ифриты всегда обманывают. Ифриты хотят, чтобы ты знал, что будет после смерти, когда они смогут делать с тобой все, что им заблагорассу-

дится. Им нравится так играть с мозгом. Ифриты… Весь вечер одни бланжировки. Печет, как в аду.

— Поедем домой, Билл, — произнес я погромче. Безумный американец повернулся, окинул меня взглядом.

— Тебе легко говорить, — пробормотал он; старенькое такси тронулось с места.

По пути в Будайин я позвонил лейтенанту Оккингу и рассказал все о Сейполте и записке Никки. По-моему, информация не очень заинтересовала его.

— Сейполт — ноль без палочки, пустышка, — сказал Оккинг. — Богатая пустышка из Нового Рейха.

— Никки была очень напугана, Оккинг:

— Скорее всего, она наврала о том, куда хочет уйти. Уж не знаю, зачем это понадобилось твоей подруге. А когда все пошло не так, как она планировала, попыталась рассказать тебе правду. Ну, а тот, с кем она связалась, прервал разговор.

Здесь Оккинг, наверное, пожал плечами. — Никки сделала большую глупость, Марид. Очевидно, ей пришлось плохо, но Сейполт тут ни при чем.

— Возможно, немец действительно богатая пустышка, — ответил я мрачно, — но он умеет

очень хорошо врать при допросе с пристрастием. Что-нибудь прорисовывается с убийством Деви? Как думаешь, оно связано со смертью Тамико?

— Скорее всего, никакой связи нет, дружок, как бы ты с твоими блатными коллегами ни старался ее придумать. Сестры Черной Вдовы просто принадлежат к типу людей, которых, как правило, убивают. Они напрашиваются на это, и рано или поздно кто-нибудь решает уважить их настырность. То, что двух Сестер убили почти одновременно, — просто совпадение.

— Какие улики ты нашел в квартире Деви? Оккинг долго не отвечал. Потом сказал:

— Черт возьми, Одран, ни с того ни с сего у меня появился новый напарник?

Что ты о себе возомнил, мать твою? Ты что, допрашиваешь меня? Как будто не знаешь, что я не могу обсуждать с тобой результаты расследования, даже если бы захотел, а такое бредовое желание мне и в голову не приходило. Пошел к такой-то матери, Марид. Ты приносишь несчастье.

Я сунул телефон в сумку и закрыл глаза. Поездка была долгой, пыльной и душной. Я бы добавил — тихой и комфортабельной, если бы не бесконечное бормотание Билла и прединфарктное состояние его такси. Я размышлял о Сейполте и

Рейнхарте; Никки и Сестрах; неизвестном убийце Деви; о маньяке, замучившем Тамико… Никакой логики, никакой связи.

Именно это пытался доказать мне только что Оккинг: события последних дней выглядят бессмысленными, потому что являются таковыми! Нельзя найти мотив для немотивированного убийства. Только сейчас я вдруг осознал, чту такое бессмысленное насилие, рядом с которым существовал, которое составляло неотъемлемую часть жизни. Я игнорировал все это, воображая, что у меня природный иммунитет. Мой разум пытался вопреки логике соединить никак не соединимые события, составить из них единую картину, — словно увидеть в рассыпанных по небу звездах очертания мифических животных и воинов.

Бессмысленное, дурацкое занятие; но человеческий мозг ищет всему объяснение. Он жаждет порядка во всем, и только сильнодействующее зелье типа РПМ или соннеина способно унять или, по крайней мере, немного отвлечь серые клетки.

Кстати, отличная идея! Я вытащил коробочку с пилюльками и проглотил четыре «солнышка». Биллу я не стал предлагать: он получил за свое удовольствие авансом и не нуждался в дополни-

тельных развлечениях.

Я велел безумному американцу остановить машину у Восточных ворот. Плата за проезд составила тридцать киамов, я дал ему сорок. Билл долго не отрывал взгляда от денег, пока я не засунул хрустики в карман его куртки. Билл поднял на меня взгляд, прищурился, словно увидел впервые.

— Тебе легко говорить, — прошептал он.

Я хотел выяснить еще кое-что и сразу отправился в магазин на Четвертой улице, торгующий модиками. Хозяйкой модишопа была чудная, вечно дергающаяся старуха, которая в свое время одной из первых вставила в свою башку розетку для модика. Думаю, хирурги, промахнулись на миллиметр-другой — она всегда возбуждала горячее желание поскорее убраться подальше от нее. Лайла не могла ни с кем говорить не скуля и не хныкая: пожилая дама склоняла голову набок и смотрела на собеседника так, словно она — маленькая улитка в саду, а он вот-вот на нее наступит. Иногда хотелось сделать это, но старуха была слишком шустрой… Выглядела Лайла соответственно своей профессии: длинные нечесаные седые волосы, густые седые брови, бескровные сморщенные губы; все зубы давно покинули

насиженные места; кожа почти черная, сухая и словно покрытая коростой, а длинные скрюченные пальцы идеально соответствовали расхожим представлениям о ведьмах. Все двадцать четыре часа в сутки на башке у нее красовался какой-нибудь модик; но ее собственная яркая личность — не очень приятная, к слову сказать, — пробивалась через все искусственные преграды. То ли модик воздействовал не на те участки мозга, то ли влиял недостаточно сильно, то ли охватывал меньше серых клеточек, чем положено. Получалась нелепая, но по-своему забавная картина: Дженис Джоплин[7] с вкраплениями характера Лайлы, маркиза Жозефина Роза Кеннеди, то и дело разражавшаяся очень нехарактерными для изысканной леди гнусавыми взвизгами-всхлипами. Что ж, магазин принадлежал Лайле, и тот, кто не в силах был ее выносить, просто делал покупки в другом месте.

Я захаживал к Лайле, потому что хозяйка любезно позволяла мне проверять любые модики и училки, поступавшие в продажу, вставляя их в свою розетку. Когда мне надо было обогатиться знаниями, я всегда отправлялся к Лайле, наде-

[7] Примечания: 7
Джоплин Дженис — легендарная рок-исполнительница 60-х годов.

ясь, что, пройдя через мозг этой дамы, искомые сведения не исказятся настолько, чтобы стать причиной моей преждевременной смерти.

Сегодня вечером она решила побыть собой, вставив лишь училки по ведению документации и учетно-хозяйственной работе. Боже мой, значит, прошел целый год: как незаметно летит время для усердных пользователей пилюлек вроде меня!

— Лайла, — окликнул я негромко. Она так походила на ведьму из «Белоснежки и семи гномов», что трудно было начать разговор;

Лайла принадлежит к тому типу людей, с которыми избегают вести задушевные беседы, даже если нуждаются в помощи.

Она оторвала взгляд от накладных, но губы все еще беззвучно шевелились, а мозг, стимулируемый училкой, продолжал подсчитывать, проверять, перепроверять… Наконец она кивнула.

— Что ты знаешь о Джеймсе Бонде? — спросил я.

Она отложила микрокалькулятор, выключила его и разглядывала меня несколько секунд. Глаза ее сначала расширились, затем превратились в узкие щелочки.

Наконец она с трудом проскулила:

— Марид!

— Что ты знаешь о Джеймсе Бонде? — Видео, книги; эскапистская литература двадцатого века, где находила выход жажда силы и власти. Шпионы, суперагенты, приключения подобного рода… Он был неотразим; ни одна женщина не могла устоять перед Бондом. Хочешь стать неотразимым, Марид? — призывно проскулила она.

— Спасибо, пытаюсь достичь этого собственными силами. Просто ответь мне, покупал кто-нибудь у тебя в последнее время модик Джеймса Бонда?

— Нет, могу сказать тебе совершенно точно. Я давненько не получала такого модика. Джеймс Бонд безнадежно устарел, Марид. Люди ищут чего-то новенького.

Рыцарь плаща и кинжала не очень подходящая личность для интересного времяпрепровождения. — Она умолкла. Губы снова стали беззвучно шевелиться, подсчитывая доходы и расходы.

Я знал Бонда, потому что читал книги Флеминга, — да, да, настоящие книги, сделанные из бумаги. Ну, по крайней мере, четыре-пять романов. Бонд принадлежал к евро-американской мифологической традиции, вроде Тарзана или

Джонни Карсона.

Жаль, что у Лайлы не нашлось его модика: он помог бы мне понять ход мыслей убийцы. Я потряс головой: снова что-то не давало покоя, словно щекотало мозг…

Выходя из модишопа Лайлы, я невольно бросил взгляд на голографическую рекламу рядом с витриной ее лавочки. Невозможно просто пройти мимо — экран заполняла восьмифутовая ХОНИ ПИЛАР. Она была абсолютно обнаженной: для такой женщины это самый естественный способ показываться на людях. Она скользила изящными нежными руками по самому сексуальному телу в мире. Гигантская Хони Пилар совсем как девочка потрясла головой, чтобы убрать пряди золотистых волос с прозрачных зеленых глаз, и пристально посмотрела на меня. Провела влажным розовым языком по неестественно пухлым, словно набухшим от страсти, губам.

Забыв обо всем на свете, я застыл на месте, задрав голову. На такую реакцию и рассчитана голопорнуха, и все шло как по маслу. Какая-то часть моего мозга сознавала, что другие мужчины и женщины тоже остановились, выбросив дела из головы, и не отрывают взгляд от экрана. И тут Хони заговорила. Ее голос, чью магию элек-

троника многократно усилила, чтобы заставить дрожать в лихорадке страсти мое и так уже томимое желанием тело, воскресил все тайные мечты подростка, казалось, давным-давно забытые. Во рту пересохло, сердце колотилось как бешеное.

Голограмма рекламировала новый модик Хони, тот самый, который предложила мне обновить Чирига. Если я куплю его для Ясмин…

«Мой модик далеко-далеко…» — выдохнула Хони Пилар ласкающе-мягким голосом, а тем временем ее руки медленно скользили по упругим яблокам великолепных грудей…

«Мой модик уплыл за моря». — Она сжала соски, ущипнула их, пальцы опустились ниже, коснулись нежной кожи на склонах грудей и продолжали свой путь по телу…

«Вот кто-то ласкает мой модик», — доверительно сообщила она, и огненно-красные ногти коснулись гладкого живота, все еще не насытившись, все еще путешествуя в поисках центра наслаждения…

«Счастливец ласкает меня!» — Ее глаза полузакрыты в экстазе; слова перешли в мучительно-сладкий стон — мольбу о том, чтобы испытанное удовольствие повторилось, повторилось снова и снова… В миг, когда ее руки наконец-то нашли

желанную цель, исчезнув между золотистых загорелых ляжек, она умоляла меня подарить ей счастье любви.

Изображение медленно погасло, затем энергичный женский голос перекрыл сообщавшиеся подробности о производителе и стоимости модика:

«Вы еще не испробовали личностные модули-стимуляторы? Вы все еще смотрите голопорнуху? Давайте прямо: если использовать резинку — все равно что целовать сестру, то смотреть голопорнуху — все равно что целовать изображение сестры! Зачем разглядывать картинку Хони Пилар, если, купив ее новый модик, можно затрахать до полусмерти живую богиню любви, и делать это снова и снова, пока есть желание! Смелее! Подарите своей подружке или дружку новый модик Хони Пилар уже сегодня! Модули-стимуляторы продаются только по ценам новинок».

Голос замолк; я перевел дыхание и вернулся к реальности. Другие прохожие, также освобожденные от чар рекламного ролика, неуверенно оглядываясь, разошлись по своим делам. Я зашагал по направлению к Улице. Сначала мои мысли целиком поглотила Хони Пилар, потом модик, который, как только выдастся возможность,

обязательно подарю Ясмин (повод найдется, а если нет, я его придумаю!). Наконец принялся размышлять о том, что давно уже не давало мне покоя. Эта мысль впервые посетила меня во время разговора с Оккингом об убийстве в Чиригином клубе; сегодня я снова вернулся к этому.

Человек, решивший просто устроить себе маленький праздник посредством парочки трупов, не использовал бы модик Бонда. Нет, личность) агента 007 чересчур специфична и стерильна, у него слишком узкая «специализация». Джеймс Бонд не получал удовольствия от убийства. Психопат, решивший использовать личностный модуль, чтобы тот помог ему получить максимальное удовлетворение от злодейства, выбрал бы кого-нибудь из доброй дюжины темных личностей, имевшихся в широкой продаже. Существовал также черный рынок, на котором продавались самоделки, недоступные посетителям модишопов; выложив приличную пачку хрустиков, можно раздобыть модик хоть Джека Потрошителя! Это были модули персонажей видео и книг, а также реальных личностей, записанные прямо с их мозга или искусно реконструированные специалистами. Когда я думал об извращенцах, желающих стать обладателя-

ми нелегальных модиков, и целом подпольном бизнесе, паразитировавшем на них, выпуская из своих зловещих тайных лабораторий Чарльзов Мэнсонов, вампиров Носферату[8] или, скажем, Гиммлеров, меня просто кидало в дрожь.

Уверен, что тот, кто использовал модуль Бонда, сделал это совсем с другой целью, отлично зная, что особого удовольствия от его применения не получит.

Нет, псевдо-Бонд вовсе не хотел испытать наслаждение, совершая убийство. Он не маньяк-извращенец, а, скорее, хладнокровный исполнитель, поразивший намеченный к уничтожению объект.

Смерть Деви — и, конечно, смерть русского! — не дело рук какого-нибудь нового Потрошителя, безумца, наводящего ужас на обитателей трущоб и притонов.

Оба преступления были заранее продуманными убийствами. Политическими убийствами.

Оккинг никогда не станет слушать подобные

---

[8] Примечания: 8

Мэнсон Чарльз глава преступной секты, объявивший себя новым мессией и толковавший песни „Битлз“ как откровения, подтверждающие его проповеди. По его приказу в 60-х годах в Голливуде была совершена серия зверских преступлений, в частности, убита жена режиссера Романа Полянского, звезда кино Шарон Тейт. „Носферату, вампир“ — знаменитый немой фильм Мурнау, созданный в Германии, одна из первых экранизаций „Дракулы“ Брэма Стокера.

рассуждения без серьезных доказательств. Я и сам не до конца разобрался, что к чему. Какая связь может существовать между неким Богатыревым, мелким функционером небольшого слабого восточноевропейского царства, и Деви, одной из печально знаменитых в Будайине Черных Вдов? Их миры никак не пересекались.

Я нуждался в дополнительной информации, но не знал, где ее искать… И очнулся от напряженных размышлений. Куда же я шел? Ну конечно, в квартиру Деви.

Люди Оккинга наверное все еще прочесывают там каждый миллиметр в поисках следов. Всюду ограждения и надписи «Проход запрещен». Всюду расставлены…

Ни-че-го! Никаких ограждений, оцепления, вообще ни одного полицейского. Окно комнаты ярко освещено. Я подошел к зеленым ставням, закрывавшим смотровое окошко в двери. Теперь они были распахнуты; с того места, где я стоял, хорошо просматривалась комната Деви. Немолодой араб, стоя на коленях, красил стену. Мы приветствовали друг друга, и он пожелал узнать, не хочу ли я снять квартиру: дня через два ремонт закончится. Вот и все почести, которых посмертно удостоилась Деви; вот и все, что сделал Оккинг

для того, чтобы найти убийцу.

Квазииндуска, как и квазияпонка до нее, не стоили того, чтобы ради них болела голова у власть предержащих. Они были плохими гражданками своей страны; они не заслужили правосудия.

Я оглядел улицу. Все здания на той стороне, где стоял дом Деви, были на одно лицо: низенькие, с побеленными стенами, плоскими крышами, зелеными дверьми и окнами с зелеными ставнями. Где тут укрыться Бонду? Он мог пробраться в квартиру жертвы, спрятаться там и ждать, когда она вернется с работы; мог подстерегать Деви где-то поблизости. Я пересек древнюю, вымощенную булыжником улицу. На противоположной стороне у некоторых домов были низкие крылечки с железными перилами. Подойдя к дому напротив жилища Деви, я сел на верхнюю ступеньку и огляделся. На земле, прямо под ногами, справа от лестницы валялось несколько сигаретных окурков. Кто-то сидел здесь до меня и курил; может быть, человек, живущий в этом доме, а может, и нет. Я опустился на корточки и стал разглядывать окурки. Вокруг фильтра каждого блестели три золотых ободка.

В книгах о Джеймсе Бонде говорилось, что он курил сигареты, сделанные специально по его

заказу из табака какого-то особого сорта… На эти сигареты были нанесены три золотых ободка. Убийца серьезно отнесся к делу: использовал древний пистолет небольшого калибра, очевидно «Вальтер-ППК», в точности как Бонд. Я вспомнил, что агент 007 держал свое курево в портсигаре из оружейной стали, куда вмещалось пятьдесят сигарет; интересно, сделал ли псевдо-Бонд себе такой же?

Сунул окурки в сумку. Оккинг требует доказательств. Теперь они у меня имеются. Конечно, это не значит, что лейтенант сразу согласится с ними Я взглянул на небо: уже поздно, сегодняшняя ночь будет безлунной. Тоненький, девственно-нежный серпик новой луны появится только завтра, возвестив начало священного месяца рамадан. Завтра, после наступления темноты, нараставшее за светлое время лихорадочное возбуждение жителей Будайина перейдет в настоящую истерику. Зато днем у нас будет царить тишина.[9] Мертвая тишина. Мертвая… Я тихонько рассмеялся, пробираясь по узкой улочке к бару Френчи Бенуа.

---

[9] Примечания: 9

В пору рамадана предписано поститься Соблюдение запрета есть и пить в дневное время строго обязательно для мусульман, однако постятся лишь до наступления темноты, а с полуночи разрешается есть, причем принято готовить особо лакомые блюда. Пост рамадана отмечается как праздник.

Мертвецов я уже навидался вдоволь, и возможность побыть немного в тишине и спокойствии казалась неотразимо привлекательной.

Каким же я был глупцом…

Глава 7

Бисмиллях ар-Рахман ар-Рахим… Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного.

> *«Этот пост в месяц рамадан, когда ниспослан был Коран, указание правой стези для людей и ясное доказательство сей стези, различающее истину и ложь. И кто из вас у себя дома в месяц рамадан, пусть постится в этот месяц. А если кто болен или в пути, то пусть постится несколько дней иных. Желает Аллах для вас облегчения, а не затруднения. Соблюдите полное количество дней и скажите: „Аллах велик“ — за то, что он указал вам правую стезю. Может, будете вы благодарными».*

Это сто восемьдесят пятый аят «аль-Бакары» («Корова»), второй суры Благородного Корана. Посланец Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, указал нам блюсти пост в священный период рамадана, девятого лунного месяца по арабскому календарю, что является одним из

пяти столпов веры.

В течение всего месяца правоверным запрещается есть, пить и курить от зари до захода солнца. Полиция и религиозные лидеры строго следят за тем, чтобы даже такие, как я, мягко говоря, пренебрегающие своими духовными обязанностями люди, не смели нарушать запрет. Ночные клубы и бары закрываются на весь день, вместе с кафе и ресторанами. Запрещено даже выпить глоток воды,[10] пока не наступит полночь. Когда же наконец на землю опускается темнота и приходит время дозволенной трапезы, мусульмане начинают пировать и веселиться. Атмосфера, царящая повсюду, такова, что даже добропорядочные жители других частей города, благоразумно избегающие заглядывать в наш квартал весь год, могут без опаски прийти в Будайин и расслабиться в уютном кафе.

В течение всего месяца в мусульманском мире ночь полностью заменит день: все перевернется с ног на голову, за исключением неизменной пятикратной молитвы. Молиться необходимо как обычно, поэтому правоверный встает на рассвете,

---

[10] Примечания: 10

В Коране и других священных текстах содержатся многочисленные оговорки, облегчающие или даже позволяющие в отдельных случаях нарушать пост.

дабы исполнить свой долг, но пост не прерывает. Его босс может разрешить ему сходить домой во второй половине дня и пару часов вздремнуть, чтобы хоть немного компенсировать ночное бдение, когда мусульмане наслаждаются до рассвета тем, что запрещено им после восхода солнца.

Во многих отношениях ислам — красивая и элегантная вера; но, увы, общая черта всех религий в том, что они уделяют куда больше внимания необходимости соблюдения всяческих ритуалов и предписаний, чем облегчению жизни верующих.

Рамадан часто крайне затрудняет существование грешникам и нечестивцам нашего квартала.

И все же некоторые проблемы в это время намного упрощаются. Я, например, изменил свое расписание, передвинув все на несколько часов вперед, и мои дела совершенно не пострадали. Точно так же поступили и владельцы ночных клубов.

Конечно, если бы я имел неотложные дела днем, например, и должен был регулярно поворачиваться лицом к Мекке и возносить молитву, мне пришлось бы намного труднее.

Итак, в первую среду рамадана, успешно адаптировавшись в новых условиях, я сидел

за столиком маленького кафе на Двенадцатой улице с изящным названием «Кафе Солас». Уже почти наступила ночь; я играл в карты с тремя парнями, опустошая маленькие чашки густого кофе без сахара и лакомясь кусочками пахлавы.

Именно это и служило предметом злобной зависти Ясмин. Сама она сейчас должна была отрабатывать свои хрустики в заведении Френчи, повиливая хорошенькой маленькой попкой, и очаровывала клиентов, раскалывая их на шампанское. Моя девочка работала, а я вкушал сласти и играл в карты. Лично мне казалось вполне нормальным стремление облегчить себе жизнь, когда выдается возможность, даже если при этом Ясмин вынуждена отдавать своему ремеслу десять изматывающе-долгих часов молодой жизни. Я считаю это естественным порядком вещей.

Мои приятели составляли довольно разношерстную компанию. Махмуд — перв; он ниже меня, но шире в плечах и бедрах. Эта бывшая девочка стала мальчиком пять-шесть лет назад. Ей даже пришлось немного поработать у Джо-Мамы. Сейчас Махмуд жил с настоящей фемой, промышляющей в том же баре. Интересное совпадение…

Жак был марокканским христианином, убежденным гетеросеком, твердо верил в то, что,

будучи на три четверти европейцем (тем самым переплюнув меня на целого предка!), имеет право на особое отношение окружающих, и вел себя соответственно. Он не пользовался всеобщим уважением и любовью: всякий раз, когда намечались всякие празднования или вечеринки, Жак узнавал об этом с небольшим опозданием. Однако его всегда приглашали поучаствовать в карточных играх: если уж кто-то должен проигрывать, пусть это будет гяур-христианин.

Сайед Полу-Хадж — высокий, хорошо сложенный, довольно состоятельный парень и убежденный гомосек: он умер бы от стыда, показавшись на публике в обществе любой женщины, будь то фема или обрезок. Сайеда прозвали «Полу хаджем» неспроста. Он такой пустоголовый, что, приступая к какому-нибудь делу, обязательно забудет о нем, не дойдя и до середины, загоревшись парочкой других идей. Хадж — почетный титул, который человек получает, совершив паломничество в Мекку, составляющее один из столпов ислама. Несколько лет назад Сайед действительно решил отправиться в священный город, преодолел примерно полтысячи миль, но неожиданно повернул назад, ибо в голову ему вдруг пришла блестящая мысль о том, как провернуть

беспроигрышную финансовую операцию; увы, суть ее он забыл по пути домой… Сайед немного старше меня, он щеголяет тщательно подстриженными усиками, которыми страшно гордится. Не могу понять, почему: никогда не считал такую вещь, как усы, большим достижением, если, конечно, вы не начинали свою жизнь так, как Махмуд. То есть девочкой.

Все трое моих приятелей вставили себе розетки в мозг. Сайед нацепил модик и две училки. Он носил абстрактно-личностный модуль, который содержал в себе запись не какой-то конкретной личности, а просто определенного человеческого типа. Сегодня Сайед решил побыть «крутым парнем» — сильным, немногословным, сдержанным и жестким. К счастью, ни одна из училок не наделила его умением играть в карты как следует. Они с Жако постепенно обогащали Махмуда и меня.

Эту колоритную троицу бездельников я считал своими лучшими друзьями (среди мужчин). Сколько времени мы приятно провели за картами; сколько дней (или — как сейчас — вечеров) просидели, болтая, попивая кофе за уютным столиком… У меня два главных источника информации в Будайине — девочки из ночных клубов и мои приятели, Махмуд, Сайед и Жак. Обычно одна

версия происшествия разительно отличается от другой, другая от третьей и так далее… Поэтому я взял себе за правило выслушивать как можно больше разных вариантов, чтобы потом свести их в нечто единое. Зернышко правды прячется в каждом из них; важно извлечь его из словесной шелухи.

Большая часть выигрыша досталась мне, остальное — Махмуду. Жак отчаялся и был готов к тому, чтобы выйти из игры. Мне захотелось поесть более основательно, Полу-Хадж поддержал меня. Мы уже собрались оставить «Солас», чтобы подкрепиться где-нибудь в другом месте, но тут к нашему столику подлетел запыхавшийся Фуад. Это был кривоногий, нелепый отпрыск верблюда, которого люди называли (кроме массы других эпитетов) «Фуад иль-Манхус», то есть Фуад-Вечный Неудачник». Я сразу почувствовал, что поход в ресторан придется отложить.

Выражение лица иль-Манхуса подсказывало, что вместо лакомых яств нас ожидает небольшое приключение.

— Хвала Аллаху, что я застал вас всех здесь, — выдохнул он, жадно ощупывая каждого глазами.

— Иди с Богом, брат мой, — брюзгливо посоветовал Жак. — Взгляни, вот Он шествует,

направляясь к северной стене! Поспеши!

Фуад проигнорировал христианина.

— Мне нужна помощь, — сказал он жалобно. Пожалуй, даже жалобней, чем обычно. На голову Фуада постоянно сваливались небольшие злоключения, но на сей раз он казался по-настоящему расстроенным.

— Что стряслось, Фуад? — спросил я Он благодарно посмотрел на меня, словно потерявшийся ребенок, на которого обратили внимание.

— Одна черномазая сука стянула у меня тридцатку Я оглядел своих приятелей: Полу-Хадж красноречиво возвел очи к потолку;

Махмуд ухмылялся, как сытая гиена, Жак, казалось, вот-вот потеряет терпение.

— Эти черномазые суки, кажется, проделывают с тобой такое с завидной регулярностью, а, Фуад? — сказал Махмуд.

— Это ты так думаешь, — ответил тот, сделав жалкую попытку защититься.

— Что случилось сегодня? — спросил Жак презрительно. — Где? Мы ее знаем?

— Новенькая.

— Опять новенькая, Фуад! — заметил я.

— Она работает в «Красном фонаре», — продолжил Обиженный Богом.

— А я думал, тебе запретили там показываться, — сказал Махмуд.

— Да, было такое, и до сих пор Фатима не разрешает мне покупать выпивку, но теперь я работаю у нее уборщиком, так что постоянно торчу там. Я больше не живу в магазине Хасана: он пускал меня на ночь на склад, но у Фатимы я могу спать под стойкой!

— Стало быть, она не разрешает тебе пропустить стаканчик-другой в ее заведении, но зато позволяет выносить мусор, так? — Ну да! И еще подметать и чистить зеркала!

Махмуд с глубокомысленным видом кивнул:

— Я всегда говорил, что у Фатимы слишком доброе сердце, — произнес он, сохраняя серьезное выражение на лице. — Вы все свидетели.

— Ну так что у тебя случилось? — спросил я, потеряв наконец терпение.

Ненавижу эту манеру Фуада полчаса ходить вокруг да около и мямлить всякую ерунду.

— Понимаешь, я был в «Красном фонаре», и Фатима велела принести еще пару бутылок «Джонни Уокера», ну я и вернулся сказать Насиру, и он выдал мне бутылки, и я принес их Фатиме, и она положила их под стойку. А потом я спросил:

«Что мне теперь делать?» — а она говорит:

«Сядь, попей содовой», а я сказал: «Я просто посижу немного, хорошо?» — и она ответила:

«Хорошо»; и тогда я сел возле стойки и стал смотреть на людей, и тут подошла… подошла девушка, и села рядом…

— Чернокожая девушка? — уточнил Полу-Хадж.

— Ага…

Полу-Хадж значительно посмотрел на меня и сказал:

— В таких делах я всегда демонстрирую особую проницательность. — Я рассмеялся. Фуад продолжил:

— Ага. Ну так вот, чернокожая девушка была настоящей красоткой; я никогда ее не видел раньше, и она объяснила, что только первую ночь работает у Фатимы, а я ей рассказал, что тут довольно грубые люди, и лучше быть настороже из-за кучи народа, которая набивается в бар по вечерам, и она сказала, что очень-очень благодарна за мой совет, потому что люди в городе все бесчувственные и холодные и думают только о себе, а я не такой; и еще сказала, что ей очень приятно познакомиться с парнем вроде меня. Она меня поцеловала в щеку и позволила обнять за талию, а потом начала… начала…

— Начала тебя щупать, — помог ему Жак. Фуад сразу стал пунцовым.

— Она спросила: «Можно мне заказать что-нибудь выпить?», а я сказал, что денег у меня в обрез, — только чтобы протянуть две недели, и тогда она спросила: «Ну а сколько?», а я ответил, что не знаю точно. Тогда девушка сказала, что, дескать, она уверена, на одну выпивку для нее у меня точно хватит, а я ответил: «Давай так: если у меня сейчас окажется больше тридцатки, то куплю, а если меньше — нет», и она сказала, давай, так будет по-честному, и я вытащил деньги; угадайте-ка, что случилось? У меня оказалось тридцать киамов, ни больше, ни меньше, а мы не договаривались, что делать, если будет ровно тридцать! И тогда она сказала, что, дескать, все в порядке, я не должен ничего покупать для нее. Я подумал, что она поступила очень порядочно. И все это время она продолжала меня целовать, обнимать и… и трогать, поэтому я подумал, что здорово ей понравился. Угадайте-ка, что случилось потом?

— Она стянула деньги, — сказал Махмуд. — Девка заставила тебя вытащить и пересчитать хрустики, чтобы узнать, где ты их держишь.

— Я понял, что произошло, только когда ре-

шил заказать что-нибудь покушать, но было уже поздно. Ни гроша не осталось, она залезла мне в карман и просто их вытащила.

— Тебя ведь обчищали и раньше, — сказал я. — Фуад, ты не мог не знать, что она собирается сделать. Я думаю, тебе нравится, когда тебя обкрадывают, Фуад.

Ты от этого тащишься.

— Неправда, — защищался Обиженный Богом. — Я просто решил, что понравился ей, и она мне тоже очень понравилась, я подумал, может, позднее приглашу ее, и все такое, ну, после работы… Потом увидел, что денег нет, и понял, что виновата девушка. Я не дурак: знаю, сколько будет дважды два!

Мы все кивнули, не говоря ни слова.

— Я сказал Фатиме, но она не стала ничего делать, и тогда я пошел к Жоа (так она себя называет, но это не ее настоящее имя, она сама мне сказала), и она здорово рассердилась; говорит: «Я в жизни ничего не украла!» Я сказал: «Но я знаю, что ты это сделала», а она сердилась все сильнее и сильнее, потом вдруг вытащила из сумочки бритву, и тогда Фатима ей сказала: «Ну-ка, положи обратно, этот ишак того не стоит, нашла с кем связываться!» Но Жоа все еще здорово сердилась

и стала наступать на меня с этой бритвой, и тогда я убежал оттуда и стал всюду разыскивать вас, ребята.

Жак прикрыл глаза в изнеможении и потер веки.

— Сейчас угадаю: ты хочешь, чтобы мы вытащили из нее твои тридцать киамов.

Какого черта мы обязаны это делать, Фуад? Ты идиот, олигофрен. По-твоему, мы должны сейчас идти разбираться с какой-то психованной вопящей дикаркой, тычущей во все стороны бритвой, только потому, что ты не способен сам позаботиться о себе, так?

— Не пытайся объяснить ему, Жак, — сказал Махмуд. — Бесполезное дело: все равно, что стараться прошибить стену лбом! — На самом деле он употребил арабский эквивалент этого выражения «Ты говоришь повернувшись к востоку, он отвечает повернувшись к западу», что очень образно и точно выражает суть того, что происходило с Фуадом иль-Манхусом.

Однако Полу-Хадж сегодня нацепил модик, превративший моего приятеля в героя пустынных улиц, человека действия, крутого и неустрашимого, как шериф в вестернах. Он покрутил усы и продемонстрировал потрясенному Фуаду ухмыл-

ку Одинокого Волка Сайеда.

— О'кей, парень, пошли. Покажешь мне эту Жоа.

— Ой, спасибо, спасибо тебе, Сайед. — Фуад суетился вокруг своего защитника и по-собачьи заглядывал в глаза. — Я хочу сказать… понимаешь, у меня не осталось ни гроша, она стянула все деньги, все, что я накопил на…

— О Господи, хватит, заткнись, — сказал Жак. Мы встали и последовали за Сайедом и Фуадом к «Красному фонарю». Я покачал головой: мне вовсе не хотелось быть втянутым в такое дело, но ничего другого не оставалось. Ненавижу обедать в одиночестве! Терпение: потом мы все вместе отправимся в «Кафе де ля Фи Бланш» и плотно перекусим. За исключением Обиженного Богом, конечно. А пока я подкрепился парой треугольников.

«Красный фонарь» имел дурную репутацию, и каждый, кто заходил в бар, не мог не знать, что пришел в опасное место; поэтому, если вас здесь ограбили или немного помяли, трудно было найти сочувствующих. Полиция даст понять, что только дурак мог вообще прийти сюда; фараоны просто рассмеются тебе в лицо, если обратишься к ним за помощью. Фатиму и Насира волнует

только одно: сколько навара они получат с каждой проданной бутылки спиртного и как много их девочки вытянут из посетителей, выставив клиента на шампанское. Им совершенно наплевать, что делают шлюхи после того, как обогатили хозяев на несколько киамов. Это пример свободы предпринимательства и частной инициативы в чистейшем, не сдерживаемом никакими рамками виде.

Я очень не хотел появляться в баре, потому что плохо ладил и с Фатимой, и с Насиром, и зашел внутрь последним. Мы выбрали столик подальше от стойки.

Хозяевам заведения, как и Чири, нравился полумрак. Ноздри забивал резкий неприятный запах пролитого пива. На сцене извивалась рыжеволосая девица с топорным лицом и миниатюрным телом. Если сосредоточиться только на том, что расположено ниже шеи, танцовщица выглядела очень неплохо. Все, что девица сейчас проделывала, было призвано отвлечь внимание от ее недостатков и заставить созерцать лишь многочисленные достоинства. Да, вспомнил: это Фания.

Ее еще прозвали Фания Полотер, потому что девица обычно демонстрировала свои прелести

на сцене в горизонтальном положении, а не стоя, как принято у большинства танцовщиц.

Ночь еще только начиналась, поэтому мы заказали по кружке пива, однако Полу-Хадж, подстрекаемый своим лихим модиком, потребовал еще и виски. Никто не потрудился спросить томящегося от жажды Фуада, хочет ли страдалец чего-нибудь выпить.

— Это она, вон там, — сообщил он очень громким шепотом, указывая на коротконогую, довольно простенькую шлюху, обрабатывающую клиента-европейца, облаченного в костюм.

— Но это не фема, — сказал Махмуд. — Фуад, это гетеросек.

— Ты думаешь, я не отличу мальчика от девочки? — взвился Фуад. Никто не захотел обсуждать подобный вопрос; что касалось меня, то здесь было слишком темно, чтобы сказать точно. Когда разгляжу Жоа получше, выясню, к какой разновидности — она относится.

Сайед не подождал даже, пока принесут выпивку. Он поднялся и подошел к девице особой походкой супермена. Такая походка напоминает ритуальный танец, где каждое движение что-то сообщает зрителям. Полу-Хадж как бы говорил окружающим: «Никто никогда не сможет со мной

справиться, потому что на самом деле я не Сайед, а Аттила, неистовый гунн, а вы, черви несчастные, лучше не попадайтесь под ноги, а то раздавлю ненароком!» Полу-Хадж завязал разговор с Жоа; они стояли далеко, я не мог разобрать ни слова, да, честно говоря, и не хотел. Фуад плелся следом за своим защитником, как ягненок за пастухом, то и дело пронзительно пища что-то своим резким голосом, горячо поддерживая требования Сайеда и так же горячо отвергая версию шлюхи.

— Я в глаза не видела тридцатки этой макаки, — заявила Жоа.

— Деньги у нее, деньги у нее, посмотрите в сумочке, они там! — скрипел Обойденный Судьбой.

— Там намного больше тридцатки, несчастный ублюдок! — завопила шлюха. Попробуй докажи, какие из них твои!

Страсти быстро накалялись. Полу-Хадж сообразил отослать Фуада к нашему столику, но Жоа погналась за злосчастным, пихая в спину и выкрикивая всяческие ругательства. Мне показалось, что Фуад вот-вот расплачется. Сайед попытался оттолкнуть Жоа, но она яростно набросилась на него.

— Вот придет мой парень, он тебе из задницы

дуршлаг сделает!

Полу-Хадж продемонстрировал ей свою коронную суперменскую усмешку.

— Когда придет, мы с ним разберемся, — произнес он спокойно. — А сейчас мы вернем моему другу украденные деньги, и больше не смей его пихать, иначе заработаешь столько порезов на морде, что придется надевать мешок на голову, когда будешь выходить на промысел. Ясно?

Именно в этот ответственный момент, когда Сайед крепко зажал руки шлюхи, а Фуад, подойдя с другой стороны, пронзительно блеял ей в ухо, в бар вошел сутенер Жоа.

— Приехали, — пробормотал я. Жоа позвала его и быстро посвятила в суть конфликта.

— Эти ублюдки пытаются отнять мои деньги! — вскричала она.

Ее сутенер, здоровенный одноглазый араб по имени Тауфик, которого все звали Сонни, казалось, никого и ничего не слушал. Он играючи отбросил в сторону Фуада, даже не удостоив того взглядом. Потом обхватил кисть правой руки Сайеда и заставил отпустить Жоа. Сильный толчок в плечо — и Полу-Хадж, пошатнувшись, отпрянул.

— Тот, кто грязно пристает к моей девочке, может сильно порезаться, мой друг, — произнес

Сонни негромким, обманчиво мягким голосом.

Сайед направился к нашему столику.

— Эта шлюха — гетеросек, — сказал он. — Просто мужик в женской одежде. Сонни и Полу-Хадж теперь сошлись лицом к лицу прямо над моей головой; я бы хотел, чтобы эти двое перенесли свои разборки на улицу. Ни Фатиму, ни Насира, кажется, нисколько не волновал скандал, разыгравшийся в их баре. Тем временем Фания отработала свое время на сцене, и ее заменил высокий стройный обрезок-американка.

— Твоя мерзкая, уродливая шлюха, сифилитичка и воровка, стянула тридцать киамов у моего друга, — сказал Сайед таким же мягким, спокойным голосом, как и Сонни.

— Ты позволишь этому ублюдку обзывать меня по-всякому, Сонни? — вскинулась Жоа. — Прямо здесь, перед всеми остальными девочками?

— Ну вот, хвала Аллаху, теперь речь идет уже об оскорбленной чести, грустно произнес Махмуд. — Когда разбиралась только кража, было гораздо проще.

— Я не позволю никому тебя оскорблять, девочка, — сказал Сонни. Он усилил угрожающие нотки в голосе и, повернувшись к Сайеду, сказал:

— Заткнись, мать твою.

— Заставь меня, — ответил Полу-Хадж улыбаясь.

Махмуд, Жак и я схватили свои кружки с пивом и почти одновременно привстали, желая поскорее убраться подальше; увы, слишком поздно… У Сонни на поясе был спрятан нож; он потянулся за оружием, но Сайед его опередил. Я услышал Жоа, предупреждавшую своего кота об опасности, заметил, как сразу сузились глаза Сонни. Сутенер отступил. Сайед с силой выбросил левую руку, нацелившись Сонни в челюсть, но тот увернулся. Полу-Хадж шагнул вперед, блокировал правую руку Сонни, немного пригнулся и всадил нож в своего противника.

Я услышал негромкий всхлип, булькающий, удивленный стон. Сайед рассек кожу на груди Сонни и перерезал, видимо, крупные артерии. Кровь брызнула во все стороны; трудно поверить, что у одного человека может быть столько крови. Сонни шагнул влево, сделал два неуверенных шага вперед и рухнул на стол. Он захрипел, немного подергался, соскользнул на пол. Мы все, как загипнотизированные, смотрели на Сонни. Жоа не издала ни единого звука; Сайед застыл на месте, все еще выставив нож, которым рассек сердце одноглазого сутенера. Потом Полу-Хадж медленно

выпрямился, бессильно опустив руку. Он дышал тяжело, словно после бега. Повернувшись к столу, он схватил свою кружку пива; глаза моего приятеля остекленели, взгляд казался бессмысленным. Он был покрыт кровью с ног до головы. Одежда, волосы, лицо, руки, ладони — все забрызгано кровью Сонни. Кровь на столе; кровавые пятна на всех нас — я сам прямо-таки пропитан кровью. Прошло несколько мгновений, прежде чем до меня дошло это: я ужаснулся и, вскочив, попытался стянуть с себя окровавленную рубашку. И тут Жоа завопила. Она заводилась снова и снова, пока кто-то не дал ей пару затрещин, после чего снова воцарилась полная тишина. Наконец Фатима позвала Насира, тот вышел из задней комнаты и позвонил в полицию. Мы втроем пересели за другой столик. Музыка оборвалась, девочки отправились в раздевалку, посетители быстренько исчезли за дверью, не дожидаясь прихода фараонов. Махмуд подошел к Фатиме и раздобыл нам всем еще по кружке пива.

Сержант Хаджар не торопился прибыть, чтобы полюбоваться трагическим финалом. Когда он наконец появился, я с удивлением отметил, что сержант никого не взял с собой.

— Это что? — спросил Хаджар, носком ботинка

указывая на тело, распростертое на полу.

— Труп котяры, — объяснил Жак.

— По нему не скажешь; мертвые все на одно лицо… — Хаджар поглядел на кровавые лужи повсюду. — Здоровый парень, да?

— Сонни, — сказал Махмуд.

— А, этот ублюдок…

— Он умер из-за каких-то паршивых тридцати киамов, — произнес Сайед, недоуменно покачивая головой.

Хаджар задумчиво осмотрел бар, остановил взгляд на мне.

— Марид, — сказал он, подавив зевок, — поедешь со мной. — С этими словами сержант повернулся к выходу.

— Я?! — вскричал я. — Да я в этом деле вообще не замешан!

— В каком деле? — озадаченно осведомился Хаджар.

— В смерти Сонни.

— Да черт с ним, с Сонни. Ты должен поехать со мной. — Он повел меня к патрульной машине. Хаджару было абсолютно наплевать на совершенное только что убийство. Если пристукнут какого-нибудь богатого туриста, полиция из кожи вон лезет, снимая повсюду отпечатки пальцев,

бегая с линейками, допрашивая всех подряд по двадцать-тридцать раз. Но как только убьют одного из «вконец опустившихся дегенератов», например, этого гориллообразного повелителя ездовых лошадок, или Тами, или Деви, легавые сразу принимают равнодушно-утомленный вид, словно одинокий вол на горе. Хаджар не собирался никого допрашивать, фотографировать место преступления и так далее. Он не желал тратить время на таких, как Сонни; с точки зрения властей, сутенер получил то, на что сам напрашивался, избрав неправедный образ жизни; как говорит Чирига, «страшное дело — платить по счетам!». Полиция не возражала бы, если все жители Будайина перерезали бы друг друга.

Хаджар запер меня в машине, сел за руль.

— Ты меня арестовал? — спросил я.

— Заткнись, Одран.

— Ты арестовал меня, сукин сын?

— Нет.

Ничего не понимаю.

— Тогда какого черта ты меня задержал? Я ведь уже сказал, что никакого отношения к убийству в баре не имею.

Хаджар оглянулся:

— Когда ты, наконец, забудешь про этого кота?

Сонни тут ни при чем.

— Куда ты меня везешь?

Хаджар снова повернул голову и посмотрел на меня с садистской усмешкой на лице.

— Папа хочет с тобой побеседовать. Мне вдруг стало холодно.

— Папа? — Время от времени я встречал Фридландер-Бея и, как все жители Будайина, знал, что это за человек, но никогда раньше не удостаивался личной беседы.

— И судя по тому, что я слышал, он зол, как шайтан, Марид. Думаю, ты предпочел бы, чтобы я и вправду арестовал тебя за убийство.

— Зол? На меня? Да за что? Хаджар только пожал плечами:

— Понятия не имею. Мне просто приказано тебя доставить. А уж Папа тебе сам все растолкует.

Именно в этот момент, когда я испытывал все возрастающий панический страх, чуя приближающуюся смертельную опасность, начали действовать треугольники, принятые по дороге в бар Фатимы; сердце забилось, как бешеное. А ведь вечер начинался так хорошо! Я выиграл немного денег и предвкушал сытный ужин, а впереди меня ждала ночь с Ясмин. Вместо всего этого я сижу на заднем сиденье патрульной машины;

рубашка и джинсы насквозь окровавлены, кожа лица и рук зудит под коркой засыхающей крови Сонни. Меня везут на какую-то зловещую встречу с Фридландер-Беем, человеком, который владеет здесь всем и всеми. Я не сомневался, что предстоит разборка, но не имел представления, в чем провинился.

Всегда был предельно осторожен, чтобы не наступить на Папину мозоль… Хаджар не собирался меня просвещать на этот счет: он только ухмыльнулся, как гиена, и сказал, что не хотел бы оказаться на моем месте. Я сам не хотел бы: в последнее время слишком часто испытываю подобное чувство.

— На все воля Аллаха, — прошептал я непослушными губами, изнывая от беспокойства. — Ближе к Тебе, Господи.

Глава 8

Фридландер-Бей жил в большом, увенчанном башней белоснежном здании, которое вполне могло сойти за дворец. Его апартаменты раскинулись в центре города; совсем недалеко от христианского квартала. Не думаю, чтобы кто-нибудь еще здесь обладал таким огромным участком, обнесенным высокой оградой. По сравнению со скромным убежищем Папы, дом Сейполта выглядел походным Шатром бедуина. Но сержант Хаджар вез меня не в том направлении. Я сказал об этом легавому ублюдку.

— Разреши мне самому вести машину, — ответил он сварливо. Хаджар назвал меня «ил-магриб». Магриб означает «закат»; а еще так называют огромный кусок Северной Африки, где живут «некультурные идиоты» — алжирцы, марокканцы, в общем, жалкие отбросы вроде меня. Многие друзья называют меня магрибцем, и я не обижаюсь, понимая, что это просто прозвище или добродушное подшучивание. Но в устах Хаджара оно превращается в оскорбление.

— Дом Папы в двух с половиной милях позади

нас, — заметил я.

— Неужели ты думаешь, что я не знаю этого? Господи, как бы мне хотелось приковать тебя наручниками к столбу минут на пятнадцать где-нибудь без свидетелей.

— Хаджар, ради Аллаха, скажи, куда ты меня везешь? — Но он дал понять, что больше не станет отвечать на вопросы; в конце концов я сдался и молча рассматривал проносящиеся мимо дома. Ездить с Хаджаром было почти так же интересно, как с безумным американцем: ты ни черта не понимаешь, не вполне уверен, куда вы направляетесь и доберетесь ли целыми до места назначения.

Легавый остановил машину на заасфальтированной подъездной дорожке позади мотеля на восточной окраине города. Стены, сложенные из шлакобетонных блоков, были выкрашены в бледно-зеленый цвет; вместо неоновой рекламы с названием маленький щиток, где было написано от руки: «Мотель. Свободных мест нет».

Гостиница, на вывеске которой красуется объявление о перманентом отсутствии номеров, — довольно странное зрелище. Хаджар вылез из машины, открыл заднюю дверцу, и я почти вывалился наружу. Постоял, расправил плечи

и попытался собраться; треугольники страшно взвинтили меня. Чувство страха плюс действие наркотиков привели к жутким резям в животе, головной боли и внутреннему напряжению, граничащему с нервным срывом.

Я последовал за Хаджаром, мы остановились у двери девятнадцатого номера.

Сержант несколько раз постучал — вероятно, что-то вроде условного сигнала. Нам открыл человек, больше походивший на каменную глыбу, или, точнее, громадный булыжник. Камень не может думать или говорить, поэтому, когда он произнес что-то, я был ошеломлен. «Булыжник» кивнул Хаджару, который не ответил на приветствие, а молча повернулся и пошел к машине. Булыжник посмотрел на меня; очевидно до него никак не доходило, откуда я взялся. Потом громила все-таки сообразил, что этого человека, должно быть, привез Хаджар и его надо впустить в комнату.

— Проходи, — эти гулкие скрежещущие звуки походили на… на голос булыжника, который по воле Аллаха обрел дар речи.

Я внутренне содрогнулся, протискиваясь мимо него. В комнате находились еще один Говорящий Булыжник и Фридландер-Бей, сидящий у рас-

кладного столика между огромной кроватью и комодом. Мебель была европейской, но довольно старой.

Увидев меня, Папа поднялся. Он был около пяти с лишним футов ростом, но весил почти двести фунтов. Бей предпочитал одеваться просто: беглая хлопчатобумажная рубашка, серые штаны и сандалии. Он не носил колец и каких-либо иных украшений. Несколько оставшихся прядей седеющих волос зачесаны назад; взор блестящих карих глаз казался кротким и ласковым. Глядя на Папу, с трудом верилось, что перед тобой — самый влиятельный человек в городе.

Наконец Папа поднял руку, почти заслонив лицо.

— Мир тебе, — сказал он.

Я прикоснулся к сердцу и губам.

— И с тобой да пребудет мир.

Он не очень-то рад видеть меня. Однако ритуал гостеприимства ненадолго обеспечит мою неприкосновенность и даст время собраться с мыслями. Но о чем я должен думать? Как победить парочку Говорящих Булыжников и выбраться из мотеля?

Папа снова сел.

— Пусть не покинет тебя благополучие, — сказал он, указав на стул напротив.

— Пусть не покинет тебя благополучие и благословение Божие, — ответил я.

Как только представится возможность, я попрошу стакан воды и заглотаю побольше таблеток паксиума. Я опустился на стул.

Он, не отрываясь, смотрел мне прямо в глаза.

— Как твое здоровье? — В голосе Папы не слышалось дружеской теплоты.

— Хвала Аллаху, хорошо, — ответил я. Страх снова начал сжимать сердце.

— Мы давно не видели тебя, — произнес Фридландер-Бей. — Ты заставил нас страдать от одиночества.

— Да оградит тебя Аллах от одиночества и тоски.

Второй Булыжник принес кофе. Папа поднял чашку и отхлебнул из нее, показывая, что питье не отравлено. Потом протянул чашку мне:

— Угощайся. — Но в голосе его не чувствовалось радушия. Я принял кофе:

— Пусть в твоем доме никогда не переведется кофе.

Мы выпили несколько чашек. Папа откинулся на стуле и несколько мгновений молча изучал меня.

— Ты оказал мне честь, — произнес он нако-

нец.

— Да сохранит и оградит тебя Аллах. — На этом закончилась формальная часть, причем она прошла по явно укороченной программе. Теперь надо быть начеку… Но я начал с того, что вытащил коробку с пилюльками, выскреб оттуда все транквилизаторы и проглотил их, запивая кофе. Четырнадцать паксиумов.

Некоторые сочтут это довольно большой дозой; я — нет. Могу назвать многих людей, которые запросто меня перепьют, — например, Ясмин, — но что касается пилюлек, тут я чемпион из чемпионов, и за свой титул держусь крепко.

Четырнадцать десятимиллиграммовых таблеток только чуточку уменьшат напряжение, да и то если повезет. Мне понадобится дополнительное горючее для настоящего старта. Четырнадцати паксиумов хватит только для разогрева.

Фридландер-Бей протянул чашку слуге, который вновь наполнил ее дымящимся напитком. Он немного отхлебнул, не спуская с меня глаз, аккуратно опустил чашку на столик и произнес:

— Ты знаешь, что мне служит множество разных людей.

— Истинная правда, о шейх, — ответствовал я.

— Множество людей, которые видят во мне

опору своего существования. Для них я не только «кормящая рука», но гораздо больше. В их суровом мире я гарантирую безопасность и спокойную жизнь. Мои люди знают, что могут рассчитывать на щедрое вознаграждение и иные милости, пока будут добросовестно работать на меня.

— Да, о шейх. — Кожа на лице и руках все больше зудела под коркой запекшейся крови. Он кивнул:

— Поэтому, когда до меня доходит грустная весть о том, что еще один из моих Друзей призван Аллахом в рай, меня охватывает печаль, словно я потерял часть своей души. Я забочусь о том, чтобы достойно жили все, так или иначе связанные со мной, начиная с доверенных помощников и кончая беднейшим, ничтожнейшим нищим-попрошайкой, который в меру своих слабых сил служит мне.

— О шейх, ты щит, заслоняющий народ от бедствий!

Он отмахнулся, устав от восхвалений, с которыми я постоянно встревал в его речь.

— Люди уходят из жизни по-разному. Одно дело — естественная смерть, о мой племянник. Всех нас ожидает кончина, от могилы не спрятаться, не убежать. Увы, любой кувшин когда-нибудь

разбивается. Мы должны научиться со смирением принимать неминуемость смерти; больше того, следует с надеждой ожидать, когда придет и твой черед пребывать в вечной радости и вкушать от райских плодов. Но бывает так, что нить жизни обрывается раньше отмеренного срока. Преждевременная смерть — совсем другое дело: это прямой вызов могуществу Аллаха. В таком случае необходимо восстановить справедливость. Нельзя воскресить к жизни убитого, но можно и нужно отомстить за него, покарав того, кто оборвал священную нить. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да, о шейх. — Как быстро до Папы долетело известие о смерти Сонни.

Наверное, Насир, перед тем как связаться с полицией, позвонил Фридландер-Бею.

— Что ж, тогда я задам тебе такой вопрос: как отплатить за убийство?

Наступило гнетущее молчание. Существовал только один. ответ, и я помедлил, обдумывая, как лучше обосновать свою защиту.

— О шейх, — произнес я наконец, — лишь смерть искупает смерть. Вот единственный способ расплаты. Сказано в Правой Стезе: *«О верующие, предписано вам мщение за убитых».*

Оказано также: *«В отмщении — жизнь, и обладающие разумом...».*[11] Но в другом месте нам ниспослано: *«Душу за душу, око за око, нос за нос, ухо за ухо, зуб за зуб, и за увечье членов — отмщение, а если кто подал милостыню за это, то это ему искупление. И те, что не судят согласно тому, что ниспослал Аллах, — свершают злодеяние».*[12] Я невиновен в этом убийстве, о шейх, а неправедная месть преступление худшее, чем само убийство.

— Аллах велик, — прошептал Фридландер-Бей. Он смотрел на меня с изумлением. — Я слышал, что ты неверующий, сын мой, и это причиняло мне боль. И все же ты демонстрируешь неплохое Знакомство с Благородным Кораном. — Он поднялся со своего места и потер лоб, затем подошел к просторной постели и лег на покрывало. Я хотел повернуться к нему, но огромная коричневая лапа, словно гиря, опустилась на плечо и заставила принять прежнее положение. Теперь я мог созерцать лишь стул, на котором только что сидел Папа, но, когда он заговорил, отчетливо

---

[11] Примечания: 11

Правая Стезя, или Истинный Путь, — имеется в виду Коран, сура 2 „Корова“, аяты 178, 179.

[12] Примечания: 12

Сура 5 „Трапеза“, аят 45 Пер. Б.Я.Шидфар.

слышал каждое слово. — Мне сказали, что из всех жителей Будайина только ты имел вескую причину для того, чтобы убить этого человека.

Я прокрутил в памяти события прошедших месяцев: честное слово, не могу вспомнить даже когда я в последний раз поздоровался с Сонни! Всегда старался держаться подальше от «Красного фонаря»; никаких дел с обрезками, гетеросеками и фемами, находившимися под опекой одноглазого, я не имел, общих друзей и даже знакомых у нас не было, если не считать Фуада иль-Манхуса, который никак не мог считаться моим приятелем. Кстати, он также не входил в число приятелей Сонни.

Но понятие мести у арабов такое же сложное и многостороннее, как у уроженцев Сицилии. Возможно, Папа знал о столкновении, случившемся многие месяцы или даже годы назад, о котором я успел начисто позабыть.

— У меня нет ни единой причины для убийства, — сказал я дрожащим голосом.

— Мне совсем не нравятся отговорки, о мой племянник. Часто, очень часто приходится задавать людям подобные трудные вопросы, и каждый раз они начинают с увиливаний и отговорок. Такое продолжается, пока один из моих слуг не убежда-

ет их прекратить. Следующая стадия — ответы, которые уже нельзя назвать увиливанием, ибо, увы, они просто лживы. И снова гостей приходится вразумлять, дабы они не тратили понапрасну драгоценное время. — Он говорил негромко, голос казался усталым. Я снова попытался повернуться лицом к Папе, и снова могучая каменная десница сжала плечо; на этот раз было гораздо больнее. Папа продолжал:

— Рано или поздно человек с нашей помощью начинает понимать, что самое разумное — говорить правду, ничего не скрывая. Однако слишком часто я вижу с болью, во что превращаются к тому времени гости. Поэтому мой совет тебе: как можно быстрее и без нашей помощи перейди от увиливаний и лжи — а лучше вообще избежать их к правдивым ответам. От этого выиграем все мы.

Рука по-прежнему давила на плечо. Казалось, кости постепенно расплющивают под прессом и скоро они превратятся в белую пыль… Я не издал ни звука.

— Ты был должен моему другу некую сумму денег, — произнес Фридландер-Бей.

— Сейчас ты уже ничего ему не должен, ибо он мертв. Я взыщу долг вместо него; и я сделаю то,

что дозволено Книгой.

— Я ничего ему не должен! — выкрикнул я. — Ни единого гроша!

Страшная рука принялась расплющивать мое второе плечо.

— У собаки все еще опущен хвост, о повелитель, — пробормотал Говорящий Булыжник.

— Я не лгу, — произнес я, немного задыхаясь. — Если я говорю, что ничего не должен Сонни, значит это правда. Повсюду в городе меня знают, как человека, который никогда не лжет.

— Что ж, я действительно раньше не имел оснований сомневаться в тебе, о мой племянник.

— Может быть, теперь он нашел серьезную причину, чтобы стать лжецом, пробормотал Говорящий Булыжник.

— Сонни? — удивился Фридландер-Бей, возвращаясь к столу. — Никого не волнует судьба Сонни. Он не был ничьим другом, могу тебе в этом поручиться.

Если Сонни тоже мертв, от этого воздух Будайина станет хоть немного чище. Нет, мой племянник, я попросил тебя присоединиться ко мне, чтобы расспросить о смерти моего друга, Абдуллы абу-Зайда.

— Абдулла, — произнес я с трудом. Боль ста-

новилась почти невыносимой; перед глазами начали мелькать красные вспышки, голос стал хриплым и еле слышным. — Я не знал даже, что его убили.

Папа снова потер лоб:

— За последнее время многих моих друзей внезапно забрала смерть. Слишком многих, чтобы объяснить их гибель обычными обстоятельствами.

— Да, — сказал я.

— Ты должен доказать, что невиновен в убийстве Абдуллы. Больше ни у кого не было веских причин желать ему несчастья.

— Какая же у меня была причина?

— Долг, как я уже говорил. Да, Абдулла не пользовался всеобщей любовью; вполне допускаю, что многие не выносили или даже ненавидели его. Однако каждый житель квартала знал, что он находится под моей защитой, и причинить ему какой-либо вред — значит причинить вред мне. Его убийца умрет так же, как погибла жертва.

Я попытался поднять руку, но не смог.

— Как он умер?

Папа мрачно посмотрел на меня из-под полуопущенных век.

— Ты расскажешь мне, как он умер.

— Я… — Каменные лапы оставили в покое мои плечи, от чего боль стала еще сильнее. Потом я почувствовал, как стальные пальцы обвились вокруг горла.

— Отвечай быстрее, — мягко произнес Папа, — или очень скоро ты вообще никогда не сможешь ничего сказать.

— Застрелен, — прохрипел я. — Одним выстрелом. Маленькая свинцовая пуля.

Папа махнул рукой, и стальной обруч пальцев вокруг горла разжался.

— Нет, он не был застрелен. Однако два других человека убиты именно таким антикварным оружием. Интересно, что ты об этом знаешь. Одна из убитых находилась под моей защитой. — Он остановился, задумчиво обвел глазами комнату.

Дрожащие от старости сухие морщинистые пальцы вертели пустую чашку.

Боль быстро прошла, хотя плечи будут ныть еще несколько дней.

— Если его не застрелили, — спросил я, — то как же был убит Абдулла?

Его взгляд словно прожег меня.

— Я пока не уверен, что ты невиновен, — протянул он.

— Ты сказал, что только я был заинтересован

в смерти Абдуллы, потому что задолжал ему. Этот долг я выплатил полностью несколько дней назад. Мы с ним в расчете.

Глаза Бея расширились:

— Ты можешь это как-то доказать? Я немного привстал, чтобы вытащить расписку, до сих пор лежавшую в кармане джинсов. Каменные лапы моментально опустились на плечи, но Папа махнул, и Булыжник оставил меня в покое.

— Хасан был при этом, — сказал я. — Он все подтвердит. — Я вынул клочок бумаги, развернул его и протянул Папе. Фидландер-Бей взглянул на расписку, потом внимательно изучил ее. Он поднял глаза на Булыжника, стоявшего за моей спиной, слегка наклонил голову. Я повернулся: мой мучитель уже вернулся на пост возле двери.

— О шейх, позволь спросить, — произнес я, — как зовут человека, сказавшего тебе об этом долге? Кто уверил тебя, что я — убийца Абдуллы? Это должен быть кто-то, не знавший о том, что я полностью расплатился с ним.

Старик медленно кивнул, приоткрыл рот, словно собираясь ответить, но затем, очевидно, передумал.

— Не задавай никаких вопросов.

Я судорожно вздохнул. Нельзя забывать: пока

не выберусь из этой комнаты, жизнь моя остается в опасности. Паксиум еще не начал действовать. Черт, поганые транквилизаторы не стоили и половины потраченных на них хрустиков!

Фридландер-Бей посмотрел на свои пальцы, снова вертевшие чашку. Он знаком подозвал второго Булыжника, и тот налил ему кофе. Слуга вопросительно взглянул на меня; я кивнул, и он наполнил мою чашку дымящимся напитком.

— Где ты был сегодня, — спросил Папа, — в десять часов вечера?

— В «Кафе Солас», играл в карты.

— Так. Когда игра началась?

— Примерно в полдевятого.

— И ты оставался там до полуночи? Я постарался точно припомнить, как все происходило.

— Где-то в полпервого мы все отправились в «Красный фонарь». Сонни пырнули ножом Примерно в час — полвторого.

— Старик Ибрахим из «Соласа» подтвердит то, что ты сказал?

— Да.

Папа повернулся и кивнул Булыжнику, стоявшему за его спиной. Слуга подошел к телефону; вскоре вернулся к хозяину и что-то прошептал ему на ухо. Папа вздохнул:

— Я очень рад за тебя, мой племянник. Хорошо, что ты можешь доказать, где был. Абдулла умер между десятью и одиннадцатью вечера. Я верю, что ты невиновен в его гибели.

— Хвала Аллаху, Ограждающему от зла, — тихо произнес я.

— Поэтому я скажу тебе, как он умер. Тело обнаружил мой доверенный служитель, Хасан-Шиит. Смерть Абдуллы абу-Зайда была ужасной и унизительной, мой племянник. Я боюсь рассказать, как он погиб, дабы какой-нибудь злой дух не подслушал мои слова, чтобы затем приготовить и мне подобную участь.

Я произнес формулу, отвращающую зло, которую позаимствовал у Ясмин, что явно понравилось старцу.

— Да оградит тебя Аллах, мой дорогой племянник, — произнес он. — Абдулла лежал в переулке за магазином Хасана, весь залитый кровью, с перерезанным горлом. Однако на земле крови было немного, следовательно, его убили в другом месте, а затем перенесли труп туда, где его нашел Хасан. На теле обнаружены ужасные следы, говорящие о том, что его пытали огнем: на груди, руках, ногах, даже на детородных органах, мой племянник! Когда полиция осмотрела труп, Хасан

выяснил, что презренный пес, убивший Абдуллу, перед этим поступил с ним, как поступают с женщиной, осквернив ему рот и запретное место содомитов. Хасан был столь сильно ошеломлен увиденным, что ему пришлось дать успокоительное. — Папа казался глубоко потрясенным, излагая подробности убийства, словно впервые в жизни узнал о подобных невероятных вещах. На самом деле он хорошо представлял себе, что такое смерть. Многих казнили по его приказу; многие погибли из-за того, что работали на него. Несмотря на все это, случай с Абдуллой глубоко задел Папу. Дело тут не в самом факте убийства — преступник попрал элементарные моральные принципы, которые соблюдаются даже самыми ужасными злодеями. Руки Фридландер-Бея дрожали еще сильнее, чем раньше.

— Точно так же убили Тамико, — заметил я. Папа взглянул на меня; несколько мгновений он не мог найти слов.

— Откуда ты узнал об этом? — наконец спросил он.

Я почувствовал, что старца снова охватили сомнения. Действительно, где мог раздобыть такие сведения не замешанный в этом деле человек?

— Тело Тами обнаружил я. Я сообщил тогда об

убийстве лейтенанту Оккингу.

Папа кивнул и снова опустил глаза.

— Не могу передать тебе, как сильны во мне ярость и ненависть, как они переполняют сейчас душу. Это тревожит и печалит меня, ибо я старался сдерживать подобные чувства, жить достойно, наслаждаясь богатством, коль скоро Аллах решил наделить им меня, и возносить Ему за это хвалу, не выказывая ни гнева, ни жадности либо зависти. Но, увы, судьба каждый раз вынуждает меня поднимать меч; снова и снова люди пытаются проверить, не ослаб ли я, дабы погубить. Я должен безжалостно пресекать их попытки, иначе потеряю все, что приобрел в результате тяжких трудов. Я желаю лишь мира и спокойствия, а награда за это — ненависть! Я заставлю негодяя испить кубок смерти, опущу карающий меч на голову этого мясника, о мой племянник! Безумец из безумцев, палач, оскверняющий мир, бросающий вызов священной воле Аллаха, умрет! Клянусь бородой Пророка, я исполню долг отмщения!

Я подождал, пока он немного успокоился.

— О шейх, — произнес я, — два человека были убиты свинцовыми пулями; двоих пытали, замучив одним и тем же способом. Скорее всего, будут новые жертвы. Я разыскиваю пропавшую

подругу. Она жила у Тамико и послала мне записку, по которой видно, что она очень напугана. Я опасаюсь за ее жизнь.

Папа нахмурился:

— Мне сейчас не до твоих забот, — проворчал он. Фридландер-Бей все еще не мог оправиться от ужасного события. С точки зрения старика, содеянное с Абдуллой в чем-то гораздо страшнее, чем то, что убийца сделал с Тами. — Я был готов поверить, что виновен ты, мой племянник, не докажи ты сейчас свою непричастность; ты умер бы ужасной медленной смертью в этой комнате. Хвала Аллаху, который не дал свершиться подобной несправедливости. Ты казался самым подходящим объектом для моего мщения, но теперь я должен найти настоящего виновника, чтобы обрушить на него свой гнев. Это просто вопрос времени. — Его бескровные губы растянулись в безжалостной улыбке. — Ты сказал, что играл в карты с приятелями в «Кафе Солас». Значит те, кто были тогда с тобой, тоже имеют алиби. Назови их.

Я перечислил имена друзей, довольный, что избавил их от допроса с пристрастием, который пришлось претерпеть мне.

— Выпьешь еще кофе? — устало спросил Фрид-

ландер-Бей.

— Да направит нас Аллах, я утолил жажду.

— Пусть дни твои текут в богатстве и изобилии, — сказал Папа. Он тяжело вздохнул. — Иди с миром.

— С твоего позволения, — произнес я, вставая.

— Да проснешься ты утром в добром здравии. Я вспомнил Абдуллу.

— Иншалла. — Говорящий Булыжник уже распахнул дверь; покидая комнату, я почувствовал великое облегчение, словно приговоренный к смерти, с которого в последний момент сняли петлю. Снаружи, под ясным ночным небом, расшитым яркими блестками звезд, стоял сержант Хаджар, прислонившись к патрульной машине. Я удивился: он должен был давным-давно вернуться в город.

— Вижу, ты оказался чистым, — сказал он мне. — Залезай с той стороны.

— Что, сесть впереди?

— Ага. — Мы забрались внутрь. Никогда не сидел рядом с водителем полицейской машины. Если бы только сейчас меня могли видеть друзья…

— Закуришь? — спросил Хаджар, вытащив пачку французских сигарет.

— Нет, эту отраву не употребляю.

Он завел машину, объехал вокруг мотеля и направился к центру города, включив мигалки, распугивая всех местных котов завыванием сирен.

— Купишь немного «солнышек»? — снова спросил легавый. — Я знаю, эту отраву ты точно употребляешь.

Мне очень хотелось пополнить свой запас сонеина, но покупать наркотик у легавого казалось несколько необычным. На торговлю зельем в Будайине смотрели сквозь пальцы, как и на другие безвредные шалости обитателей здешних мест.

Немало легавых следило за исполнением далеко не всех законов; у многих можно было без опаски покупать пилюльки. Я просто не доверял сержанту.

— Почему ты вдруг воспылал ко мне такой симпатией, Хаджар? — спросил я.

Он повернул голову и ухмыльнулся:

— Я не ожидал, что ты выйдешь из мотеля живым, — сказал он. — Но ты выкарабкался, а значит, Папа поставил тебе на лбу печать: «С этим парнем все о'кей». Что хорошо для Папы, хорошо для меня. Дошло?

Да, теперь до меня дошло. Я думал, что Хад-

жар работает на лейтенанта Оккинга и охрану правопорядка, но сержант был собственностью Фридландер-Бея.

— Ты можешь подбросить меня к заведению Френчи? — спросил я.

— Френчи? А, там работает твоя девочка, правильно?

— Ты всегда в курсе событий.

Он повернул голову и снова ухмыльнулся:

— Шесть киамов за штуку, я говорю о «солнышках».

— Шесть? — отозвался я. — Таких цен не бывает! Я всегда могу достать их за две с половиной.

— Ты что, спятил? Нигде в городе не найдешь дешевле, чем за четыре, а ты такого места не знаешь!

— Ладно, — сказал я. — Даю три киама за каждую.

Хаджар закатил глаза.

— Не трать понапрасну слов, — сказал он презрительно. — С помощью Аллаха я сумею обеспечить себе пропитание и без твоих грошей.

— Какова минимальная цена? Самая минимальная, Хаджар, понимаешь?

— Называй любую, которую сам сочтешь справедливой.

— Три киама, — повторил я.

— Ну хорошо, только для тебя, — очень серьезно произнес Хаджар, — я отдам товар за бесценок: пять с половиной.

— Три с половиной. Не продашь ты, найду кого-нибудь другого.

— Аллах напитает меня. Желаю удачи.

— Что за черт, Хаджар? О'кей, четыре. — Ты, видно, решил, что я хочу их тебе подарить?

— Ничего себе подарок по такой цене! Четыре с половиной. По рукам?

— Хорошо. Господь меня поддержит. Я ничего не выгадываю, но уж ладно, давай сюда деньги, и покончим с этим. — Вот так торгуются арабы в нашем городе, будь то базар или переднее сиденье патрульной машины.

Я дал ему сотню киамов, он мне — двадцать три «солнышка». Пока мы добирались до бара Френчи, он успел трижды напомнить, что одну пилюльку прибавил бесплатно, как подарок. Когда доехали до Будайина, машина не сбавила ход: пулей пролетев сквозь ворота, она помчалась по Улице. Водитель полагал, что все прохожие должны разбегаться в разные стороны, завидев его. Он оказался прав. Почти… Когда наконец доехали до заведения Френчи, я открыл дверцу,

собираясь вылезти.

— Эй, — произнес легавый таким тоном, словно я оскорбил его в лучших чувствах, — ты не хочешь угостить меня стаканчиком?

Уже стоя на тротуаре, я захлопнул дверцу машины и наклонился, глядя на Хаджара через окошко.

— Я просто не могу тебя пригласить, как бы мне ни хотелось. Сам понимаешь, если друзья увидят, что я выпиваю с полицейским… Подумай, что будет с моей репутацией. Бизнес есть бизнес, Хаджар.

Он улыбнулся:

— А дело есть дело. Знаю, знаю, слышал это раз сто. Ладно, еще увидимся. Машина сорвалась с места и, гордо рыча, умчалась.

Я вспомнил про кровь на лице, руках и одежде, только когда устроился возле стойки. Слишком поздно: Ясмин уже меня заметила. Я застонал от досады. Мне срочно требовалось стимулирующее средство, чтобы выдержать предстоящую сцену. К счастью, я раздобыл массу «солнышек»…

Глава 9

Утром меня опять разбудил телефон. На сей раз найти его оказалось гораздо проще: я лишился джинсов, к которым он был пристегнут, а также рубашки. Ясмин решила, что гораздо легче просто выбросить их, чем попытаться отмыть кровавые пятна. Кроме того, заявила она, ей не хочется каждый раз, проводя своими холеными ногтями по моим бедрам, вспоминать о Сонни. Рубашек у меня было много, а вот с джинсами — проблема… В четверг нужно первым делом раздобыть новую пару.

Так, по крайней мере, я планировал начать день, но телефонный звонок внес свои коррективы.

— Да, я слушаю, — откликнулся я.

— Алло! Приветствую тебя! Как здоровье?

— Слава Аллаху, все нормально. Кто говорит?

— Прошу прощения, о проницательный друг мой, я думал, ты узнаешь мой голос. Это Хасан. Я зажмурил глаза, снова открыл их.

— Привет, Хасан. Я слышал о том, что произошло с Абдуллой прошлой ночью, от Фридландер-

Бея. Слава Богу, с тобой все в порядке.

— Да благословит тебя Аллах, дорогой мой. Однако я должен передать тебе приглашение от Фридландер-Бея. Он желает, чтобы ты посетил его дом и разделил утреннюю трапезу. Он пришлет за тобой машину с водителем.

Мой любимый способ начинать день…

— Я думал, прошлой ночью сумел убедить его, что не виновен в убийстве.

Хасан рассмеялся:

— О, нет, тебе нечего бояться! Это просто дружеское приглашение, Фридландер-Бей хочет возместить беспокойство, которое ты, возможно, испытал вчера. Кроме того, он, очевидно, попросит оказать ему одну услугу. Ты можешь заработать деньги, Марид, сын мой. Большие деньги.

Мне вовсе не хотелось брать Папины сребренники, но отвергнуть приглашение было невозможно; в его городе такое не делается.

— Когда прибудет машина?

— Очень скоро. Приведи себя в порядок, а когда встретишься с Фридландер-Беем, хорошенько выслушай, что он тебе предложит. Если проявишь мудрость, получишь большую выгоду — Спасибо, Хасан.

— Не стоит благодарности, — ответил он и прервал разговор Я откинул голову на подушку и задумался Много лет назад я твердо обещал себе, что никогда не возьму денег из рук Папы, даже в виде законной платы за обычную работу, если в результате войду в число его «друзей и доверенных помощников». В общем, я свободный художник. Но, чтобы сохранить подобный статус, сегодня придется соблюдать предельную осторожность.

Ясмин, конечно, еще спала, и я не стал ее будить: пока не закончится пост.

Френчи будет открывать свое заведение после захода солнца Я отправился в ванную, вымыл лицо, почистил зубы. Для визита следует надеть галабийю: Папа сочтет это за желание угодить ему и останется доволен. Кстати, надо обязательно захватить с собой какой-нибудь небольшой подарок: нынешний визит будет разительно отличаться от предыдущего. Я быстро привел себя в порядок и оделся, вместо кафии натянув вязаную шапочку, которую принято носить у меня на родине.

Запихнув в сумку телефон, несколько банкнот, ключи, осмотрел свои апартаменты и, охваченный предчувствием надвигающейся беды, вышел

на улицу. Вообще-то, надо было оставить записку, чтобы Ясмин знала, куда я пошел, но, если мне не суждено вернуться, такая бумажка ей просто не понадобится.

Воздух теплый, как парное молоко; близился вечер, и город нежился, омытый освежающе-ласковым дождиком Я зашел в ближайший магазин и купил корзинку с разными фруктами, потом вернулся к своему подъезду. С наслаждением втянул в себя свежий, чистый запах дождя, стучащего по мостовой. Длинный черный лимузин уже негромко рокотал у дома. Водитель, облаченный в форменную одежду, стоял на крыльце, чтобы не промокнуть. Он прикоснулся к фуражке, приветствуя меня, и открыл заднюю дверцу своей роскошной машины. Я залез внутрь, твердя про себя короткую молитву. Дверца захлопнулась, и мгновенье спустя машина уже мчалась по улицам к великолепному дому Фридландер-Бея.

Возле ворот в высокой, увитой плющом стене стоял охранник в форме. Он пропустил лимузин; мы поехали по посыпанной гравием дорожке, изящно опоясывавшей ухоженный сад. Изобилие ярких тропических цветов — настоящее буйство красок! Позади возвышаются финиковые пальмы и банановые деревья. В целом сад казался как-то

естественней, радовал глаз и успокаивал душу гораздо больше, чем деревья и цветы, рассаженные вокруг жилища Сейполта согласно чуждому природе, жесткому плану. Мы двигались медленно; галька под шинами приятно поскрипывала. В этом оазисе, отгороженном от остального мира, все было тихо и безмятежно, словно стены оберегали Папу не только от нежданных гостей, но и от городского шума и суеты. Сам дом состоял всего из двух этажей, но он высился на участке земли в самом центре города, который стоил целое состояние.

Над зданием возвышалось несколько башен — без сомнения, там находилась охрана; кроме того, Фридландер-Бей имел собственный минарет. Интересно, держит ли Папа еще и своего муэдзина, чтобы поднимал его на молитву…

Водитель остановил машину перед широкими мраморными ступенями парадного входа. Мало того что парень услужливо открыл дверцу лимузина, он еще проводил меня вверх по лестнице! Дабы не утруждать почетного гостя, сам постучал по высокой двери полированного красного дерева. Привратник, или кто-то из прислуги низшего ранга, открыл нам, и водитель торжественно объявил: «Гость нашего господина-». Потом он

вернулся к машине, а слуга, поклонившись, пригласил меня войти.

И вот я в доме Фридландер-Бея! Великолепная дверь захлопнулась, и мое распаренное, потное лицо овеял ласковый прохладный воздух. По дому разносился легчайший аромат благовоний.

— Сюда, пожалуйста, — произнес служитель. — Хозяин сейчас погружен в молитву. Вы можете подождать в этих покоях.

Я поблагодарил слугу, который, в свою очередь, с самым искренним видом попросил Аллаха сделать для меня массу приятных вещей. Затем он испарился, оставив меня в одиночестве в небольшой комнате. Я бродил по ней, восхищенно разглядывая драгоценные безделушки, собранные Папой за свою долгую, полную приключений жизнь. Наконец открылась дверь, и один из Говорящих Булыжников знаком подозвал меня. Я увидел Папу, который аккуратно складывал молитвенный коврик, чтобы положить в ящик стола. В его кабинете был сделан михраб, имеющийся в любой мечети, который указывал, где находится Мекка.[13]

Папа повернулся ко мне, и его пухлое, серова-

[13] Примечания: 13

Мусульманам предписано молиться, обратившись лицом к священному городу.

то-бледное лицо сразу осветилось подкупающе-искренней улыбкой радости при виде дорогого гостя. Он быстро подошел ко мне и тепло приветствовал; на сей раз ритуал был соблюден полностью. Я предложил хозяину свой скромный дар и увидел, что угодил Папе.

— Плоды сочны, свежи и просто просятся, чтобы их отведали, — произнес он, поставив корзинку на низенький столик. — Я наслажусь ими после захода солнца, мой племянник; благодарю тебя за заботу. А сейчас чувствуй себя как дома. Мы должны побеседовать, а когда наступит время дозволенной трапезы, прошу оказать мне честь, разделив скромный завтрак. — Он указал на антикварный диван, стоивший целое состояние. Сам Папа раскинулся на таком же бесценном произведении искусства; теперь мы могли созерцать друг друга, разделенные лишь несколькими футами драгоценного ковра, выдержанного в голубых и золотых тонах.

Я терпеливо ждал, когда он начнет разговор.

Папа погладил себя по щеке и стал буравить меня взглядом. Господи, неужели он не насмотрелся на мою физиономию в прошлую ночь?

— Цвет кожи выдает в тебе уроженца Магриба, — произнес он. — Ты родился в Тунисе?

— Нет, о шейх. Я родом из Алжира.

— В жилах одного из твоих родителей наверняка текла берберская кровь.

Слова Папы задели меня. Причины подобной чувствительности уходят корнями в глубь веков, но все это древняя история, сейчас она потеряла всякий смысл. Я решил обойти арабо-берберский вопрос и сказал просто:

— Я мусульманин, о шейх, а отец мой был французом.

— Есть пословица, — сказал Фридландер-Бей, — которая гласит, что, если спросишь мула о родословной, он скажет только, что один из его родителей был лошадью. — Я счел эти слова легким упреком; значение подобных упоминаний станет яснее, если учесть, что осел и собака для араба — в числе самых нечистых животных. Должно быть, Папа заметил, что лишь усилил мое смятение: тихонько рассмеявшись, он помахал рукой. — Прости меня, о племянник! Я просто подумал, что твоя речь выдает уроженца Магриба. Конечно, язык, на котором говорят здесь, в городе, — это смесь египетского, ливанского, магрибского диалектов и фарси.

Сомневаюсь, что сейчас кто-нибудь может говорить на чистом арабском языке, если подобная

вещь вообще сохранилась где-либо, кроме Несомненного Писания.[14] Я не хотел обидеть тебя; и к этому извинению должен прибавить еще одно, о мой племянник, за все, что произошло прошлой ночью. Надеюсь, ты в силах понять, почему так получилось.

Я мрачно кивнул, но промолчал.

Фридландер-Бей продолжил:

— Нам придется вернуться к неприятному вопросу, который мы коротко успели обсудить в мотеле. Убийцу надо остановить. Выбора у нас нет. Пока что убиты четверо, из них трое связаны со мной. Я могу рассматривать это только как покушение на меня, неважно, прямое оно или косвенное.

— Трое? — спросил я. — Абдулла абу-Зайд, разумеется, был одним из твоих людей. Но русский? Или Сестры Черной Вдовы? Ни один сутенер не осмелился бы даже сделать попытку заполучить их в свой гарем. Тамико и Деви больше всего на свете ценили независимость.

Папа брезгливо махнул рукой:

---

[14] Примечания: 14

Наряду с несколько архаичным литературным языком, употребляющимся в официальных выступлениях и т. д., существует множество разговорных диалектов (самые распространенные — сирийский и египетский) для общения в повседневной жизни; не изучив их, трудно понять речь современного араба.

— Я никак не вмешивался в деятельность Сестер, связанную с проституцией.

Хотя многие из моих друзей считают дозволенным для себя извлекать доход из всевозможных видов порока, мои интересы не связаны со столь низменной сферой.

Сестры могли беспрепятственно заниматься постыдным делом, не отдавая никому ни киама из заработанных денег. Нет, для меня они выполняли совсем иные поручения; секретные, опасные, но крайне необходимые. Я застыл от изумления.

— Тами и Деви убивали по твоему приказу?

— Да. Селима будет и впредь исполнять мои решения подобного рода, принимаемые в случае, когда иного выхода нет. Мы хорошо платили Тамико и Деви, я полностью на них полагался и доверял, а они ни разу не подводили. Смерть Сестер причинила мне немалое беспокойство. Непросто найти замену таким знатокам своего дела, особенно если учесть, что у нас сложились прекрасные деловые отношения.

Мне понадобилось какое-то время, чтобы переварить услышанное; в принципе, принять это было нетрудно, хотя информация оказалась довольно неожиданной. На самом деле, время

от времени я задавался вопросом, как Сестрам все сходит с рук, хотя они действуют открыто и вызывающе-нагло; то, что сказал Папа, все объясняло. Сестры работали как секретные агенты Фридландер-Бея, и их защищали от неприятностей. Точнее, должны были защищать… И все же две Сестры теперь лежат в морге.

— Если бы Тами и Деви умертвили одинаковым способом, — произнес я, просто размышляя вслух, — было бы проще понять, что произошло. Но Деви застрелили с помощью старинного оружия, а Тами пытали и перерезали горло бритвой.

— То же самое подумал и я, мой племянник, — сказал Папа. — Прошу тебя, продолжай. Может быть, ты прольешь свет на эту тайну.

Я пожал плечами:

— Вообще-то, даже эти факты ни о чем не говорили бы, если бы другие не были убиты таким же способом. Возможно, здесь действуют двое…

— Я найду их, — бесстрастно произнес старец. Он не угрожал, не клялся покарать негодяев — просто констатировал факт.

— Мне сейчас пришло в голову, о шейх, — сказал я, — что преступник, использующий пистолет, может иметь политические мотивы. Я видел, как он застрелил одного русского,

служившего мелким функционером в представительстве Украино-Белорусского Царства; Убийца подключил личностный модуль Джеймса Бонда и использовал тот же тип оружия, что и персонаж, на основе которого создавался модуль. Мне кажется, что обычный преступник, убивающий в порыве ярости или, скажем, во время ограбления, нацепил бы другой модик или вообще оставался самим собой. Модуль Бонда может дать определенные знания, умение и навыки профессионального убийцы. Он пригодится лишь хладнокровному исполнителю, чьи действия — часть какой-то большой операции.

Фридландер-Бей нахмурился:

— Ты не убедил меня, о племянник. Между твоим дипломатом и моей Деви нет ни малейшей связи. Идея о политическом убийстве пришла тебе в голову только потому, что русский работал на дипломатической службе. Деви не знала и не хотела знать о том, что происходит за пределами Будайина. Она не служила помехой и не помогала никаким политическим движениям или партиям. Твои доводы относительно Джеймса Бонда заслуживают дальнейшего изучения, но сама идея неосновательна.

— О шейх, может быть, у тебя есть какие-то

предположения?

— Пока нет, — ответил он, — но я только приступил к сбору сведений. Вот почему мне хотелось обсудить с тобой сложившуюся ситуацию. Ты не должен думать, что мной движет лишь жажда мести. Конечно, я хочу отплатить убийце, но это беспокоит меня неизмеримо меньше, чем личная безопасность. Говоря попросту, я должен защитить свои интересы. Должен продемонстрировать друзьям и доверенным помощникам, что не допущу, чтобы им в дальнейшем грозила гибель. В противном случае, я потеряю поддержку людей, на которых зиждется вся моя власть и могущество. Если рассматривать убийства вне связи с тем, что я сейчас сказал, в них нет ничего невероятного. Да, страшные, отвратительные деяния, однако подобные вещи происходят в любом большом городе каждый день. Но взятые вместе, они представляют вызов и угрожают моему существованию. Ты понимаешь меня, о племянник?

Что ж, он изложил все предельно ясно.

— Да, о шейх, — ответил я; мне хотелось услышать обещанные Хасаном предложения.

Фридландер-Бей помолчал, внимательно рассматривая меня.

— Ты очень не похож на большинство моих

друзей в Будайине, — сказал он наконец. — Почти все в нашем квартале хоть как-то модифицировали тело и мозг.

— Что ж, если им это по карману, — ответил я, — пусть делают со своей плотью, что пожелают. Что касается меня, о шейх, то я довольствуюсь тем, что даровал мне Аллах. Я обращался к хирургам лишь тогда, когда возникала прямая угроза здоровью. Ведь эта плоть — создание Господа Всех Миров.

Папа кивнул:

— А мозг?

— Иногда я соображаю не так быстро, как хотелось бы, но в целом он исправно служит мне. Никогда не испытывал желания вставить в голову розетку, если ты это имеешь в виду, шейх.

— Однако ты принимаешь в больших количествах наркотические вещества.

Прошлой ночью тебя не удержало даже мое присутствие. — На это мне нечего было ответить. — Ты гордый человек, о мой племянник. В досье, которое на тебя составили, особо выделена эта черта характера. Тебе нравится состязаться в силе воли, разума, физической выносливости с людьми, получившими преимущества благодаря различным приставкам и личностным модулям.

Опасное занятие, но, как видно, тебя ни разу не задели противники.

Его слова воскресили в памяти несколько очень неприятных воспоминаний.

— Увы, задевали, и не раз, о шейх. Он засмеялся:

— Но даже это не заставило тебя подвергнуться модификации. Твоя гордость проявляется в стремлении — как говорят франки-христиане, правда по другому поводу, — *«жить в этом мире, но не принадлежать к нему».*[15]

— Ну да, «равнодушно взирать на его богатства и оставаться чистым от зла его». Ну прямо мой портрет! — Папа оценил иронию, сквозящую в моих словах.

— Я хочу, чтобы ты помог мне, Марид Одран, — произнес он.

Вот так, предельно четко и недвусмысленно: или «да», или «нет».

Папа поставил меня в крайне неприятное положение. Я мог сказать: «Конечно, сделаю все, что в моих силах» — и предать себя, потому что

---

[15] Примечания: 15

Знаменитая фраза из классического трактата средневекового христианского философа-мистика, монаха и богослова Фомы Кемпийского „О подражании Христу“. В оригинале — совет послушникам исполнять все, что требуется в повседневной жизни, но не позволять ни внешнему миру, ни внутренним соблазнам поработить их.

торжественно поклялся не поступать так ни при каких обстоятельствах. С другой стороны, если я откажусь, то оскорблю самого могущественного человека в моем мире. Я глубоко вздохнул, тщательно обдумывая ответ.

— О шейх, — сказал я наконец, — заботы, одолевающие тебя, это и наши заботы; их разделяют все жители Будайина, да и остального города тоже. И, конечно, каждый, кому дороги его собственное спокойствие и безопасность, с готовностью поможет тебе. Я сделаю все, что в моих силах, но боюсь, что не принесу большой пользы.

Фридландер-Бей провел ладонью по щеке и улыбнулся.

— Я понимаю: ты не испытываешь желания стать одним из моих «помощников».

Пусть будет так. Даю тебе слово, о мой племянник, что, если ты согласишься помочь мне в этом деле, на тебя не ляжет печать «человека Папы». Ты почитаешь за счастье свободу и независимость, и, поверь мне, я не отниму самое дорогое у человека, оказавшего мне великую услугу.

Не содержится ли здесь намек на то, что он может отнять «самое дорогое» у того, кто откажется оказать ему эту великую услугу? Папе ничего не стоит навсегда лишить меня свободы, попросту

закопав глубоко на кладбище, под нежной зеленой травкой.

Барака. Это слово с трудом поддается переводу. В зависимости от контекста, оно означает магию, особую притягательную силу, харизму, или уникальный дар, ниспосланный Аллахом. Подобным качеством могут быть наделены определенные места; люди приходят к гробницам святых, стремятся коснуться холодного камня, надеясь, что немного «бараки» перейдет к ним. Баракой обладают люди: среди дервишей в особенности развита вера в то, что некоторых счастливчиков Аллах выделил как своих любимых сынов, и, следовательно, их надо всячески почитать. У Фридландер-Бея имелось больше бараки, чем у всех священных гробниц в Магрибе вместе взятых. Не знаю, стал ли он повелителем нашего квартала из-за этой бараки, или приобрел ее по мере роста богатства, влияния и власти. Как бы то ни было, очень трудно отвергать его «просьбы».

— Как я смогу помочь? — Я почувствовал себя опустошенным, вывернутым наизнанку, словно только что капитулировал после долгих лет ожесточенной борьбы.

— Я желаю, чтобы ты стал орудием моей мести, о племянник, — произнес Папа.

Я отпрянул, потрясенный до глубины души. Уж мне-то хорошо известно, какая это непосильная задача для моих слабых сил. Я уже пытался объяснить Папе, что не справлюсь, но он просто отбросил мои возражения, решив, что я прибедняюсь.

Во рту сразу пересохло.

— Я уже сказал, что помогу, но ты просишь слишком многого. На твоей службе состоят гораздо более компетентные люди.

— У меня есть крепкие бойцы, сильнее и выносливее, чем ты, — ответил Фридландер-Бей. — Слуги, с которыми ты встретился прошлой ночью, намного превосходят тебя в физическом отношении, но у них нет таких интеллектуальных способностей. Мой доверенный помощник Хасан-Шиит обладает проницательным умом, но его нельзя назвать мужественным, способным на решительные действия. О мой возлюбленный племянник, я перебрал своих друзей, подумал о достоинствах каждого, и вот мое решение: из всех, кого я знаю, только ты обладаешь всеми качествами, необходимыми для успеха нашего дела. Очень важно также то, что я доверяю тебе; увы, как ни печально, я не могу сказать этого о многих моих друзьях. Ты пользуешься полным

доверием, ибо не стремишься возвыситься, как остальные. Ты не пытаешься использовать нашу дружбу для собственных целей; ты не вероломный льстец — видит Аллах, я устал от подобных червей! Для важной работы, которую нам надо выполнить, необходим человек, в котором я бы не сомневался: вот одна из причин, почему наша встреча вчера была для тебя такой тяжелой. Ты прошел испытание на стойкость и доказал, что достоин доверия. Когда ты покидал меня, я знал, что нашел нужного человека.

— Ты оказал мне честь, о шейх, но, боюсь, я не разделяю твою уверенность в успехе. Он воздел правую руку, сильно дрожащую.

— Я не закончил, о племянник. Есть еще причины, почему ты должен исполнить мою просьбу, и эти причины сулят большие выгоды тебе, а не мне. Прошлой ночью ты попытался рассказать о своей подруге Никки; я прервал твою речь. Я должен снова попросить у тебя прощения. Ты совершенно прав, беспокоясь о ее безопасности. Я уверен, что исчезновение девушки — дело рук одного из убийц; возможно, она тоже умерщвлена. Дай Бог, чтобы тревога оказалась напрасной: кто знает? Однако если есть надежда найти ее живой и невредимой, эта надежда зиждется лишь на

тебе одном. Ты и я — вместе, опираясь на все мое могущество и богатство, — найдем убийц. Мы подыщем наказание, которое они заслужили, как указано в Правой Стезе. Если возможно, спасем Никки; кто знает, сколько жизней еще мы можем спасти? Разве то, что я сейчас сказал, — недостойные причины?

Неужели ты все еще колеблешься?

Слышать такое, конечно, очень приятно, но лучше бы Папа расточал сейчас комплименты кому-нибудь другому. Сайед, например, отлично подойдет, особенно с этим его суперменским модиком. Но, как бы то ни было, у меня не оставалось выбора.

— Я сделаю все, что в моих силах, о шейх, — промолвил я нерешительно, — но все-таки не уверен, что оправдаю твои надежды.

— Что ж, это хорошо, — ответил Фридландер-Бей. — Неуверенность поможет тебе оставаться в живых подольше.

Зря он произнес последнюю фразу: получалось так, что шансов вообще выжить у меня практически никаких, но постоянные сомнения дадут возможность немножко продлить процесс умирания.

— Будет так, как пожелает Создатель Миров, —

заключил я мрачно.

— Да благословит тебя Аллах, сынок. Теперь мы должны договориться об оплате. Новая неожиданность.

— Я не думал о плате, о шейх. Папа словно не услышал меня.

— Человек должен питаться, — сказал он коротко. — Тебе будут выдавать сто киамов в день до тех пор, пока мы не покончим с этим делом. — «Покончим»… Да, слово выбрано как нельзя более точно: либо мы покончим с двумя погаными псами, либо они покончат со мной.

— Я не просил столь высокой платы, — сказал я. Сотня в день… Что ж, как только что изящно выразился Папа, человек должен питаться. Только интересно, чем я, по мнению Папы, привык питаться…

Он снова проигнорировал мои слова, сделал знак Говорящему Булыжнику. Слуга приблизился и вложил в руку Фридландер-Бея конверт.

— Здесь семьсот киамов, — сказал мне Папа. — Плата за первую неделю. — Он передал конверт Булыжнику; тот подошел ко мне.

Если я сейчас возьму конверт, это послужит знаком полного подчинения воле Фридландер-Бея. Нельзя передумать, нельзя повернуться и уйти,

нельзя отказаться: мои обязательства будут существовать, пока существуют поганцы, убившие Тами, Деви и Абдуллу, или пока существую я.

Я взглянул на белоснежный конверт, зажатый в огромной руке. У Булыжника даже кожа была как цвет камня, желтовато-серый. Я нерешительно протянул руку, отдернул ее; затем, собравшись с духом, принял конверт.

— Премного благодарен, — сказал я. Папа, казалось, был доволен.

— Надеюсь, они подарят тебе радость, — сказал он. Да уж, пусть по крайней мере помогут расслабиться: ведь потом придется в поте лица отрабатывать каждый грошик.

— О шейх, что мне следует предпринять? — спросил я.

— Сначала, мой племянник, ты должен пойти к лейтенанту Оккингу и поступить так, как он скажет. Я сообщу ему, что мы собираемся сотрудничать с полицейским ведомством и окажем полное содействие в расследовании этого дела. Есть вещи, которые мой доверенный помощник сможет сделать гораздо эффективнее, чем полиция; не сомневаюсь, что лейтенант согласится. Я считаю, что временный союз наших организаций послужит интересам всех общин Будайина.

Оккинг передаст тебе всю имеющуюся у него информацию об убийствах, возможно, примерное описание того, кто перерезал горло Тамико и Абдуллы абу-Зайда, и другие сведения, которые до сих пор считал конфиденциальными. В свою очередь, ты заверишь его, что будешь немедленно сообщать полиции все, что нам удастся обнаружить.

— Лейтенант Оккинг — хороший человек и отличный профессионал, — заметил я, — но он проявляет готовность к сотрудничеству только когда сам захочет, а это происходит, если ему это выгодно.

Папа коротко улыбнулся:

— Теперь он будет с тобой сотрудничать, я позабочусь об этом. Очень скоро Оккинг выяснит, Что подобный союз ему выгоден. — Раз Папа обещал, значит, так и будет: он единственный, кого может послушаться Оккинг.

— А потом, о шейх?

Он наклонил голову и снова улыбнулся. Сам не знаю почему, меня внезапно охватил озноб, словно ледяной порыв ветра прорвался из внешнего мира в неприступную крепость Фридландер-Бея.

— Ты можешь представить себе момент или какие-то особые обстоятельства, по которым ре-

шишься подвергнуться модификации, от чего так упорно отказывался до сих пор? Холод пробрал меня до костей.

— Нет, о шейх, — произнес я, — не представляю себе ни такого момента, ни таких обстоятельств; но это вовсе не значит, что это никогда не произойдет. Кто знает, может быть, когда-нибудь в будущем я почувствую потребность модифицировать себя…

Он кивнул:

— Завтра пятница, и я не могу заниматься делами.[16] Тебе тоже нужно время, чтобы хорошенько обдумать свои планы. Что ж, тогда понедельник. Да, понедельник подойдет.

— Подойдет? Для чего?

— Для встречи с моими личными хирургами, — коротко ответил он.

— Нет, — прошептал я в ужасе.

Неожиданно Фридландер-Бей преобразился. Он больше не был добрым дядюшкой.

Рядом со мной сидел повелитель, чьи приказы выполняются беспрекословно.

— Ты принял мои деньги, племянник, — сказал он резко, — и сделаешь так, как я скажу. Ты

---

[16] Примечания: 16
Пятница — день отдохновения у мусульман.

не сумеешь одолеть наших врагов, если не модифицируешь мозг. Мы знаем, что по крайней мере один из убийц может пользоваться электронными устройствами, стимулирующими работу рассудка. Ты должен иметь такую же возможность и даже приобрести способность пользоваться ею в гораздо большей степени, чем остальные. Мои хирурги дадут тебе серьезные преимущества перед убийцами.

На плечи, словно две гири, опустились каменные десницы, удерживая меня на стуле. Вот теперь действительно обратной дороги нет.

— Какие преимущества? — спросил я, ожидая услышать новые кошмары. Все тело покрылось противным липким холодным потом. Я запаниковал. Я не хотел вставлять в мозг розетку больше из животного, бессмысленного страха перед этой процедурой, чем в силу каких-то принципов. Сама мысль вызывала такой парализующий ужас, что мое состояние граничило с настоящей фобией.

— Хирурги все тебе объяснят, — сказал Папа.

— О шейх, — произнес я срывающимся голосом, — я не хочу…

— События повернулись так, что придется поступить вопреки твоим желаниям, — ответил

он. — В понедельник ты изменишь мнение; ты будешь думать по-другому.

Да, я буду думать по-другому, но не потому, что изменится мое мнение об операции. Просто Фридландер-Бей и его хирурги изменят мой мозг.

Глава 10

— Лейтенанта Оккинга нет, — сообщил полицейский в форме. — Может быть, я смогу вам помочь?

— Скоро он вернется? — спросил я. Часы над рабочим столом, фараона показывали десять без нескольких минут. Интересно, до какого времени Оккинг собирается работать сегодня ночью? Мне очень не хотелось иметь дело с сержантом Хаджаром; как бы он ни был связан с Папой, я все равно ему не доверял.

— Лейтенант сказал, что сейчас вернется. Он спустился за какой-то надобностью на первый этаж.

Хорошие новости…

— Можно подождать в его кабинете? Мы с Оккингом старые приятели.

Фараон недоверчиво оглядел меня:

— Разрешите взглянуть на ваше удостоверение личности? — Я протянул свой алжирский паспорт: он, правда, просрочен, но больше никаких документов с фотографией у меня не имелось. Фараон ввел данные в компьютер, и почти сразу

же на дисплее появилась история моей богатой приключениями жизни. Очевидно, полицейский все-таки решил, что перед ним добропорядочный гражданин: он вернул мне паспорт, несколько мгновений с любопытством разглядывал мою физиономию и наконец произнес:

— Вы с Оккингом побывали в разных переделках.

— Да, это долгая история, — ответил я скромно.

— Он будет минут через десять. Можете подождать в кабинете.

Я поблагодарил и вошел в кабинет, в котором действительно частенько бывал.

Мы с Оккингом выглядим довольно странно в качестве напарников, учитывая, что работаем по разные стороны закона… Я устроился рядом с рабочим столом лейтенанта и стал ждать. Скоро мне надоело сидеть без дела, и я принялся разглядывать бумаги, лежащие на столе, пытаясь прочитать надписи вверх ногами.

Ящик с исходящими бумагами был заполнен наполовину, но входящих документов и дел было несравненно больше. Оккинг сполна отрабатывал свое ничтожное жалованье. Я заметил большой конверт, адресованный торговцу ручным оружием из Федерации Ново-Английских

Штатов Америки; послание к какому-то доктору в нашем городе, подписанное от руки; элегантный конверт, адресованный фирме «Юниверсал Экспорте», офис которой расположен в районе порта, — может, это одна из компаний, с которой имеет дело Хасан, или она принадлежит Сейполту, — и толстенный пакет, который будет отправлен производителю канцелярских принадлежностей в протекторате Брабант.

Я успел уже рассмотреть практически каждую пылинку в кабинете Оккинга, когда, час спустя, появился хозяин.

— Надеюсь, я не заставил тебя долго ждать, — произнес он небрежно. Какого черта ты здесь делаешь, Одран?

— Рад вас видеть, господин лейтенант. Я только что имел встречу с Фридландер-Беем. Он сразу насторожился.

— Вот так, значит… Теперь ты мальчик-посыльный трущобного халифа, страдающего манией величия… Намекни, пожалуйста, как это считать — падением или, наоборот, возвышением для тебя, а, Одран? Как я понимаю, старый заклинатель змей хотел передать с тобой некое послание? Я кивнул:

— Да, насчет этих убийств. Оккинг уселся за

стол и, широко распахнув глаза, изобразил невинного младенца.

— Каких убийств, Марид?

— У двоих дырки от пистолетных пуль, у второй парочки перерезано горло.

Неужели забыл? Или снова все силы уходят на героическую борьбу с уличными шлюхами?

Он злобно посмотрел на меня и поскреб свой квадратный подбородок, который давно бы следовало побрить.

— Нет, не забыл, — резко осадил он меня. — А почему все это вдруг стало волновать Бея?

— Трое из четырех выполняли кое-какую грязную работу для него, когда еще могли ходить без помощи некроманта. Он просто хочет быть уверенным, что больше никто из его… помощников не пострадает. Знаешь, в таких случаях Папа проникается неподдельной заботой о нуждах населения. По-моему, ты всегда недооценивал это его качество.

Оккинг фыркнул:

— Да, тут ты прав. Я всегда подозревал, что страшенные бабы работали на него. Они выглядели так, словно тайком проносили через таможню арбузы под свитером.

— Папа считает, что преступления направлены

против него.

Оккинг пожал плечами:

— Что ж, если он прав, значит, убийцы подобрались никудышные. До сих пор даже не задели нашего Папу.

— Он думает иначе. Женщины, работающие на Бея, — его глаза, а мужчины пальцы. Он сам так выразился, в своей обычной теплой, искрящейся любовью и добротой манере.

— Ну а Абдулла тогда кто? Дырка в его заднице?

Я знал, что мы с Оккингом можем перебрасываться подобными репликами всю ночь напролет. И коротко пересказал суть довольно необычного предложения Папы Как я и ожидал, Оккинг разделял мой пессимизм.

— Знаешь, Одран, — сказал он сухо, — органы охраны правопорядка очень заботятся о своей репутации. Нас и так постоянно пинают газеты и телевидение; не хватало еще взобраться на самое видное место, чтобы публично полизать задницу такого типа, как Фридландер-Бей, раз уж ни одна живая душа не верит, что мы способны разобраться с убийствами без его мудрого руководства!

Я примирительно помахал руками, чтобы

немного разрядить атмосферу.

— Нет, нет. Все не так, как ты думаешь, Оккинг; ты неправильно понял мои слова и неправильно понял побуждения Папы. Никто не хочет сказать, что ты неспособен поймать убийц без посторонней помощи. Эти парни не намного хитрее и сообразительнее, или опаснее, чем обычные поганцы, которых ты тащишь за шиворот в тюрьму каждый день. Фридландер-Бей просто считает, что, поскольку данное дело впрямую затрагивает его интересы, сотрудничество сэкономит массу времени и сил и, кстати, поможет сохранить немало жизней. Разве наши усилия не окупятся, если благодаря им хотя бы один полицейский не наткнется на пулю?

— Или если какой-нибудь шлюхе Папы не вставят нож, вместо более привычного ей инструмента? Ага. Ладно, слушай: мне уже позвонил Папа, когда ты, наверное, только направлялся сюда. Мы с ним прошли через все стадии переговоров, и я дал согласие сотрудничать, но до определенной степени. До определенной степени, Марид. Я не потерплю ни от него, ни от тебя попыток диктовать мне, как вести расследование, вообще — любого вмешательства. Ясно?

Я кивнул. Мне были хорошо знакомы оба дея-

теля. Лейтенант мог возражать сколько угодно:

Папа в любом случае добьется своего.

— Вижу, мы поняли друг друга, — продолжил Оккинг. — Вообще, все это выглядит как-то неестественно: крысы и мыши спешат в церковь помолиться о скорейшем выздоровлении кота. Когда мы заполучим двух психопатов, учти: медовый месяц пройдет. Да, милый, продолжится старая игра в полицейских и воров…

Я пожал плечами:

— Бизнес есть бизнес.

— Как мне надоела эта идиотская поговорка! Ладно, теперь убирайся отсюда!

Я послушно убрался из кабинета, спустился на лифте и покинул негостеприимный казенный дом. Стоял приятный прохладный вечер; огромный шар луны то прятался за сверкающими металлическим блеском облаками, то представал во всей своей красе. Я шагал по улице, погруженный в мрачные мысли. Через три дня в мой мозг вставят розетку. До сих пор я старался отвлечь себя разными делами, но теперь будет масса времени поразмыслить над своей судьбой. Я не чувствовал возбуждения перед грядущей операцией — только голый животный ужас.

Ровно через трое суток Марид Одран перестанет

существовать, и с операционного стола встанет другой человек, считающий себя Одраном, причем я сам никогда не смогу определить, что именно изменилось: сознание этого будет вечно мучить меня, не давать покоя, словно кусочек еды, застрявший между зубов. Все вокруг заметят разницу, но только не я, потому что нельзя посмотреть на себя со стороны.

Я отправился прямиком в клуб Френчи. Ясмин уже трудилась в поте лица, обрабатывая молодого тощего клиента, одетого в живописные просторные белые штаны с завязками вокруг щиколоток и желтовато-серую спортивную куртку. Наряд выглядел намного старше своего владельца и тянул лет на пятьдесят, не меньше.

Все это парень, наверное, приобрел за полтора киама в пыльном углу какого-нибудь магазина подержанных вещей; от его одежды несло нафталином и затхлостью.

Так пахнет платье вашей прабабушки, висящее в шкафу с незапамятных времен.

На сцене работал обрезок по имени Бланка;

Френчи взял себе за правило не принимать на работу гетеросеков. Фемы о'кей, послеоперационные гетеросеки — никаких проблем, но люди, как бы застрявшие между мужским и жен-

ским полом, возбуждали в нем инстинктивное подозрение, что они точно так же заморозят какое-нибудь важное дело, и он не хотел отвечать за последствия. Заходя к Френчи, можно всегда быть твердо уверенным, что не напорешься на кого-нибудь, чья штука окажется больше твоей, за исключением других клиентов и самого Френчи, конечно. Ну, а если обнаружишь эту ужасную истину — что ж, кроме себя, винить будет некого…

Бланка танцевала так, словно мысленно перенеслась куда-то очень далеко; ее бренное тело двигалось с грацией неотлаженного автомата. Подобная манера распространена среди девочек, промышлявших в барах на Улице. Они нехотя дергались, едва попадая в такт музыки, измученные опостылевшей работой, думая лишь об одном — поскорее убраться от жары и слепящего света прожекторов.

Танцовщицы разглядывали свое отражение в мутных стеклах, установленных за сценой, либо упирались взглядом в зеркала на противоположной стене бара, за спинами посетителей; обычно они смотрели поверх голов зрителей, выбрав какую-нибудь точку, от которой во время всего выступления не отрывали глаз. Бланка старалась

выглядеть «клевой телкой» (выражения вроде «обворожительная» или «сексапильная» в ее словарном запасе отсутствуют), но результат получался несколько иной: казалось, девочке только вкатили в челюсть заморозку, и она никак не может решить, приятно это или не. очень… Танцуя, Бланка продавала себя, как коммивояжер — одежду или обувь, то есть изображала нечто, совершенно отличное от обычного «рабочего» образа, который она сразу принимала, сходя со сцены. Ее движения — устало-неуклюжие, бездарные попытки имитации сексуальных поз — должны были, по идее, возбуждать мужчин, но производили нулевой эффект на всех, кроме основательно набравшихся посетителей и клиентов, уже положивших глаз на данную танцовщицу. Я видел Бланку на сцене сто раз. Удручающее впечатление: одна и та же музыка, притоптывания, жесты… Можно заранее предсказать каждое движение, даже неуклюжие «всплески страсти» — каждый раз в одном и том же месте песни.

Наконец Бланка отработала свое; раздались жиденькие аплодисменты, причем в основном старался клиент, который регулярно покупал ей выпивку и воображал, что нашел девуш-

ку, о которой мечтал (в плане удовлетворения сексуальных потребностей). На самом деле, в заведении Френчи, как и в остальных клубах, расположенных на Улице, требуется гораздо больше времени и усилий, чтобы завязать знакомство с длительными последствиями. Это может показаться невероятным, потому что девочки, как стайка саранчи, налетали на любого, решившего заглянуть в клуб. Диалог (и само знакомство) был обычно очень коротким:

— Привет, милый, как тебя зовут?

— Хуан-Ксавьер.

— Ой, как красиво! Ты откуда?

— Новый Техас.

— Ой, как интересно! Давно в нашем городе?

— Пару дней.

— Хочешь меня угостить?

Разговор закончен: знакомство состоялось. Даже суперагент экстра-класса не смог бы вытянуть столько информации за такой рекордно короткий отрезок времени.

Все это было пронизано подспудным ощущением безысходной тоски, словно девочки отчаялись когда-нибудь распрощаться с постылой работой, хотя внешне здесь царила обманчивая атмосфера абсолютной свободы и полной независимости.

«Если придет в голову послать нас к черту, дорогуша, просто закрой за собой дверь и больше не возвращайся!» Но, покинув ночной клуб, девочка могла выбирать два пути: либо открыть дверь другого заведения подобного рода, либо спуститься еще на одну ступеньку лестницы, ведущей на Дно Жизни («Эй, миленький, скучно? Нужна компания? Ищешь чего-нибудь особенное?» Понимаете, что я имею в виду). Годы идут и цены становятся все ниже и ниже, доходы все меньше; вскоре начинаешь продавать себя за стакан белого вина, как одна моя знакомая, Мирабель.

Вслед за Бланкой на сцене появилась настоящая фема по имени Индихар.

Кстати, вполне возможно, это ее настоящее имя. Она пользовалась теми же нехитрыми приемами, что и Бланка: плавно покачивала бедрами и плечами, при этом практически не двигаясь по сцене. Танцуя, Индихар, сама этого не сознавая, шевелила губами, повторяя слова песни. В свое время я интересовался у девочек насчет этого; все они во время выступлений шевелили губами, и тоже бессознательно. Они тогда очень смутились и обещали следить за собой, но, когда снова поднялись на сцену, все повторилось. Наверное, так быстрее летело время, да и веселее все-таки, чем

просто разглядывать посетителей. Танцовщицы извивались, бессмысленно двигали руками, их губы немо шевелились; повинуясь многолетней привычке, почти превратившейся в рефлекс, подсказывавшей, когда надо соблазнительно повилять задом, начинали энергично работать бедрами. Может быть, для новичка зрелище казалось сексуальным и возбуждающим, а качество исполнения вполне окупало расходы посетителей на выпивку — мне трудно об этом судить; я получал свою порцию бесплатно, во-первых, потому что здесь работала Ясмин, а во-вторых, Френчи нравилось со мной болтать. Но если бы пришлось платить, я нашел бы какой-нибудь более интересный способ провести время. Любое занятие интереснее этого, даже сидеть одному в абсолютной темноте в комнате со звуконепроницаемыми стенами.

Я подождал конца выступления Индихар; наконец из гримерной показалась Ясмин. Она подарила мне широкую улыбку, сразу заставив почувствовать себя особенным, не похожим на других. Раздались не очень энергичные аплодисменты: старались три-четыре человека у стойки. Моя девочка сегодня снова сумела заработать популярность, а стало быть, и деньги. Индихар

закуталась в прозрачную накидку и отправилась добывать «чаевые». Я подбросил ей киам и получил легкий поцелуй в благодарность. Индихар — хорошая девчонка. Она всегда играет по правилам и никому не делает пакостей. Бланка — паскуда, а вот с Индихар можно просто дружить.

У самого края стойки я увидел Френчи. Он поманил меня к себе. Хозяин был массивным мужчиной — в его шкуру свободно влезла бы парочка отборных марсельских громил, — с потрясающей пышной черной бородой, по сравнению с которой моя выглядела как подростковый пушок. Френчи обжег меня взглядом, блеснув своими страстными черными глазами.

— Ну, что еще случилось, шеф?

— Нынешней ночью все тихо, — ответил я.

— Твоя девочка сегодня неплохо справляется…

— Приятно слышать, потому что недавно я потерял последний грошик; наверное, выпал из дырки в кармане.

Френчи нахмурился, окинул взглядом мою галабийю.

— Что-то не вижу карманов.

— Несчастье произошло пару дней назад. С тех пор нас питает только любовь.

— Ясмин прицепила какой-то невероятный

модик, и ее танец был прямо-таки потрясающим зрелищем. Посетители забыли обо всем: о недопитых стаканах, о лапках девочек, лезущих в ширинки брюк, — и разинув рты уставились на Ясмин.

Френчи рассмеялся: он знал, что я никогда не оставался совсем без гроша, хотя постоянно твердил об этом.

— Да, бизнес идет паршиво, — пожаловался он в свою очередь, сплевывая в маленький пластиковый стаканчик. Он всегда так говорил. Никто не хвастается приличными заработками на нашей Улице: плохая примета.

— Слушай-ка, — сказал я, — мне нужно поговорить о важном деле с Ясмин, как только она кончит кривляться.

Френчи покачал головой:

— Твоя девочка обрабатывает вон того слюнявчика в феске. Подожди, пока она выдоит его досуха, а потом можешь беседовать сколько душе угодно. Если потерпишь до ухода клиента, я заменю ее кем-нибудь в очередном танце.

— Хвала Аллаху, — сказал я. — Что-нибудь выпьешь со мной? Он улыбнулся:

— Возьми две порции, шеф. И сделай вид, что одна — для меня, другая — для тебя. Выпей их

сам. Я уже давно не переношу это пойло. — Он похлопал себя по объемистому брюху, скорчил гримасу, потом встал и прошелся вдоль стойки, приветствуя завсегдатаев, нашептывая что-то на ушко девочкам. Я заказал две порции спиртного круглолицей, болтливой помощнице Френчи, Далии. Я знал ее уже много лет. Далия, Френчи и Чирига по праву считались кем-то вроде пионеров-первопроходцев: они обосновались здесь в Незапамятные времена, когда по Улице просто Гоняли овец из одного конца Будайина в другой, наш квартал еще не отгородили от остального города стеной и не облагодетельствовали собственным кладбищем.

Когда Ясмин кончила очаровывать посетителей, раздались аплодисменты.

Коробка для чаевых моментально наполнилась; покончив с этим, она поспешила к своей ослабевшей от страсти жертве, пока его не перехватила другая шлюха.

Пролетая мимо, Ясмин любовно ущипнула меня за зад.

Целых полчаса я вынужден был покорно смотреть, как она льстиво смеется, болтает и обжимает косоглазого ублюдка, сына желтомордой собаки… Наконец его бумажник постигла

скоропостижная смерть от истощения; охотница и жертва казались одинаково грустными, обнаружив это. Романтическая любовь испарилась так же быстро, как и вспыхнула. Они очень трогательно попрощались, поклялись никогда не забывать сегодняшний вечер, который вечно будет сиять путеводной звездой в их памяти… Каждый раз, когда одна из этих вонючих жаб жмется к Ясмин, — да и к другим девочкам тоже, — перед глазами встают картинки из моего детства: десятки безликих мужчин, тянущих лапы к матери… Господи, с тех пор прошло черт знает сколько лет, но память почему-то безошибочно подсовывает это, и именно тогда, когда ее не просят! Я наблюдал за тем, что проделывала Ясмин, твердил себе, что это просто работа; но все равно возникало дурацкое чувство гадливости и обиды, словно меня предали. В такие моменты хочется схватить стул и начать крушить все вокруг.

Она пристроилась рядом со мной, вся взмыленная, словно пробежала не меньше километра, и выдохнула:

— Я боялась, что проклятый сын шлюхи никогда не уйдет!

— Все дело в твоем неотразимом обаянии, —

сказал я кислым тоном, — в разных возбуждающих воображение словах. И еще в паршивом пиве Френчи.

— Ага, — неуверенно подтвердила Ясмин, озадаченная моим раздраженным тоном. — Это точно.

— Мне с тобой надо поговорить.

Ясмин порывисто вздохнула и с тревогой посмотрела на меня. Потом быстро вытерла лицо чистым платком. Наверное, мои слова прозвучали слишком мрачно. Я рассказал обо всем, что случилось за прошедший вечер: о второй встрече с Папой, о решениях, к которым мы в итоге пришли (точнее, он пришел); о том, как мне не удалось произвести должное впечатление на Оккинга. Когда я закончил рассказ, вокруг царило ошеломленное молчание.

— И ты это сделаешь? — наконец спросил Френчи. Я не заметил, когда он успел вернуться и подслушать наш разговор. Что ж, заведение принадлежало ему, а кто знает все укромные местечки в доме лучше хозяина?

— Ты все-таки вставишь себе розетку? — ахнула Ясмин. Похоже, она возбудилась при мысли об этом. Сексуально возбудилась.

— Ты что, рехнулся, Марид? — сказала Далия. Она была одной из немногих настоящих

консерваторов, обитающих в нашем квартале. — Подумай только, во что эта штука превращает людей!

— А во что она превращает людей?! — вскричала, разъярившись, Ясмин, постукивая по своему модику.

— Ой, извини-извини… — Далия торопливо отошла к самому дальнему концу стойки и стала энергично тереть ее тряпкой, делая вид, что ликвидирует несуществующую лужицу пролитого пива.

— Представь себе, какие штуки мы сможем проделывать, — мечтательно произнесла Ясмин.

— Значит, Для тебя я недостаточно хорош сам по себе… — Я был слегка задет. Ясмин опешила:

— Что ты, Марид, ты не так понял… Я просто хотела сказать…

— Ну ладно, это твои проблемы, — заключил Френчи. — Не мое дело. Пойду подсчитаю, сколько заработал за сегодняшнюю ночь. — Он исчез за ветхим занавесом золотистого цвета, скрывавшим за собой гримерную и его «кабинет».

— Ясмин, ведь это — на всю жизнь! — сказал я. — Обратной дороги нет. Каким меня сделают, таким я и останусь.

— Ты хоть раз слышал, чтобы я пожалела, что

вставила розетку? — спросила Ясмин.

— Нет, — вынужден был признать я. В первую очередь, меня угнетало сознание необратимости того, что произойдет.

— Ни разу в жизни не пожалела об этом, и ни один из тех, кого я знаю, тоже… Я нервно облизнул губы.

— Ты просто не понимаешь… — начал я и остановился. Нет, не могу выразить свои чувства; даже самый близкий человек не понимает меня.

— Ты просто трусишь, — объявила Ясмин.

— Ага. — Что ж, неплохое начало.

— Полу-Хадж спокойно живет с розеткой, а куда ему до тебя, Марид!

— И что это ему дало? Возможность забрызгать всех нас кровью Сонни? Мне не нужна помощь модика, чтобы превратиться в психа. Это я могу и сам, если захочу.

Неожиданно в ее глазах появился загадочный блеск — как у одного из бродячих пророков, охваченного очередным приступом озарения. Я понял, что мою Ясмин снова посетила гениальная идея насчет таинственных изгибов судьбы, предопределения и так далее… Плохой признак!

— Ах ты, Аллах с Непорочной Девой в комнатке мотеля! — выдохнула она. По-моему, это

богохульство было любимым ругательством ее отца. — Все идет так, как предсказывалось в гексограммах!

— В гексограммах, — ошеломленно повторил я. В тот раз я выбросил всю китайскую белиберду из головы еще до того, как моя подружка закончила объяснять нюансы своего гадания.

— Помнишь фразу о том, что не надо бояться пересечь великую воду?

— Ага. Что еще за «великая вода», Ясмин?

— Это означает какую-то коренную перемену в твоей жизни. Модификацию мозга, например. Понял теперь?

— М-да… И еще там говорилось о встрече с великим человеком. Так оно и случилось. Дважды.

— Да, и насчет того, что надо подождать три дня до начала, и три — до завершения дела.

Я быстро прикинул: завтра пятница. До понедельника, когда все произойдет, оставалось три дня.

— Вот черт! — пробормотал я изумленно.

— И еще там сказано, что тебе никто не будет верить, и что надо сохранять твердость при тяжелых испытаниях, и что ты служишь не царям и принцам, а высшим целям. Вот какой он, мой Марид. — Она гордо чмокнула меня. Мне стало

плохо…

Теперь уж никак не отвертеться от предстоящей операции, разве что сбежать в какую-нибудь другую страну и там начать новую жизнь: пасти баранов, поддерживать свое существование горсткой фиг через день, в общем, радоваться, что дожил до утра, как любой другой феллах.

— Да, я герой, Ясмин, — произнес я вздохнув, — а у нас, героев, часто бывают всякие тайные дела. Так что извини, мне надо идти. — Я поцеловал ее три-четыре раза, сжал ее правую силиконовую грудь (на счастье) и поднялся. Проходя мимо Индихар, похлопал ее по попке; она повернула голову и ласково улыбнулась.

Потом пожелал доброй ночи Далии, сделал вид, что в упор не вижу паскуду Бланку, и вышел наружу.

Направился вниз по Улице к «Серебряной ладони», просто посмотреть, что там делается. Махмуд и Жак сидели за столиком, пили кофе и поедали хлеб с хуммусом.

Полу-Хадж отсутствовал; наверное сейчас сражается с толпой ненавистных ему гетеросеков (все — гигантские здоровенные каменщики), просто чтобы поддержать форму… Я подсел к друзьям.

— Да будут дни твои, и так далее, и тому подобное, — пробурчал Махмуд. Его никогда не заботило соблюдение всяких формальностей.

— И тебе того же, — отозвался я.

— Слышал, ты собираешься приобрести розетку, — важно сказал Жак. — Весьма серьезный шаг с твоей стороны. Надеюсь, предварительно ты взвесил все «за» и «против»?

Я был слегка изумлен:

— Как быстро у нас разносятся сплетни, а, Жак? Махмуд поднял брови.

— На то они и сплетни, — уронил он флегматично и набил полный рот хуммусом с хлебом.

— Разреши угостить тебя кофе, — любезно предложил Жак.

— Хвала Аллаху, — ответил я, — честно говоря, предпочел бы что-нибудь покрепче.

— Что ж, как хочешь, тогда угощайся сам. — Жак повернулся к Махмуду. Ведь у Марида денег сейчас больше, чем у нас двоих вместе взятых. Он стал доверенным человеком Папы.

Вот эта сплетня мне очень не понравилась… Я подошел к бару и заказал свою обычную смесь. Хейди, сегодня работавшая за стойкой, скорчила гримаску, но промолчала. Эта девушка выглядела просто конфеткой — да нет, если серьезно,

она самая красивая из всех фем, которых я когда-либо видел. Ее наряды (она всегда подбирает платья тщательно, со вкусом) сидят на ней так, что многим обрезкам и первам, потратившим массу денег на покупку наилучших искусственных форм, оставалось лишь умереть от черной зависти. У Хейди потрясающие голубые глаза и золотистая челочка до бровей. Бог знает почему, но я не могу равнодушно видеть молодую женщину с челкой. Подозреваю, что во мне скрывается мужененавистник; если когда-нибудь займусь самоанализом, наверняка обнаружу у себя все недостатки, приписываемые мужчинам. Мне всегда хотелось сойтись с Хейди поближе, но, увы, я был не в ее вкусе. Может быть, удастся найти модик личности, которая ей по душе, и, когда мне вставят розетку, кто знает…

Я все еще дожидался своей выпивки, когда неподалеку, возле собравшихся в кучу корейских туристов, которые очень скоро обнаружат, что попали в неподходящее место, раздался знакомый до боли голос: «Мартини, сухое. Довоенный „Вольфшмидт“. Не забудьте лимонную корочку, милая».

Так, так… Легок на помине. Я дождался своего заказа, заплатил Хейди и повертел стакан в руке.

Барменша принесла сдачу, и я подарил ей целый киам.

Благодарная Хейди затеяла какой-то вежливый разговор, но я довольно грубо прервал ее: сейчас меня больше всего волновал мистер «Мартини-лимонная корочка».

Взяв стакан, я отошел от стойки, чтобы как следует рассмотреть Джеймса Бонда. Он в точности соответствовал описаниям из книг Яна Флеминга; таким он запомнился мне по эпизоду в Чиригином баре. Черные волосы с пробором, длинная прядь почти закрывает правый глаз, по правой щеке вьется полоска шрама. Черные прямые брови, довольно длинный прямой нос, коротковатая верхняя губа. Ничем не примечательный рот, но каким-то образом он придавал лицу выражение холодной жестокости. Стоящий рядом человек производил впечатление безжалостного, неумолимого, в общем, опасного субъекта. Что ж, он наверняка заплатил хирургам целое состояние за то, чтобы производить именно такое впечатление. Бонд поймал мой взгляд и улыбнулся. Возле глаз знаменитого стального цвета появились тонкие морщинки. Интересно, помнит он нашу предыдущую встречу? Я чувствовал, что за мной внимательно наблюдают… На

нем была простая хлопчатобумажная рубашка; брюки, без сомнения, английского производства, предназначены для тропиков. На ногах — черные кожаные сандалии, тоже подходящие для нашего климата. Он расплатился за мартини и направился ко мне, протянув руку.

— Приятно снова встретить тебя, старина, — произнес Бонд.

Я обменялся с ним рукопожатием.

— Не помню, чтобы когда-нибудь имел честь познакомиться с уважаемым господином, — сказал я по-арабски.

Бонд ответил на безупречном французском:

— Другой бар, иные обстоятельства… Особого значения все это не имело. В конце концов, инцидент завершился удовлетворительно. — Да, вполне удовлетворительно — с его точки зрения. Мертвый русский сейчас свою точку зрения высказать не мог.

— С вашего разрешения, меня ждут друзья, — произнес я извиняющимся тоном.

Бонд чуть приподнял уголок рта в своей знаменитой циничной усмешке. Он ответил мне на великолепном арабском, причем на распространенном здесь диалекте, процитировав нашу поговорку:

— «То, что умерло, навеки ушло», — и пожал плечами.

Я не очень понял, что хотел сказать Бонд: то ли нечто вроде «что было, то прошло, забудем об этом», то ли советовал, для моего же блага, забыть обо всех недавних убийствах. Потом вспомнил, что передо мной не настоящий Бонд, а человек, нацепивший модик, скорее всего, с приставкой — училкой арабского языка. Вернулся к столику, где по-прежнему сидели Махмуд и Жак, и выбрал место так, чтобы просматривался весь бар, особенно выход. Тем временем Бонд успел выпить свое мартини и собирался покинуть «Серебряную ладонь». Я неуверенно огляделся. Что делать? Сумею ли с ним справиться сейчас, без помощи модика и училок? К тому же я невооружен. Стоит ли вообще переходить к активным действиям без всякой подготовки? Однако Фридландер-Бей наверняка сочтет, что я упустил возможность нанести удар по противнику, а это значит, не предотвратил чью-то гибель, возможно, гибель близкого мне человека…

Я решил проследить за Бондом; оставил нетронутым свой стакан, ничего не объяснил друзьям, просто поднялся и вышел вслед за «агентом» из бара. Успел вовремя: Бонд как раз поворачивал в

один из наших темных переулков. Я осторожно пересек улицу и заглянул за угол дома. Увы, моя осторожность оказалась явно недостаточной, потому что Бонд как сквозь землю провалился. Деваться ему было некуда; оставалось одно: «суперагент» зашел в один из низеньких белых домиков с плоскими крышами, выстроившихся по обе стороны переулка. По крайней мере, хоть что-то удалось выяснить… Немного разочарованный, я повернулся, чтобы возвратиться в бар, и вдруг затылок за левым ухом обожгла ослепительная вспышка боли. Я рухнул на колени. Сильная загорелая рука скомкала галабийю на груди и заставила меня вновь подняться. Бормоча проклятья, я занес кулак; нападавший рубанул ребром ладони по плечу, и моя рука бессильно повисла. Джеймс Бонд негромко рассмеялся:

— Каждый раз, когда в ваше невообразимо грязное, примитивное питейное заведение заходит прилично одетый европеец, кому-то из аборигенов обязательно приходит в голову, что можно спокойно подойти сзади и избавить джентльмена от бумажника. Что ж, дружок, иногда вы натыкаетесь на европейца, которого непросто застать врасплох.

Он хлестнул меня ладонью по лицу, — не очень

сильно, — отшвырнул к стене.

Я прижался к холодному шершавому камню; Бонд уставился на меня, словно ожидал каких-то объяснений или извинений. Я решил, что он вправе рассчитывать по крайней мере на последнее.

— Сто тысяч извинений, эффенди, — пробормотал я. В одурманенной болью голове мелькнула мысль, что сегодня Бонд в отличной форме; трудно поверить, что тот же человек две недели назад безропотно позволил вывести себя из бара Чиригги. А сейчас он дышит ровно и даже не испортил свою поганую стильную прическу! Наверняка существует какое-то объяснение подобной загадке. Наплевать.

Пусть Папа, Жак или хоть китайские гадальщики пытаются понять, что к чему; лично у меня сейчас слишком болит голова и в ушах звенит.

— Не морочь мне голову всякими «эффенди», — угрюмо произнес Бонд. — Это турецкая форма лести, а у меня свои счеты с турками. Кстати, внешне ты никак на них не похож. — Он подарил мне на прощанье хищную ухмылку и не оглядываясь прошел мимо. Бонд явно решил, что такой мешок дерьма, как я, не представляет опасности. Самое неприятное, что он был прав. Таковы

печальные итоги моего второго столкновения с неизвестным, носящим имя героя романов Флеминга. Пока что каждый из нас заработал по одному очку из двух возможных; судя по всему, он многому научился со времени нашей первой встречи или, по какой-то известной лишь ему причине, нарочно позволил тогда запросто выкинуть себя из бара. Как профессионал он был выше меня на две головы.

Пока я, постанывая от боли, плелся к бару, у меня созрело важное решение.

Я объявлю Папе, что ничем не могу помочь ему. Дело тут не просто в страхе перед операцией; черт возьми, пусть хирурги утыкают вею мою голову розетками, я все равно не справлюсь с убийцей. Если мне так наподдали по затылку, когда я просто попытался проследить за ним в собственном. квартале, где каждый закоулок знаком мне, как мои пять пальцев… Не сомневаюсь, что стоило Бонду только захотеть, и он обошелся бы со мной гораздо жестче. Модик просто принял Марида Одрана, местного суперсыщика и охотника за убийцами, за обыкновенного арабского грязного воришку и поступил так, как привык поступать с грязными воришками.

Должно быть, упражнялся в этом каждый Бо-

жий день…

Нет, ничто не заставит меня передумать. И не нужны мне три дня «на размышление» — Папа вместе со своими великими планами может катиться ко всем чертям!

Я вернулся в «Серебряную ладонь» и осушил свой стакан в два глотка.

Несмотря на возражения Жака и Махмуда, объявил, что мне пора идти. Поцеловал в щечку красавицу Хейди и галантно сделал ей на ухо предложение весьма неприличного свойства (что делал всякий раз, уходя из бара), а она, как обычно, отказала с польщенным видом. Я направился обратно к Френчи, по дороге обдумывая, как лучше объяснить Ясмин, что не собираюсь быть героем, не хочу «служить не принцам и царям, но высшим целям», и что там еще напророчила электронная гадалка… Ясмин, конечно, страшно разочаруется во мне и неделю ничего мне не позволит, но даже это лучше, чем валяться в темном переулке с перерезанным горлом.

Да, оправдываться придется не только перед Ясмин, но практически перед всем кварталом. Каждый — от Селимы до Чири, сержанта Хаджара и самого Фридландер-Бея — пожелает лично оторвать предмет моей мужской гордости. Но, как

бы то ни было, решение принято. В конце концов, я свободный человек, и никто не заставит меня безропотно согласиться с такой жуткой участью, сколько бы красивых слов о всеобщем благе и. моральном долге мне ни говорили. Все укрепляющие средства, которыми я сегодня обогатил организм: одна порция спиртного в «Серебряной ладони», две — в заведении Френчи, плюс пароч-ка треугольников, четыре «солнышка» и восемь паксиумов, — поддерживали мою решимость.

Где-то на полпути к Френчи ночь уже казалась мне прекрасной, воздух ласкал кожу, страхи исчезли, а тех, кто подзуживал меня вставить в мозг розетку, я мысленно спустил в бездонный колодец, куда не собирался никогда заглядывать.

Пусть трахаются друг с другом до упаду, мне все равно. У меня своя жизнь и свои проблемы. Вот так.

Глава 11

Пятницу я назначил днем отдыха и восстановления сил. За последнее время мое бедное тело много претерпело от массы людей, включая друзей, знакомых, а также типов, с которыми я вскорости очень надеялся повстречаться где-нибудь в темном переулке. Главное достоинство Будайина — несметное множество темных переулков. Наверное, это сделано специально, по заранее намеченному плану.

Думаю, в одном из священных писаний есть примерно такое откровение: «И поистине, по этой причине устроены темные переулки, где насмешникам и неверным будут в свой черед раскалывать черепа и разбивать в кровь их толстые губы, и будет сие приятно взору Господа, царящего на небесах». Черт его знает, откуда я взял это изречение. Может быть, оно даже приснилось мне ранним утром в ту пятницу.

Итак, первыми за меня взялись Черные Вдовы; немало неприятностей причинили шестерки Сейполта, Фридландер-Бея и лейтенанта Оккинга, ничем не отличавшиеся от своих любезно

улыбающихся лицемерных хозяев; ночью у меня состоялось короткое и не очень-то приятное свидание с психованным Джеймсом Бондом.

Коробочка, в которой я держал пилюльки, опустела; только горстка розово-голубого порошка на дне, который в принципе можно слизывать, окуная в него кончики пальцев, в надежде получить хоть на миллиграмм облегчения. Сначала я проглотил все таблетки, содержащие опиум; запас соннеина, приобретенного у Чириги и сержанта Хаджара, был исчерпан с неимоверной быстротой — я прибегал к нему каждый раз, когда какое-нибудь резкое движение истерзанного тела вызывало новые волны боли. Когда эти пилюльки кончились, я попробовал паксиум, маленькие сиреневые таблетки, которые многие считают высшим достижением органической химии, Бесценным Даром, Рецептом-От-Всех-Неприятностей; но вскоре они приносили не большее облегчение, чем если бы я глотал катышки верблюжьего помета. Так или иначе, я сожрал и их, запив шестью унциями наилучшего успокоительного под названием «Джек Дэниеле» (Ясмин принесла бутылочку с работы).

Ладно, хватит хныкать по крайней мере, оставались еще сильнодействующие голубые

треугольники. Вообще-то я не знал, имеют они болеутоляющий эффект или нет. Придется добровольно выступить в роли подопытного кролика. Наука должна идти вперед! Я проглотил три штуки трифетамина. Эффект был поразительным с фармакологической точки зрения: примерно через полчаса моей главной и единственной заботой стало фантастическое сердцебиение. Я в панике стал проверять пульс и насчитал примерно четыреста двадцать два удара в минуту, но тут мое внимание отвлекли призрачные ящерицы, ползающие где-то совсем рядом…

Наверняка в действительности сердце у меня билось вовсе не так быстро, как показалось.

Наркотики — твои друзья, обращайся с ними уважительно и бережно. Друзей, например, не выбрасывают в мусорную корзину, не спускают в унитаз. Если ты способен поступить так с друзьями (или с пилюльками), то просто недостоин иметь ни тех, ни других. Лучше отдай их мне! Наркотики — чудесная штука. Клянусь Аллахом, никогда в жизни не послушаю совета тех, кто будет уговаривать меня завязать. Лучше уж откажусь от еды и питья — по правде говоря, иногда я так и делаю.

Пока что все принятые пилюльки имели оди-

наковый эффект — отвлекали от реальности. В моем нынешнем состоянии реальная жизнь в любых ее проявлениях просто раздражала. Она представлялась чем-то мрачным, зловонным, бесцеремонно вторгающимся в душу, устрашающе огромным… в общем, была мне совершенно не по вкусу.

Тут я вспомнил, что недавно приобрел у Полу-Хаджа пару капсул РПМ — той самой отравы, которую Билл, безумный американец, пропускает через кровеносную систему постоянно, — постоянно! — не опасаясь за свою бессмертную душу. Не надо бы больше садиться в машину Билла. РПМ действительно страшная штука; хуже всего то, что я заплатил наличными за право едва не загнуться от нее. Иногда я крайне плохо веду себя, но каждый раз твердо обещаю исправиться и сам себя прощаю. Вот и теперь поклялся, что когда из меня выветрится РПМ (если это случится когда-нибудь), то, честное слово…

Пятница в Будайине — все равно что суббота у евреев: день полного отдыха для всех, кроме плохих мусульман, возвращающихся на работу после захода солнца.

Мы соблюдаем священный месяц рамадан, но городские фараоны и фанатики, окопавшиеся

в мечетях, в пятницу относятся к нам немного снисходительней. Они рады любому проявлению доброй воли у заблудших.

Ясмин отправилась на работу, а я остался в постели, читая Сименона. Первую книгу его я взял в руки примерно в пятнадцать лет; вторую, кажется, в двадцать.

С тех пор. он попадался мне еще несколько раз. Когда речь идет о Сименоне, трудно сказать точно. Он пишет не меньше дюжины вариаций одной и той же книги, но у старины Жоржа столько сочинений, которые он переписал по несколько раз, что проще прочесть их все, а затем рассортировать и расположить в более или менее рациональном порядке по темам, что всегда было мне не под силу. Я просто начинаю читать его с последней страницы (если они на арабском языке), или с первой (если они по-французски), либо, если спешу или слишком нагрузился своими друзьями-пилюльками, с середины.

Сименон. Почему я сейчас подумал о Сименоне? Эта мысль должна привести к чему-то важному, к какому-то озарению… Сименон — Ян Флеминг; оба писатели, оба извлекали из глубин творческого сознания триллер за триллером, каждый в своем роде; оба уже умерли, и никто из них так

и не узнал, как приготовить приличный мартини («взбитый и не размешанный», — пишет Флеминг, — как же, черта с два!). А от мистера Флеминга мы прямиком попадаем в объятия его создания, Джеймса Бонда. Человек с модиком Бонда не оставил больше никаких следов пребывания агента 007 в городе: ни окурков с золотыми кольцами вокруг фильтра, ни высосанного ломтика лимона, ни дырки от пули, выпущенной из «беретты». Да, в случаях с Богатыревым и Деви он использовал именно «беретту» — излюбленное оружие Бонда в ранних романах Флеминга, пока какой-то дотошный читатель не указал ему, что это «дамское оружие», не обладающее большой убойной силой.

Поэтому Флеминг заставил Бонда перейти на «Вальтер-ППК», небольшой, но надежный автоматический револьвер. Если бы наш Джеймс Бонд применил «вальтер», то здорово разворотил бы лицо Деви; «беретта» проделала чистенькую дырочку, как в пивной банке. Взбучка, которую он мне задал, была последним подвигом 007 больше его не видели и не слышали. Думаю, парню очень быстро надоедает одно и то же место, — должно быть, не терпит скуки…

Да, скука… Но сейчас главное — найти про-

тивоядие от той дряни, которую я проглотил. Какая там скука, когда пульс выдает четыреста с лишним ударов в минуту! Клянусь жизнью своей бороды и могучими чреслами Посланца Божьего (мир им и благословение Аллаха), чего мне хотелось по-настоящему, так это заснуть!

Но каждый раз, как я прикрывал веки, перед глазами плясали черно-белые вспышки и проплывали гигантские пурпурные и зеленые существа. Я даже за плакал с досады, но они никак не хотели оставить меня в покое. Непостижимо, как Билл умудряется водить машину, когда с ним творится подобное.

Вот, вкратце, как прошла пятница. Ясмин принесла бутылку «Джека Дэниелса», я покончил с остатками пилюлек, полностью отключился где-то около полудня, а когда проснулся, моя девушка уже ушла. Суббота, воскресенье… У меня есть еще полтора дня, в течение которых мои мозги остаются девственно-нетронутыми.

К вечеру я заметил, что деньги куда-то испарились. Должно было остаться еще несколько сотен киамов; конечно, кое-что я истратил, наверное, даже больше, чем мог себе позволить. Но по крайней мере у меня в сумке должно лежать куда больше хрустиков, чем девяносто киамов,

которые я там нашел. Что можно сделать на девяносто киамов? Пара новых джинсов будет мне стоить сорок, или даже больше.

Ох, боюсь, Ясмин запускает руку в мой карман. Ненавижу эту черту в женщинах, даже в тех, которые раньше были мужчинами. Как постоянно повторяет Джо-Мама: «Если кошка держит своих котят в духовке, они от этого не становятся пирожками». Возьми хорошенького мальчишку, убери все, что топорщится у него между ногами, купи пару силиконовых сисек такой величины, чтобы под ними мог укрыться целый взвод, и не успеешь опомниться, как новоиспеченная дамочка уже роется в твоем бумажнике! Она горстями жрет твои пилюли и капсулы, тратит твои деньги, устраивает скандалы из-за того, что ты случайно во сне стянул с нее простыню или одеяло, целый день с неослабевающим интересом крутится перед зеркалом в ванной, созерцая с умным видом свое отражение; когда идешь с ней по улице, отпускает комплименты по адресу разных молодых пижонов, требует, чтобы ее сжимали в объятиях, когда ты уже выбился из сил, едва не расплющив ее о кровать, и после всех этих подвигов устраивает дикую истерику, если осмелишься высунуться из окна, увидев

смазливую девчонку. Как быть с безупречно прекрасной юной богиней любви, которая вертится в комнате, украшая пол своим грязным нижним бельем? Захочешь немного поднять Настроение, а эта дрянь уже успела сожрать все пилюли.

Ладно… Мариду Одрану отпущено Аллахом еще целых полтора дня на то, чтобы побыть самим собой. Ясмин со мной не разговаривала: считала, что я трус и поганый эгоист, потому что не желаю считаться с планами Папы. То вдруг заявляла, что говорить не о чем: в понедельник утром я непременно встречусь с хирургами Фридландер-Бея, и они проведут «электрификацию» моих мозгов, то, буквально через минуту, начинала орать, что я проклятый сукин сын, которому наплевать, что будет с его друзьями. Бедная девочка никак не могла запомнить, какой версии придерживаться: согласился я на операцию или нет; мысли ее сосредоточивались на настоящем, а через мгновение все вылетало из памяти, даже спор, из-за которого началась ссора (тогда я заявил: «Не позволю вставлять проводки мне в башку, и говорить не о чем»).

Всю пятницу (или это была суббота?) я провалялся в постели; смотрел, как тени удлинялись, укорачивались и снова становились длиннее;

муэдзин звал правоверных на молитву; потом, хотя, казалось, прошло всего несколько минут, он повторил свой призыв. В субботу вечером, когда Ясмин стала собираться на работу, я уже перестал обращать внимание на смену ее настроений.

Она металась по комнате, как бешеная, осыпая меня разнообразными ругательствами, многие из которых я услышал впервые, несмотря на долгие годы жизни в самых злачных уголках нашего города. Это заставило меня преисполниться еще большей любовью к моей маленькой шлюхе. Я с огромным трудом выбрался из постели, когда Ясмин уже отправилась к Френчи. Тело сотрясал нестерпимый озноб, сменяющийся приступами изнурительного жара; я решил немного охладиться, приняв душ, но снова упал в постель, то дрожа, то обливаясь потом. От пота промокли и простыни, и одеяло, за которое я судорожно цеплялся, так что у меня побелели костяшки пальцев. Теперь призрачные ящерицы ползали уже по лицу и рукам, но зато боковым зрением я их не видел. Наконец я собрался с духом и осуществил то, о чем давно мечтал, — дошел до ванной. Есть не хотелось, но мучила жажда. Я выпил два стакана воды и на подгибающихся ногах вернулся в постель. Господи, как мне хотелось, чтобы

Ясмин сейчас была дома!

Несмотря на то, что действие наркотиков постепенно слабело, а страх, соответственно, усиливался, я наконец решил, как мне поступить в понедельник.

Всю ночь я маялся то ознобом, то лихорадкой, лежал, уставившись на облупленный потолок, и не сомкнул глаз, даже когда явилась Ясмин, которая сразу рухнула на кровать и забылась пьяным сном. В воскресенье перед рассветом, когда она готовилась идти к Френчи, я выкарабкался из постели и, не одеваясь, встал у неб за спиной. Ясмин, хмурясь и гримасничая, подкрашивала глаза, нанося на веки дорогой грим, явно купленный в магазине для богатых шлюх в респектабельном квартале города. Она не хотела пользоваться базарной дешевкой; можно подумать, у Френчи, где всегда царит полумрак, кто-нибудь заметит разницу! В здешних лавчонках продавали точно такую же краску для век, но Ясмин платила раз в десять дороже на другом конце города. Моя красавица хотела выглядеть сногсшибательной на сцене, хотя какой дурак будет рассматривать ее глаза! Она накладывала сложный узор голубых и зеленых линий под тонкими, подрисованными бровями. Потом принялась наклеивать изящные,

сверкающие золотом блестки. Это самая трудная и деликатная задача — она прилепляла их по одной.

— Ложись спать пораньше, — повелительно скомандовала она.

— Почему? — спросил я с невинным видом.

— Потому что завтра у тебя будет трудный и ответственный день. Я пожал плечами.

— Твои мозги, Марид, — напомнила она. — Забыл?

— Нет, свои мозги я не забыл, — ответил я. — По-моему, с ними все в порядке. И я не собираюсь ничего менять.

— Тебе должны вставить розетку! Может быть, тогда твоя башка хоть на что-нибудь пригодится! — Она повернулась ко мне, как разъяренная орлица, защищающая своего птенца.

— В последний раз, когда мы говорили об этом, я отказался, — парировал я спокойно.

Ясмин в ярости схватила свою синюю сумку, где держала пижаму, зубную щетку и прочее барахло.

— Ну хорошо, сукин сын, кафир, сын неверной шлюхи! — взвизгнула она. Проклятие на твою голову и на головы всех твоих предков!

Никогда не думал, что одна женщина способна

поднять столько шума, выходя из комнаты; в довершение ко всему она оглушительно хлопнула дверью. Наступила полная тишина. Теперь я мог размышлять без помех. Только о чем? Я прошелся по комнате, убрал в шкаф рубашку, ногой отшвырнул какие-то тряпки, валявшиеся на полу, потом пинком отфутболил их на прежнее место. Улегся в кровать. Увы, я столько провалялся под одеялом, что никакого удовольствия от этого не ощущал.

Но больше делать было нечего… Темнота осторожно, как черный кот, подкрадывалась все ближе и ближе. Наблюдение такого рода — тоже небольшое удовольствие.

Боль унялась; улеглась паника, вызванная чрезмерной дозой наркотиков.

Ясмин исчезла. Деньги — тоже. Вокруг царил покой. Тишина и покой, черт бы их побрал!

Освободившись от всех тревог и забот, от всей суетливой дребедени, которая так долго камнем висела на душе, я сделал одно великое открытие. Настоящее интуитивное озарение! Я тепло поздравил себя. Человек с модиком Бонда предпочитал использовать «беретту», а не «Вальтер-ППК». Мысль о Джеймсе Бонде вызвала цепную реакцию в моей башке, и в результате

прояснилось значение одной детали, которая накрепко застряла в памяти и не давала мне покоя уже несколько дней. Я вспомнил последний визит к лейтенанту Оккингу, его подчеркнуто прохладное отношение и к моим теориям, и к предложению Фридландер-Бея. На первый взгляд, в его поведении не было ничего необычного: Оккинг очень не любит, когда лезут в его дела. Ему не нравится, даже когда ему помогают по-настоящему. Но сейчас важны не особенности характера лейтенанта полиции, а то, что я увидел на столе в его кабинете.

На одном из конвертов значилось: *«Юниверсал Экспорте»*, Изнывая от скуки в ожидании прихода Оккинга, я пытался угадать, кто хозяин этой компании (например, Сейполт), получал ли когда-нибудь от нее товар для своего магазина Хасан-Шиит. Но название было настолько обычным, настолько распространенным — в мире, наверное, существует не меньше тысячи фирм с таким наименованием. Может, Оккинг просто-напросто отправил заказ на плетеную мебель для своего загородного домика, где ублажал гостей жареным на углях мясом?

Именно потрясающая ординарность названия заставила М. (таинственного начальника

спецотдела МИ-5, которому подчинялся Джеймс Бонд в романах Флеминга) выбрать его как прикрытие для своей организации. Я никогда бы не обратил на это внимания, если бы название не упоминалось у Флеминга. А вдруг это шифр, обозначающий человека с модиком Бонда? Эх, жаль, что я не запомнил адрес…

Да, кстати… Я подскочил, охваченный новым приступом вдохновения. Если в моих дедуктивных изысканиях есть хоть зерно истины, то почему конверт лежал в ящике для исходящих бумаг? Ладно, не стоит так волноваться и прыгать, как кузнечик на раскаленной сковороде. Скорее всего, я ищу мед там, где не водятся пчелы. И все же стало страшно; я чуял, что меня, помимо моей воли, втягивают в какой-то извилистый лабиринт, где повсюду таится смерть.

Пора действовать. Из отпущенных мне трех дней два с половиной я провел, валяясь в постели, словно паралитик, закутавшись в провонявшие потом, рваные простыни. Надо поскорее встать, иначе я так и не стряхну с себя страх и оцепенение. У меня осталось девяносто киамов; на них можно купить приличное снотворное и хоть немного выспаться.

Я накинул на себя галабийю (которая уже поте-

ряла свою девственную белизну), надел на ноги сандалии, на голову — либду, войлочную шапочку, взял сумку и быстро спустился по лестнице. Страшно захотелось проглотить хоть парочку пилюлек. Захотелось так, что просто невмоготу. Невероятно! Я провел три ужасных дня и три страшных ночи, обливаясь потом, стараясь вывести из организма дрянь, которой наглотался сверх всякой меры — и уже не терпится достать новую отраву. Я мысленно сделал себе заметку быть поосторожнее, не принимать так много наркотиков, скомкал эту воображаемую заметку и бросил в воображаемую мусорную корзину.

Оказалось, что вожделенные пилюльки достать не так-то легко. Чирига сказала, что у нее сегодня ничего нет, но в утешение предложила мне бесплатную выпивку. Я потягивал ее фирменную отраву — тэнде, а она рассказывала, как трудно ей управляться с новой девицей, и призналась, что все еще хранит нетронутым (специально для меня!) модик Хони Пилар. У меня перед глазами сразу возникла голограмма, которая демонстрировалась у магазина старухи Лайлы.

— Чири, я только что перенес грипп или что-то в этом роде, но обещаю тебе, что на следующей неделе мы поужинаем вместе. А потом, иншалла,

обновим твой модик.

Чири даже не улыбнулась; она просто посмотрела на меня так, словно я был полудохлой вонючей рыбой, барахтающейся в луже. — Марид, дорогуша, — печально произнесла она, — послушай, что я скажу: тебе надо бросить игры с пилюльками.

Ты себя губишь. Она была права, но кому же понравится слушать от других подобные советы? Я кивнул, быстро проглотил остаток тэнде и ушел, не попрощавшись.

В «Старом Чикаго Большого Ала» я набрел на Жака, Махмуда и Сайеда. Они заверили, что ни в финансовой, ни в фармакологической областях не могут мне помочь.

— Ну ладно, еще увидимся, — сказал я.

— Марид, — начал Жак, — может быть, это не мое…

— Точно, не твое, — ответил я резко. Заглянул в «Серебряную ладонь»: сонное царство… Заглянул к Хасану, но Шиита не было на месте, а его американское чудо бессмысленно глянуло на меня. Уже впадая в отчаяние, я заглянул в «Красный фонарь», и там Фатима сообщила мне, что один из друзей белой девушки, которая здесь работает, принес полный кейс с разным зельем, но сейчас его нет, а появится он разве что рано утром, часов

в пять. Я обещал, что, если не подвернется ничего другого, вернусь к нему. У Фатимы я не удостоился бесплатной выпивки.

В логове Джо-Мамы мне наконец улыбнулась удача. Я купил шесть пилюлек у второй барменши Джо-Мамы, некоей Роки, здоровенной бабы с короткими, колючими черными волосами. Роки заломила несусветную цену, но мне уже было все едино, и я ее обрадовал. Она предложила мне кружку пива за счет заведения, чтобы запить их, но я объявил, что отправляюсь домой, там проглочу пилюльку и сразу же в постель.

— Вот это правильно, — заметила Джо-Мама, — сразу в постельку! Утром надо встать пораньше, дорогуша, чтобы тебе наконец продырявили черепушку.

Я закрыл глаза.

— Откуда тебе это известно? — пробормотал я с трудом.

Джо-Мама посмотрела на меня с деланно обиженным, наивно-детским выражением.

— Да это все знают, Мадрид. Правда ведь, Роки? Только верят с трудом. Ну, сам понимаешь… Чтобы ты позволил всадить проволоку себе в мозги, — разве такое возможно, а? Все равно что поверить: Хасан бесплатно раздает ковры, или

ружья, или что-то еще, своим первым двадцати посетителям.

— Давай-ка обещанное пиво, — сказал я устало. Роки нацедила мне кружку; непонятно только, даром меня поят; или, раз я отказался, придется платить.

— За счет заведения, — великодушно объявила Джо-Мама.

— Спасибо, Мама, — ответил я, — но не беспокойся, я не позволю всадить проволоку себе в мозги. — Я жадно хлебнул из кружки. — Мне наплевать, кто, что, кому сказал и от кого кто слышал. Это говорю тебе я, Марид Одран: никогда не позволю засадить проволоку себе в мозги. Компрене?

Джо-Мама пожала плечами. Наверное, не поверила: в конце концов, чего стоило мое слово против коллективного мнения Улицы? — Хочу рассказать тебе, что случилось здесь прошлой ночью. — Она приготовилась поведать мне одну из своих бесконечных, но захватывающих историй. В общем-то я бы с удовольствием послушал час-другой, — надо же быть в курсе последних событий. Но меня спасли.

— Ага, вот ты где! — завопила Ясмин, врываясь в бар и злобно замахиваясь на меня сумкой. Я на-

клонил голову, поэтому удар пришелся вскользь.

— Какого черта… — начал я.

— Ну-ка, ребятки, переносите свои разборки на улицу, — машинально отреагировала Джо-Мама. Эта фраза — первое предупреждение зачинщикам беспорядков. Она явно удивилась не меньше, чем я.

Ясмин была не расположена никого слушать. Схватила меня за руку, — сил у нее не меньше, чем у меня, — сдавила запястье, словно наручниками.

— Ну-ка, пошли, ты, недоносок, — прошипела она.

— Ясмин, ради Бога, заткнись и оставь меня в покое, — сказал я. Джо-Мама медленно поднялась: второе вежливое предупреждение, но Ясмин Не обратила на хозяйку никакого внимания. Она все еще держала меня, как в клещах; потом потянула на улицу.

— Пойдешь со мной, — угрожающе произнесла она, — я должна тебе кое-что показать, паршивый пес.

На этот раз я по-настоящему разозлился. И это еще мягко сказано: никогда раньше не испытывал я такого бешенства. К тому же все еще не понимая, о чем она говорит.

— Дай девочке хорошенькую пощечину, чтобы она успокоилась, — крикнула из-за прилавка Роки.

В фильмах это всегда благотворно действует на истеричных героинь и нервных молодых полицейских. Но не думаю, чтобы такое средство успокоило Ясмин. Скорее всего, она просто даст мне сдачи (то есть изобьет хорошенько), после чего придется делать то, что скажет моя подружка. Я поднял руку, за которую она все еще цеплялась, неожиданно повернул, схватил ее запястье и вывернул за спину.

Ясмин вскрикнула от боли. Я нажал сильнее, и она завопила.

— Это за то, детка, что ты обзывала меня разными нехорошими словами, тихо прорычал я ей на ухо. — Если хочешь, можешь хулиганить дома, но только не при моих друзьях.

— Хочешь получить по-настоящему? — процедила она сквозь зубы.

— Попробуй.

— Потом, — сказала она и повторила:

— Мне надо что-то тебе показать.

Я отпустил ее; Ясмин помедлила, растирая руку. Потом, схватив сумку, ногой распахнула дверь. Я взглянул на Роки, красноречиво подняв брови;

Джо-Мама довольно улыбалась. Еще бы, из этого эпизода (после соответствующей обработки) получится замечательная сплетня — лучшая в ее богатом репертуаре. Наконец-то Джо-Мама займет первое место во всем квартале!

Я вышел вслед за Ясмин. Она повернулась ко мне, но не успела ничего сказать — я крепко схватил ее правой рукой за горло и, приподняв, прижал к древней кирпичной стене. Девочке больно? Что ж, тем лучше!

— Ты никогда больше так не сделаешь, — произнес я обманчиво спокойным голосом. — Ясно? — Испытывая извращенное, садистское удовольствие. я сильно ударил ее головой о стену.

— Я тебе еще вставлю, сука поганая!

— Давай, урод, если воображаешь, что ты все еще мужчина, — ответил я. И тут Ясмин зарыдала. У меня сразу упало сердце. Я осознал, что только что совершил самый позорный поступок в своей жизни, и не знал, как его исправить. Я мог проползти на коленях до самой Мекки, чтобы заслужить прощение, и Аллах, скорее всего, помиловал бы меня — но только не Ясмин! С удовольствием отдам все, что имею, все, что способен украсть, только бы как-то стереть из

нашей памяти последний эпизод. Но сделать это невозможно, и нам обоим будет трудно забыть его, — Марид, — шептала она в промежутках между рыданиями.

Я обнял ее. Что тут сказать? Мы крепко прижались друг к другу; Ясмин заливалась слезами, да и мне тоже хотелось поплакать немного. Так мы стояли неподвижно целых пять (или десять, или пятнадцать?) минут… Мимо проходили люди, старательно делая вид, что нас не замечают. Джо-Мама приоткрыла дверь, высунула голову и сразу же нырнула обратно. Через минуту, словно случайно просто полюбоваться на прохожих, которых почти не было на этой темной улице, выглянула Роки. Мне было наплевать. Я ни о чем не думал, ничего не чувствовал; просто прижимал к себе Ясмин, а она обвивала меня руками…

— Я тебя люблю, — наконец пробормотал я. Самые лучшие слова, если, конечно, произнести их в подходящий момент.

Мы взялись за руки и медленно побрели через весь Будайин. Казалось, что мы прогуливаемся, но некоторое время спустя я понял, что Ясмин куда-то меня ведет.

Почему-то я был уверен, что мне не захочется смотреть на то, что она желает продемонстри-

ровать.

Труп был засунут в большой пластиковый мешок для мусора. Кто-то разбросал мешки, и тот, в котором лежала Никки, разрезали, так что она раскинулась прямо на мокрых грязных камнях, вымостивших узкий тупичок.

— Это ты виноват в том, что ее убили, — всхлипнув, сказала Ясмин. — Не очень-то ты старался ее найти.

Держась за руки, мы постояли молча, глядя на мертвую Никки. Я давно знал, что когда-нибудь увижу ее вот так — мертвой, засунутой в мусорный мешок. Думаю, знал это еще в самом начале, когда была убита Тамико и Никки что-то пыталась сказать мне по телефону.

Выпустив руку Ясмин, я встал на колени возле трупа. Никки была вся залита кровью, пламеневшей на фоне темно-зеленого мешка и серых замшелых камней мостовой.

— Детка, — сказал я, взглянув на застывшее лицо Ясмин, — наверное, тебе не очень полезно смотреть на все это. Может быть, позвонишь Оккингу, а потом отправишься домой? Я скоро вернусь.

Ясмин слабо махнула рукой.

— Я позвоню Оккингу, — мертвым голосом

произнесла она, — но мне сегодня надо работать.

— Пошли Френчи ко всем чертям, — посоветовал я. — Мне хочется, чтобы ты провела ночь дома. Послушай, дорогая, побудь немного со мной.

— Ладно, — кивнула Ясмин, улыбнувшись сквозь слезы.

Главное, что мы не поссорились всерьез. Еще немного усилий — и наша любовь будет совсем как новенькая; может быть, станет даже крепче. По крайней мере, я на это надеялся.

— Как ты узнала, что она здесь? — спросил я нахмурившись.

— Тело нашла Бланка, — объяснила Ясмин. — Она ходит мимо, когда работает в баре. — Ясмин показала на дверь в глухой кирпичной стене, покрытой облупившейся серой краской.

Я кивнул и постоял немного, глядя, как Ясмин медленно бредет к ярким огням улицы. Потом снова повернулся к изуродованному телу Никки. У нее было перерезано горло, на запястьях и шее багровые отметины — следы ожогов, — порезы и колотые раны по всему телу. Убийца действовал с большим умением и затратил на Никки больше времени, чем на Тами или Абдуллу. Я уверен, что при осмотре судебный врач обнаружит также,

что ее изнасиловали.

Одежда и сумка Никки тоже были засунуты в мешок. Я внимательно осмотрел все тряпки, но ничего не нашел. Достал сумку; для этого пришлось приподнять голову Никки. Ей нанесли страшный удар по черепу — волосы, кровь и мозг слиплись в единую отвратительную массу. Рассекли шею от уха до уха так глубоко, что голова едва держалась. В жизни не видел подобного зверства! Слегка очистив от мусора мостовую вокруг мешка, я осторожно уложил тело на растрескавшиеся камни. Потом отошел на несколько шагов, упал на колени и выблевал все, что съел за день. Я корчился, тело сводили спазмы, пока не заболели мышцы живота. Когда рвота немного унялась, я заставил себя снова подойти к телу и осмотрел сумку Никки. Два предмета, найденные там, заслуживали самого пристального внимания: медное изображение скарабея, которое я видел в доме Сейполта, и грубо сработанный модик, похожий на самоделку. Я положил находки в свою сумку, выбрал из наваленных вокруг мешков наименее вонючий и употребил его вместо молитвенного коврика, расположившись со всем возможным при данных обстоятельствах комфортом. Я вознес молитву Аллаху за душу Никки

и стал ждать озарения.

— Ну ладно, — наконец тихо произнес я, оглядывая зловонный тупичок, где нашла упокоение и последний приют Никки. — Утром я подправлю себе мозги.

Мактуб. Пусть будет так. Решено.

Глава 12

Почти все мусульмане по природе своей подвержены суевериям. На пути к юдоли слез — земле, сотворенной Аллахом, — нас сопровождают всевозможные джинны, ифриты, чудища, ангелы и черти, шайтаны. Кроме того, существуют колдуны, обладающие очень опасным супероружием — таинственными силами, самая страшная из которых — сглаз. Люди с дурным глазом встречаются часто. Все это не значит, что мусульманская культура более иррациональна, чем какая-либо другая; каждая придумала свой фирменный набор невидимых враждебных сил, подстерегающих беззащитного человека. Обычно среди духов гораздо больше врагов, чем друзей или покровителей, хотя в различных Писаниях говорится о «несчетном ангельском воинстве» и тому подобном. Может быть, их всех посадили в кутузку с тех пор, как изгнали шайтана из рая. Не знаю.

Как бы то ни было, одно из суеверий, распространенных среди некоторых мусульман, особенно кочевых племен и прозябающих в дикости феллахов Магриба (родственников моей

матери), — это обычай называть новорожденного младенца словом, обозначающим какое-нибудь несчастье или вообще что-то скверное, чтобы предохранить его от зависти злого духа или колдуньи. Мне однажды сказали, что так поступают во всем мире, даже в тех местах, где никогда не слышали о нашем пророке, да благословит его Аллах и да приветствует. Меня назвали Марид, что означает «больной», в надежде, что я не буду болеть. Вроде бы подействовало! У меня удалили воспаленный аппендикс несколько лет назад, но ведь это обычная, рутинная операция, и других проблем со здоровьем пока не было. Думаю, я обязан подобному везенью передовым методам лечения, применяющимся в наше время, изобилующее разнообразными чудесами, но кто знает? Хвала Аллаху, Милостивому, Милосердному, Повелителю миров… и так далее.

Я не был завсегдатаем больниц. Поэтому, когда очнулся, мне понадобилось немало времени, чтобы осознать, где я, а потом еще столько же, чтобы понять, как меня занесло в такое приятное место. Перед глазами расстилался лишь серовато-туман.

Я моргал и моргал, но глаза словно залепили песком, смешанным с медом.

Попытался поднять руку, прижатую к сердцу, чтобы потереть веки, но почувствовал страшную слабость: расстояние от груди до лица оказалось непреодолимым. Я снова моргнул и прищурился. В конце концов удалось разглядеть двоих субъектов в белых халатах, стоящих в ногах моей кровати. Один из мужчин — совсем молодой, чернобородый, с приятным звучным голосом, — держал больничную карту и инструктировал своего коллегу:

— Господин Одран не доставит нам особого беспокойства.

Второй был намного старше, с седыми волосами и хриплым голосом. Он кивнул:

— Медикаменты? Чернобородый нахмурился:

— Это особый случай. Он может получать все, что пожелает, разумеется с разрешения врачей. Но, как я понимаю, врачи дадут разрешение сразу же, как только парень попросит. В любое время.

Седовласый возмущенно фыркнул:

— Он что, победитель какого-нибудь конкурса? Бесплатный отдых в больнице плюс любые, самые дорогие наркотики?

— Говори потише, Али. Он лежит неподвижно, но вполне может тебя услышать.

Не знаю, кто он такой, но с ним обращаются

как с заморским принцем или кем-то в этом роде. Лекарства, затраченные на то, чтобы он не почувствовал ни малейшей боли, могли бы избавить от страданий дюжину несчастных в палате для бедных.

Я сразу почувствовал себя грязной свиньей. Какая-то совесть сохранилась и у меня. Я не просил, чтобы со мной цацкались подобным образом, по крайней мере не помнил этого. Надо положить всему конец, и чем скорее, тем лучше. Ну, по крайней мере, хотя бы ограничить… Мне не хотелось выступать в роли шейха.

Чернобородый продолжил, уставившись в карту:

— Господину Одрану сделали весьма сложную внутричерепную операцию.

Круговые имплантации, и, насколько я понимаю, экспериментальные. Поэтому он должен соблюдать длительный постельный режим. Могут быть неожиданные побочные эффекты.

У меня засосало под ложечкой. Какие еще побочные эффекты? Никто раньше даже не упоминал об этом.

— Сегодня же вечером посмотрю его карту, — отозвался седовласый.

— Большую часть времени он спит и вас осо-

бенно не побеспокоит. Господи, с эторпиновым пузырем и инъекциями он может проспать десять-пятнадцать лет!

Без всякого сомнения, костоправ недооценивал удивительную способность моей печени и энзимной системы выводить всякую гадость из организма. Все почему-то вечно думают, что я преувеличиваю возможности моего организма.

Они направились к выходу. Старший открыл дверь и вышел из палаты. Я попытался заговорить — из горла не вылетело ни звука, словно я не пользовался голосовыми связками уже много месяцев. Попытался снова. Раздался хриплый шепот.

Я с трудом глотнул и пробормотал:

— Эй, брат.

Чернобородый положил мою карту на консоль какого-то сложного прибора, стоящего у кровати, и повернулся ко мне, стараясь сохранить бесстрастно-безразличный вид.

— Через секунду вернусь, господин Одран, — спокойно сказал он. Вышел и закрыл за собой дверь.

Палата была чистенькая, без излишеств, но довольно комфортабельная; никакого сравнения с палатами для бедных, где я лежал, когда

мне удалили мой лопнувший аппендикс. Очень неприятный эпизод; хорошего в нем было только то, что мне все-таки спасли жизнь, хвала Аллаху, и я познакомился с соннеином (дважды восхвалим Аллаха). Лечение в палате для бедных нельзя назвать чистой филантропией. Конечно, феллахи, которые не могли заплатить врачу, лечились бесплатно, но больничное начальство взяло за правило предоставлять штатным врачам, практикантам и студентам-медикам, а также сестрам и фельдшерам возможность на практике ознакомиться с максимальным числом необычных и редких случаев. Каждый, кто тебя осматривает, берет кровь или мочу, накладывает повязки или делает небольшие хирургические операции, мало знаком со своей профессией. Нет, эти люди относились к своим обязанностям серьезно и добросовестно, беда в том, что у них не было никакого опыта: они могли превратить самую простую процедуру в изощренную пытку.

В моей чистенькой одиночной палате все было по-иному. Удобная постель, чистота, сравнительно просторное помещение и никакой боли. Полный отдых, абсолютный покой и идеальный уход, плюс квалифицированный персонал. Царский подарок Фридландер-Бея. Но скоро мне

придется расплачиваться за его доброту. Уж он об этом позаботится.

Наверное, я задремал, потому что внезапно проснулся, разбуженный шумом открывшейся двери. Я ожидал увидеть чернобородого, но вместо него вошел молодой человек в зеленом хирургическом комбинезоне. Сильный загар, блестящие карие глаза и самые пышные черные усы, которые мне когда-нибудь доводилось видеть. Я представил себе, как доктор запихивает их под хирургическую маску перед операцией, и улыбнулся.

— Ну, как сегодня наши дела? — спросил он, не глядя на меня. Просмотрел карту, потом повернулся к приборам у кровати, нажал на какие-то клавиши, и на экранах замелькали изображения. Врач словно воды в рот набрал: не цокал языком, что часто делают лекари, желая показать, как сильно их беспокоит здоровье пациента, не гудел себе под нос, чтобы вселить бодрость, что раздражает не меньше. Глядя на сменяющиеся ряды цифр на дисплее, он молча подкручивал кончики своих необыкновенных усов. Наконец обернулся ко мне и спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — бесцветным голосом проскри-

пел я.

Сталкиваясь с врачами, я всегда подозревал, что они хотят вытянуть из меня некую особую информацию, но никогда не спрашивая прямо: боятся, что больной соврет и скажет то, что, как ему кажется, им желательно услышать. Поэтому ходят вокруг да около, как будто трудно догадаться, что им нужно, и наврать с три короба.

— Боли?

— Немного. — Ложь: я был напичкан наркотиками по самую макушку, теперь, увы, выбритую.

Никогда не говорите врачам, что у вас нет болей, они тут же снизят полагающуюся вам дозу анонидов.

— Спали?

— Да.

— Что-нибудь поедите, а?

Я задумался. Хотя прямо в вену на тыльной стороне ладони по трубке капал раствор глюкозы, я умирал от голода.

— Нет, — отказался я.

— Утром сможем дать вам какое-нибудь легкое питье. Вставали с постели?

— Нет.

— Хорошо. Не вставайте еще несколько дней. Головокружение? Онемение рук или ног? Ка-

кие-нибудь необычные ощущения — яркий свет, громкие голоса, галлюцинации, что-нибудь вроде этого?

Галлюцинации? Я бы не признался в этом, даже если бы испытывал нечто подобное.

— Ну что ж, все в порядке, господин Одран. Все идет по плану.

Судя по всему, доктор был Турок: я с трудом разбирал его речь, когда он говорил по-арабски; врач тоже не сразу понимал меня.

— Хвала Аллаху. Сколько я уже здесь нахожусь?

Доктор искоса взглянул на меня, потом снова посмотрел в карту.

— Чуть больше двух недель.

— Когда мне сделали операцию?

— Пятнадцать дней назад. До этого вы двое суток находились в больнице; мы готовили вас к операции.

— Угу.

До конца рамадана осталось меньше недели. Интересно, что случилось в городе за мое отсутствие? Я искренне надеялся, что хотя бы несколько друзей и знакомых остались в живых. А если что-нибудь стряслось — убийство, например, виноват Папа. Обвинять Папу — все равно

что хулить Бога: тот же эффект, те же результаты. Вряд ли найдется адвокат, который согласился бы вести дело против них.

— Скажите, господин Одран, вы помните, что произошло перед тем, как вас прооперировали?

Вопрос не из легких. Я задумался; это было все равно что нырнуть в скопление штормовых облаков, где таились страх, отчаяние, мрачные предчувствия… Смутно вспоминались резкие голоса, чьи-то руки перекатывали меня по кровати; вспышки резкой боли. Кто-то, кажется, произнес:

«Не тяните за ту сторону». Не знаю, чьи это были слова и что они значили.

Я старался воскресить в памяти хоть что-то реальное. Наконец понял, что не знаю, как очутился в операционной и даже как вышел из дому и попал в больницу.

Последнее, что стоит у меня перед глазами… Никки!

— Моя знакомая, — сказал я. Перехватило горло и пересохло во рту.

— Та, которую убили? — уточнил доктор.

— Да.

— Это было почти три недели назад. Больше ничего не помните с того времени?

— Ничего.

— А нашу первую встречу? Нашу беседу? В голове — непроницаемо-черные грозовые облака, нулевая видимость. Ненавижу провалы в памяти. Даже двенадцатичасовые, не говоря уже о трехнедельных. Ужасное ощущение, и в моем теперешнем состоянии я вряд ли смогу адекватно отреагировать на вопрос врача: не было сил на то, чтобы проявить подходящее к случаю беспокойство.

— Очень жаль, но я ничего не помню. Врач кивнул:

— Мое имя — Еникнани, доктор Еникнани. Я ассистировал вовремя операции вашему хирургу, доктору Лисану. За последние несколько дней к вам постепенно стала возвращаться память. Но если от вас еще ускользает смысл нашей беседы, очень важно, чтобы мы поговорили снова.

Мне хотелось спать. Я устало потер глаза:

— Если вы сейчас скажете что-нибудь, я наверное все забуду, и придется вам повторить лекцию завтра или послезавтра.

Доктор Еникнани пожал плечами:

— Возможно, но вам больше нечего делать, а мне достаточно хорошо платят, чтобы я добросовестно выполнял свой долг. — Он одарил меня широкой улыбкой, чтобы показать, что

шутит (мрачные невозмутимые типы вроде него должны делать это время от времени, иначе собеседник сам ни за что не догадается). С такой внешностью доктору больше пристало лежать где-нибудь высоко в горах в засаде, прижимая к плечу автомат, чем подавать хирургу разные щипчики и зажимы; впрочем, мой неглубокий ум, возможно, просто жертва стереотипов. Все равно выглядел он очень забавно! Доктор продемонстрировал свои желтые кривые клыки и признался:

— Я испытываю неистребимую любовь к человечеству. По воле Аллаха мне предназначено облегчать людские страдания; в данном случае — проводя малоинтересные интервью каждый день, пока вы наконец не усвоите все до последнего слова. Наш удел — совершать праведные поступки, дело Аллаха оценивать их по достоинству. — Он снова пожал плечами. Для турка доктор оказался весьма красноречив.

В свою очередь вознеся хвалу Аллаху, я терпеливо ожидал начала душеспасительной беседы.

— Вы смотрели на себя в зеркало? — спросил он.

— Еще нет. — Никогда не спешу узнать, как выгляжу после того, как той или иной части

тела нанесен урон; не очень-то люблю созерцать раны, особенно свои собственные. Когда у меня вырезали аппендикс, я не мог смотреть на свое тело ниже пупка целый месяц. А сейчас, когда мне залезли прямо в мозги и начисто обрили голову, смотреться в зеркало тем более не хотелось; соверши я такой неосмотрительный поступок — и буду думать только об одном: что со мной сотворили, зачем и к чему это приведет. Мудрый и осторожный человек мог бы валяться на больничной койке месяцы или даже годы, находясь в приятном полусонном состоянии. Не так уж это страшно. Лучше быть немым кататоником, чем немым трупом. Интересно, сколько они собираются держать меня здесь, перед тем как швырнуть прямо в стальные объятия Улицы? Можете быть уверены, я никуда не спешу!

Доктор Еникнани рассеянно кивнул.

— Ваш… патрон, — сказал он, тщательно выбирая слова, — да, ваш патрон особо настаивал на том, чтобы вам сделали возможно более полную внутричерепную ретикуляцию. Поэтому операцию проводил сам доктор Лисан: он лучший нейрохирург города и заслужил широкое признание во всем мире. Многие приспособления, которые он применил в вашем случае, изобрете-

ны или усовершенствованы лично им; он также использовал несколько новых методов. Назовем их… экспериментальными.

Его слова нисколько меня не успокоили. Наплевать мне на то, какой великий хирург-новатор их знаменитый доктор Лисан! Я приверженец старой доброй школы:

«Лучше меньше, да безопаснее». Пусть мой мозг обладает чуточку меньшим количеством «экспериментальных» талантов, но не превратится в бесполезную серую массу или не взорвется от перенапряжения. Ах ты черт! Я горько улыбнулся, подумав, что в принципе засовывать раскаленные проволочки в потаенные уголки мозга, чтобы посмотреть, что произойдет, не намного опаснее, чем колесить на бешеной скорости по городу в такси Билла, безумного американца. Наверное, у меня все-таки проявляется фрейдистская жажда смерти. А может, я просто идиот.

Доктор поднял крышку столика на колесах, который стоял возле кровати; под крышкой оказалось зеркало. Он подкатил столик ко мне, чтобы я мог полюбоваться на свое отражение. Я Выглядел ужасно, словно уже умер, отправился прямиком в ад, но по дороге заблудился и застрял где-то в бесконечности: уже не живой, но еще не

настоящий респектабельный покойник. Борода аккуратно подстрижена (по-видимому, я подбривался каждый день, или кто-то делал это за меня, хотя ничего в памяти не отложилось), лицо бледное, с неопрятным серым оттенком, словно кто-то измазал меня типографской краской, под глазами — темные круги. Сидя в постели, я долго смотрел на себя и не сразу заметил, что голова тщательно выбрита, и череп покрыт тонким пухом, похожим на сухой лишайник, прилипший к холодному камню. Розетку, которую мне вживили, я не увидел, — она была скрыта под повязкой. Я медленно поднял руку, чтобы пощупать свою макушку, но в конце концов так и не решился. Внезапно закружилась голова, засосало под ложечкой; я бросил взгляд на доктора, и моя рука бессильно упала на одеяло.

— Когда снимут все повязки, — сказал он, — вы увидите, что мы сделали вам два устройства для ввода модулей: одно спереди, другое сзади, ближе к затылку.

— Два? — Никогда раньше не слышал о подобном.

— Да. Доктор Лисан решил сделать вам двойную имплантацию.

Так жестоко нагружать мой слабый мозг — все

равно, что поставить на арбу ракету в качестве мотора; арба все равно не полетит. Я закрыл глаза. Никогда в жизни я не был так напуган. Начал читать про себя «Фатиху», первую суру Благородного Корана, которая приходит на ум в экстремальных ситуациях и обычно успокаивает и придает сил. Это мусульманский эквивалент христианского «Отче наш». Потом, открыв глаза, снова уставился на свое отражение. Страх все еще не отпускал меня, но, по крайней мере, теперь на небесах были в курсе моих бед, и с этого момента я собираюсь принимать все, что бы со мной ни случилось, как волю Аллаха.

— Значит, я смогу вставить два разных модика одновременно и чувствовать себя двумя разными людьми, так?

Доктор Еникнани нахмурился:

— Нет, господин Одран, ко второму устройству можно будет подключать различные обучающие приставки, но не модуль. Нельзя использовать одновременно два различных личностных модуля. Это может привести к тому, что оба полушария и мозжечок будут годны разве на то, чтобы высушить их и сделать из черепа пресс-папье. Мы вживили вам добавочный ввод, как просил нас… (тут он едва не проявил неосторожность, коснув-

шись имени Папы)… как указал нам ваш патрон.

Врач-терапевт проинструктирует вас о наиболее эффективном использовании вживленных в мозг устройств. Как вы будете применять их, выйдя из больницы, это, конечно, ваше личное дело. Помните только, что вы сейчас получили прямой контакт со своей центральной нервной системой и можете на нее непосредственно воздействовать. Это не то, что проглотить несколько пилюлек и бегать по городу до тех пор, пока их действие не кончится! Если используете вживленные устройства не так, как надо, ваши действия могут иметь необратимые последствия.

Повторяю: необратимые и ужасные последствия для вашего здоровья.

О'кей, все понятно, док! Я подчинился желаниям Папы и остальных доброжелателей: вставил розетку в мозг. Милый доктор-праведник Еникнани, однако, сумел нагнать на меня страху, и, лежа в своей палате, я решил, что по крайней мере никому не обещал использовать проклятые розетки. Как только поправлюсь, выйду из больницы, отправлюсь домой — забуду про дьявольские устройства, займусь своими обычными делами, буду жить так, словно ничего не произошло. Пусть кто-нибудь попробует заставить меня

хоть на секунду вставить какой-нибудь модик! Розетки пусть торчат в голове, как украшения, но если речь зайдет об использовании уникальных новоприобретенных способностей, я скажу:

«Стоп, ребята! Извините, но такой тип услуг клиентам не предоставляется и предоставляться в дальнейшем не будет!» Одно дело время от времени подстегивать свои ленивые серые клеточки пилюльками, причем без необратимых последствий, и совсем другое — поджаривать их в микроволновой печке! Я позволяю собой командовать лишь до определенной степени: в один прекрасный момент мое врожденное упрямство берет верх.

— Итак, — провозгласил доктор Еникнани уже в мажорной тональности, — после этого небольшого предупреждения вам, наверное, не терпится выяснить, на что способны ваши модифицированные тело и мозг?

— Еще бы, — отозвался я без особого энтузиазма.

— Что вы знаете о деятельности мозга и нервной системы? Я засмеялся:

— Ну, не больше, чем любой бездельник в Будайине, который с трудом может прочитать и написать свое имя. Я знаю, что мозг расположен

в башке, и слыхал, что, если какой-нибудь громила расколет ее и серое вещество вывалится на мостовую, мне придется плохо. Вот и все, пожалуй. — На самом деле, я конечно прибеднялся: всегда стараюсь показать себя немного хуже, чем я есть. На всякий случай. Очень полезно быть чуть-чуть умнее, быстрее и сильнее, чем тебя считают окружающие.

— Итак, второе имплантированное вам в мозг устройство, расположенное сзади, будет работать самым обычным образом. Вы сможете подключать к нему личностные модули. Знаете, врачи до сих пор отнюдь не единодушны в вопросе о целесообразности использования модулей. Некоторые наши коллеги полагают, что потенциальная угроза здоровью намного превышает все плюсы таких возможностей. К слову сказать, положительные моменты в первые годы использования модулей можно пересчитать по пальцам: они создавались в весьма ограниченных количествах и с весьма ограниченными функциями, как средства для лечения пациентов, страдающих серьезными расстройствами деятельности мозга и нервной системы. Однако впоследствии идею подхватили и раздули, и теперь личностные модули применяются совершенно не так,

как планировали их создатели. — Доктор снова пожал плечами.

— Слишком поздно пытаться что-либо изменить, а те единицы, которые ратуют за полное запрещение модулей, с трудом собирают даже небольшую аудиторию. Поэтому сегодня каждый может стать обладателем практически любого модуля; в открытой продаже имеются чрезвычайно удобные и полезные, экономящие массу времени и сил устройства; есть и такие, которые многие сочтут оскорбительными для морали и нравственности. — Я сразу же подумал о Хони Пилар. — Стоит лишь зайти в любой магазин по продаже модулей, и вы станете, скажем, самим Садах ад-Дином, легендарным султаном и великим героем ислама;[17] или превратитесь в сказочного султана Шахрияра, чтобы сполна насладиться обществом прекрасной жены-рассказчицы и других персонажей «Тысячи и одной ночи». Имплантированное вам второе устройство для ввода модулей способно также принять до шести приставок.

— Но в этом нет ничего необычного или особенного, — сказал я.

---

[17] Примечания: 17

Салахад Дин (искаж — Саладин) правитель и военачальник, нанесший серьезное поражение крестоносцам, его имя стало нарицательным.

— Как насчет экспериментальных штучек, которые дадут мне преимущества над другими? Насколько это опасно?

Доктор растянул губы в улыбке.

— Трудно сказать что-то определенное, господин Одран; в конце концов, эксперимент есть эксперимент. Их действие проверено на подопытных животных и нескольких людях-добровольцах. Результаты сочли удовлетворительными, но не все согласились с этим… Весьма многое будет зависеть от вас, господин Одран, если на то будет воля Аллаха. Прежде чем объяснить, что я имею в виду, давайте разберемся, какие именно «экспериментальные штучки» вы приобрели. Личностные модули изменяют сознание и, пока они подключены к мозгу, заставляют вообразить себя другим человеком. Обучающие программы-приставки вводят нужную информацию непосредственно в так называемую «кратковременную память», с их помощью можно мгновенно получить знания практически в любой области, причем, как только приставку вытаскивают из гнезда, все это исчезает. Но специальные приставки, которыми теперь получили возможность пользоваться вы, подключив их к первому устройству для ввода модулей, воздействуют на участки, отвечающие

за другие важнейшие функции мозга. — Он взял черный фломастер и схематично изобразил на листке бумаги мозг. — Сначала мы ввели в ваш таламус сверхтонкую серебряную проволоку, покрытую пластиком. Она такая крошечная и хрупкая, — меньше одной тысячной инча[18] в диаметре, — что хирурги вынуждены применять манипулятор. Благодаря вживленной в таламус проволоке вы сможете подсоединять уникальную обучающую программу, которой мы вас снабдим, и с ее помощью «отключать» участки, принимающие сигналы от органов чувств. Если, например, требуется сконцентрировать внимание на чем-то одном, надо просто блокировать любые отвлекающие факторы: запах, звук, вкус, зрение…

Я восхищенно задрал брови.

— Да, нетрудно представить себе, какую пользу может принести эта штука…

Доктор Еникнани улыбнулся:

— «Эта штука» — лишь десятая часть способностей, которыми мы наделили вас, господин Одран. К другим участкам также проведены проводки. Возле таламуса, в самом центре мозга,

---

[18] Примечания: 18
Инч = 2,56 см.

расположен гипоталамус — маленький участок, который, однако, отвечает за множество жизненно важных функций организма. Вы сможете, если захотите, контролировать, изменять и полностью блокировать их. Например, пожелав «убрать» чувство голода, вы, используя наружную приставку, полностью избавитесь от него, даже если наступит истощение. То же самое — с ощущением жажды и с болью. Вы будете регулировать температуру тела, давление, а также степень сексуального возбуждения. И, наконец, на мой взгляд важнейшее преимущество, — способность «отключать» усталость.

Я, не шелохнувшись, сидел на койке, завороженно уставясь на него, словно чудо-доктор только что распаковал яркую коробку и вынул оттуда сказочное сокровище, скажем, настоящую лампу Алладина. Но доктор Еникнани никак не походил на джинна-раба волшебной лампы, а работа его не связана с магией, хотя, честно говоря, для меня все это было так же непостижимо, как заклинания. Я даже не решил еще, можно ли полностью поверить его словам. В общем, крутые турки с такой разбойничьей физиономией, от которых в той или иной степени зависит мое будущее, обычно сразу вызывают у меня доверие.

Конечно, ничто не мешает мне на всякий случай относиться к ним с определенной долей сарказма. Так что пусть продолжает свою лекцию.

— Вам будет намного легче запоминать и осмысливать новую информацию, овладевать новыми знаниями. Разумеется, в вашем распоряжении электронные приставки; однако на случай, если появится желание закрепить факты в «долговременной памяти», мы поработали с вашим гипокампусом и близлежащими областями мозга. Если потребуется, сможете изменять свои биочасы: засыпать, когда пожелаете, и просыпаться точно в установленное время. Провод, вживленный в гипофиз, обеспечит непрямой контроль над эндокринной системой, надпочечниками, вырабатывающими адреналин, и щитовидной железой. Терапевт потом детально опишет вам, как с наибольшей эффективностью использовать преимущества подобного рода. Как видите, в целом мы предоставили вам возможность полностью сконцентрироваться на выполнении своих задач, не отвлекаясь на удовлетворение тех или иных нужд организма. Разумеется, сказанное не означает, что вам теперь вообще не потребуется сон, вода или не придется отправлять естественные потребности. Просто

при желании можно блокировать настойчивые и весьма неприятные сигналы-предупреждения организма.

— Мой шеф позаботился, чтобы ничто не отвлекало меня от выполнения поставленной им задачи, — подытожил я без особого восторга в голосе.

Доктор Еникнани тяжело вздохнул:

— Да, верно. Позаботился обо всем.

— Что-нибудь еще?

Он задумчиво пожевал губу:

— Да, но остальное вам подробно расскажет терапевт; кроме того, вам выдадут стандартный набор брошюр. Нужно еще, пожалуй, упомянуть вот о чем: вы сможете контролировать свою лимбическую систему, которая непосредственно влияет на эмоции. Это одна из новых разработок доктора Лисана.

— То есть смогу выбирать себе настроение? Как, скажем, одежду?

— В определенной степени, да. Кроме того, работая с определенными областями мозга, мы иногда могли затронуть сразу несколько функций. Например, ваш организм теперь будет гораздо быстрее избавляться от алкоголя. Если, конечно, когда-нибудь вам понадобится выпить. — Он

укоризненно посмотрел на меня: хороший мусульманин, разумеется, не вправе употреблять спиртное. Доктору, наверное, было известно, что я, мягко говоря, не самый примерный последователь заветов ислама в нашем городе. Однако это довольно деликатный предмет, тем более для обсуждения его с незнакомым человеком.

— Я уверен, шеф будет доволен таким достижением. Отлично. С нетерпением жду выписки. Я буду рукой Аллаха, сеятелем добра среди неправедных и погрязших в разврате.

— Иншалла, — серьезно сказал доктор. — Если пожелает Аллах.

— Хвала Аллаху, — отозвался я, пристыженный искренней верой, прозвучавшей в его голосе.

— Остался еще один момент, а потом мне хотелось бы поделиться с вами соображениями, касающимися философии, которой придерживаюсь я. Во-первых, и вы наверняка об этом знаете, в мозгу — точнее, в гипоталамусе, — есть центр удовольствия, который можно стимулировать искусственным образом.

Я сделал глубокий вдох:

— Да, слышал об этом. Говорят, ощущение потрясающее…

— Подопытные животные и люди, которым

дают возможность самим стимулировать «центр удовольствия», часто забывают обо всем на свете: о еде, питье, о других потребностях организма, — и продолжают возбуждать себя, пока не погибнут. — Его глаза сузились. — О нет, господин Одран, ваш центр удовольствия мы не трогали.

Ваш… шеф решил, что искушение будет слишком сильным, а у вас масса более важных дел, чем устраивать себе какой-то псевдорай.

Не знаю, хорошая это новость или плохая. Я, конечно, вовсе не хотел бы тихо зачахнуть, истощив свой организм бесконечным квазиоргазмом. Но с другой стороны, если придется выбирать между подобной перспективой и свиданием с парочкой озверевших психопатов-убийц, вполне возможно, в момент слабости я отдам предпочтение первому. Невероятное наслаждение, которое никогда не кончается, не теряет первоначальной остроты…

С непривычки придется нелегко, но со временем приноровлюсь.

— Рядом с центром удовольствия, — продолжал доктор Еникнани, — расположен участок, вызывающий необузданную ярость и агрессивность. Это также центр наказания. При его стимуляции человек испытывает страдание, по силе не

уступающее экстазу во время воздействия на центр удовольствия. Так вот, данный участок мы обработали. Ваш шеф посчитал, что это может оказаться полезным при определенных обстоятельствах; кроме всего прочего, он получает возможность вас как-то контролировать. — Доктор говорил подчеркнуто неодобрительным тоном. Я, естественно, тоже не испытывал особой радости. — Если вы сами решите «включить» центр наказания, можете превратиться в ужасное существо, настоящего ангела-мстителя, которого невозможно остановить. — Он замолчал; доктор явно считал профанацией высокого искусства нейрохирургии то, что приказал сделать Фридландер-Бей.

— Мой… шеф обдумал все до последней детали, верно? — произнес я с горькой насмешкой в голосе.

— Да, очевидно. То же самое должны сделать и вы. — После этого доктор неожиданно наклонился и положил мне руку на плечо. Подобный жест сразу изменил тон разговора. — Мистер Од-ран, — произнес он очень серьезно, глядя мне прямо в глаза, — я знаю, почему вы решились на операцию.

— Ага, — промычал я, с любопытством ожидая

продолжения.

— Во имя Пророка, да будет с ним мир и благословение Божие, вы не должны страшиться смерти.

Этого я не ожидал.

— Ну, вообще-то я не особенно размышляю на подобные темы… Но ведь электронные штуки, которыми вы напичкали мой мозг, не настолько опасны?

Если честно, я действительно боялся, что, произойди что-то не так, и я рискую стать идиотом, но уж никак не трупом. Нет, такое мне в голову не приходило.

— Вы не поняли меня! Я говорил совсем о другом. Когда вы покинете госпиталь и начнете деятельность, ради успеха которой претерпели все тяготы, изгоните из сердца страх. Великий английский мудрец Виллиам аль-Шейк Сабир в своей замечательной пьесе «Король Генрих Четвертый, часть первая» говорит:

«Жизнь — игрушка для времени, а время — страж вселенной — когда-нибудь придет к концу».[19] Как видите, смерть ожидает всех нас. От нее не скрыться, не убежать; смерть — благо,

---

[19] Примечания: 19
Виллиам аль-Шейк Сабир — то есть Шекспир Пер. Е.Бируковой

ибо это — врата, через которые человек попадает в рай, — да будет благословен его Создатель. Итак, исполняйте свой долг, господин Одран, и пусть не смущает вашу душу недостойный страх перед смертью!

Просто замечательно: мой врач оказался еще и мистиком-суфием! Я не знал, как отреагировать, и молча разглядывал его физиономию. Доктор сжал мое плечо и выпрямился. — С вашего разрешения, — произнес он. Я слабо взмахнул рукой:

— Пусть сопутствует тебе удача.

— Мир тебе, — произнес от традиционную фразу.

— И с тобой да пребудет мир, — ответил я. Доктор Еникнани покинул палату.

Джо-Маме наверняка страшно понравится эта история. Интересно будет услышать ее интерпретацию…

Сразу после ухода врача явился молодой санитар со шприцем. Я попытался объяснить, что вовсе не мечтал, чтобы меня накачали наркотиком; просто хотел задать пару вопросов. Но парень резко произнес:

— Повернитесь на живот. Куда колоть: слева, справа?

Я немного поворочался, и в конце концов ре-

шил, что мой бедный зад везде болит примерно одинаково.

— А еще куда-нибудь нельзя? В руку?

— В руку нельзя. Могу только пониже, в ногу. — Он довольно грубо стащил простыню, протер ваткой бедро и всадил шприц. Потом быстро протер место укола, повернулся и пошел, не сказав ни слова. Я явно не принадлежал к его любимым пациентам.

Мне захотелось остановить парня, объяснить, что я вовсе не самовлюбленный, сластолюбивый и порочный сын свиньи, каким он меня считает. Но прежде чем он дошел до двери, прежде чем я успел открыть рот, голова сладко закружилась и знакомое, по-матерински теплое и ласковое забвение приняло меня в свои объятия, избавив от всех ощущений. Последняя мысль перед тем, как я полностью отключился: «Так здорово никогда в жизни не было…»

Глава 13

Я не ожидал наплыва посетителей; еще до конца не решившись на операцию, все-таки предупредил всех знакомых, что ценю их заботу, но предпочитаю, чтобы меня оставили в покое, пока не поправлюсь. В ответ мне тактично дали понять, что навещать меня никто и не собирается. Ну и пусть, гордо сказал я себе. На самом деле мне не хотелось никого видеть, потому что я примерно представлял себе эту процедуру. Посетители усаживаются на кровати у тебя в ногах и начинают притворно-бодро уверять, что ты прекрасно выглядишь, скоро почувствуешь себя лучше, что все по тебе ужасно скучают. А если ты не успеешь заснуть на данном этапе, в подробностях опишут все перенесенные когда-то ими операции. Все это мне не нужно. Я хотел в одиночестве насладиться последними молекулами эторфина, введенного в мой мозг, чтобы он постепенно рассасывался. Конечно, на всякий случай я приготовился играть роль стоика и мужественного страдальца в течение нескольких минут в день. Но репетиции оказались напрасными. Мои друзья были верны

слову: ни единого чертова посетителя, вплоть до последнего дня перед выпиской! Никто не нашел времени позвонить, прислать открытку или хотя бы какой-нибудь трогательный цветочек. Ну погодите, я вам этого не забуду!

Я видел доктора Еникнани каждый Божий день, и каждый Божий день он напоминал, что есть многое, чего следует бояться больше смерти. Доктор любил творчески развивать эту оригинальную мысль: такого зануду я еще не встречал.

Его попытки успокоить встревоженную душу пациента приводили к обратному результату; доктору следовало бы ограничиться обычными медикаментозными средствами — пилюльками. Они, — я имею в виду больничные лекарства, изготовленные на фармацевтических фабриках, — действовали просто замечательно, заставляя забыть и о смерти, и о страданиях — вообще обо всех неприятностях.

По прошествии нескольких дней стало ясно, как сильно ценит мое благополучие родной Будайин: даже если бы я умер и был погребен в новенькой мечети в Мекке или в какой-нибудь египетской пирамиде, воздвигнутой в мою честь, никто об этом и не узнал бы! Вот так друзья! Во-

прос: как мне вообще пришло в голову рисковать ради таких крыс своей шкурой! Я задавал его себе снова и снова, но ответ всегда был один: потому что кроме них у тебя никого нет. Печально, правда? Чем дольше я наблюдаю за поведением людей, тем больше радуюсь, что никогда не принимал их поступки близко к сердцу. Иначе свихнулся бы или повесился с тоски…

Подошел конец рамадана, а с ним и праздник — пир, знаменующий завершение поста. Жалко пропустить его, потому что этот день — ид альфитр — для меня один из самых светлых в году. Я всегда праздновал конец поста, поглощая горы атаиф лепешек, пропитанных сиропом, с густым кремом наверху, обсыпанных тертым миндалем, сбрызнутых водой, настоянной на апельсиновых корках. Вместо них меня угостили на прощание парочкой уколов соннеина. И вот наконец некий религиозный лидер города объявил, что узрел молодой серпик луны, а стало быть, начался новый месяц, и жизни разрешается вернуться в обычное русло.

Я заснул безмятежным сном. На следующее утро проснулся рано: санитар пришел, как обычно, чтобы взять кровь на анализ. Жизнь остальных мусульман могла продолжить свое течение, но

моя навсегда свернула в неведомом направлении… Все! Чресла мои опоясаны, меня ожидает поле брани… Разверните знамена, о братья мои, и ринемся на врага, как волки на овец. Я несу не мир, но меч. Во имя Аллаха, вперед!

Я расправился с завтраком; меня умыли. Я потребовал укольчик: приятно принять в себя соннеин после утренней работы челюстями и покайфовать перед вторым завтраком. Открыл глаза часа через два — поднос с едой: голубцы, хамуд; кюфта на шампуре, с приправой из лука, кориандра, специй, плюс рис. Молитва лучше сна, о правоверные, а еда лучше наркотиков… во всяком случае, иногда.

Потом еще один укол, и снова безмятежный сон. Меня разбудил Али, мрачный санитар. Он тряс меня за плечо, бормоча: «Господин Одран…»

Ох нет, подумал я, только не очередной анализ крови, и попытался снова уснуть.

— К вам посетитель, господин Одран! Посетитель? Тут какая-то ошибка. Я умер и похоронен на заоблачной вершине горы, и делать мне совершенно нечего разве что ждать визита ребят, грабящих могилы великих людей. Но я еще даже не успел окоченеть. Не могли подождать, пока я остыну в гробу, мерзавцы. Готов поспорить, к

Рамзесу II проявляли больше почтения. Или, скажем, к Гаруну аль-Рашиду, или к принцу Саалиху ибн Абдул-Вахиду ибн Сауду… В общем, к кому угодно, кроме меня. Я с трудом сел.

— О мой проницательный друг, ты прекрасно выглядишь!

На мясистой физиономии Хасана красовалась плохо приклеенная неискренняя улыбка прожженного дельца, придающая его лицу ханжески-елейное выражение. Она не обманет даже самого доверчивого и тупого туриста.

— Все в руках Всемогущего, — ответил я невпопад.

— Да, да, восхвалим Аллаха. Очень скоро ты совсем поправишься, иншалла.

Я не потрудился ответить. Хорошо уже, что он не уселся на моей кровати!

— Знай, о мой возлюбленный племянник: Будайин погружен в печаль без тебя, чье присутствие несет радость нашим уставшим душам.

— Я уже понял это, — сказал я, — из целого потока открыток и писем. И еще одно свидетельство — толпы друзей, сидящих в коридорах больницы днем и ночью, горя желанием увидеть меня или хотя бы услышать, как я себя чувствую. И тысячи маленьких знаков любви, облегчивших мое пре-

бывание здесь. Не нахожу слов, чтобы выразить свою благодарность.

— Правоверный не ждет благодарности…

— …когда исполняет долг милосердия. Знаю, Хасан. Что еще?

Шиит выглядел слегка смущенным. Может быть, у него мелькнула мысль, что я издеваюсь над ним? — Но вообще-то Хасан просто неспособен воспринимать иронию.

Он снова улыбнулся.

— Я очень рад, что сегодня вечером ты будешь с нами.

Я вздрогнул.

— Неужели?

Он воздел жирную руку.

— Разве я когда-нибудь ошибаюсь? Тебя выписывают после полудня. Фридландер-Бей послал меня, чтобы известить: ты должен нанести ему визит, когда почувствуешь себя лучше.

— Я даже не знал, что меня собираются выписывать, и уж точно не ожидал встречи с Фридландер-Беем завтра; но он «не хочет торопить» меня. Полагаю, у входа ждет машина, чтобы отвезти меня домой?

Хасан изобразил страшное огорчение, но ему явно не понравились мои слова.

— О мой дорогой, как бы хотелось помочь тебе! Но, увы, меня ждут неотложные дела в другом месте.

— Иди с миром, — тихо сказал я, откинулся на подушки и попытался уснуть.

Но сон исчез.

— Аллах йисаллимак, — пробормотал Хасан и тоже исчез…

Безмятежный покой, царивший в моей душе последние дни, испарился с обескураживающей быстротой; его заменило какое-то извращенное чувство омерзения к собственной персоне. Помню, года два назад я бегал за девушкой, работавшей в «Красном фонаре» и иногда появлявшейся в «Старом Чикаго Большого Ала». Моя жизнерадостная, заводная манера произвела на нее впечатление. В конце концов удалось пригласить ее пообедать вместе (не помню, где); потом отправились ко мне. Через пять минут после того, как я открыл дверь, мы уже были в постели, трахались минут десять-пятнадцать, и вдруг я почувствовал, что все прошло! Я лежал на спине и смотрел на нее. У моей возлюбленной были плохие зубы и выпирающие повсюду кости. От нее несло кунжутным маслом так, словно она использовала его вместо дезодоранта. «Боже

мой, — подумал я, — как здесь очутилась эта девица? И как мне от нее избавиться?» После полового акта все животные становятся грустными; если быть точным, вообще после того, как испытают удовольствие любого рода. Мы не созданы для наслаждения. Мы созданы для бесконечно долгой агонии жизни, для того, чтобы видеть свое существование со всей беспощадной ясностью, что часто само по себе — нестерпимая мука. Я ненавидел себя тогда и сейчас испытываю такое же чувство. Раздался осторожный стук в дверь. Вошел доктор Еникнани; он рассеянно взглянул на пометки санитара.

— Меня выписывают? — спросил я. Он посмотрел на меня ясными черными глазами.

— Что, что? А, да, выписывают. Врач уже оформил нужные бумаги. Пусть кто-нибудь приедет и заберет вас. Таковы больничные правила. Вы можете покинуть нас в любое время, когда пожелаете.

— Хвала Аллаху, — заметил я совершенно искренне. Странно, но факт: я обрадовался.

— Хвала Аллаху, — отозвался доктор. Он посмотрел на пластмассовую коробку с училками, лежащую на столике возле кровати. — Вы уже опробовали их?

— Да, — ответил я.

Ложь. Я «примерил» лишь несколько штук под руководством терапевта; результаты в основном разочаровали. Не знаю, чего я ожидал. Когда вставляешь училку, знания, заложенные в ней, мгновенно поступают в память; чувство такое, словно они были там всю жизнь. Как будто выучил тексты, готовясь к экзамену, просидев за книгами всю ночь, с той разницей, что ничего не забудешь и хорошо выспался. Как только вытаскиваешь приставку, все уходит… Не впечатляет. Но я предвкушал возможность попробовать что-нибудь специфическое из магазинчика Лайлы. Иногда училки бывают очень полезны. По-настоящему я боялся личностных модулей — зловещих устройств, с помощью которых что-то чужое овладевает разумом и телом, отпихивая твое «я» куда-то в дальний уголок. Подобная перспектива все еще смертельно пугала меня.

— Что ж, хорошо, — сказал доктор Еникнани. Он не пожелал мне удачи, поскольку судьба человека — в руках Аллаха. Всемогущий заранее знает, чем все кончится, поэтому проблема везения отпадает.

— Да пошлет тебе Аллах успешного завершения всех начинаний, — поэтому сказал он.

Прекрасное напутствие. Теперь, когда мы прощались, доктор определенно начал мне нравиться.

— Иншалла.

Мы пожали друг другу руки, и он ушел. Я подошел к шкафу, вытащил свою одежду и бросил на кровать: рубашку, ботинки, носки, нижнее белье и новые джинсы (не помню, когда я успел купить их!). Быстро одевшись, попробовал связаться с Ясмин. Длинные гудки… Тогда я позвонил домой: может, она у меня.

Опять никого… Пошла на работу?

Еще нет двух часов. Я позвонил Френчи — в баре ее пока не видели. Записку персоналу я оставлять не стал и вызвал такси.

Не знаю, что говорится на этот счет в больничных правилах, но меня, покидающего палату без сопровождающих, никто не остановил. Санитар отвез меня в кресле на колесиках вниз, и я пересел в такси, сжимая сумку с личными вещами в одной руке, а пакет с училками — в другой. В душе моей царило смятение, но я не чувствовал ни радости, ни горя…

Я отпер дверь и вошел, ожидая увидеть полный беспорядок. Возможно, Ясмин забегала сюда, пока я был в больнице, а за моей подружкой никогда

не водилось привычки убирать после себя. Я думал, что на полу будут разбросаны ее вещи, в раковине — красоваться гора грязной посуды, на столе и плите — остатки еды, пустые банки и бутылки. Но в комнате царила такая же чистота и порядок, как и тогда, когда я вышел отсюда в последний раз. Да нет, пожалуй, стало даже чище никогда я так тщательно не подметал, не вытирал пыль и не мыл окон. Сразу закрались подозрения: искусный взломщик, страдающий манией чистоты, проник в мой дом. Возле матраса на полу лежали три туго набитых конверта. Я наклонился и поднял их. На всех напечатано мое имя, внутри каждого — по семь сотен киамов десятками: семьдесят новеньких купюр, перетянутых резинкой. Две тысячи сто киамов. Моя зарплата за недели, проведенные в больнице. Честно говоря, не ожидал, что мне засчитают это время. Вообще-то, я с удовольствием полежал бы в больнице и задаром: соннеин, особенно когда он сочетается с эторфином, — весьма неплохой коктейль…

Я свалился на кровать и бросил деньги рядом, где часто спала Ясмин. Я все еще ощущал странную пустоту в голове, словно бессознательно ожидал появления чего-то, что придаст смысл

моему существованию; по крайней мере намекнет, что делать. Часы показывали четыре без нескольких минут. Я решил не откладывать самое трудное на потом. Лучше покончить с этим сразу.

Встал, сунул пачку киамов в карман, нашел ключи и спустился вниз. Ага, сразу нечто зашевелилось… Правда, ощущение было не из приятных — холодный страх и предчувствие мрачных событий напоминали тринадцать ступеней к эшафоту и петлю, правда, пока невидимую. Я дошел до Восточных ворот и поискал Билла, безумного американца, но его, как назло, не было. Пришлось сесть в другую машину.

— К дому Фридландер-Бея. Водитель обернулся и внимательно посмотрел на меня.

— Нет, — отрезал он.

Я вылез и нашел не столь щепетильного таксиста, предусмотрительно договорившись о плате заранее.

Подъехав к логову Папы, я расплатился и вылез. Никто не знал, что я появлюсь здесь; возможно, Папа не ожидал увидеть меня раньше завтрашнего дня.

Тем не менее его лакей открыл полированную дверь красного дерева еще до того, как я успел

одолеть белую мраморную лестницу.

— Господин Одран, — произнес он вполголоса.

— Удивляюсь, как ты меня запомнил. Лакей пожал плечами (возможно, улыбаясь про себя), поприветствовал меня:

— Салам алейкум, — и повернулся ко мне спиной.

— Алейкум ассалам, — ответил я и последовал за ним.

Он проводил меня к кабинету Папы, в ту самую комнату, где я ожидал хозяина во время первого визита. Я сел, но потом вскочил и принялся беспокойно ходить взад-вперед. Черт, зачем я сюда явился? Мне абсолютно нечего сказать Папе, кроме «здравствуйте, как поживаете?». Но Фридландер-Бей умеет быть хорошим хозяином (когда это служит его целям); он не позволит гостю почувствовать себя неловко.

Пока я прокручивал все это в голове, дверь кабинета открылась, и один из каменных истуканов жестом дал понять, что можно войти. Я протиснулся мимо него и очутился в обществе Папы. Он выглядел утомленным, словно занимался решением неотложных финансовых, политических, религиозных, юридических, военных вопросов (и что там еще назвать?) без передышки много

часов подряд. На белой рубашке проступили пятна пота, волосы растрепались, глаза покраснели от усталости.

Когда Папа поднял руку, обращаясь к Говорящему Булыжнику, она заметно дрожала.

— Кофе, — приказал он тихо, хрипловатым голосом. Потом повернулся ко мне:

— Подойди, подойди к нам, племянник, сядь. Как ты себя чувствуешь? Хвала Аллаху, операция прошла успешно. Я получил доклады доктора Лисана. Он вполне доволен результатами. В этом отношении я тоже доволен, но, разумеется, истинным доказательством эффективности устройств будет их правильное использование. Я молча кивнул.

Булыжник принес кофе, и это дало мне несколько минут передышки. Пока мы пили и перебрасывались пустыми фразами, я чувствовал на себе внимательный взгляд Папы; его брови сошлись в единую линию, на лице появилось слегка брюзгливое выражение. Я прикрыл глаза, кляня себя за глупость: как же меня угораздило явиться в такой одежде! Джинсы и ботинки выглядят нормально в клубе Чири или когда я слоняюсь по городу в компании Махмуда, Жака и Сайеда, но для визита к Папе нужна галабийя. Слишком

поздно: раз уж сел в лужу, придется как-нибудь выбираться из нее.

После второй порции кофе я слегка покачал чашку, показывая этим, что больше не хочу. Кофе унесли; Папа прошептал что-то Булыжнику. Второй громила тоже вышел из комнаты. Впервые меня оставили с Папой наедине. Я терпеливо ждал.

Старец напряженно думал о чем-то, сжав губы.

— Меня радует, что ты настолько проникся моими заботами, что согласился на операцию, — произнес он наконец.

— О, шейх, — начал я. — Я…

Он сразу поднял руку, прервав меня.

— Однако это не может решить наши проблемы. Увы, мой племянник, никак не может. Мне передавали также, что ты медлишь, не решаясь использовать в полном объеме способности, которыми мы тебя одарили. Ты полагаешь, что выполнил наше соглашение, модифицировав мозг, но не заставляя устройство работать. Не обманывай себя. Наша общая проблема не может быть решена, пока ты не согласишься воспользоваться оружием, которое я тебе вручил, и не просто воспользоваться, а применить в полной мере. Сам я не обладаю такими… способностями,

ибо считаю, что они противоречат основам веры, поэтому может возникнуть вопрос, вправе ли я давать советы. Думаю, все же я имею необходимые знания в этой области. Ты не хочешь обсудить со мной, какой модуль выбрать?

Он читал мои мысли; что ж, ведь это Фридландер-Бей! Как ни странно, чем сильнее я запутывался в паутине, тем легче становилось общаться со старым пауком. Например, сейчас, отказываясь от его «предложения», я не трясся от страха перед последствиями.

— О шейх, мы еще даже не обговорили, кто наш враг. Разве без этого можно вычислить наилучший личностный модуль, чтобы он стал орудием мести?

Молчание. В моих ушах, словно удары колокола, отдавалось биение собственного сердца. Папа чуть приподнял брови, потом лоб его разгладился.

— Ты еще раз доказал, племянник, что мой выбор доверенного помощника правилен. Ты прав. С чего же ты предлагаешь начать?

— О шейх, начну с того, что укреплю сотрудничество с лейтенантом Оккингом и выужу все данные, собранные полицией. Я знаю кое-что о жертвах, неизвестное Оккингу, и не вижу вес-

ких причин делиться с ним этой информацией. Позднее он может получить ее. Затем опрошу наших общих друзей: наверняка отыщутся какие-то «ушки». Итак, первым делом я предлагаю тщательно, применяя научные методы, изучить все имеющиеся факты.

Фридландер-Бей задумчиво кивнул:

— Оккинг располагает сведениями, которых нет у тебя, ты — информацией, которой нет у него. Кто-то должен собрать все воедино, и я предпочитаю, чтобы это был ты, а не наш верный слуга закона. Да, я одобряю твое предложение.

— Те, кто видят тебя, живут в мире, о шейх.

— Пусть дарует тебе Аллах счастливое возвращение из похода.

Я не видел причин делиться с ним своими истинными планами: присмотреться как следует к герру Люцу Сейпрлту. То, что я знал о Никки и ее смерти, придавало делу гораздо более зловещий смысл, чем соглашались признать Папа или Оккинг. У меня еще был модик, найденный в сумочке Никки. Я никому о нем не говорил. Надо определить, что он собой представляет. Молчал я также о кольце и скарабее.

Мне потребовалось всего несколько минут, чтобы покинуть дом Фридландер-Бея, но я никак не

мог найти такси и в конце концов пошел пешком. Такой поворот дела не слишком меня огорчил, потому что всю дорогу я вел мысленный спор с собой. Вот как выглядели позиции «сторон»:

Первый субъект (боится Папы). Что тебе мешает сделать все так, как он хочет? Собери факты, а он пусть сам решает, что предпринять дальше. Смотри, пойдешь по другому пути — все кости переломают! А может, и убьют!

Второй субъект (боится смерти и прочих несчастий). Потому что каждый сделанный шаг неумолимо приближает меня к парочке — парочке, умник! психопатов, которым сто раз наплевать на то, живой я или мертвый. Вообще-то, если хорошенько подумать, любой из них не пожалеет усилий, чтобы всадить мне пулю между глаз или перерезать глотку. Вот почему!

У обоих субъектов имелся богатый арсенал вполне разумных, безупречно логичных доводов. Похоже на воображаемый турнир по теннису: первый — мощным ударом посылает свое умозаключение, словно мячик, через сетку; второй отбивает на сторону соперника, опровергая его. Силы игроков примерно равны, так что обмен ударами может продолжаться вечно… Спустя какое-то время я заскучал и перестал следить за

ходом поединка. В конце концов, у меня была возможность стать аль-Сидом, или Хомейни, или другой великой личностью — так в чем же дело?

Почему я до сих пор терзаюсь сомнениями и страхами? Ни одного из тех, кого я знал, не мучили никакие сомнения! Трусом я тоже не был. Сколько еще потребуется копить в себе решимость, чтобы наконец вставить модик?

Я получил ответ этим же вечером. Проходя в ворота, услышал вечерний призыв муэдзина. В городе их голоса звучали почти по-ангельски; но стоит попасть в Будайин, и в них уже слышится упрек… Или у меня разыгралось воображение? Я забрел в ночной бар Чириги и сел у стойки. Ее самой не было видно. За стойкой стояла Джамиля, проработавшая здесь две недели. Она уволилась, когда подстрелили русского, а сейчас, значит, все-таки решила вернуться. Люди у нас часто бегают с места на место: торчат в каком-то клубе, затем их выгоняют или они уходят сами, повздорив из-за пустяка, идут работать еще куда-нибудь и в конце концов, завершая заколдованный круг, возвращаются к истокам своего трудового пути. Джамиля была одной из тех, кто завершает цикл быстрее других.

Если ей удавалось продержаться на одном ме-

сте целую неделю, это считалось выдающимся достижением.

— А где Чири? — спросил я.

— Придет в десять. Хочешь чего-нибудь выпить?

— Бингара и джин со льдом. Джамиля кивнула и повернулась, чтобы приготовить коктейль.

— Ой, — вспомнила она, — тебе звонили. Оставили записку. Сейчас найду.

Я удивился. Кто это мог быть, и откуда он знал, что я зайду сюда сегодня вечером?

Джамиля вернулась с коктейлем и бумажной салфеткой, на которой было нацарапано два слова: «Позвони Оккингу». Я заплатил, и Джамиля молча отошла.

Подходящее начало для новоиспеченного супермена: не, успел освоиться — и сразу таинственное задание! Нет покоя грешной душе… Кажется, это станет моим девизом. Я отцепил телефон, пробормотал код Оккинга и стал ждать ответа.

— Алло, — отозвался он наконец.

— Марид Одран.

— Отлично. В больнице сказали, что ты уже выписан. Я связался с твоей подружкой, но там тебя не было; позвонил в кафе «Солас», где ты

обычно сшиваешься, и там тебя не видели. Поэтому я оставил записку в разных местах, где ты бываешь. Жду тебя через полчаса.

— Непременно приду, лейтенант. А где ты? Он продиктовал номер комнаты и адрес отеля, принадлежащего Содружеству Фландрии, расположенного в самом богатом квартале города. Никогда не бывал в этом отеле и даже поблизости от него. Там живет другой сорт людей.

— А что случилось? — спросил я.

— Убийство. Всплыло твое имя.

— Ничего себе! Я знаю убитого?

— Да. Странное дело, как только ты лег в больницу, убийства прекратились.

Ничего необычного уже почти три недели. И вот в день твоей выписки снова началось…

— Ладно, лейтенант, сознаюсь, ты меня поймал! Будь я поумнее, организовал бы парочку убийств, пока отлеживался в больнице, чтобы отвести от себя подозрения.

— Какой ты умник, Одран. Что ж, тем хуже для тебя.

— Ты так и не сказал, кто жертва. — Приезжай быстрее, — поторопил он и предавал разговор.

Я залпом допил коктейль, оставил Джамиле пол-киама чаевых и вышел наружу.

Билла все еще не было на обычном месте. Я сторговался с другим таксистом, и мы помчались к отелю. У дверей номера меня остановил полицейский, стоящий за желтым барьером, огораживающим «место преступления». Я сообщил, что лейтенант Оккинг ждет меня. Узнав мое имя, легавый пропустил меня.

Комната походила на бойню. Всюду кровь; целые лужи крови на полу, кровавые потеки на стенах, пятна на кровати, на стульях, бюро, кровь на ковре… Убийца не пожалел ни времени, ни сил, чтобы, расправляясь с очередной жертвой, так здорово расписать все вокруг: прямо этюд в багровых тонах. Он, видимо, наносил несчастному ножом удар за ударом, как при ритуальных жертвоприношениях.

Дьявольски жестоко, нелепо, безумно. Ни Джеймс Бонд, ни неведомый второй убийца так не поступали. Либо появился третий маньяк, либо кто-то из наших знакомцев обзавелся новым модиком. В любом случае, все теории устарели. Только этого нам и не хватало.

Полицейские закончили упаковывать труп в пластиковой мешок, положили его на носилки и вынесли из комнаты. Я нашел лейтенанта.

— Так кого же, черт побери, прикончили се-

годня?

Он впился в меня глазами, словно надеялся по реакции определить, виновен я или нет.

— Селиму.

Я сник; сразу нахлынула ужасная усталость…

— О Боже, Милостивый, Милосердный, — прошептал я. — Но зачем я здесь?

Какое это имеет ко мне отношение?

— Ты расследуешь убийства для Фридландер-Бея. И, кроме того, я хочу, чтобы ты заглянул в ванную.

— Зачем?

— Увидишь. Но предупреждаю, зрелище не из приятных.

После таких слов исчезло всякое желание войти в ванную. Но пришлось подчиниться. Первое, что я увидел, — сердце, вырезанное из груди Селимы. Оно лежало в раковине. Меня сразу же вывернуло. Раковина вся была в темной крови последней из Черных Вдов. Потом я. заметил размалеванное кровью зеркало над раковиной. Волнистые линии, геометрические узоры и плохо различимые символы. По-настоящему меня огорчили несколько слов в центре, выведенных расплывшимися буквами с потеками:

«Одран, ты будешь следующим».

Что знал обо мне безумный мясник, сотворивший это? Какая связь между моей скромной персоной и чудовищным убийством Селимы и других Сестер? До сих пор единственным моим желанием было защитить друзей, которым угрожали неведомые психопаты. Никаких личных мотивов, разве что решение отомстить за смерть Никки и остальных. Но после того как я увидел свое имя, начертанное на зеркале кровью, дело стало личным. На карту поставлена моя жизнь. а. Произошло единственное в мире событие, которое могло заставить меня полностью капитулировать и начать использовать модули. С этой минуты мне понадобится любая помощь. Таков облагороженный цивилизацией инстинкт самосохранения. И я проклял гнусных палачей, вынудивших принять мучительное для меня решение.

Глава 14

Первое, что я предпринял на следующий день, — нанес визит в модишоп Лайлы на Четвертой улице. Как всегда, она выглядела жутко, но ее костюм претерпел некоторые изменения. Грязные седые волосы были спрятаны под шапкой золотистых кудряшек, больше походившей на прабабушкин чехол для тостера, чем на парик.

Лайла ничего не смогла сделать со своими желтушными глазами и черной кожей, но явно пыталась. Лицо покрывал такой толстый слой пудры, что казалось, она побывала на мельнице. Яркие светло-вишневые пятна на щеках, светло-вишневые губы; даже глаза подведены тем же тоном. Такое впечатление, что тени, помада и румяна взяты из у одной баночки. На засаленном шнурке висели роскошные, сверкающие пластиковые темные очки модели «глаз кошки»; видно, она тщательно выбирала их. О вставных зубах мадам не позаботилась, но зато сменила свою заношенную рубаху на неприлично обтягивающее ее сногсшибательные формы вечернее платье потрясающего одуванчикового цвета, с большим

декольте и разрезом.

Казалось, новоиспеченная светская дама судорожно пытается просунуть голову и плечи в самую узкую в мире щелочку. В довершение всего на ногах у нее красовались дешевые голубые шлепанцы с мехом.

— Лайла! — приветствовал я ее.

— О, Марид! — Она попыталась сфокусировать на мне взгляд, но безуспешно.

Стало быть, сегодня Лайла решила покорить победителей собственным шармом; если она вставляла модик, ее реакции сразу обострялись. Жаль: с ней легче иметь дело, когда она воображает себя кем-то другим, но выбирать не приходилось.

— Вот, обзавелся своей розеткой.

— Слышала, слышала.

Она игриво захихикала; меня чуть не стошнило.

— Поможешь подобрать модик?

— Какой именно тебе нужен?

Я задумался. Насколько можно ей доверять? Конечно, Лайла разболтает все первому же посетителю — ведь сообщает же она мне то, что слышит от других. С другой стороны, никто не принимает ее всерьез.

— Я должен выполнить одно задание и обзавелся розетками, потому что работа может оказаться опасной. Мне нужен модик, способный максимально усилить способность к дедукции и предохранить от опасности. Что посоветуешь?

Она поплелась по проходу между полками, заглядывая в коробки, что-то бормоча себе под нос. Я не мог разобрать, что она говорит, поэтому просто стоял и ждал. Наконец Лайла повернулась ко мне с таким удивленным видом, словно не могла взять в толк, почему я еще здесь. Похоже, она забыла, о чем ее просили, подумал я, но, к счастью, ошибся.

— А персонаж из романов подойдет?

— Конечно, если он действительно такой умник.

Она пожала плечами, промямлила что-то, сжимая в когтистых пальцах модик в прозрачном пластике, потом протянула его мне.

— Вот, держи.

Я заколебался. Как вы помните, она всегда напоминала мне ведьму из диснеевской «Белоснежки»; теперь старая злодейка хочет угостить меня отравленным яблоком!

— Кто это? — спросил я, с подозрением разглядывая модик.

— Ниро Вулф, — ответила она. — Гениальный детектив. Спец по убийствам. Не любил выходить из дома. Беготней и мордобоем занимался его помощник.

— Великолепно.

Вроде бы знакомая личность. Сомневаюсь, правда, что прочел хотя бы одну книгу про этого Вулфа.

— Тебе придется найти напарника, чтобы задавать людям всякие вопросы и собирать улики, — сказала она, вручая мне второй модик.

— Сайед подойдет. Я просто скажу ему, что можно будет, когда заблагорассудится, расшвыривать в стороны разных плохих парней, и он обязательно ухватится за такую возможность. Сколько с меня?

Она долго шевелила губами, пытаясь сложить в уме стоимость двух модиков.

— Семьдесят три, — проскулила наконец. — Забудем о налоге.

Я отсчитал восемьдесят киамов, забрал сдачу и два модика. Она смотрела на меня.

— Хочешь купить мои счастливые бобы? Я не хотел даже слышать о них.

Существовала еще одна вещица, которая могла вывести на убийцу Никки поганого садиста, до

которого я просто обязан добраться. «Левый», самодельный модик, который мог быть подключен к Никки, когда она умирала; или его использовал убийца. С другой стороны, его, возможно, вообще никто не вставлял в розетку. Он мог случайно оказаться возле Никки. Но почему так щемило сердце при каждом взгляде на него? Просто напоминание об увиденном в грязном переулке, об изуродованном теле Никки, засунутом в мешок для мусора?... Я глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Послушай, парень, у тебя есть все данные если не для настоящего героя, то по крайней мере для его добротной замены. Плюс целая куча первоклассных училок и модиков, готовых подсказывать, оборонять и лелеять тебя.

Я расправил плечи.

Разум уже в сороковой раз пытался убедить меня, что найденный на месте преступления модик — ерунда, случайность, такой же никчемный мусор, как, скажем, скомканная салфетка, которая тоже вполне могла заваляться в сумочке Никки. Оккинг был бы сильно недоволен, узнав, что я скрыл модик и другие улики от полиции, но теперь мне наплевать на лейтенанта. Я начал уставать от этого дела, однако все больше увязал в нем, как в болоте, и уже не оставалось сил,

чтобы вырваться, попытаться спасти хотя бы свою шкуру.

Лайла вертела в руках какой-то модик, потом вставила его. Она никак не могла обойтись без своего второго призрачного «я».

— Марид, — проскулила она; на этот раз на ее собственный дивный тембр наложился прерывающийся от страсти голос Вивьен Ли-Скарлетт из «Унесенных ветром».[20]

— Лайла, у меня есть самодельный модик, хотелось бы узнать, что он из себя представляет.

— Ах, Боже, какая ерунда, милый! Просто дай мне этот маленький…

— Лайла! — воскликнул я. — У меня нет времени для флирта с твоей красавицей-южанкой, честное слово! Или вытащи свой модик, или попытайся сосредоточиться!

Предложение временно расстаться с героиней эпохи гражданской войны в Америке было для нее совершенно невыносимым. Лайла пристально вгляделась в мою физиономию, пытаясь выделить среди толпящихся в комнате призраков. Я безнадежно застрял где-то между Эшли,

---

[20] Примечания: 20

Знаменитая английская актриса, прославившаяся исполнением главной роли в классическом фильме — экранизации книги Маргарет Митчелл.

Реттом и дверью.

— Ну же, Марид! Что с тобой? Ты дрожишь как в лихорадке!

Я отвернулся и тихо выругался. Господи, как хотелось врезать ей хорошенько!

— Смотри, вот у меня модик, — сказал я сквозь стиснутые зубы. — Я хочу знать, что на нем записано.

— Ах, Боже, сэр, какой серьезный тон! — Она взяла у меня модик и небрежно повертела его в руках. — Он состоит из трех частей, милый.

— Но как узнать, что на нем записано? Лайла задорно улыбнулась:

— Нет ничего проще!

Она вытащила модик Скарлетт О'Хара и беззаботно, не глядя отбросила от себя. Он ударился о горку училок и закатился в угол. Лайла рисковала навсегда потерять свою Скарлетт. Она покрутила в руке мой таинственный модик и решительно вставила его. Мускулы ее лица слегка напряглись. Потом она рухнула на пол.

— Лайла? — крикнул я испуганно. Лайла корчилась, изгибалась, принимала самые неестественные позы. Вытаращенные глаза уставились в пустоту, язык вывалился. Она издавала низким голосом странные звуки — полувзвизги-полу-

рыдания, как будто ее безжалостно мучили и избивали без передышки много часов и у нее не осталось сил даже кричать. Дыхание стало тяжелым, неглубоким, в горле хрипело. Пальцы, словно сухие черные скрюченные веточки, царапали голову в отчаянных попытках вытащить модик; но, похоже, она уже не контролировала работу собственных мускулов. Раздался ужасный вой, Лайла стала кататься по полу. Я не знал, как помочь ей. Если подойти поближе, она, как дикий зверь, вонзит в меня когти.

Да, страшная правда заключалась в том, что Лайла, вставив модик, перестала быть человеком. Тот, кто его создал, наверное, очень любил животных — как палач любит свою жертву… Лайла сейчас вела себя как какой-то крупный зверь, — не маленькая собачка или домашний кот, а разъяренный, доведенный до исступления, запертый в клетку, расчетливо истязаемый мучителями-людьми хищник. Она шипела, грызла ножки стульев, кидалась в мою сторону, угрожающе обнажив гнилые остатки зубов за неимением настоящих клыков. Я неосторожно наклонился, и старуха, с немыслимой для такой развалины быстротой, метнулась ко мне. Я попытался выдернуть модик, но отскочил с тремя рваными

царапинами на руке. Наши взгляды встретились; она пригнулась, мускулы напряглись…

Испустив пронзительный вопль, Лайла прыгнула на меня, вытянув руки, чтобы вцепиться «когтями» в горло. Господи, меня чуть не вырвало от этого зрелища. На меня бросалась не уродливая старуха — телом Лайлы управлял неизвестный модик. В любое время я шутя справился бы с ней одной рукой; сегодня мне угрожала смертельная опасность. Зверь, сидящий в мозгу старухи, не успокоится, пока не отведает моей крови. Он жаждет смерти.

Я отпрянул, махая руками, чтобы отвлечь ее внимание, словно матадор. Она пролетела мимо, врезалась в ящик, где хранились использованные училки, шлепнулась на спину и сразу же поджала ноги, приготовившись, на манер тигра, разорвать мне живот когтями. Я поднял сжатый кулак и изо всех сил ударил по лицу. Глухо хрустнула кость; Лайла обмякла и рухнула прямо в ящик. Я наклонился, выдернул самодельный модик, положил в коробку с моими училками.

Старуха быстро очнулась, но оставалась совершенно невменяемой: взгляд блуждал, она бормотала какую-то чушь. Когда Лайла придет в норму, то наверняка очень расстроится… Я решил, что

лучше подключить ей какой-нибудь модик; оглядевшись, снял с полки первое, что попалось под руку, содрал упаковку. Это была какая-то учебная программа: к модику прилагалось три училки. Что-то насчет того, как устраивать торжественные приемы для анатолийских чиновников. Что ж, Лайле наверняка будет интересно…

Я отцепил телефон и позвонил в больницу, где меня оперировали. Попросил позвать доктора Еникнани и, когда он наконец взял трубку, все рассказал. Он пообещал, что пошлет машину через пять минут, и потребовал, чтобы я отдал опасный модик на исследование. Я предупредил, что все, что они выяснят, должно храниться в тайне, нельзя делиться этой информацией не только с властями, но и с Папой. После продолжительного молчания доктор Еникнани рискнул согласиться.

Он доверял мне больше, чем Оккингу и Фридландер-Бею вместе взятым.

«Скорая помощь» прибыла через двадцать минут. Я смотрел, как Лайлу осторожно укладывали на носилки и грузили в машину. Передал модик одному из врачей и предупредил: лично доктору Еникнани! Парень торопливо кивнул, влезая в машину. «Скорая помощь» выехала из нашего

квартала, увозя несчастную Лайлу навстречу ее судьбе, теперь всецело зависящей от жрецов медицины. Я сжал в кулаке два купленных модика, запер дверь модишопа и постарался как можно быстрее убраться отсюда. Меня стала бить дрожь.

Черт знает, что именно мне удалось выяснить такой страшной ценой.

Допустим, самодельный модик действительно принадлежал убийце. Носил он его сам или вставлял жертвам, чтобы насладиться их страданиями? Будет ли волк или, скажем, уссурийский тигр прижигать тело беспомощных людей сигаретой? Вряд ли…

Правдоподобнее выглядит версия, что модик подключался к жертве — испуганной, разъяренной, но крепко связанной или скованной. Об этом говорят израненные запястья; у Тами, Абдуллы и Никки были розетки. Интересно, как поступал этот психопат, если их не имелось? Наверное, просто убивал несчастного, недостойного стать полноценной жертвой, и считал, что день потерян впустую…

Значит, теперь выяснилось, что я ищу мерзавца с весьма специфическим извращением: чтобы по-настоящему возбудиться, ему надо созерцать

разъяренного хищника, в панике мечущегося по клетке. На секунду в мозгу снова мелькнула соблазнительная мысль подать в отставку, плюнув на последствия. На сей раз я позволил себе роскошь проиграть эту сцену вплоть до того момента, когда ваш покорный слуга уже стоит посреди шоссе, ожидая древний, полуживой от перенесенных испытаний автобус, набитый крестьянами, который увезет Марида в родные края. Назад, в будущее… Нет, только не это!

Еще рано отправляться на поиски Полу-Хаджа, чтобы уговорить его стать моим напарником — этим самым Арчи Гудвином. Часа в три-четыре он, возможно, будет в «Соласе» в компании Махмуда и Жака; я не встречался с приятелями уже несколько недель, а Сайеда не видел с той памятной ночи, когда он заставил Сонни испить кубок смерти, одним взмахом ножа отправив его в рай, — или еще куда-нибудь, кто знает? Я шел домой, испытывая непреодолимый соблазн обновить свою покупку или, по крайней мере, повертеть модик в руках, может даже содрать обертку. Там видно будет, что надо сделать, чтобы решиться в первый раз в жизни вставить в мозг проклятую электронную игрушку: то ли наглотаться пилюлек, то ли опустошить пару

бутылок…

Меня встретила Ясмин. Приятный сюрприз! Но моя подруга, казалось, пребывала в паршивом настроении.

— Ты вышел из больницы вчера и даже не позвонил мне! — крикнула она, сдвинув брови, и бросилась на постель.

— Ясмин…

— Ты не хотел, чтобы я приходила в больницу, и я не приходила. Но ждала, что ты сразу же придешь домой, как только выпишешься.

— Я хотел… но…

— О'кей, почему ты не позвонил мне? Лучше скажи, с кем ты провел все это время.

— Вчера вечером я был у Папы. Хасан передал, что он ожидает ответа…

Она недоверчиво посмотрела на меня.

— И ты провел там всю ночь?

— Нет, — признался я.

— Ну и кого ты еще навестил? Я тяжело вздохнул и пробормотал:

— Селиму.

Лицо Ясмин выражало презрение и гадливость.

— Так вот что задерживало тебя! Ну и как она? Реклама не обманула?

— Селима присоединилась к своим сестрам, Ясмин.

Она растерянно заморгала, но очень быстро пришла в себя.

— Скажи, почему это не удивило меня? Мы ведь предупреждали, чтобы она была осторожной.

— Никакая осторожность ей не помогла бы. Разве что закопаться в пещеру в ста милях от ближайшего жилья. А такое не в стиле Селимы.

— Да. — Ясмин замолчала.

Я догадывался, о чем она сейчас думает: это и не в ее стиле, и я намекаю на то, что ей угрожает такая же опасность. Очень надеюсь, что моя догадка близка к правде, потому что я действительно так считал. Всегда.

Я не рассказал ей о кровавом послании на зеркале в ванной, адресованном мне. Кто-то посчитал Марида Одрана легкой мишенью, поэтому сейчас надо быть предельно осторожным и держать язык за зубами. К тому же такие разговоры не поднимут настроение ни ей, ни мне.

— Купил модик и хочу испробовать его, — объявил я.

Она подняла брови.

— Я его когда-нибудь видела?

— Не думаю. Какой-то детектив из старых книг.

По идее, эта личность поможет мне остановить убийства.

— Понятно… Папа посоветовал?

— Нет. Папа не знает, что я собираюсь предпринять на самом деле. Я сказал ему, что буду, как ищейка, ходить за Оккингом, след в след, и разглядывать в лупу улики.

— А мне кажется, это пустая трата времени, — заметила Ясмин.

— Так оно и есть, но Папа любит делать все по порядку. Он действует планомерно, четко, но без воображения и с быстротой улитки.

— И всегда добивается того, чего хочет.

— Да, это верно. Все равно не желаю, чтобы он без конца совал нос в мои дела, запрещая делать то, разрешая делать это… Раз уж я работаю на него, то по крайней мере буду действовать самостоятельно.

— Ты не просто работаешь на него, Марид. Ты делаешь это ради нас всех.

Ради Будайина. И, кроме того, помнишь Ицзин? Тебе никто не поверит; сейчас время испытаний и накопления сил. Тебя ждет слава!

— В самое яблочко, — усмехнулся я мрачно. — Надеюсь только, что она не придет ко мне посмертно.

— *«Господь мой щедро дает долю кому пожелает из рабов своих, и умаляет долю других, и все, что вы истратили на доброе дело. Господь возвратит вам. Поистине, Он — Лучший из одаряющих»*.[21]

— Господи, теперь ты декламируешь мне суры Корана! У тебя что, приступ религиозности?

— Это у тебя приступ неверия! А я никогда не была безбожницей, просто забываю молиться…

— «Пост без молитвы подобен пастуху без посоха». Кстати, ты ведь пост тоже не соблюдаешь… — Да-а, но… — Какие тут могут быть «но», детка!

— Ты просто увиливаешь от разговора! Она была права, поэтому я сменил тактику.

— Быть или не быть, о любимая, вот в чем вопрос! — Я подбросил на ладони модик. — Господи, да подключи ты наконец эту чертову штуку!

Я набрал побольше воздуха в легкие, пробормотал: «Во имя Аллаха» и вставил модик Ниро Вулфа.

---

[21] Примечания: 21
Сура 34 „Саба“, аят 39 Пер. Б. Я. Шидфар.

* * *

Первое впечатление чуть было не повергло его в панику: Одрана внезапно поглотила фантастическая гора плоти. Ниро Вулф весил одну седьмую тонны, двести восемьдесят фунтов или даже больше. Все органы чувств Одрана под воздействием модуля свидетельствовали, что он за какую-то долю секунды поправился на сто тридцать фунтов. Задыхаясь, Одран упал на пол. Его предупреждали, что, прежде чем мозг адаптируется к личностному модулю, будь это запись с живого человека либо искусственно созданный образ, должно пройти какое-то время. Возможно, этот модуль предназначался для организма, находящегося в гораздо лучшем состоянии, чем его собственный. Нервная система, мускулы Одрана не способны были адаптироваться в новых условиях сразу, им требовалось время, чтобы свыкнуться с этими условиями. Ниро Вулф намного толще Одрана и выше ростом. Теперь Мариду придется разгуливать походкой Вулфа, жестикулировать так же, как он, усаживать воображаемое дородное тело с осторожностью и заботой живущего в нем персонажа книги. Потрясение оказалось гораздо сильнее, чем ожидал

Марид.

Минуту спустя Вулф услышал голос молодой женщины. Она, казалось, чем-то обеспокоена. Одран все еще корчился на полу, пытаясь подняться и восстановить дыхание.

— С тобой все в порядке? — хотела знать женщина.

— О да, не беспокойтесь, пожалуйста, мисс Наблузи, — ответил он.

Вулф медленно сел, и она подошла, чтобы помочь ему подняться на ноги. Он нетерпеливо отмахнулся, но все же, вставая, оперся на нее.

Придуманные создателями модика в соответствии с романами Стаута воспоминания Вулфа смешались с как бы отодвинутыми на второй план приглушенными мыслями, ощущениями Одрана. Вулф свободно владел многими языками: английским, французским, испанским, итальянским, сербским, хорватским и другими. В модике не хватило места на такое количество языковых училок. Одран спросил себя, как будет по-французски пес, и сразу же вспомнил: «ле шьен». Но Марид и сам неплохо знал французский. Он захотел узнать английский и хорватский эквиваленты, но они словно забылись, вертелись на кончике языка — очень неприятное, раздражаю-

щее чувство, провал в памяти. Одран и Вулф не могли припомнить, что за люди говорят по-хорватски, где они живут, а Одран никогда раньше не слышал о существовании такого языка. Все это заставило его усомниться в глубине и прочности иллюзии.

Оставалось надеяться, что подобный провал не произойдет в критический момент, когда жизнь Одрана будет зависеть от способности Вулфа спасти его от смертельной опасности.

— Фу! — произнес Вулф.

Да, но ведь Ниро Вулф весьма редко попадал в опасные ситуации. Он любезно разрешал Арчи Гуд-вину рисковать за двоих. Вулф вычислил бы здешних убийц, сидя за добрым старым письменным столом (образно выражаясь, конечно) добрым старым дедуктивным методом. Мир и процветание вновь стали бы достоянием города, и все правоверные восславили бы имя Марида Одрана.

Вулф снова взглянул на мисс Наблузи. Часто, говоря о женщинах, он выражал неприязнь, граничащую с враждебностью. Интересно, как он относится к перемене пола? Секунду поразмышляв, детектив, похоже, решил, что испытывает к обрезкам то же самое брезгливое недоверие, что и

к натуральным кремам, от природы наделенным легкомыслием и приверженностью к капризам. В целом он достаточно непредвзято и объективно судил о людях: иначе он не был бы гениальным детективом. Вулф вполне сможет опрашивать жителей Будайина и понять их специфический образ жизни, мотивы поступков.

По мере того как тело привыкало к модику, личность Одрана отступала все дальше и дальше в глубину разума; она теперь могла лишь предлагать, Вулф же все больше контролировал ситуацию. Стало очевидно, что это может привести, в частности, к непомерным, ненужным тратам. Подобно тому, как убийца, нацепив модуль Бонда, изменил как свой физический облик, так и гардероб в соответствии со вкусами и привычками нового хозяина тела, так и Одран с Вулфом внезапно захотели накупить массу желтых рубашек и пижам, нанять лучшего в мире шефповара и стать обладателем коллекции редких, экзотических орхидей. Но со всем этим придется подождать…

— Фу, — снова пробурчал Вулф.

Они подняли руку и вытащили модик.

* * *

Снова мгновенная потеря ориентации и, как следствие, приступ головокружения. Я стою посреди комнаты, тупо уставившись на свою руку, сжимающую модик. Я вернул свое тело и разум.

— Ну как? — спросила Ясмин. Я взглянул на нее — Вполне удовлетворительно, — так Ниро Вулф выражал свой восторг. — Может сработать, — вынужден был признать я. — Кажется, этот парень способен все расставить по полочкам и в конце концов отыскать верное объяснение случившемуся. Если оно вообще существует.

— Отлично, Марид. И помни, если он не оправдает твоих надежд, существуют тысячи других! Я положил модик на пол возле кровати и лег. Может, давно уже надо было поправить мозги? Подозреваю, что все остальные оказались правы, а я ошибался и валял дурака. Что ж, я уже взрослый мальчик и умею признавать свои ошибки. Не вслух, конечно, и ни в коем случае не в присутствии личностей типа Ясмин: она никогда не позволит мне забыть момент моей слабости. Достаточно самому осознать, что лишь нелепая гордость и страх удерживали меня от операции, и еще дурацкое убеждение, что, вооруженный

своими природными способностями, я дам сто очков вперед любому модику. Я позвонил Сайеду и успел застать его дома до ухода в бар. Полу-Хадж сказал, что заскочит через две минуты. Я пообещал ему небольшой подарок.

Ясмин растянулась рядышком, положила голову мне на плечо, погладила по груди.

— Марид, — сказала она нежно, — я так горжусь тобой…

— Ясмин, я чуть не загнулся от страха.

— Знаю, милый; я тоже боюсь. Но что же будет, если ты все бросишь? Если убьют людей, которых ты можешь спасти? Что я тогда подумаю о, тебе? Что ты сам о себе подумаешь?

— Мы ведь уже договорились, Ясмин, я сделаю все, что смогу, и, если другого выхода не останется, рискну своей шкурой. Только перестань постоянно твердить, что я поступил правильно и как ты рада, что меня могут пришить в любой момент. Наверное, такая болтовня поднимает тебе настроение, но мне она совсем не помогает и даже начинает утомлять, не говоря уж о том, что разговоры не заставят пулю и нож отскакивать от моей кожи, как от волшебной кольчуги.

Она, конечно, обиделась, но я должен был раз и навсегда положить конец этим идиотским

воплям: «Давай, парень, покажи им, что почем!» Все же мне стало жаль Ясмин. Чтобы не показать, что раскаиваюсь в своей суровости, я встал, направился в ванную, закрыл дверь и налил себе стакан воды. Вода у меня почему-то всегда теплая, а лед в холодильнике заводится редко. Казалось бы со временем можно было привыкнуть пить тепловатую гадость, в которой плавают какие-то странные частицы, но я так и не привык, хотя и очень стараюсь. Мне до сих пор нравится вода, в которой ничего не плавает.

Я вытащил из кармана джинсов коробку с пилюльками и выудил соннеин. Мои первые «солнышки» после больницы. Как это бывает с наркоманами, я отметил свое воздержание, нарушив его. Бросил таблетки в рот, запил глотком теплой воды. Вот что поддерживает во мне веру! Пара «солнышек» и несколько треугольников стоят целых трибун, заполненных доброжелателями с подбадривающими лозунгами. Я тихонько, стараясь, чтобы не услышала Ясмин, закрыл коробочку (почему?) и спустил воду в унитазе. И вернулся в комнату.

Я почти дошел до кровати, когда раздался стук в дверь. Сайед.

— Бисмиллах, — воскликнул я, впустив его.

— Это ты верно сказал, — буркнул Полу-Хадж. Он плюхнулся на край матраса.

— Ну, что там у тебя?

— Он обзавелся розеткой, Сайед, — радостно сообщила Ясмин.

Полу-Хадж медленно повернул голову и окинул ее суровым взглядом крутого парня. Сайед снова был в боевом настроении. Место женщины — в определенных местах в доме; мужчины ее видят, но не слышат, а если она хорошо соображает, то и не видят…

Он снова повернулся ко мне и кивнул.

— Я обзавелся розеткой в тринадцать лет, — произнес он вызывающим тоном.

Я не собирался драться с ним, тем более по этой причине, и напомнил себе, что собираюсь просить Сайеда о помощи, чем навлекаю на него серьезную опасность. Я бросил ему модик Арчи Гудвина, он легко поймал его на лету.

— Это что за тип?

— Детектив из одной старой книги. Работал помощником величайшего сыщика в мире. Его босс ужасно толстый и никогда не покидает своей комнаты, поэтому Гудвин собирает для него сведения; он молод, прекрасно выглядит, умен и смел.

— Ага. Как я понимаю, этот модик просто запоздалый подарок к концу рамадана, верно?

— Нет.

— Ты принял денежки от Папы и взялся за его работу. Стало быть, ты начал охотиться за тем, кто пришил наших общих друзей и соседей. Теперь ты хочешь, чтобы я вставил модик сильного, надежного парня и отправился с тобой искать приключений или чего там еще, так?

— Мне нужен помощник, Сайед, — сказал я. — И первым в голову пришел именно ты.

Он был слегка польщен моими словами, но все еще далек от энтузиазма.

— Это не по моей части.

— Вставь модик, и все изменится. Он тщательно обдумал мои слова и понял, что я прав. Потом снял кафию, свернул ее, вытащил свой модик и стал Арчи Гудвином.

Я наблюдал, как внезапно обессмыслилось его лицо, а затем приобрело новое выражение, полностью преобразившись. Сайед выглядел теперь более раскованным, более образованным человеком. Рот искривился в снисходительной усмешке: Полу-Хадж, он же Гудвин, инспектировал свою новую память. Его глаза ощупали комнату, словно потом надо было составить по-

дробный отчет. Я знал, что мой друг сейчас видит не Марида Одрана, а Ниро Вулфа.

Личность и жизненная позиция Гудвина должны прийтись Сайеду по вкусу. Он непременно сочтет привлекательной возможность постоянно подкалывать меня саркастическими замечаниями, как Гудвин поступал со своим шефом. Ему понравится быть неотразимым мужчиной; нося этот модик, он сможет даже преодолеть отвращение к женщинам.

— Нам надо обсудить вопрос о зарплате, — сказал он.

— Конечно. Как ты знаешь, Фридландер-Бей оплачивает все мои расходы.

Он ухмыльнулся. Я представил себе, какие картины сейчас возникли в его голове: обеды при свечах в интимной обстановке, танцы в клубе «Фламинго» и другая экзотика, дорогие костюмы…

Внезапно ухмылка пропала. Он сверился с воспоминаниями Гудвина.

— Когда я работал на вас, шеф, мне не раз крепко доставалось, — произнес он задумчиво.

Я погрозил ему пальцем, как в таких случаях делал Ниро Вулф.

— Это часть работы, Арчи, и ты всегда это созна-

вал. Кстати, если я не ошибаюсь в своих догадках, как раз она доставляла тебе наибольшее удовольствие.

Улыбка вновь заиграла на его лице.

— А вы получали удовольствие, строя свои догадки обо мне и о том, какие догадки строю я. Что ж, поскольку это ваше единственное упражнение… Кроме того, вы, наверное, правы. Как бы то ни было, нам уже давно не приходилось работать вместе.

Может быть, мне надо вставить модик Ниро Вулфа; наблюдать, как Сайед разыгрывает свою роль соло, было как-то неловко. Я хмыкнул на манер Вулфа, потому что «Гудвин» ожидал такой реакции.

— Так ты поможешь мне? — спросил я после небольшой паузы.

— Минутку.

Сайед вытащил модик Гудвина и вставил прежний. Ему понадобилось намного меньше времени на адаптацию. Конечно, ведь он занимался этим с тринадцати лет; мои же мозги «утратили девственность» всего несколько минут назад. Сайед окинул меня суровым взглядом; когда он заговорил, я сразу понял, что настроение у него отвратительное. Лишившись модика,

представлявшего грядущую жизнь как полную приключений и романтики, Полу-Хадж явно не желал совать голову в петлю. Он вплотную подошел ко мне и начал свою речь.

— Слушай. Мне, конечно, жалко Никки. Плохо и то, что какой-то псих прикончил Сестер Черной Вдовы, хотя я никогда с ними не дружил; все равно, такое убийство — паршивое дело. Что касается Абдуллы, он получил по заслугам, и, если хочешь знать мое мнение, следовало сделать это гораздо раньше. Так что все дело сводится к личным счетам между тобой и каким-то придурком из-за Никки.

Что ж, я тебя поддерживаю, весь Будайин, весь город, сам-Папа на твоей стороне.

Одного не понимаю: как ты набрался наглости, — тут он больно ткнул меня в грудь пальцем, твердым, как железный прут, — предлагать мне роль прикрытия. Ты получишь награду, славу и почет, а мне решил оставить дырки от пуль и ножевые раны! Ну уж нет! Сайед прекрасно видит, что ты делаешь, Сайед не такой псих, как ты думаешь. — Он фыркнул, искренне удивленный моей дерзостью. — Даже если ты выберешься из этой истории живым, магрибец, даже если все в мире будут считать тебя героем, тебе придется

рассчитаться со мной!

Лицо Полу-Хаджа покраснело, челюсти плотно сжались, несколько секунд он молча буравил меня взглядом, беззвучно шевеля губами, пытаясь немного успокоиться, чтобы связно выразить свою ярость. Увы, это ему не удалось. На мгновение показалось, что он сейчас изобьет меня до полусмерти. Я не сдвинулся с места ни на сантиметр; я молча ждал. Он занес сжатый кулак, помедлил, затем схватил пластиковую коробочку, швырнул ее, погнался за покатившимся по полу модиком, наконец настиг и с торжеством опустил на него здоровенный каблук кожаного сапога. Кусочки пластика и яркие разноцветные детали электроники полетели во все стороны.

Несколько мгновений Полу-Хадж молча созерцал останки модика.

— Ты знаешь, что этот парень пил? — крикнул он. — Молоко, черт бы его побрал!

Оскорбленный до глубины души, Сайед направился к двери.

— Куда ты? — робко спросила Ясмин. Он взглянул на нее.

— Заказать себе лучшую отбивную, лучшую выпивку; хочу закатить небольшой праздник в честь того, что сумел избежать ловушки, в кото-

рую меня чуть не загнал твой поганый дружок.

С этими словами он пинком распахнул дверь, вышел и с грохотом захлопнул ее за собой.

Я рассмеялся. Отличное представление: как раз то, что нужно для разрядки.

Правда, мне не понравились угрозы Сайеда, но даже если бы не маньяки-убийцы, по сравнению с которыми мой друг казался добрым маленьким мальчиком, уверен, что Полу-Хадж довольно быстро сменил бы гнев на милость. Если же я стану героем квартала, что маловероятно, ему придется присоединиться к небольшой, но злобной группе завистников. Уверен, Сайед никогда не задержится надолго среди тех, кто оказался в меньшинстве. Стало быть, моя задача — остаться в живых, и Полу-Хадж снова станет моим другом.

На самом деле своему оптимизму и способности воспринимать ситуацию спокойно и с юмором я был обязан работе «солнышек». Видишь, как они помогли, сказал я себе. Только подумай, к чему могла привести драка с Сайедом?

— Ну и что теперь? — вопросила Ясмин. Лучше бы она не спрашивала… Найду другой модик, как ты сама предлагала. А пока буду собирать сведения, как желает Папа. Попытаюсь их система-

тизировать, чтобы посмотреть, вырисовывается там какая-то схема, закономерность или черт его знает что… — Ты ведь не трусил, а, Марид? Я имею в виду операцию.

— Конечно, трусил, и ты это знаешь. Хотя… И да, и нет. Скорее пытался избежать неизбежного. В последнее время я часто чувствую себя Гамлетом. Даже понимая, что того, чего ты боишься, никак не избежать, все равно не уверен, нужно ли это делать. Возможно, Гамлету удалось бы решить свои проблемы, не нагромождая столько трупов вокруг, если бы он действовал по-другому, не провоцируя дядю. Может, то, что я сделал с моими мозгами, только кажется правильным решением. Или, может, я сейчас пропускаю что-то очень важное…

— Если ты будешь попусту терять время, занимаясь самокопанием, убийцы выберут новые жертвы, возможно, тебя самого. Подумай сам, раз пол-Будайина знает, что ты идешь по следу, значит, они тоже в курсе…

Такая мысль мне еще не приходила в голову. После этого даже «солнышки» не могли обеспечить мне хорошее настроение. Через час я уже был в кабинете Оккинга. Как обычно, лейтенант не проявил должной радости, увидев старого

друга.

— А, Одран… Ну, что там? Нашел мне еще один труп? Нет? Ну, раз в Будайине все спокойно, тогда чему обязан? Дай сообразить… Наверное так: ты, смертельно раненный, дополз сюда из последних сил, отчаянно жаждая перед смертью получить мое прощение. Правильно?

— Мне очень жаль, лейтенант…

— Что ж, каждый имеет право иногда помечтать, не так ли?

Видит Бог, он умеет шутить, как никто.

— По идее, я должен работать с тобой рука об руку, а ты — всей душой стремиться к сотрудничеству. Папа считает, что надо объединить наши усилия.

Оккинг поморщился, словно в нос ему ударила вонь, и пробормотал что-то неразборчивое.

— Мне не нравится бесцеремонное вмешательство в мою работу, Одран; можешь передать ему это. Он только затрудняет расследование и навлекает опасность на себя.

— Ему так не кажется. Оккинг мрачно кивнул:

— Хорошо, что тебе нужно? Я сел, стараясь не показать, что чувствую себя не в своей тарелке.

— Все, что ты знаешь о Люце Сейполте и русском, убитом в клубе Чири.

Оккингу понадобилось несколько секунд, чтобы взять себя в руки.

— Одран, какая может быть связь между ними? Ну, это мы уже проходили: он просто увиливал от ответа.

— Должны существовать какие-то общие мотивы или широкий конфликт интересов, о которых мы не знаем; составная часть его — события, происходящие у нас.

— Не обязательно, — сказал лейтенант. — Русский вовсе не часть Будайина.

Он мелкая политическая букашка, залетевшая на нашу территорию только потому, что ты назначил ему здесь встречу.

— Ты прекрасно умеешь менять тему разговора, Оккинг. Ладно, откуда же взялся Сейполт и что он здесь делает?

— Сейполт приехал в город три или четыре года назад откуда-то из Четвертого Рейха, по-моему, из Франкфурта. Объявил себя агентом по импорту и экспорту. Сам понимаешь, под этим может скрываться все, что угодно. В основном имеет дело с продовольствием, специями, кофе, хлопком, тканями, восточными коврами, медью и бронзой, дешевыми украшениями, каирскими изделиями из стекла и другой мелочью. Похоже,

среди здешних европейцев он имеет большой вес, заколачивает неплохие денежки. Ни разу не вызвал подозрения, что замешан в незаконной торговле, по крайней мере в серьезных масштабах. Вот практически все, что мне известно.

— А почему тогда он направил на меня пушку, стоило мне задать пару невинных вопросов насчет Никки?

Оккинг пожал плечами:

— Возможно, он просто не любит, когда нарушают его уединение. Послушай, Одран, по твоему виду не скажешь, что ты самый честный человек на свете и благородный искатель истины. Бедняга вполне мог подумать, что это ты явился, чтобы наставить на него пушку, ограбить и исчезнуть, прихватив коллекцию древних статуэток, скарабеев и всяких мумифицированных мышей.

— Значит, ты был у него? Оккинг покачал головой.

— Эх, Одран, Одран! Хочешь верь, хочешь нет — мне регулярно докладывают о том, что происходит. Разреши напомнить тебе: я довольно влиятельное лицо, глава правоохранительных органов.

— Извини, все время забываю. Итак, версия Никки-Сейполт тупиковая. А этот русский, Бо-

гатырев?

— Он ноль, мелкий чиновник, работающий на белорусов. Сначала пропал его сынишка, потом он поймал пулю психованного Бонда. Этот тип еще меньше связан с убийствами, чем Сейполт.

Я улыбнулся:

— Спасибо, лейтенант. Фридландер-Бей хотел, чтобы я удостоверился, не появились ли у тебя новые улики за последнее время. Уверяю тебя, я действительно не хочу мешать расследованию. Только скажи, что мне делать дальше.

Он поморщился.

— Я бы, конечно, мог предложить, чтобы ты отправился добывать улики, скажем, в Терродель-Фуэго, или в Новую Зеландию, или еще куда-нибудь, лишь бы подальше от меня, но ты ведь только посмеешься… Поэтому, если хочешь, проверь тех, кто точит зубы на Абдуллу, или самых страстных ненавистников Сестер Черной Вдовы. Выясни, видел ли кто-нибудь Сестер с чужим или подозрительным человеком незадолго до их убийства.

— Ладно, — согласился я, поднимаясь. Меня только что послали… ну, скажем, подальше Новой Зеландии, но я хотел, чтобы у Оккинга сложилось впечатление, что я принял его слова

за искренний совет. Возможно, у него были сведения, которыми он не желал делиться со мной, несмотря на настойчивые призывы Папы. Это объясняло его наглую ложь. В любом случае, я обязательно вернусь сюда, когда Оккинга не будет поблизости, залезу в полицейский компьютер и пороюсь в прошлом Сейполта и Богатырева.

Когда я вернулся домой, Ясмин указала на стол.

— Кто-то оставил тебе записку. — Записку?

— Ну да, засунул ее под дверь и постучал. Я подошла, но там никого не было; спустилась по лестнице, но на улице тоже не увидела ни души.

По моей спине пробежал холодок. Я разорвал конверт: короткая записка, напечатанная на компьютере.

«Одран, Ты следующий!
Джеймса Бонда больше нет.
Я стал кем-то другим. Угадай, кем?
Подумай о Селиме — и все поймешь.
Но это не принесет тебе пользы, потому что Скоро ты будешь мертв!»

— Что там написано? — спросила Ясмин.

— Ничего интересного, — ответил я. Руки у меня слегка дрожали. Я отвернулся от Ясмин,

скомкал записку и сунул ее в карман.

Глава 15

С того самого вечера, как у Чириги пришили Богатырева, я познал всю гамму чувств, доступных человеческому существу: отвращение, ужас и ликование; любовь и ненависть, надежду и отчаяние, робость и смелость. Но ни одна из этих эмоций ни разу не захватила душу так, как черная ярость, овладевшая мной сейчас. Все, игры кончились; всякие соображения насчет справедливости, чести и долга вытеснялись одним простым императивом — остаться в живых. Время колебаний и сомнений прошло; сегодня угрожали мне. Анонимная записка расставила все на свои места.

Клокотавшая во мне ярость обратилась на Оккинга. Он скрывал информацию, может, прятал что-то, а стало быть, подвергал опасности мою жизнь. Поступи он так с Абдуллой или с Тами, я сказал бы: что ж, это дело полиции. Но когда речь идет о шкуре Одрана, это мое дело, и, как только доберусь до Оккинга, я заставлю его осознать данный факт, заставлю!

Кипя от злости, я шагал по Улице и репетировал

монолог, который обрушу на лейтенанта. Много времени мне не потребовалось. Вот как рее будет: Оккинг удивится, увидев меня снова, после того как выпроводил из кабинета всего час назад. Я врываюсь внутрь, хлопаю дверью так, что у поганца заложит уши, а стекла едва не вылетят, сую ему под нос смертный приговор, вынесенный мне неизвестным автором записки, и потребую правду и ничего, кроме правды. В противном случае сволоку его вниз, запру в одной из камер для допросов и немного побью о стены его собственного участка. Готов поспорить, сержант Хаджар окажет мне любую помощь, если потребуется.

Подойдя к Восточным воротам, я невольно замедлил шаг. Еще одно внезапное озарение. Мои мозги пытались разродиться некоей идеей дважды: утром, когда разговаривал с лейтенантом, и позже, у трупа Селимы. Как всегда, я возложил функцию акушера на подсознание, и вот наконец-то на свет появился младенец!

Итак, вопрос: какая деталь головоломки отсутствует?

Ответ: взглянем на дело повнимательней. Первое: в нашем квартале за последние несколько недель совершено несколько убийств, до сих пор не раскрытых. Сколько? Богатырев, Тами, Деви,

Абдулла, Никки, Селима. Второе: как ведут себя, расследуя убийства, легавые, когда упираются в стену или заходят в тупик? Суть полицейской работы — дотошность и методичность, прокручивание одних и тех же эпизодов по несколько раз: скажем, всех свидетелей вызывают заново, заставляя повторять показания раз за разом на тот случай, если была упущена какая-то важная деталь. Легавые задают одни и те же вопросы пять, десять, двадцать, сто раз! Вас за шкирку тащат в участок или будят посреди ночи и все повторяется: вопрос — ответ, вопрос — ответ…

Почему полиция, имея шесть нераскрытых, совершенных подряд и явно связанных между собой убийств, демонстрирует нулевую активность? Мне не пришлось повторять свои показания, и очень сомневаюсь, что Ясмин, или кого-то еще, заставляли делать это. Такое впечатление, что Оккинг решил устроить себе и своим ребятам внеочередной отпуск. Почему легавые подонки ни черта не делают?

Шестеро уже убиты; уверен, трупов будет больше. Скажем, мне лично твердо обещали один — мой собственный.

Добравшись до полицейского участка, я молча прошел мимо дежурного сержанта. Мне было

глубоко наплевать на правила и формальности, я жаждал крови… Наверное, от меня исходили флюиды такой жуткой злобы, а физиономия отражала такую гамму чувств, что никто не осмелился меня остановить. Я поднялся наверх, прошел сквозь лабиринт узких коридоров и наконец добрался до Хаджара, сидящего возле скромной ставки своего шефа. Сержант, должно быть, тоже оценил по достоинству мое состояние, потому что, не говоря ни слова, указал — пальцем на дверь. Он не собирался закрывать грудью вход к Оккингу и в то же время не хотел злить начальника. Хаджар не отличался глубоким умом, но зато обладал примитивной хитростью. Он отойдет в сторонку, с удовольствием наблюдая за нашей дракой. Не могу вспомнить, обменялись мы с Хаджаром двумя словами или нет. Не знаю, как очутился в кабинете. Помню только, что перегнулся через стол Оккинга, правой рукой вцепившись в ворот его рубашки. Мы оба кричали.

— Что это такое, что это значит, мать твою! — орал я, размахивая бумажкой перед его глазами.

Вот все, что я успел сделать, прежде чем меня развернули, повалили и прижали к полу два полицейских; еще трое направили на меня иглометы. Сердце частило, как бешеное, еще немного

— и оно вырвется из груди. Я поднял голову, окинул взглядом одного из легавых и уставился прямо в крошечное черное отверстие игломета. Как мне хотелось заехать ногой в морду стражу порядка! Но, увы, моя подвижность была ограничена.

— Отпустите его, — скомандовал Оккинг. Он тоже тяжело дышал.

— Лейтенант, — возразил один из его людей, — если…

— Я сказал, отпустите!

Они молча повиновались. Я поднялся на ноги и наблюдал, как они неохотно убрали оружие и направились к выходу, недовольно бормоча что-то. Оккинг дождался, пока последний из них вышел за порог, затем медленно закрыл дверь, провел рукой по волосам и вернулся к столу. Он тянул время, чтобы успокоиться: лейтенанту не хотелось начинать разговор, пока он не возьмет себя в руки.

Наконец, опустившись в свое вращающееся кресло, он обратился ко мне.

— Что это значит?

Ни насмешки, ни сарказма, ни скрытой угрозы в голосе. Для меня кончилось время неопределенности и метаний; для Оккинга безвозвратно

ушли дни, когда он мог играть снисходительно-презрительного профессионала.

Я положил записку на стол и дал ему возможность прочесть ее. Сел на жесткий пластмассовый стул и терпеливо ждал реакции.

Внимательно изучив записку, Оккинг закрыл глаза, устало потер веки:

— Господи.

— Кто бы ни был этот «Джеймс Бонд», он сменил модик. Тут написано: если как следует подумаю, догадаюсь, кто он теперь. Мне ничего не приходит в голову.

Оккинг уставился на стену, восстанавливая в памяти подробности убийства Селимы. Его глаза широко открылись, отвисла челюсть; он снова простонал:

— Боже мой!

— Что такое?

— Тебе что-нибудь говорит имя — Ксаргис Мохадхил Хан?

Где-то я слышал его, но в связи с чем? Не помню… Но могу сказать заранее — этот парень мне не понравится.

— Расскажи о нем, — попросил я.

— Лет пятнадцать назад он был довольно-таки известен. Этот психопат провозгласил себя новым

Пророком то ли в Ассаме, то ли в Сиккиме, то ли еще где-нибудь на востоке. Сказал, что сияющий голубой металлический ангел спустился к нему, одарив откровением и священными заветами, основной из которых гласил: новоявленный посланец Аллаха должен начать джихад против белых женщин, убивая всех, встретившихся по дороге, а заодно уничтожать каждого, кто станет у него на пути. Он хвастался, что прикончил две или три сотни мужчин, женщин и детей, прежде чем его остановили. Перед казнью, сидя в тюрьме, он убил еще четверых.

Парню нравилось вырезать из тела жертв различные органы в жертву голубому металлическому ангелу. Определенные органы для каждого дня недели, или фазы луны, или еще чего-нибудь.

Воцарилась напряженная тишина.

— Став Ханом, он будет гораздо опаснее, — заключил я.

Оккинг мрачно кивнул.

— По сравнению с Ксаргисом Мохадхил Ханом будайинские головорезы кажутся компанией невинных сорванцов, вроде Тома и Джерри.

Я закрыл глаза, чувствуя свою беспомощность.

— Надо выяснить: он просто чокнутый или

работает на кого-то?

Лейтенант созерцал стену за моей спиной, напряженно раздумывая. В правой руке он вертел дешевую бронзовую статуэтку русалки, украшавшую стол. Наконец он перевел взгляд на меня и вполголоса произнес:

— Насчет этого я могу тебя просветить. — Я с самого начала был уверен, что ты чего-то недоговариваешь. Ты знал, на кого работает Бонд, ныне Хан. Ты знал, что я прав насчет политической окраски убийств, верно?

— Послушай, давай отложим раздачу орденов на потом? Сейчас нет времени.

— Выкладывай-ка лучше свою историю. Если Фридландер-Бей узнает, что ты утаивал от него сведения, ты полетишь с работы прежде, чем успеешь покаяться.

— Не уверен, Одран, — сказал Оккинг, — но пробовать не собираюсь.

— Ну хорошо; ты скажешь наконец, на кого работал Бонд?

Лейтенант отвернулся. Когда он снова взглянул на меня, лицо его было искажено, словно от физической боли.

— Он работал на меня, Одран. Честно говоря, этого я не ожидал. Не зная, как отреагировать, я

промолчал.

— Ты наткнулся на нечто более серьезное, чем просто серия убийств, признался Оккинг. — Полагаю, ты об этом догадываешься, однако понятия не имеешь, насколько все серьезно. Ладно. Я получал деньги от одного европейского правительства за то, что взялся найти некоего субъекта, сбежавшего оттуда в наш город. Этот тип дожидался своей очереди управлять страной. Определенные политические силы хотели от него избавиться. Правительство, на которое работал я, хотело его отыскать и вернуть живым и здоровым на родину. Тебе ни к чему знать подробности интриги; я излагаю все в общих чертах. Я нанял Джеймса Бонда, чтобы он нашел этого человека и помешал другой стороне убить его.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы это переварить. Трудно усвоить такое количество информации в один присест: можно заработать острое несварение мозга.

— Бонд убил Богатырева. Потом Деви. А после того, как превратился в Кеаргиса Хана, Селиму. Значит, я был на верном пути с самого начала — русского убили не просто так. Это вовсе не нелепая случайность, как ты. Папа, да и все остальные упорно пытались внушить нам. Вот почему ты

не очень-то ревностно расследовал эти убийства. Ты и так знал, кто преступник.

— Если бы так, Одран. — Оккинг выглядел невероятно уставшим, почти изможденным. — Я не имею ни малейшего понятия, кто работает на другую сторону.

У меня хватает улик: одинаковые следы — кровоподтеки, отпечатки ладоней и пальцев нубийцы на истерзанных телах, довольно полные данные о габаритах и весе преступника. В общем, масса мелких деталей. Но я не знаю, кто он, и это меня пугает.

— Ах, пугает? Тогда ты просто образец смелости! Все в квартале неделями не высовывают носа из-под одеяла, молясь о том, чтобы нож убийцы располосовал кого-то другого, а ты напуган… Чего же ты боишься, Оккинг?

— Другая сторона выиграла; наследник престола уничтожен. Однако убийцы на этом не успокоились. Почему? Цель достигнута, операция завершена. Возможно, они уничтожают всех, кто может их опознать.

Я задумчиво прикусил губу:

— Вернемся немного назад, хорошо? Богатырев работал на посольство одного из русских царств. Что связывало его с Деви и Селимой?

— Я ведь говорил, что не хочу углубляться в детали. Это грязное дело, Одран. Может, хватит того, что я уже рассказал?

Я снова взорвался.

— Оккинг, твой поганый наемник наметил меня в качестве следующей жертвы!

Поэтому я имею полное право знать все подробности. Например, почему ты не прикажешь своему парню немного отдохнуть?

— Потому что он исчез. Когда принца убила другая сторона, Джеймс Бонд словно растворился в воздухе. Я не знаю, где он и как войти с ним в контакт.

Теперь он работает на самого себя.

— Или новый хозяин выдал ему другие инструкции.

Первый, о ком я подумал, был не Сейполт (что выглядело бы вполне логично), а Фридландер-Бей. И не смог сдержать дрожи. Теперь я понимал, что обманывал себя, рассуждая о причинах участия Папы в данном деле — страх за собственную жизнь и похвальное желание защитить свою паству. Нет. Папа никогда ничего не делал так просто. Каждый его поступок имел как бы двойное дно. Что, если он стоял за ужасными событиями последних месяцев? Такую возмож-

ность больше нельзя отвергать…

Оккинг тоже пребывал в размышлении. В глазах его то и дело мелькал страх, руки нервно вертели статуэтку.

— Богатырев не был обычным чиновником из посольства. На самом деле он Великий Князь Василий Петрович Богатырев, младший брат Вячеслава, царя Белоруссии и Украины. Его племянник, наследный принц, столько всего натворил, что его выслали. Партия неофашистов в Германии вознамерилась вернуть его в Белоруссию, надеясь использовать в своих целях, чтобы сбросить папашу с трона И заменить монархию «протекторатом» под германским контролем. Возродившиеся после краха Союза коммунисты поддержали их, тоже мечтая разрушить монархию, но, естественно, планируя заменить ее своим собственным правительством.

— Стратегический союз красных и коричневых?

Оккинг слабо улыбнулся:

— Это случалось и раньше.

— И ты работал на немцев?

— Точно.

— Через Сейполта?

Оккинг кивнул. Весь этот разговор ему очень

не нравился.

— Богатырев хотел, чтобы ты нашел принца. Как только тебе бы это удалось, человек князя убил бы парня.

Все, что было во мне арабского, возмутилось от мысли о подобном.

— Богатырев готовил убийство собственного племянника? Сына своего брата?

— Да, во имя сохранения монархии. Они сочли это печальной необходимостью.

Я предупреждал тебя, Одран, это грязное дело. На высшем уровне международных отношений почти всегда натыкаешься на непролазную грязь…

— Почему Богатыреву понадобился именно я? Оккинг пожал плечами:

— За последние три года изгнания принц ухитрился изменить облик и хорошо замаскировался. Очевидно, в один прекрасный день до парня дошло, что его жизнь в опасности.

— Значит, так называемый сын Богатырева не погиб во время аварии, ты наврал мне, когда объявил, что дело закрыто. Он был еще жив. Но ты только что сказал, что в конце концов принца убили?

— Принц — это твоя подружка-обрезок, Никки.

До изменения пола она была наследным принцем Николаем Константиновичем.

— Никки? — пролепетал я севшим голосом. Груз страшной правды и горьких сожалений всей тяжестью рухнул на мои плечи. Что ж, сам напросился. Я вновь услышал голос смертельно напуганной Никки, три слова, которые она успела прокричать в трубку, прежде чем разговор оборвался… Мог ли я спасти ее?

Почему она не открыла мне правду, не поделилась своими подозрениями? — Потом убили Деви и остальных Сестер.

— Они слишком близко знали Никки. Неважно, обладали Сестры какой-нибудь опасной информацией или нет. Оба — немецкий убийца, сейчас ставший Ханом, и русский агент — не хотели рисковать. Вот почему ты, Одран, тоже занесен в черный список. Вот почему… вот почему я получил это.

Лейтенант выдвинул ящик стола и, вытащив что-то, перебросил через стол.

Еще одна записка, напечатанная на компьютере, по содержанию ничем не отличавшаяся от моей. Только адресована Оккингу.

— Я не покину полицейский участок, пока все не кончится, — сказал он. Останусь в кабинете,

окруженный ста пятьюдесятью верными полицейскими.

— Надеюсь, среди них нет наемника Богатырева, — съязвил я.

Оккинг поморщился. Видно, такая мысль уже приходила ему в голову.

Сколько еще имен в списке намеченных жертв? Кто должен умереть после меня и Оккинга? Я с ужасом подумал, что Ясмин вполне может там оказаться. Она знает не меньше Селимы, даже больше, потому что я делился с ней всем, что знал и о чем догадывался. А Чирига? И как насчет Жака, Сайеда и Махмуда? Сколько еще моих знакомых должны погибнуть? Представив себе Никки, сначала превратившуюся из принца в принцессу, а затем — в труп, представив, что ждет меня в будущем, я новыми глазами посмотрел на Оккинга. Он тоже раздавлен тем, что случилось.

Причем его положение гораздо хуже моего. С карьерой лейтенанта полиции в нашем городе придется распроститься: он ведь признался, что работал иностранным агентом.

— Мне больше нечего тебе сказать, — заключил Оккинг.

— Если узнаешь что-нибудь, или мне надо будет с тобой связаться…

— Я буду здесь, — ответил он безжизненным голосом. — Иншалла.

Я встал и быстро вышел из убежища Оккинга. Мне казалось, что я бегу из тюрьмы.

Отстегнув телефон, позвонил в больницу доктору Еникнани.

— Здравствуйте, господин Одран, — ответил знакомый низкий голос.

— Я хотел бы узнать о состоянии пожилой женщины по имени Лайла.

— Честно говоря, ничего определенного пока сказать нельзя. Она может со временем оправиться, но шансов на это мало. Пациентке уже много лет, она слаба.

Приходится пичкать ее успокаивающими лекарствами и держать под наблюдением.

Боюсь, она может впасть в кому. Даже если этого не случится, велика вероятность, что мозг нормально функционировать уже не будет. Она теперь не сможет жить без присмотра, делать простейшие вещи.

Я с шумом втянул в себя воздух. Все это натворил я…

— Такова воля Аллаха, — выдавил я наконец.

— Да, Аллах велик.

— Я попрошу Фридландер-Бея оплатить ле-

чение. То, что с ней случилось, произошло в результате расследования.

— Понимаю, — сказал доктор Еникнани. — Нет нужды обращаться к вашему покровителю. Эту женщину лечат бесплатно.

— У меня нет слов, чтобы отблагодарить вас за все. Я говорю от себя и от имени Фридландер-Бея.

— Мы исполним священный долг правоверного, — ответил он просто. — Да, наши специалисты выяснили, что записано на модуле, который вы передали. Хотите послушать?

— Да, конечно.

— Там три слоя. Первый, как вы уже догадываетесь, — запись поведения большого, сильного хищника, скорее всего бенгальского тигра, с которым скверно обращались, безжалостно дразнили, и мучили, и не кормили. Второй — мозг младенца. Последний слой — самый ужасающий — это запись затухающего сознания смертельно раненой женщины.

— Я знал, что имею дело с чудовищем, но все-таки не ожидал подобного ужаса.

Меня трясло от отвращения и ненависти. Этот несчастный преступил все границы нравственности!

— Разрешите дать вам небольшой совет, гос-

подин Одран. Никогда не пользуйтесь такими самодельными, кустарными модулями. Они плохо записаны, с большим уровнем вредного «шума». У них отсутствуют предохранители, встроенные в модули фирменного производства. Частое использование нелегальных модулей заканчивается повреждением центральной нервной системы, а следовательно — всего организма.

— Интересно, чем все это кончится?

— Ну, довольно просто предсказать: убийца добудет второй подобный модуль.

— Если Оккинг, или я, или кто-нибудь еще не доберется до него раньше.

— Будьте осторожны, господин Одран. Как вы сами только что заметили, он чудовище.

Я поблагодарил доктора и прицепил телефон к поясу. Меня терзало сознание собственной вины за то жалкое прозябание, на которое я обрек Лайлу. Еще я думал о неизвестном противнике, который использовал задание белорусских монархов как предлог для удовлетворения своей тайной страсти — мучить и убивать. Известия из больницы полностью изменили почти готовый план действий. Зато теперь я точно знал, что делать и как действовать.

Шагая по Улице, я наткнулся на беднягу Фуада.

— Мархаба, — объявил он, скосив на меня глаза, прикрываясь рукой от солнца, чтобы лучше видеть.

— Как дела, Фуад? — спросил я.

Мне не хотелось застрять на час посредине улицы; нет настроения слушать нашего местного дурачка, а кроме того, нужно кое-что приготовить…

— Хасан хочет тебя видеть по какому-то делу; это связано с Фридландер-Беем. Сказал, ты поймешь, что он имеет в виду.

— Спасибо, Фуад.

— Так ты понял, да? Ну, понял, что он имеет В виду? — Несчастный, моргая, смотрел на меня;

Фуад клянчил свежую порцию сплетен, как собака — кость.

— Да, все точно. Извини, мне надо бежать. — Я старался избавиться от его общества, но Фуад не отставал.

— Хасан сказал, что это и вправду очень важно. Что он имел в виду, Марид?

Скажи, а? Можешь со мной поделиться. Я умею хранить тайну.

Я промолчал; очень сомневаюсь, что Фуад умеет вообще что-то хранить, тем более тайну. Я

по-товарищески похлопал беднягу по плечу и повернулся к нему спиной. Прежде чем отправиться домой, заглянул к Хасану. Юный американец по-прежнему восседал на стуле в пустом помещении магазина и одарил меня призывной улыбкой. Черт побери, я определенно нравлюсь этому парню! Я молча нырнул за занавес, Хасан, как и всегда, проверял накладные, считал свои бесконечные ящики и коробки с товаром. Заменив меня, расплылся в улыбке. Как я понял, мы с Хасаном теперь — лучшие друзья. Вообще, за переменами в его отношении к людям так трудно уследить, что я перестал даже пытаться. Он убрал папку, положил руку мне на плечо и, как принято у арабов при встрече, поцеловал в щеку. — Добро пожаловать, мой дорогой племянник! — Фуад передал, у тебя есть сообщение для меня от Папы.

Лицо Хасана сразу стало серьезным.

— Я только сказал так Фуаду. Я очень обеспокоен, о мой друг, и даже более того — ужасно напуган. Не мог сомкнуть глаз целых четыре ночи подряд: эти ужасные кошмары… Когда я наткнулся на убитого Абдуллу, то думал, что хуже нет ничего… Да, когда я нашел его… — Его голос задрожал. — Абдуллу нельзя назвать достойным человеком, мы оба знаем это; и все же

я был с ним тесно связан в течение нескольких лет. Ты в курсе, что он работал на меня, как я на Фридландер-Бея. А теперь Папа предупреждает, что… — Голос Хасана прервался, несколько секунд он не мог вымолвить ни слова.

Я испугался, что мне придется быть свидетелем истерического припадка этой раздувшейся свиньи. Мысль о том, что придется успокаивающе хлопать его по руке, приговаривая: «Ну, ну, маленький, успокойся, все будет хорошо», — вызвала тошноту. Но Шиит сумел взять себя в руки и продолжил:

— Фридландер-Бей предупреждает меня, что над его друзьями нависла такая же опасность. Это относится и к тебе, о мой проницательный друг, и ко мне. Я уверен, ты уже давно понял, на какой идешь риск, но я, увы, не отличаюсь храбростью. Фридландер-Бей не выбрал меня для этой работы, потому что знает — у меня нет ни мужества, ни стойкости, ни чести. Приходится быть безжалостным к себе, ибо так я лучше сознаю правду. Да, я бесчестен, думаю только о себе, дрожу при мысли об опасности, которая мне угрожает, о том, что, возможно, придется принять страдания и смерть, подобно… — На этом месте Хасан все-таки сорвался и зарыдал. Я терпеливо ждал, когда

иссякнет ливень; тучи постепенно разошлись, но солнышко так и не показалось.

— Я принял все необходимые меры, Хасан. Нам просто следует соблюдать осторожность. Те, кого убили, поплатились жизнью за свою глупость или доверчивость, что, в общем-то, одно и то же.

— Я не доверяю никому, — объявил Хасан.

— Знаю. Это поможет тебе сохранить жизнь/ если что-то вообще может нам помочь.

— Что ж, наверное, ты прав, — произнес он с сомнением.

Интересно, чего он ждал от меня — письменного обязательства? «Дано настоящее в том, что я, Марид Одран, гарантирую сохранение паршивой жизни жирного ханжи по прозвищу Шиит»?

— Но если ты так боишься, почему не попросишь убежища у Папы, пока убийц не поймают?

— Ты думаешь, их двое?

— Не думаю — знаю!

— Тогда дело обстоит ровно в два раза хуже. Он несколько раз с размаху ударил себя кулаком в грудь, умоляя Аллаха о справедливости: чем заслужил его раб, правоверный и богобоязненный Хасан, такую напасть?

— Что ты собираешься делать? — обратился ко мне этот разжиревший торговец.

— Пока не знаю. Хасан задумчиво кивнул.

— Пусть тогда Аллах защитит тебя.

— Мир тебе, Хасан, — попрощался я.

— И с тобой да пребудет мир. Прими этот небольшой подарок от Фридландер-Бея.

«Подарком», естественно, оказался еще один конверт, туго набитый хрустящими банкнотами.

Я вышел на улицу, по пути не удостоив Абдул-Хасана взглядом. Надо навестить Чири: предупредить об опасности, дать несколько ценных советов… А если честно — просто укрыться в ее баре на полчаса от реального мира, в котором мне самому грозит смерть.

Чирига приветствовала меня с обычным энтузиазмом. «Хабари гани?» вскричала она;[22] затем, прищурившись, стала разглядывать мою обновленную голову.

— Я слышала, но, пока сама не увидела, не поверила. Неужели и правда две розетки?

— Правда.

Пожав плечами, она пробормотала:

— Сколько возможностей…

Интересно, что сейчас пришло в голову Чири? Она всегда безнадежно опережала меня, если на-

---

[22] Примечания: 22

„Как жизнь?“ — на суахили.

до было придумать, как обратить себе на пользу любые благонамеренные начинания.

— Как ты? — поинтересовался я. Она пожала плечами.

— Вроде бы все как обычно. Никаких доходов. Никаких событий. Ни-че-го; только та же старая нудная работа.

При этом Чири широко улыбнулась, продемонстрировав свои замечательные клыки. Она Давала понять, что, несмотря на хроническое отсутствие доходов, на жизнь она кое-как зарабатывает. И скучать ей на самом деле не приходится.

— Ох, Чири, — произнес я мрачно, — каждому из нас придется потрудиться, чтобы все действительно осталось как обычно.

Она нахмурилась.

— Ты имеешь в виду это дело… — Она описала рукой круг в воздухе.

— Да, Чири, «это дело». — Я повторил ее жест. — Никто из вас не желает понять, что убийства продолжатся, и практически любой — потенциальная жертва.

— Ты прав, Марид, — тихо согласилась Чири, — но что ты мне посоветуешь?

Черт, я сам загнал себя в ловушку. Для того,

чтобы давать конкретные рекомендации в таком деле, надо по крайней мере понять, как действуют убийцы, на что я уже потратил впустую массу времени. Любого из нас, в любое время, по любой причине могли пришить — вот и все, что я знаю! Так что единственное, что я могу сказать:

«Будь осторожна». Есть два способа воплотить в жизнь этот тривиальный совет: вести себя как обычно, только утроить бдительность, или уехать на другой континент. В последнем случае надо убедиться, правильно ли выбрана новая родина. Иначе есть риск вляпаться в самый эпицентр неприятностей. Кроме того, существует опасность привезти свои проблемы на новое место, словно тараканов в чемодане.

Поэтому я, не ответив Чири, пожал плечами и заметил, что сегодня подходящий вечер для того, чтобы подкрепиться джином и бингарой. Она приготовила две порции: мне, двойную, за счет заведения, и себе; какое-то время мы просто сидели и грустно глядели друг на друга. Ни подшучиваний, ни ритуального легкого флирта; она даже не напомнила мне о модике Хони Пилар. Я даже не обратил внимания на новых девочек. Мы с Чири казались настолько поглощенными созерцанием друг друга, что никто не осмелился

подойти, чтобы поздороваться. Прикончив свое пойло, я попросил налить фирменный напиток каннибалов. Теперь он казался мне вполне терпимым. Когда я отведал его впервые, ощущение было такое, словно во рту оказался кусок падали, пролежавший где-нибудь на свалке не меньше недели. Я поднялся, собираясь уйти, но, поддавшись внезапному приступу нежности, ласково провел пальцами по покрытой шрамами щеке, потом погладил руку Чириги. Она ответила мне своей фирменной улыбкой, мгновенно преобразившись в прежнюю чернокожую амазонку. Еще немного, и мы решим начать новую жизнь вдвоем где-нибудь в Свободном Курдистане… Я торопливо вышел из бара.

Ясмин спала в моей постели; девочка весьма успешно опаздывала на работу в очередной раз. Сегодня утром она проснулась пораньше, дабы избавиться от накопившейся в душе горечи и боли, выплеснув их на меня. Потом, чтобы поддержать репутацию и, не дай Бог, не прийти к Френчи вовремя, бедняжке пришлось снова лечь и заснуть. Она сонно улыбнулась, пробормотала: «Привет».

Похоже, Ясмин, вкупе с Полу-Хаджем, была единственной во всем квартале идиоткой, де-

монстрирующей непробиваемую смелость, в то время как остальные разумные обитатели Будайина дрожали от страха. Мужество Сайеда регулярно подпитывал его суперменский модик, но у Ясмин единственной моральной опорой был я. Девочка ни минуты не сомневалась, что Марид Одран защитит ее, что делало мою подругу даже большей идиоткой, чем Полу-Хадж.

— Слушай, Ясмин, у меня миллион всяких дел… Тебе придется несколько дней пожить у себя. О'кей?

Ясмин сразу надулась:

— Ты не хочешь, чтобы я была с тобой? В переводе это означает: «Ты что, завел себе другую?»

— Нет, не хочу, потому что сейчас я под прицелом убийц. Оставаться здесь опасно, ты можешь угодить под пулю; я этого не переживу, любимая. Понятно?

Такое объяснение понравилось ей намного больше, потому что показывало, как я забочусь о ней. Вот паршивка… Если не повторять девочке каждые десять минут, как она дорога тебе, обязательно решит, что появилась соперница.

— О'кей, Марид. Ключи отдать?

Я немного подумал:

— Пожалуй. Тогда буду знать, где они, и никто

не сможет вытащить их у тебя и проникнуть в мою квартиру.

Она вытащила ключи из сумочки и бросила мне. Потом Ясмин начала традиционный спектакль: «я спешу на работу». Я раз тридцать сообщил, как люблю ее, заверил, что буду беречь себя (совершенно искренне) и звонить ей, по меньшей мере, дважды в день, просто чтобы отметиться. Она поцеловала меня, бросила взгляд на часы, неискренне охнула и поспешила к двери. Придется ей и сегодня заплатить Френчи штраф.

Как только Ясмин вышла, я стал собирать вещи; свалив их в кучу, убедился, что имущества у меня немного. Верх глупости — подставлять себя под пули, сидя в собственном доме. Стало быть, надо найти убежище; по этой же причине я захотел изменить свой облик. На счету у меня — масса Папиных денег, а только что полученная от Хасана порция наличных позволит обрести относительную свободу действий. Упаковал вещи я, как всегда, быстро, запихнув кое-какую одежду в черную пластиковую сумку на молнии. Сверху положил завернутую в футболку коробку с модиками; потом закрыл сумку и вышел на улицу. Интересно, запланировал ли для меня Аллах благополучное возвращение? Я сознавал,

что напрасно накручиваю себя, но такова уж извращенная человеческая натура — всегда тянет нажать на больной зуб. Господи, сколько забот и переживаний появляется у человека, который ставит перед собой простую задачу — выжить.

Я вышел из ворот, пересек широкую улицу. Здесь, рядом с Будайином, расположились довольно дорогие магазины, совсем непохожие на лавчонки, которые ожидаешь увидеть возле нашего квартала. Туристы находили в них как раз то, что искали, и хотя абсолютное большинство сувениров сделано за тысячи миль отсюда (в нашем городе, насколько я знаю, вообще не занимаются народными промыслами), со счастливыми лицами рылись в куче ярко раскрашенных соломенных попугаев, made in Mexico, и пластмассовых складных вееров, made in Hong-Kong. Туристы были довольны, а стало быть, довольны все. Здесь, рядом с царством Пустыни, мы демонстрировали большую культуру.

Я зашел в магазин мужской одежды, торгующий европейскими костюмами. Как правило, у меня не набиралось денег и на один носок, но теперь, осчастливленный Папой, я решил наконец преобразиться. Это было настолько ново, что я даже не знал толком, что мне нужно, и объявил

приказчику, что необходима его помощь.

Дал понять, что не шучу — иногда феллахи заходили в такие магазины, просто чтобы оросить своим трудовым потом все оксфордовские костюмы. Я сообщил, что хочу экипироваться полностью, назвал сумму, которую собираюсь истратить на это, и позволил ему поработать над моим гардеробом. Я понятия не имел, как подбирать галстук к рубашке, не знал даже, как завязывают эту проклятую штуку (меня снабдили брошюркой о разных узлах), так что действительно нуждался в помощи специалиста. Я решил, что он получает комиссионные, поэтому позволил включить в мои покупки на пару сотен лишних вещей. Парень не просто изображал дружелюбие, как большинство ему подобных, он даже не брезговал прикасаться ко мне, хотя в то время я был одним из самых неряшливых обитателей Будайина, а в нашем квартале существует очень много видов неряшливости.

Я заплатил за одежду и несколько кварталов до отеля «Палаццо ди Марко Аврелио» нес в руках пакет. Отель был частью целой международной империи, принадлежащей швейцарцам: все гостиницы выглядели одинаково, ни одна не обладала уютом и элегантностью оригинала.

Впрочем, мне-то что до этого? Я искал просто надежный ночлег, где никто не потревожит мой сон. Меня даже не заинтересовало, почему в мусульманской стране отель назвали именем какого-то сына древнеримской шлюхи.

Портье, выдававший ключи, даже отдаленно не напоминал услужливого приказчика из магазина одежды; я сразу понял, что он сноб. Мало того что парень был таким от рождения, ему платили за снобизм и, наверное, специально тренировали, дабы этот естественный дар достиг космических высот. Ничто не могло пробить стену его высокомерия и презрения; он оставался твердым, как камень. Однако какую-то брешь мне все-таки удалось проделать. Я вытащил все свои хрустики, любовно разложил на розовом мраморе стойки и объяснил, что хочу снять номер на неделю-две и заплачу вперед наличными.

Выражение его лица не изменилось — парень с трудом выносил мое присутствие, — но он велел подыскать мне номер. Это не заняло много времени.

Никто не предложил отнести мой багаж наверх, я сам держал пакеты с одеждой, поднимаясь в лифте, и, войдя в комнату, бросил их на кровать. Должно быть, номер считался неплохим

— с видом из окна на довольно унылые задворки делового квартала. Зато у меня был телевизор с видео, и не просто душ, а даже ванна! Я вывалил на кровать содержимое сумки и переоделся в галабийю. Настало время нанести еще один визит герру Люцу Сейполту. На этот раз я взял с собой несколько училок. Сам Сейполт показался мне неглупым человеком, но его секретарь Рейнхард вполне способен создать мне проблемы. Я вставил училку немецкого языка и прихватил с собой на всякий случай несколько специальных для контроля над чувствами. С этого часа я буду человеком-невидимкой. Не собираюсь маячить где бы то ни было, чтобы попасть под прицел. Ну нет, Марид Одран, супермен дюн, не таков!

Билл, безумный американец, как обычно, восседал в своем помятом стареньком такси. Я поместился рядом с ним, но Билл меня не заметил: он ожидал, когда пассажир подаст голос с заднего сиденья, как обычно. Почти минуту я звал его, тряс за плечо. Наконец он повернул голову и, часто моргая, уставился на меня.

— Чего?

— Билл, ты отвезешь меня к дому Люца Сейполта?

— Я тебя знаю?

— Ну конечно. Мы ездили туда несколько недель назад.

— Тебе легко говорить. Сейполт, значит? Немецкий парень, увлекается длинноногими блондинками. Скажу сразу, старик: ты не в его вкусе.

Сейполт клялся, что давно уже никем не увлекается. Великий Боже, значит, даже он мне лгал! Признаюсь, я был здорово потрясен; молча провалился в сиденье и стал смотреть на проносящиеся мимо дома. Билл всегда создавал массу дополнительных трудностей, но это естественно: ведь ему приходилось то и дело объезжать по дороге существа, которые абсолютное большинство людей не смогло бы даже увидеть, с чем Билл справлялся прекрасно. Думаю, он не задавил по пути к Сейполту ни одного из полчища окружающих его ифритов.

Я вылез из такси и медленно подошел к массивной двери, запомнившейся мне в первое посещение дома Сейполта. Долго стучал и звонил; никто не ответил. Тогда я обошел здание, надеясь найти старого араба — слугу. В саду зеленела сочная трава, цвели экзотические растения. Спрятавшись в густой листве деревьев, пели птицы. Довольно необычная гамма звуков для

города, потому что никакого шума, выдававшего присутствие здесь людей, я не услышал. Может, Сейполт ушел на пляж?

Или отправился за покупками? Или, вместе со своим голубоглазым блондинчиком, решил провести вечер в злачных местах города, обедая и танцуя под луной и звездами?...

Справа, за углом дома, между двумя высокими пальмами, в выбеленной стене находилась небольшая дверь. Не думаю, что ею пользовался Сейполт, скорее, она предназначалась для тех, кто привозил продукты и увозил мусор. По эту сторону дома, в отличие от роскошных тропических джунглей перед фасадом виллы, росли алоэ, юкки и цветущие кактусы. Я взялся за дверную ручку, и она легко повернулась. Возможно, кто-то только что отправился в город за газетой. Я вошел и оказался у ступеней, ведущих вниз, в неприветливую темноту. Пролет лестницы рядом — путь наверх. Я выбрал второе, миновал кладовую, прекрасно оборудованную кухню и оказался в изысканно обставленной столовой. Никого не увидел, не услышал ни звука. Немного пошумел, чтобы Сейполт или Рейнхарт узнали о моем присутствии: пусть не думают, что я шпион или, скажем, подтверждаю слова старого немца

об арабах.

Из столовой я прошел в гостиную и в коридор. Передо мной стояли шкафы с бездарно подобранной коллекцией. Здесь я уже мог ориентироваться. Так, посмотрим. Кабинет Сейполта должен быть…

…здесь! Дверь закрыта; я громко постучал. Тишина. Открыв дверь, я шагнул в кабинет. Полумрак; шторы плотно закрывали окна. Воздух затхлый, как будто кондиционер отключили и комнату давно не проветривали. Интересно, что будет, если я наберусь наглости и пороюсь немного в бумагах на рабочем столе немца? Я торопливо перелистал несколько отчетов, лежащих на самом верху кипы документов.

Сейполта я обнаружил между эркером и двумя стеллажами для деловых бумаг.

Он был скрыт письменным столом. Темный костюм немца стал почти черным от крови.

Сначала я принял его за черно-серый плед, упавший на бежевый ковер. Потом заметил светло-голубую рубашку и одну руку. Шагнул поближе, ожидая самого худшего, и, конечно, не ошибся…

Его располосовали от горла до паха, внутренности вывалились на ковер.

Какой-то окровавленный комок был втиснут в окоченевшую руку.

Это сделал Ксаргис Мохадхил Хан. То есть экс-Джеймс Бонд, который до недавнего времени работал на Сейполта. Он убрал еще одного свидетеля.

Рейнхарта я нашел в его комнате наверху; он выглядел не лучше хозяина.

Старик-араб умер за домом, когда пропалывал прелестные цветы, выращенные им вопреки природе и климату. Всех убили быстро, затем расчленили. Хан крался от одной жертвы к другой, тихо и молниеносно отбирая жизнь. Он скользил бесшумно, как призрак. Прежде чем вернуться в дом, я вставил несколько училок, которые подавили страх, боль, гнев, голод и жажду; училка немецкого языка уже была подключена, но, похоже, она не пригодится мне сегодня.

Я направился к кабинету Сейполта, собираясь хорошенько обыскать стол. Но на пороге меня окликнули:

— Люц?

Я повернулся. Билл не соврал — покойный действительно любил длинноногих блондинок. — Люц? — повторила она. — Bist du noch

beteit?[23]

— Ich heisse Marid Audra? Fraulein. Wissen Sie wo lutz ist?[24]

Моя училка работала на полную мощность: я не просто переводил с арабского на немецкий, но говорил на языке, который словно знал с самого детства.

— Разве его здесь нет? — спросила она.

— Нет, и Рейнхарта я тоже никак не могу найти.

— Должно быть, они уже уехали в город. За ленчем шел разговор о том, что неплохо прогуляться.

— Готов поспорить, они отправились ко мне в отель. Мы договорились пообедать вместе, и я решил, что должен встретиться с ними здесь. Нанял машину.

Господи, какая глупость! Сейчас позвоню в отель и оставлю Люцу записку, а затем вызову другое такси. Поедете со мной?

Она задумчиво покусала ноготь.

— Даже не знаю… — ответила она очень нерешительным тоном.

---

[23] Примечания: 23
Ты уже готов нем.

[24] Примечания: 24
Меня зовут Марид Одран, фрейлейн Не знаете ли вы, где Люц? (нем.)

— Вы уже видели город? Она нахмурилась:

— Я не видела ничего, кроме этого дома, ни разу не вылезала на свет Божий с тех пор, как оказалась здесь, — сказала она жалобно.

Я кивнул:

— О, мой друг всегда чересчур серьезно относится к работе. Уверяет, что любит проводить время весело, наслаждаться жизнью, а на самом деле сохнет за делом сам и заставляет сохнуть окружающих. Не хочу осуждать его — в конце концов, он один из моих старейших партнеров по бизнесу и лучший друг, — но думаю, такой образ жизни вреден для здоровья.

— И я все время твержу ему об этом.

— Так почему бы нам не вернуться в отель? Может быть, мы вместе поможем ему расслабиться немного сегодня вечером? Обед, небольшое шоу. Будьте моей гостьей! Я настаиваю.

Она улыбнулась:

— Только позвольте мне…

— Мы должны спешить, — прервал я ее. — Если быстро не доберемся до отеля, Люц поедет домой. Он весьма нервный человек. Тогда придется возвращаться сюда.

Как вы знаете, дорога просто ужасная. Идемте, время не терпит.

— Но если мы собираемся обедать… Мне следовало бы догадаться!

— Ваш наряд вам очень к лицу, моя дорогая; но если вы так не считаете… то прошу позволения купить вам другой, по вашему выбору, со всеми необходимыми аксессуарами. Люц сделал мне множество подарков. Я с удовольствием отвечу на его щедрость подобным образом. Мы можем отправиться в магазины прямо перед обедом. Я знаю несколько очень изысканных английских, французских и итальянских заведений; уверен, вам понравится. Кстати, вы успеете выбрать вечерний наряд, пока мы с Люцем будем обсуждать наши проблемы. Все прекрасно устроится.

Я вывел ее через парадный вход. Мы зашагали по гравийной дорожке к такси Билла. Открыв заднюю дверцу, я усадил ее в машину, затем обошел вокруг и сел с другой стороны.

— Билл, — обратился я к нему по-арабски, — назад в город. Отель «Палаццо ди Марко Аврелио».

Билл посмотрел на меня с раздражением.

— Знаешь, Марк Аврелий ведь тоже мертв, — сказал он и завел мотор.

Я похолодел, пытаясь сообразить, что значит это «тоже». Потом повернулся к красотке, сидящей рядом.

— Не обращай внимания на водителя, — сказал я ей по-немецки, решив, что сейчас самое время перейти на «ты». — Он безумен, как все американцы. Такова воля Аллаха.

— Ты не позвонил в отель, — сказала она, даря мне нежную улыбку.

Ей понравилась мысль приобрести новый наряд и украшения к нему просто по случаю совместного обеда. Я для нее был психованным арабом, лопающимся от богатства. Такие психованные арабы ей нравились.

— Да, не позвонил. Сделаю это, как только мы доберемся туда.

Она сморщила носик.

— Но если мы уже будем там…

— Ты не понимаешь, — прервал я ее. — Обычно клиенты улаживают подобные дела с портье. Но когда гости особые, — такие как герр Сейполт и я, — следует говорить лично с управляющим.

Ее глаза расширились.

— О!

Я оглянулся на сверкающий свежими красками парк, созданный богатством Сейполта на самой границе с наступающими дюнами. Через пару недель это место станет таким же сухим и мертвым, как сердцевина Великой Пустыни… Я

повернулся к своей спутнице и непринужденно улыбнулся. Мы проболтали всю дорогу до города.

Глава 16

Добравшись до отеля, я оставил блондиночку в удобном кресле в холле. Ее звали Труди (просто Труди и все, никакой фамилии, заявила она с блаженной улыбкой). Близкая подруга Люца Сейполта; гостит в его доме больше недели. Их познакомил один общий приятель. М-да… Неразлучные друзья: Труди, самая милая и раскованная девушка в мире, и Сейполт, который, оказывается, в душе добрый и открытый парень, а все эти интриги и убийства — просто маска, чтобы дурачить окружающих.

Я отправился звонить, но не управляющему, а Оккингу. Он сказал, чтобы я покараулил Труди, пока он будет отрывать от стула свою толстую ленивую задницу.

Из всех училок я оставил только языковую: без нее мы с Труди вообще не сможем понять друг друга. Вот тогда-то мне и пришлось уяснить пункт номер сто пятьдесят четыре из перечня особо важных сведений о спецучилках, которыми одарил меня Папа. «За все приходится платить». Понимаете, на самом деле я знал это; выучил еще

много-много лет назад, сидя на коленях у матушки. Просто такие истины почему-то постоянно забываются, и приходится каждый раз открывать их заново.

«Никому никогда ничего не достается даром». Во время визита на виллу Сейполта училки все время держали под контролем мои гормоны. Когда я вернулся, чтобы обыскать рабочий стол немца, я должен был пребывать в полувменяемом состоянии от страха и массы сопутствующих эмоций, зная, что изуродованные трупы, которые я обнаружил, стали таковыми совсем недавно, и ублюдок Хан вполне может еще сшиваться где-то поблизости. А когда Труди неожиданно воскликнула:

«Люц?» — любой нормальный человек получил бы инфаркт.

Так вот, когда я вытащил училки, обнаружилось, что я вовсе не избежал всего этого, а просто отложил удовольствие на некоторое время. И этот момент наступил! Мой мозг и нервы сразу как бы сжались, сплелись в тугой клубок.

Невозможно было отделить одну эмоциональную «нить» от другой: я испытывал дикий, бессмысленный, животный ужас, страстную ненависть к Хану за поистине дьявольский

метод, с помощью которого он хотел остаться неуловимым, и за то, что этот подонок заставил меня созерцать плоды своей бесчеловечной жестокости.

Накатила волна страшной усталости и боли в работавших сверх всякой меры мускулах (училка «запрещала» мозгу и телу чувствовать утомление и физическую боль, и в результате я сейчас получил и то, и другое); вдобавок я вдруг осознал, что ужасно голоден и умираю от жажды, а мой мочевой пузырь вот-вот лопнет. В кровь хлынул адреналин, и сердце забилось еще быстрее. Хотя опасность давно миновала, мой организм подготовился к смертельной схватке или к бегству.

В общем, я за несколько мгновений прошел через все, что должен был прочувствовать в течение трех-четырех часов, на тело и мозг обрушился страшный удар, пославший меня в нокаут.

Дрожащими руками я поскорее вернул училки на прежнее место, и через минуту почувствовал себя нормальным человеком. Сердцебиение, дыхание вернулись к норме, а голод, жажда, дикая злость, усталость и мучительные сигналы переполненного мочевого пузыря прекратили донимать меня. Я благодарил судьбу и хирургов, но сознавал, что просто еще раз оттянул час

расплаты, а когда он наступит, самое ужасное постнаркотическое похмелье покажется мне легкой мгновенной встряской, словно мимолетный поцелуй в темноте. «Дас ист террибль платить по счетам; не спа, бвана мсье Марид-сан?» Это ты верно сказала, Чири.

Когда я возвращался в холл к Труди, кто-то окликнул меня: «Мсье Одран?»

Хорошо, что училки оказались на месте: терпеть не могу, когда мое имя выкрикивают, если вокруг полно народа и тем более если я маскируюсь.

Я повернулся и окинул одного из служащих, позвавших меня, безмятежно-холодным взглядом.

— Да?

— Для вас записка, мсье. Оставлена в вашем ящике. — Парня явно смущал мой простонародный наряд — галабийя и все прочее. Он твердо выучил, что в их замечательном отеле останавливаются только «культурные европейцы».

То, что он сказал, было просто невероятно по двум причинам: во-первых, никто не знал, что я здесь остановился, и, во-вторых, я зарегистрировался под чужим именем. Что ж, надо сделать вид, что мне просто стало интересно, что они там напутали, а потом возмущенно бросить бумажку

в надутую физиономию парня.

Попробую угадать… Компьютерная распечатка, верно?

Я развернул записку.

«Одран, Видел тебя у Сейполта, но решил, что время и обстановка не подходят.

Извини.

Хочу заняться тобой спокойно, не торопясь, чтобы все было тихо и вокруг никого.

Не хочу, чтобы они потом решили, что ты просто одна из случайных жертв.

Хочу быть уверенным, что, когда найдут твое тело, они поймут:

Тебе уделили особое внимание

Хан».

Мои ноги подкашивались, упрямо игнорируя приказы училок. Я сложил послание и сунул его в сумку.

— Вы в порядке, мсье? — заботливо осведомился парень.

— Это все проклятая высота, — ответил, я, — каждый раз так трудно приспосабливаться…

— Высота? Но здесь ведь совсем невысоко,

мсье! — изумился он.

— В том-то и дело. — Я оставил его стоять с открытым ртом и вернулся к Труди.

Она расплылась в лучезарной улыбке, словно с моим возвращением жизнь снова обрела свою прелесть. Интересно, что творилось в ее голове, пока она сидела одна в доме? «БЫЛО ТИХО, И ВОКРУГ НИКОГО!..» Я содрогнулся.

— Извини, что заставил тебя ждать, — сказал я вполголоса, слегка поклонился и сел рядом.

— Да ничего, я в порядке. — Она не спеша выпрямила свои красивые ноги и снова скрестила их. Наверное, все мужчины отсюда и до Осаки, не отрываясь, наблюдали, как она это делает. — Поговорил с Люцем?

— Да. Он был здесь, но отлучился по важному делу. Как я понял, поехал решать какой-то формальный вопрос с лейтенантом Оккингом.

— Лейтенантом?

— В обязанности Оккинга входит следить, чтобы в Будайине не происходило ничего необычного. Слышала о таком квартале?

Она кивнула:

— Никак не пойму, какие вопросы может решать Люц с лейтенантом? Он ведь никакого отношения к тому, что творится в этом Будайине,

не имеет, разве не так?

Я улыбнулся:

— Прости, дорогая, но то, что ты говоришь, звучит немного наивно. Наш друг — очень многогранная и влиятельная личность. Думаю, ничего в городе не происходит без его ведома.

— Да, наверное…

Полная чепуха, конечно. В лучшем случае, Сейполт был средним звеном. И уж конечно, это не Фридландер-Бей.

— За нами пошлют машину, а потом мы, как и планировали, сядем все вместе и подумаем, как провести вечер.

Ее лицо снова осветилось радостной улыбкой. В конце концов, она получит свою конфетку.

— Не хочешь заказать что-нибудь, пока мы ждем? — За этим приятным занятием мы с Труди коротали время, пока к нам не подошла парочка утомленных фараонов в штатском, неслышно ступая по толстому синему ковру. Я встал, вежливо представил их друг другу, и мы покинули холл отеля, приятно болтая, как компания старых приятелей. Так мы шли до самого участка; по пути на второй этаж меня остановил сержант Хаджар, а два полицейских проводили Труди в кабинет Оккинга.

— Что случилось? — хмуро спросил Хаджар. Сейчас он забыл о всех своих побочных занятиях и был настоящим легавым. Наверное, чтобы доказать: если он поднатужится, еще может исполнять прямые обязанности.

— А ты как думаешь? Ксаргис Хан, тот самый, что работал на Сейполта и твоего шефа, продолжает заметать следы. Только что убрал трех очередных свидетелей. Черт, парень жуткий педант: ничего не забывает. На месте Оккинга я бы просто взмок от страха. Ведь лейтенант сейчас — живая мишень.

— Он это понимает; никогда не видел Оккинга таким потрясенным и подарил ему тридцать-сорок пилюлек паксиума. Он проглотил целую горсть вместо завтрака.

— Хаджар недобро ухмыльнулся.

Из кабинета Оккинга вышел полицейский в форме.

— Одран, — сказал он громко и мотнул головой в сторону двери. Я стал членом их команды.

— Минуточку. — Я снова повернулся к Хаджару. — Слушай, я хочу посмотреть на то, что ты выудил из рабочего стола и сейфов Сейполта.

— Я так и подумал, — ответил Хаджар. — Лейтенант сейчас слишком занят, чтобы забивать

этим голову, так что он наверняка свалит работу на меня. А я устрою, чтобы ты первым осмотрел улики.

— Отлично. Надеюсь, там будет что-то важное. — Входя в застекленный кабинет лейтенанта, я столкнулся с ребятами в штатском, эскортирующими Труди.

Она улыбнулась мне и сказала:

— Мархаба. — Только в этот момент до меня дошло, что она может говорить и по-арабски.

— Сядь, Одран, — сказал Оккинг. Его голос был хриплым, как будто лейтенант сорвал его или простудился.

Я уселся и посмотрел на него.

— Куда ее повели?

— Хотим допросить девочку поосновательней. Хорошенько покопаться в ее серых клеточках… Потом отпустим домой, не знаю, правда, где это.

Что ж, звучит очень профессионально; сомневаюсь, правда, что Труди будет в состоянии выйти отсюда, когда они закончат «копаться в ее серых клеточках».

Гипноз, наркотики, плюс электрическая стимуляция мозга; после этого человек обычно чувствует себя не в своей тарелке. По крайней мере, так мне говорили…

— Хан подбирается все ближе и ближе, — сказал Оккинг, — но второй после смерти Никки вообще не высовывается.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду. Послушай, лейтенант, а Труди случайно не Хан? Она ведь никак не могла раньше быть Бондом?

Оккинг посмотрел на меня как на чокнутого.

— Да откуда мне знать, Одран? Никогда не встречался с этим Бондом. Мы связывались по телефону или по почте. Насколько мне известно, ты — единственный человек, который когда-либо сталкивался с ним лицом к лицу. Вот почему я никак не могу избавиться от подозрительных мыслей. Что-то с тобой не в порядке, Одран, я просто чувствую это.

Со мной что-то не в порядке, вот как?! И это бросает мне в физиономию иностранный агент, получающий чеки от национал-социалистов? Ну ладно… Очень жаль, что лейтенант не сможет даже опознать Хана, если когда-нибудь нам посчастливится его поймать. Я не знал, говорит ли Оккинг правду. Скорее всего, да — какой ему смысл врать мне? Он знал, что занесен в черный список, а может, даже стоит там первым. Кроме того, когда лейтенант сказал мне, что не покинет свой кабинет, он явно не шутил: здесь стояла

раскладушка, а на столе — поднос с остатками обеда.

— Единственное, что мы вроде бы знаем точно: оба используют свои модики не только для убийства, но. и чтобы посеять ужас и панику. Кстати, это у них пока получается неплохо, — подытожил я. — Твой наемный убийца… — Оккинг обжег меня взглядом, но, черт побери, правда есть правда! — Твой убийца превратился из Бонда в Хана. А второй, судя по всему, остался прежним. Очень надеюсь, что парень, работающий на русских, убрался домой. Хотелось бы знать точно, по крайней мере одной заботой станет меньше.

— Ага, — хмуро произнес Оккинг.

— Узнал что-нибудь интересное от Труди? Оккинг пожал плечами и взял с подноса кусок сандвича.

— Какое там… Имя, фамилия, прочие формальности.

— Я хочу знать, как она познакомилась с Сейполтом.

Оккинг поднял брови:

— Ну, ну, Одран. Сейполт на прошлой неделе был главной фигурой. Я устало вздохнул:

— До этого я и сам додумался, лейтенант. Труди сказала, что кто-то свел ее с немцем.

— Махмуд.

— Махмуд? Мой друг Махмуд? Тот, который промышлял у Джо-Мамы до перемены пола?

— Точно, он самый.

— Как он оказался замешан в этом деле?

— Пока ты лежал в госпитале, Махмуд получил повышение. Он занял место, оставшееся вакантным пост убийства Абдуллы.

Махмуд. Как быстро ты прошел путь от очаровательной шлюшки, работавшей в греческих клубах, от ничтожного полублатного паразита до современного работорговца, важного человека на службе у Папы… Единственное, что приходит в голову, когда узнаешь о таком повороте судьбы:

«Только у нас в Будайине возможно подобное!» Квартал равных возможностей, дамы и господа!

— Мне надо поговорить с Махмудом, — пробормотал я.

— Тогда встань в очередь. Он обязательно посетит мою обитель, как только ребята его выкурят из логова.

— Расскажешь мне потом, что ты из него вытряс?

Оккинг оскалился:

— Что за вопрос, друг! Разве я не обещал тебе? Разве не обещал Папе, что буду пай-мальчиком?

Что-нибудь еще? Все, что угодно, — слушаю и повинуюсь!

Я встал и перегнулся через стол, уставясь ему прямо в глаза.

— Послушай, Оккинг, ты привык смотреть на куски человеческого мяса, разбросанные по квартирам разных приятных людей, а вот меня от такого зрелища сразу выворачивает. — Я показал ему последнюю весточку от нашего общего друга Хана. — Скажи, как мне получить оружие?

— Какое мне дело? — ответил он полушепотом, словно загипнотизированный уставившись на клочок бумаги. Потом поймал мой взгляд и тяжело вздохнул.

Выдвинул нижний ящик стола, извлек оттуда целую коллекцию орудий убийства. Что тебе больше нравится?

Два игломета, парочка статических пистолетов, мощный парализатор и даже здоровенное автоматическое чудовище, стреляющее пулями! Я выбрал маленький игломет «смит-и-вессон» и парализатор «дженерал электрик». Оккинг выбросил на стол коробку боеприпасов: двенадцать игл в обойме, сто обойм в коробке. Я быстро убрал все это в сумку.

— Спасибо.

— Счастлив? Теперь ты чувствуешь себя неуязвимым, Одран?

— А ты чувствуешь себя неуязвимым, Оккинг? С его лица сползла усмешка.

— Как же, черта с два, — сказал он и небрежно махнул рукой, с присущей всем легавым тактичностью намекая, чтобы я убирался вон. Я подчинился, испытывая не больше благодарности, чем обычно.

Когда я выбрался наружу, небо на востоке уже начало темнеть. С минаретов, где были установлены динамики, раздались мелодичные вопли муэдзинов: их голоса, записанные на пленку, разносились по всему городу. Сегодня выдался тяжелый день, мне нужно выпить. Но прежде чем расслабиться за стаканом в каком-нибудь баре, необходимо еще кое-что сделать. Я вошел в отель, поднялся в свой номер, скинул одежду и встал под душ. Четверть часа горячие струи массировали мое тело; я просто ворочался под их яростным напором, словно ягненок на вертеле.

Два-три раза вымыл волосы и лицо. Увы, с бородой придется расстаться: это весьма печально, но необходимо. Я стал умнее и осторожнее, но записка Хана доказывает, что и того, и другого мне все еще явно недостает.

Сначала я коротко остриг свою рыжеватую шевелюру. Так, теперь борода и усы. В последний раз я созерцал свою верхнюю губу лет в четырнадцать-пятнадцать, поэтому, быстро орудуя бритвой, ощутил на мгновение жалость и боль потери. Правда, вскоре мне стало интересно, как я выгляжу без этого украшения мужчины. Спустя пятнадцать минут я полностью ликвидировал бороду, тщательно выскабливая по несколько раз каждый участок, пока лицо и шея не начали гореть и кровь не стала сочиться из порезов, выделявшихся яркими пятнами, на фоне бледной кожи.

Когда я понял, кого напоминаю, лишившись бороды, желание рассматривать себя в зеркало сразу пропало. Я омыл саднящую кожу холодной водой, вытерся. Как бы сейчас хотелось послать подальше Фридландер-Бея и остальную шайку респектабельных бандитов нашего квартала! После этого подвига придется быстро сматываться на свою далекую родину — Алжир, а там провести остаток жизни на пастбище, созерцая, как одно поколение овец сменяет другое…

Я тщательно причесался, потом отправился в спальню, где распаковал одежду из дорогого магазина. Медленно, обдуманно оделся, прокру-

чивая в мозгу возможные варианты действий. Одно я знал точно: что бы ни случилось, я больше никогда не воспользуюсь модулями.

Если потребуется, вставлю любую училку — они просто обогащают меня, не угнетая искусственно созданной личностью мою собственную. Вообще, Великие Детективы, живые логические машины, будь это реальные люди или персонажи какой-нибудь книги, не в силах помочь мне: ни один из них не сталкивался с подобной ситуацией, ни один из них не жил в таком специфическом месте, как Будайин. Тут меня выручат только собственные знания, привычки, сноровка — одним словом, собственные серые клеточки.

Решив вопрос раз и навсегда, я почувствовал немалое облегчение. Наконец-то удалось придумать компромиссный вариант, который я тщетно пытался найти с того самого дня, когда Папа доходчиво объяснил, почему мне захочется вставить розетки в мозг. Я улыбнулся. Что ж, одной проблемой меньше. Пусть она не самая важная, все равно мне стало легче…

Не могу сказать, сколько времени прошло, прежде чем я сумел повязать галстук. Конечно, существовали модели, которые требовалось только застегнуть, но в чопорном магазине, где я приоб-

рел одежду, подобное считали плебейством.

Я засунул рубашку в брюки, застегнул все пуговицы, надел туфли, набросил на плечи пиджак. Потом рискнул взглянуть на себя в зеркало, отмыл засохшие пятнышки крови с шеи и щек. Что ж, получилось совсем неплохо: современный городской тип, ловкий, стремительный человек действия с небольшим капиталом в бумажнике. На самом деле, конечно, ваш друг остался самим собой. Я просто хочу сказать, что костюм смотрелся первоклассно. Но, в принципе, другого и не требуется, большинство, так или иначе, обращает внимание именно на одежду.

Важнее другое: в первый раз за все время я поверил, что кошмарное дело, за которое взялся, близко к реальному завершению. Я прошел большую часть пути, и лишь парочка неясных, пока еще скрытых во мраке фигур мешает увидеть свет в конце тоннеля.

Я прицелил телефон к поясу, пиджак полностью скрыл его. Подумав немного, взял с собой маленький игломет. Он тоже почти не оттопыривал пиджака; я всегда считал, что лучше пистолет в кармане, чем пуля в башке. Мой зловредный рассудок подсказывал другой возможный вариант: пистолет в кармане и пуля в башке, — но я

так устал за день от его советов, что просто не обратил внимания. Спущусь в бар и посижу там немного, только и всего…

Так или иначе, Хан знал, как я выгляжу, а для меня его облик пока оставался загадкой. Одно, пожалуй, ясно: он не будет походить на Джеймса Бонда.

Я вспомнил, что сказал Хасан несколько часов назад: «Я никому не доверяю».

Итак, план действий вырисовывается, но вот осуществим ли он? Вообще, найдется хоть один человек, которого сразу можно заподозрить в дурных намерениях? Скольким я доверял безоглядно, ни разу не усомнившись в их лояльности, — а ведь реши они избавиться от меня в один прекрасный день, это не составило бы никакого труда. Ясмин, например. Или Полу-Хадж; я даже пригласил его к себе. Все, что ему требовалось, чтобы сыграть роль убийцы, — «плохой» модик. Даже Билл, безумный американец, мой любимый таксист; даже Чири, счастливая обладательница самой большой в Будайине коллекции модиков. Ладно, если продолжать в таком духе, можно свихнуться.

А если сам Оккинг и есть убийца, поиски которого он старательно имитирует?

Или Хаджар?

Или… Фридландер-Бей?

Вот теперь я рассуждаю, как попавший в город магрибский «некультурный крестьянин», каким все они меня считали. Я прогнал все эти мысли, вышел из номера и спустился в лифте на первый этаж, в интимный полумрак бара. Почти никого. Неудивительно: во-первых, туристы не очень-то жаловали город, а во-вторых, это дорогой и респектабельный отель. Я окинул взглядом стойку; за ней сидели трое, о чем-то оживленно беседующие вполголоса. Четыре столика справа были заняты посетителями, в основном, мужчинами. Тихо играла музыка: прокручивали мелодии в европейском или американском стиле. О замысле дизайнера можно было судить по оштукатуренным стенам, выкрашенным бледно-розовой и оранжевой красками, и расставленным всюду горшкам с папоротниками. Бармен вопросительно поднял брови, и я заказал свою обычную смесь: джин и бингара со льдом. Вышло просто великолепно, все ингредиенты в нужных пропорциях, именно так, как мне нравилось. Что ж, даже чопорный космополитизм имеет свои положительные стороны…

Я расплатился и не спеша, с наслаждением по-

тягивал свой напиток. Но мрачные мысли меня не оставляли. Не пойму, почему я решил, что поход в бар поможет забыть обо всех проблемах? И тут ко мне плавно, словно плывя по воздуху, приблизилась ОНА. Вот и недостающий ингредиент! Труди двигалась так, словно спала на ходу или здорово накачалась наркотиками.

— Ты не будешь против, если я сяду рядышком?

— Ну конечно нет. — Я умильно улыбнулся, хотя в голове уже роились тысячи вопросов.

Труди заказала шнапс с мятой. Господи, я мог бы поспорить на полсотни, что она выберет именно это! Я заплатил за выпивку и в награду получил еще одну обворожительную улыбку.

— Ну, как ты себя чувствуешь после всех мытарств? — спросил я осторожно.

Она сморщила носик:

— Нормально, Марид! Что ты имеешь в виду? Какие мытарства?

— Ну, после того, как отвечала целый день на вопросы этих типов из полиции.

— О, они вели себя очень деликатно; такие милые!

На несколько секунд я потерял дар речи.

— А как ты нашла меня? — опомнился я на-

конец.

Она обвела рукой бар:

— Ну, я ведь знала, где ты остановился. Ты ведь сам привел меня сюда сегодня, помнишь? А потом твое имя…

— И ты сразу меня узнала? Несмотря на то, что никогда не видела одетым таким образом, без бороды?

Она ответила выразительной улыбкой, которую женщины обычно употребляют вместо фразы: «Мужчины такие недотепы!»

— А ты не рад меня видеть? — спросила она, излучая душевную боль и оскорбленные чувства; это так хорошо получается у милашек ее типа! Я снова потянулся за стаканом.

— Одна из главных причин, почему я спустился в бар, — надежда снова увидеть тебя. — И вот я здесь! — Мое сердце разрывается от счастья, — сообщил я. — С твоего разрешения, я ненадолго отлучусь. Я ведь опередил тебя на целых две порции…

— Конечно, все в порядке.

— Спасибо. — Я добрался до туалета, закрылся в кабинке и отцепил от пояса телефон. Назвал код Оккинга. Незнакомый голос сообщил, что он в своем кабинете, но уже заснул и разрешил

будить его в самых экстренных случаях. У меня экстренный случай? Я ответил, что вряд ли, однако, если окажусь не прав, снова свяжусь с Оккингом. Попросил позвать Хаджара. Он на выезде, занят важным расследованием чего-то там. Я позвонил ему домой.

Ответа долго не было. Может, сержант и вправду занят, иди просто разминается?

— Ну, что там еще? — прорычал он наконец.

— Хаджар? Ты так тяжело дышишь… Накачиваешь мускулы, или что-то в этом роде, а?

— Кто говорит? Откуда у тебя мой…

— Одран. Оккинг уже отправился баиньки. Слушай, что интересного рассказала тебе блондиночка Сейполта?

Молчание. Когда голос сержанта снова прорезался, в нем было чуть-чуть больше дружелюбных ноток.

— Труди? Мы ее отключили, залезли в мозг поглубже, порылись там хорошенько, а потом привели в чувство. Она ничего не знает. Это нас насторожило, и мы повторили процедуру. Нельзя так мало знать, как она, и выжить. Но девочка чиста, Одран. Шесты для шатра — и те лучше разбираются в жизни, но все, что она знает о Сейполте, это как его зовут.

— Тогда почему она жива, а Сейполт и остальные стали трупами?

— Убийца не знал, что девочка находится в доме. Ксаргис Хан затрахал бы ее до белого каления, а потом, возможно, убил. Но ей повезло:

Труди была в своей комнате, решила вздремнуть после ленча. Не может вспомнить, заперла она дверь или нет. Осталась в живых, потому что не входила в число постоянных обитателей дома и гостила у Сейполта всего несколько недель.

— Как она приняла страшные новости? — Мы скормили ей все это, пока она была без сознания, и сняли эмоциональную реакцию. Получилось так, словно она прочитала о случившемся в газете.

— Хвала Аллаху, вы, ребята, проявили необычную для полицейских деликатность. Когда она ушла, вы приставили к ней «хвост»?

— А ты видишь «хвост», Одран? Это меня здорово задело.

— Почему ты так уверен, что я сейчас с Труди?

— Зачем же ты звонишь мне среди ночи? Ладно, лопух, насколько мы можем судить, она чиста. По крайней мере, перед законом. Что касается остального, извини, ничем помочь не могу, мы ей анализ крови не делали, так что решай сам, стоит

рисковать или нет. — Хаджар повесил трубку.

Я скорчил гримасу, прицепил телефон к поясу, вышел из своего укрытия и вернулся к Труди; допивая свою смесь, я рыскал глазами по бару, стараясь найти легавого, следящего за девочкой, но подходящих кандидатов не увидел. К тому времени, когда стакан опустел, я решил, что, по всей вероятности, «хвост» к ней не приставили. Мы отправились к стойке, выпили по паре коктейлей, и это сблизило нас еще больше. Примерно к полуночи Труди наконец решила, что пора переходить от духовной близости к физической.

— Как здесь шумно, правда, Марид? — проворковала она.

Я молча кивнул. В баре, кроме нас, оставалось всего три человека, включая кусок деревяшки, называвший себя барменом. Настало время, когда один из нас просто обязан был сказать какую-нибудь глупость, и Труди удалось меня опередить. В этот момент я принял два важных решения: послать подальше всякую осторожность и хорошенько проучить Ясмин. Слушайте, я здорово набрался, мне было грустно и одиноко, а Труди казалась такой лапочкой, и к тому же настоящей красоткой… Что еще нужно человеку?

Когда мы поднялись в номер, Труди сладко

улыбнулась, поцеловала меня медленно, сочно, так, словно утро наступит тогда, когда мы ему разрешим…

Затем сообщила, что теперь ее очередь использовать ванную комнату. Я подождал, пока она закроет дверь, связался с дежурным и попросил, чтобы меня разбудили в семь утра. Потом вытащил маленький игломет, привел постель в порядок и быстро спрятал оружие. Показалась Труди: она расстегнула все пуговицы, все крючочки на одежде, как бы распахнулась передо мной. На лице ее играла уверенная хозяйская улыбка. Единственная мысль, промелькнувшая в мозгу в этот момент: первый раз в жизни придется спать с оружием под подушкой.

— О чем ты задумался? — спросила она.

— О том, что ты выглядишь очень неплохо для настоящей девочки.

— Тебе не нравятся настоящие девочки? — прошептала она, щекоча шелковыми губами мое ухо.

— Просто довольно давно не встречался с ними. Так уж получилось.

— Тебе больше нравятся мальчики? — шепнула она, но мне было уже не до разговоров…

Глава 17

Когда зазвонил телефон, мне снилось, что на меня кричит мать. Она орала так громко, что я уже не узнавал ее, просто понимал: это голос мамы. Спор начался из-за Ясмин, но потом мы перешли к другим темам: переезду в город, моей злосчастной судьбе. Я никогда ничему не научусь, кричала мама, потому что всегда и всюду думаю только о себе. Мое участие в беседе ограничивалось периодическими воплями: «Неправда!»; сердце учащенно билось от волнения, словно все происходило на самом деле.

Я в очередной раз дернулся, кипя от несправедливых упреков, и проснулся. С трудом разлепил глаза, с трудом сообразил что к чему; я чувствовал себя таким вялым, словно и не ложился спать. Уставился на надрывающийся телефон, снял трубку. «Доброе утро. Сейчас ровно семь часов». Короткие гудки. Я положил трубку и сел, сделав глубокий вдох, который чуть было не перешел в зевок. Хочу спать! Уж лучше кошмары, чем перспектива пережить еще один день, вроде вчерашнего!

Труди рядом не было. Я спустил ноги на пол и голым прошелся по комнате. В ванной ее тоже не было, но девочка оставила мне прощальную записку на столике.

«Дорогой Марид, Спасибо тебе за все! Ты очень хороший, добрый и милый. Надеюсь, когда-нибудь мы встретимся снова.

А сейчас мне надо идти, так что ты, конечно, не будешь возражать, если я возьму, сколько мне причитается, из твоего бумажника.

Я тебя люблю, милый.

Труди.

(Мое настоящее имя — Гюнтер Эрих фон С. Ты и вправду не знал, или просто притворялся, чтобы сделать мне приятное?)»

Я полагал, что знаю все о сексе. Тут для меня не осталось ни единого белого пятна. Мои сокровенные фантазии давно уже направлены не на способ, а на объект… Так вот, единственное, чего еще никому не удавалось сымитировать (по крайней мере, до Труди!), бессознательная,

чисто животная реакция женщин, по которой сразу понимаешь, что трахаешь фему, а не подделку, — это полувскрик-полувсхлип, когда у нее перехватывает дыхание в момент первого контакта, еще до того, как ваши движения успевают обрести какую-то ритмичность. Да… Я снова бросил взгляд на записку Труди, вспомнил часы, проведенные в компании друзей:

Жак, Махмуд, Сайед и я сидим за столиком в «Соласе», оценивающими взглядами знатоков пронзая посетителей. «Вот эта? Перв-недоделок…» Я мог безошибочно определить, кто есть кто. Я ни разу не ошибся и был знаменит своим умением на весь Будайин.

Клянусь бородой Пророка, больше ни слова не скажу на этот счет! Неужели судьба никогда не устанет зло подшучивать надо мной? Нет, не стоит и надеяться… Она продолжит свое черное дело с упорством маньяка снова и снова, с каждым разом шутки будут все более и более зловещими. Если уж возраст и жизненный опыт не оградят от них, то, наверное, смерть тоже окажется бессильной, так что мои мучения продолжатся и в загробном мире.

Я бережно и тщательно сложил свою новую одежду и упаковал в сумку. Сегодня снова надену

свою белоснежную галабийю и предстану перед людьми в новом облике: араб в традиционном костюме, но гладко выбритый, как европеец. Вот я какой человек с тысячью лиц! Я решил, что настало время поймать Хаджара на слове и воспользоваться информацией, хранящейся в памяти полицейского компьютера. Хочу узнать кое-что о самих легавых и о связи Оккинга с Бондом-Ханом.

Вместо того чтобы дойти до полицейского участка на своих двоих, я поймал такси. Нет, меня не начала развращать роскошь, оплаченная Папой; просто события развивались слишком быстро и не хотелось терять времени. Да, сейчас мы были с временем на равных: я торопил его, оно торопило меня. Училки старательно обновляли мою энергию: я не испытывал ни усталости, ни голода или жажды. А также страха или злости. Кстати, многие сочли бы это опасным. Наверное, страх все-таки полезная штука…

Хаджар куда-то ушел. Я сидел и ждал его, наблюдая, как Оккинг поглощает поздний завтрак, сидя в своей застекленной клетке, словно редкий зверь в зоопарке. Наконец появился сержант и недовольно взглянул на меня.

— Ты не единственный полудурок, доставляю-

щий мне уйму беспокойства, Одран, — сказал он желчно. — У нас побывало не меньше, тридцати идиотов, жаждущих поделиться важнейшими сведениями, которые они откопали в своих снах, видениях и так далее.

— Я тебя обрадую, Хаджар: никакой информации у меня нет. Наоборот, я пришел получить ее от тебя. Ты сказал, что разрешишь мне поработать с вашим компьютером.

— А, ну конечно; только не здесь. Если тебя засечет Оккинг, он мне сразу башку проломит. Я сейчас свяжусь с нижним этажом. Можешь использовать терминал там, хорошо?

— Мне все равно, — согласился я. Хаджар позвонил, напечатал мне пропуск и подписал его. Я поблагодарил и отправился вниз. Молодая женщина, черты лица которой свидетельствовали, что она родом из Юго-Восточной Азии, показала, как выбрать программу, вести поиск, и объяснила, что, если у меня возникнут вопроси, компьютер сам ответит на них. Она вовсе не была профессионалом-программистом или здешним библиотекарем: просто выполняла роль регулировщицы…

Сначала я проверил основные файлы: это было похоже на морг какого-нибудь агентства ново-

стей. Когда я печатал чье-либо имя и фамилию, компьютер выдавал мне все имеющиеся в его памяти факты, так или иначе касающиеся данного человека. Первым делом я запросил информацию на Оккинга. Через несколько секунд по дисплею справа налево поползли бесконечные арабские фразы: имя, фамилия, возраст, место рождения, чем занимался до того, как поселился в нашем городе, то есть все, что заносят в любую анкету. Потом следует действительно ценная информация. В зависимости от места и цели заполнения, это может быть история болезни, данные об арестах, сведения о финансовом положении, занятиях политикой, сексуальных пристрастиях и что там еще есть важного?

Что касается Оккинга, кроме самых общих сведений, о нем не было ничего.

Абсолютно ничего. Альсифр — ноль!

Сначала я решил, что возникла неполадка в компьютере, снова залез в выбор программ, снова напечатал имя Оккинга и стал ждать. Ничего.

Ну конечно, это сделал наш лейтенант. Он замел следы точно так же, как его наемник Хан сейчас старался замести свои. Если не пожалею времени и денег, могу отправиться за нужной информацией в Европу, но там я узнаю, чем он

занимался вплоть до отъезда в наш город. Дальше, если смотреть с формальной точки зрения, юн просто не существовал.

Я напечатал кодовое название шпионской группы Джеймса Бонда: «Юниверсал экспорте». Как-то раз я видел такой адрес на одном из конвертов в кабинете Оккинга. Снова ничего!

Ни на что особенно не надеясь, запросил данные о Джеймсе Бонде: ничего.

Тот же результат — с Ксаргисом Ханом. Подлинный Хан и «настоящий» Бонд никогда не посещали наш город, поэтому информация о них отсутствовала.

Я перебрал в уме всех, сведения о которых стоит запросить: Ясмин, Фридландер-Бей, а может, сам Марид Одран? — но потом решил удовлетворить любопытство позднее, при более благоприятных обстоятельствах, и остановил выбор на Хаджаре. То, что я узнал, не было неожиданным. На два года моложе меня, выходец из Иордании, перед тем как поселиться в городе, неоднократно имел дело с полицией. Психологические характеристики дословно подтверждали мое мнение об этом субъекте: ему ни в коем случае нельзя доверять. Хаджар подозревался в том, что передавал заключенным деньги и наркотики. Однажды

даже провели расследование в связи с пропажей большей части конфискованного имущества, но бравый сержант сумел выйти сухим из воды. В досье содержалось предположение, что Хаджар может использовать служебные возможности в личных целях, работать в интересах отдельных лиц, той или иной преступной организации. В досье отмечалось, что Хаджар, судя по всему, способен на такие противоправные действия, как лжесвидетельство, вымогательство, преступный сговор и многое другое.

Ах ты Боже мой! Да неужели! Хаджар? А мы и не знали!

Я грустно покачал головой. Легавых всех стран мира объединяют две вещи: во-первых, они жаждут разбить тебе дубинкой башку под любым, самым ничтожным предлогом, а то и вовсе без такового, а во-вторых, не способны, так сказать, познать правду, даже когда эта голая правда лежит у них перед носом, призывно расставив ноги. Полиция не следит за исполнением законов; фараон никогда не оторвет от стула свою толстую задницу, пока закон не будет нарушен. Они раскрывают ничтожное количество преступлений. По сути, полиция — просто что-то вроде статической службы, регистрирующей имена жертв и

показания свидетелей.

После того как проходит определенное инструкциями время, они спокойно убирают эту информацию подальше, чтобы освободить место для новой.

Да, чуть не забыл: полицейские помогают беспомощным старушкам перейти улицу. По крайней мере, так принято думать…

Одно за другим я скормил компьютеру имена всех, кто хоть как-то был связан с Никки, начиная с ее(его) дяди Богатырева. Высветившиеся на дисплее данные в точности соответствовали тому, что рассказал мне лейтенант. Я решил, что, если Оккинг способен убрать все сведения о себе, он вполне мог «откорректировать» и остальную информацию. Если мне что-нибудь удастся раскопать, то либо по чистой случайности, либо из-за того, что лейтенант допустил оплошность. Я продолжил работу, хотя надежда найти хоть какую-то зацепку таяла с каждой минутой.

Увы, мои опасения подтвердились. В конце концов, я все-таки решил заглянуть в досье на Ясмин, Папу, Чири, на Черных Вдов, Сейполта и Абдуллу.

Компьютер поведал мне, что Хасан, похоже, большой ханжа, потому что по религиозным

соображениям не прибегает к помощи училок для вящего успеха своего бизнеса и в то же время не скрывает, что он педераст. Тоже мне, новости! Когда-нибудь я посоветую Хасану использовать мальчишку-американца, который, кстати, оборудовал себе мозги по последнему слову техники, в качестве администратора-бухгалтера, а не как живую статую на стуле вместо пьедестала, восседающую в пустом помещении.

Мое неуемное любопытство не распространялось лишь на одного жителя нашего квартала — Марида Одрана. Я решил, что не желаю знать, что они обо мне думают.

Зачем расстраивать себя понапрасну?

Прочитав досье на своих друзей и знакомых, я пожелал ознакомиться со счетами телефонной компании, представленными полицейскому участку. И тут ничего; но, конечно, Оккинг не такой дурак, чтобы звонить своему Бонду прямо из кабинета. Я стоял на перекрестке множества дорог, и все они заканчивались тупиком.

В результате, я получил пищу для размышлений, но не новые факты. На самом деле, мне было интересно узнать всю подноготную Хаджара и других жителей Будайина, а скудость данных об Оккинге — и, что вполне понятно, о Фрид-

ландер-Бее — давала почву для определенных предположений, а может, даже утверждений…

Я думал обо всем этом, шагая по улице, и не заметил, как оказался у себя дома.

Какого черта я сюда пришел? Ну, вообще-то меня вовсе не привлекала перспектива провести еще одну ночь в номере отеля. По крайней мере, один из убийц знал, что я остановился там; мне нужна новая ставка, по крайней мере, на день-два… Я все больше свыкался с училками, мои решения не зависели от всяких эмоций, и я принимал их намного быстрей, чем раньше. Меня не покидало чувство уверенности в своих силах и хладнокровие. Надо связаться с Папой, а затем подыскать себе другое место для ночлега.

В комнате все было так, как перед уходом. На самом деле я недолго отсутствовал, но чувство такое, словно прошла целая вечность: я потерял ощущение времени. Бросив сумку на матрас, я сел и пробурчал код Хасана в трубку. Три долгих гудка; наконец Шиит отозвался.

— Мархаба, — произнес он устало.

— Привет, говорит Одран. Мне нужно встретиться с Фридландер-Беем; я надеюсь, ты сможешь организовать это.

— Он будет доволен тем, что ты высказываешь

стремление действовать правильно, мой племянник. Разумеется, он захочет увидеть тебя и узнать, как обстоят дела, из твоих уст. Тебя устраивает сегодня вторая половина дня?

— Как можно раньше, Хасан.

— Я позабочусь об этом, о мой проницательный друг, и перезвоню, чтобы сообщить точное время.

— Спасибо. Подожди, я хочу задать тебе один вопрос. Скажи, существует ли какая-то связь между Папой и Сейполтом?

Хасан замолчал надолго, очевидно обдумывая, как лучше сформулировать ответ.

— Уже нет, о мой племянник. Ведь, если я не ошибаюсь, Сейполт мертв?

— Знаю, — нетерпеливо бросил я.

— Сейполт занимался только мелкими операциями по импорту и экспорту; такое не интересовало Папу.

— Значит, насколько ты можешь судить. Папа не пытался наложить руку на часть его бизнеса?

— О мой племянник, этот «бизнес» настолько незначителен, что даже недостоин называться бизнесом. Сейполт был просто мелким дельцом, таким же, как я.

— Но ведь он, так же как и ты, решил, что для

сведения концов с концами нужно искать дополнительный заработок. Ты работаешь на Фридландер-Бея, он работал на немцев. — Клянусь светом моих глаз! Не может быть! Сейполт-шпион?

— Могу поспорить, это для тебя не новость;

Неважно. Ты когда-нибудь имел с ним дело?

— Что ты имеешь в виду? — Голос Шиита сразу приобрел жесткость.

— Бизнес. Импорт-экспорт. Здесь у вас общие интересы.

— О, понятно. Да, время от времени я покупал кое-что, если Сейполт предлагал хорошие европейские товары, но не припомню, чтобы он хоть раз делал закупки у меня.

Он не сказал мне ничего существенного. По просьбе Хасана я быстро ознакомил его с тем, что произошло с тех пор, как обнаружили убитого Сейполта.

Когда я закончил, Шиит был здорово напуган. Попутно я рассказал об Оккинге и явно неполных досье полиции.

— Поэтому мне надо увидеть Фридландер-Бея.

— Ты подозреваешь кого-то? — спросил Хасан.

— Дело не только в исчезнувшей информации, или в том, что Оккинг иностранный агент. Я просто не могу поверить, что, бросив весь свой

отдел на расследование этих убийств, он так и не нашел ни единой зацепки, чтобы поделиться со мной. Я уверен, лейтенанту известно намного больше, чем он мне говорит. Папа обещал, что заставит Оккинга выложить все. Мне необходима информация.

— Ну разумеется, мой племянник, об этом можешь не беспокоиться. Иншалла, все будет сделано. Как я понял, ты не можешь сказать точно, как много знает Оккинг?

— Таковы приемы полицейских, Хасан. То ли лейтенант распутал все дело до последней мелочи, то ли ему известно не больше, чем мне. Трудно сказать… Все они мастера пудрить мозги.

— Он не посмеет пудрить мозги Фридландер-Бею.

— Попытается, Хасан.

— Из этого ничего не выйдет. Тебе нужны еще деньги, о мой проницательный друг?

Черт, вообще-то хрустики никогда не помешают…

— Нет, Хасан, с этим все в порядке. Папа более чем щедр со мной.

— Если тебе понадобятся наличные, чтобы продвинуть вперед расследование, дай мне знать. Ты прекрасно справляешься, сын мой.

— Да, по крайней мере, до сих пор еще жив.

— Ты красноречив и остроумен, как поэт, дорогой мой! Но прости, сейчас я должен идти. Сам знаешь, бизнес есть бизнес…

— Это точно, Хасан. Позвони мне, как только переговоришь с Папой.

— Хвала Аллаху, пусть Он оградит тебя от бед.

— Аллах йисаллимак. — Я встал, спрятал телефон. Затем принялся рыскать по комнате в поисках маленькой вещицы, которую вынул из сумочки Никки: скарабея, украденного моей подругой из коллекции Сейполта. Этот кусочек меди, как и кольцо, увиденное мной во время первого посещения немца, напрямую связывал его с Никки. Конечно, теперь, когда Сейполт присоединился к бесконечному сонму усопших, ценность обеих улик довольно сомнительна. Кстати, у доктора Еникнани остался самодельный модик; он может оказаться важным вещественным доказательством. Пожалуй, настало время как-то обобщить все, что мне удалось узнать, чтобы со временем передать властям. Не Оккингу, конечно, и не Хаджару.

Я смутно представлял себе, кого конкретно имею в виду, но был твердо уверен, что существуют честные представители закона и порядка. З

европейском суде мало трех улик для вынесения обвинительного приговора, но по исламским законам и обычаям этого более чем достаточно, чтобы опустить карающий меч на шею убийцы.

В конце концов скарабей все-таки нашелся под матрасом; я засунул его поглубже в сумку. Неторопливо и тщательно собрал все, чтобы не оставить следов в квартире. Сгреб мусор на полу в несколько аккуратных кучек. На настоящую уборку не было ни времени, ни сил, ни желания. Теперь ничто не указывало на то, что в квартире жил некий Марид Одран. Сердце охватила щемящая боль: я провел здесь больше времени, чем в любом другом убежище, это единственное место, которое я мог назвать домом. Сейчас оно превратилось в обычное, покинутое жильцом помещение с грязными окнами и рваным матрасом на полу. Я тихонько вышел и запер дверь.

Ключи передал хозяину дома, Казему. Он был удивлен и искренне огорчен моим внезапным уходом.

— Мне нравилось жить здесь, — сказал я, — но Аллах пожелал, чтобы я покинул твой кров. Казем обнял меня, пожелал нам обоим благополучно пройти по дороге, указанной Аллахом, прямиком до райских кущей. Потом я отправился в банк

и снял все деньги со счета. Купюры засунул в конверт, полученный от Фридландер-Бея. Когда найду новое жилье, вытащу хрустики и посмотрю, сколько их осталось: я как бы растягивал удовольствие, наслаждаясь сознанием, что обладаю целым состоянием.

Третья остановка — отель «Палаццо ди Марко Аврелио». На мне была галабийя, но волосы коротко острижены, а лицо гладко выбрито. Не думаю, что портье узнал меня. — Я заплатил за неделю вперед, — объяснил я ему, — но вынужден покинуть вас раньше, чем. собирался.

Портье пробормотал:

— Нам очень жаль терять такого постояльца, мсье. — Я кивнул и бросил ему свой жетон. — Разрешите взглянуть… — Он набрал номер комнаты на своем компьютере, увидел, что отель действительно должен мне немного денег, и стал печатать чек.

— Все были очень предупредительны и любезны, — польстил я ему.

— Всегда рады видеть вас в нашем отеле. — Он улыбнулся, протянул чек и махнул рукой в сторону кассы. Я еще раз поблагодарил его и, получив через несколько секунд деньги, присоединил их к остальной сумме.

Бережно неся сумку, где лежали наличные, коробка с медиками и училками, а также одежда, я шел по городу в юго-западном направлении, с каждым шагом все больше удаляясь от Будайина и района дорогих фешенебельных магазинов у бульвара Иль-Джамил.

Вскоре я стоял в самом центре бедняцкого квартала, где живут одни нищие феллахи. Узкие петляющие улочки, маленькие низкие дома с плоскими крышами и облупившимися стенами; окна закрыты ставнями или тонкими деревянными решетками.

Некоторые здания кое-как отремонтированы, их обитатели пытались даже посадить кусты или еще что-то в иссохшей земле возле стен. Другие, казалось, давно уже пустуют: зияющие провалы окон, полусорванные ставни раскачиваются, едва держась на ржавых гвоздях, словно вывалившийся язык голодной, усталой собаки. Я выбрал довольно аккуратный домик и постучал в дверь. Несколько минут пришлось подождать. Наконец выглянул высоченный мускулистый мужчина с пышной черной бородой и уставился на меня, подозрительно прищурившись; изо рта торчала щепка, которую он использовал вместо жвачки. Хозяин ждал, когда пришелец скажет,

что ему нужно.

Без всякой уверенности в успехе я приступил к изложению своей легенды:

— Я был брошен здесь, в незнакомом городе, подлыми компаньонами. Они похитили все товары и деньги. Во имя Всевышнего и его Пророка, да благословит его Аллах и да приветствует, прошу тебя оказать гостеприимство.

— Понятно, — мрачно произнес мужчина. — Этот дом закрыт для чужих.

— Я не доставлю никакого беспокойства. Я…

— Советую тебе просить о ночлеге тех, чье гостеприимство основано на благополучии. Люди говорят: здесь живут семьи, где всегда есть в избытке еда для домашних, для собак и гостей, подобных тебе. Что касается меня, то, заработав на хлеб и горсть бобов для жены и четырех детей, я считаю день удачным.

Я понял, на что он намекает.

— Конечно, ты не хочешь затруднений для своей семьи. Проклятые лжедрузья, ограбившие меня, не знали, что я всегда ношу в сумке немного денег. Они, урча от жадности, схватили то, что лежало на виду, но у меня осталось достаточно средств, чтобы прожить день-два в этом городе, пока я не смогу вернуться и потребовать закон-

ного возмещения убытков.

Хозяин молча смотрел на меня; словами его не убедишь, нужна маленькая демонстрация.

Я дернул молнию и открыл сумку; под его внимательным взглядом неторопливо порылся в одежде — рубашках, носках, штанах, засунул руку поглубже и извлек банкноту.

— Двадцать киамов, — произнес я душераздирающим тоном. — Это все, что они мне оставили.

На лиц» моего нового друга отразилась жестокая внутренняя борьба. Для жителей этого квартала двадцать киамов — серьезная сумма. Он мог питать сомнения на мой счет, но я сейчас читал его мысли.

— Если ты примешь меня как гостя под свое покровительство на два дня, объявил я, — все эти деньги будут твоими. — Я помахал бумажкой перед его расширившимися от жадности глазами.

Мужчина покачнулся, словно змея, зачарованная движениями факира. Если бы он был деревом с большими плоскими листьями, они бы сейчас громко зашелестели.

Хозяин дома не любил чужаков — а кто их любит? Ему вовсе не улыбалась идея поселить у себя незнакомца на несколько дней. С другой стороны, двадцать киамов равнялись заработку

за несколько дней. Я снова оглядел его и убедился, что теперь его мысли приняли нужное направление: он уже не пытался угадать, кто я такой, а прикидывал один из сотни различных способов потратить двадцать хрустиков. Осталось лишь немного подождать.

О, мой господин, мы люди небогатые… Тогда двадцать киамов облегчат твою жизнь. О да, еще бы, господин, и я хочу получить их; но мне стыдно ввести в такое убогое жилище обладателя стольких достоинств! — Я видел роскошь и богатство, которые ты и вообразить не можешь, мой друг, но возвысился над всем этим, что доступно и тебе. Я не всегда был таким, каким предстал перед твоими глазами. Ибо Аллах подделал ввергнуть меня в нищету и страдания, дабы потом я мог вернуть все, что отнято обидчиками. Ты поможешь мне? Всевышний дарует удачу тем, кто поддержит скитальца.

Озадаченный хозяин дома долго, смотрел на меня; первой его мыслью было, что я просто псих, и лучше всего убежать от такого как можно дальше. Моя выспренняя речь как две капли воды походила на исповедь какого-нибудь похищенного принца из старых сказок. Но сказки хороши, когда, поужинав нехитрой снедью, их расска-

зывают вполголоса, собравшись у очага, перед тем как заснуть тревожным сном. Днем такие истории теряют большую часть убедительности.

Единственное, что способно вернуть доверие к рассказчику — банкнота в двадцать киамов, которая колыхалась в моей руке, словно пальмовый лист под порывом ветра. Мой новый друг так впился в нее глазами, что вряд ли сможет потом припомнить лицо своего собеседника.

В конце концов, я стал гостем Исхака Джарира, достойного хозяина дома. Он поддерживал у себя строгий порядок, так что женщин я не увидел. На втором этаже находилась общая спальня, а на первом было несколько чуланчиков для хранения всякой снеди. Джарир распахнул деревянную дверь одного из них и невежливо впихнул меня внутрь.

— Здесь ты можешь чувствовать себя спокойно, — прошептал он. — Если твои негодяи-Друзья придут и начнут расспрашивать, мы никого не видели. Но ты останешься здесь только до завтра. После утренней молитвы придется покинуть наш дом.

— Хвала Аллаху за то, что направил меня к такому щедрому и великодушному человеку! Но мне еще надо завершить одно дело. Если все про-

изойдет так, как я ожидаю, вернусь с двойником бумажки, которую ты сейчас сжимаешь в руке. Она также станет твоей.

Джарир не хотел ничего знать о подробностях моего «дела».

— Да будут успешными все твои начинания! — пожелал он. — Но знай, если не вернешься до последней молитвы, в дом тебя не пустят.

— Как скажешь, о достойнейший. — Я оглянулся на ворох тряпок, которые послужат мне постелью сегодня ночью, невинно улыбнулся Исхаку Джариру и, подавив невольную дрожь, вышел на улицу.

Я думал, что узкая, мощенная камнем улочка выведет меня на бульвар Иль-Джамил. Но, повернув по ней налево, понял, что ошибся. Направление все-таки было верное, и я последовал вперед. Однако за углом увидел лишь голые стены домов: тупик. Я вполголоса выругался и повернул. Придется идти обратно.

Путь преграждал какой-то человек, ужасно тощий, с растрепанной жиденькой неряшливой бородкой. На лице незнакомца расползалась заискивающая улыбка деревенского идиота. Одежда его состояла из желтой рубашки без воротника, потертого и сильно мятого коричневого

костюма, белой в красную клетку кафии и поношенных коричневых английских ботинок. Его дурацкий вид напомнил мне Фуада, будайинского блаженного. Похоже, парень шел за мной до самого тупика, однако я не слышал его шагов.

Когда ко мне кто-то подкрадывается, я настораживаюсь; разглядывая незнакомца, я открыл сумку. Он продолжал торчать передо мной, переминаясь с ноги на ногу и ухмыляясь. Я вытащил несколько училок, снова задернул молнию и попытался пройти мимо, но рука парня уперлась мне в грудь. Я остановился.

— Не люблю, когда до меня дотрагиваются, — произнес я.

Он сразу отпрянул, словно только что осквернил величайшую святыню.

— Тысяча извинений, — проблеял он дрожащим голосом.

— Зачем ты шел за мной? Тебе что-то нужно?

— Я подумал, что уважаемого господина заинтересует мой товар. — Он тряхнул своим портфелем из фальшивой кожи.

— Ты что, торговец?

— Я продаю модули, господин, а также набор самых полезных и интересных приставок, поступивших на рынок. Мне бы хотелось проде-

монстрировать их.

— Спасибо, не надо.

Он поднял брови, словно я не отказался, а попросил поскорее показать товар. Он уже не выглядел тупым и жалким.

— Это не займет много времени. Вполне возможно, у меня найдется как раз то, что ищет уважаемый господин.

— Я ничего не ищу.

— Наверняка ищете; иначе зачем было модифицировать мозг, не так ли?

Я пожал плечами. Он опустился на корточки и раскрыл портфель с образцами.

Я твердо решил, что ничего не куплю у такого парня. Я не имею дела с хорьками.

Он извлек модики и училки, выкладывая их аккуратным рядком возле портфеля.

Закончив, парень поднял на меня глаза. Он очень гордился своим товаром.

— Итак… — Он выжидающе уставился на меня.

— Что «итак»?

— Итак, что вы скажете о них?

— О модиках? По-моему, ничем не отличаются от любых других. Что они собой представляют?

Он схватил модик, лежащий в ряду первым, и бросил мне. Я поймал на лету.

Этикетка отсутствует; корпус сделан из гораздо более прочного пластика, чем у модулей в магазине Лайлы и других модишопах. Самоделка. — С этим ты уже познакомился, — произнес парень, снова расплывшись в жалкой, извиняющейся улыбке.

Я вздрогнул и пристально посмотрел на него.

Он сорвал с головы кафию. Пряди редеющих волос свисали до плеч. Похоже, парень не мылся, по крайней мере, месяц. Он протянул руку и выдернул модик из своей розетки. Маска ничтожного торговца исчезла. Глаза незнакомца остекленели, челюсть отвисла, но он быстрым отработанным движением вставил другой самодельный модик и мгновенно преобразился. Глаза неожиданно сузились, а рот исказила садистская гримаса-усмешка. За считанные доли секунды он стал совершенно другим существом. Никакой маскировки: абсолютно иная манера говорить, двигаться, вести себя, иное выражение лица — все это действует гораздо эффективнее, чем фальшивые усы, парик и грим.

Я здорово влип. В руке у меня был зажат модик Джеймса Бонда, а смотрел я прямо в холодные безжалостные глаза Ксаргиса Мохадхил Хана. Глаза, горящие огнем безумия.

Я дотянулся до розетки и вставил две училки. Первая придаст особую силу мускулам, блокирует боль или усталость, пока моя плоть не начнет рваться в клочья. Вторая полностью «отключила» звук. Мне надо сконцентрировать внимание.

Хан, оскалившись, зарычал. Теперь его рука сжимала длинный, весьма зловещего вида кинжал; серебряную с золотом рукоятку украшали разноцветные камни. «Сесть, — прочитал я по губам Хана. — Сесть на землю».

Я не собирался облегчать ему задачу; вместо того чтобы подчиниться, осторожно опустил руку, пытаясь нащупать под складками галабийи игломет. И вспомнил: игломет все еще лежит под подушкой в номере отеля. Хотя нет, горничная уже наверняка нашла его. А парализатор в сумке, закрытой на молнию. Я медленно попятился.

«Я давно уже шел за вами, господин Одран. Я следил за вами, когда вы были в полицейском участке, у Фридландер-Бея, в доме Сейполта, в отеле. Я мог убить вас в ту ночь, когда притворился, что считаю вас просто обыкновенным воришкой.

Но я не хотел, чтобы нам мешали. Я ждал, когда наступит подходящий момент. И вот теперь, господин Одран, теперь вы умрете». — Читать по

губам оказалось на удивление простым делом: жизнь замедлила свое течение, мир двигался в два раза медленнее, чем обычно. У нас было время, много времени. Столько, сколько потребуется…

Рот Хана подергивался, искажаясь гримасой торжества. Он от души наслаждался каждой секундой своего триумфа. Шаг за шагом оттеснял меня к стене.

Я, не отрываясь, смотрел на сверкающий клинок, которым Хан собирался не только лишить меня жизни, но и разрубить на кусочки. Он хотел украсить моими потрохами скользкие от грязи камни мостовой и кучи мусора, словно праздничной гирляндой!

Одних ужасает сама мысль о смерти; других гораздо больше пугает перспектива предсмертных мук. Честно говоря, я принадлежу ко второму типу. Понимая, что когда-нибудь ко мне придет смерть, надеюсь, что она будет быстрой и безболезненной — например, если повезет, наступит во сне. Но отдать концы после страшных мучений, которые придется претерпеть от руки Хана — нет, это явно неподходящий способ расстаться с жизнью.

Училки не давали мне впасть в панику. Если

сейчас мной овладеет страх, через каких-нибудь пять минут я превращусь в ромштекс. Я сделал еще шаг назад, оглядывая улочку, стараясь нащупать взглядом что-нибудь, способное дать мне хоть какой-то шанс одолеть этого маньяка с его проклятым кинжалом. Времени почти не осталось…

Издавая истошные крики, он бросился вперед, держа кинжал на уровне плеча, словно неистовая леди Макбет. Я дал ему приблизиться шага на три, потом отклонился влево и устремился навстречу противнику. Он ожидал, что я отступлю, и слегка опешил от неожиданности. Мои пальцы сомкнулись на запястье руки, сжимавшей нож; правой я надежно фиксировал ее, а левой резко вывернул. Обычно таким способом можно без особого труда обезоружить нападающего, но Хан оказался очень сильным человеком. Неестественно сильным для обладателя такого тела. безумие, модик и училки придали ему дополнительную мощь.

Свободной рукой Хан вцепился мне в горло, пытаясь запрокинуть голову. Мне удалось сделать подсечку, мы оба потеряли равновесие. Падая, я уперся в его лицо и постарался, чтобы он как можно сильнее стукнулся о каменную мостовую затылком. Мое колено уперлось в его запястье, и

пальцы, сжимавшие кинжал, разжались. Я как можно дальше отбросил оружие, потом двумя руками охватил его голову и еще пару раз ударил о скользкие, зловонные камни. В результате Хан был выведен из строя, но, увы, ненадолго. Он смог вывернуться и опять набросился на меня, кусаясь, царапаясь, рыча… Какое-то время мы боролись, стараясь одолеть друг друга, но так тесно сплелись, что я не мог ударить его кулаком. Господи, я не мог даже высвободить руки! Тем временем он, как зверь, терзал мою плоть своими черными когтями, впиваясь в тело зубами, молотя коленями.

Наконец Хан с пронзительным воплем отбросил меня; прыжок — и, прежде чем я успел отпрянуть, он опять навалился на меня. Я лежал, словно распятый: одна рука прижата к земле коленом, другая — когтистой лапой маньяка. Он занес сжатый кулак, чтобы обрушить удар на мое незащищенное горло. Я вскрикнул, попробовал сбросить его, но не смог даже пошевелиться. Напрягая все силы в отчаянных попытках освободиться, я увидел, как глаза Хана зажглись огнем ликования.

Нараспев он читал какую-то бессвязную молитву своему металлическому ангелу смерти.

Наконец, дико вскрикнув, опустил кулак. Удар пришелся по лицу. Я едва не потерял сознание.

Хан вскочил и бросился за кинжалом. Я заставил себя сесть, лихорадочно шаря руками по мостовой. Надо найти сумку! Хан подобрал кинжал и метнулся ко мне. Я рванул молнию и вывалил содержимое сумки на землю. Хану осталось сделать всего несколько шагов — и тут я нажал кнопку парализатора и долго не отпускал ее. Раздался жуткий булькающий вопль, и противник как подкошенный свалился рядом со мной. Он очнется лишь через несколько часов.

Училки блокировали боль, правда не полностью, скорей, они ее приглушили. Я еще был не в состоянии двигаться, и смогу сделать что-нибудь толковое не раньше чем через несколько минут. На моих глазах кожа Хана приобретала синеватый оттенок, он задыхался, разевая рот, словно выброшенная на берег рыба. Потом начались судороги. Неожиданно он обмяк и замер. Убийца, наводивший страх на весь квартал, неподвижно лежал всего в нескольких сантиметрах от меня. Я с трудом сел, всхлипывая, будто маленький мальчик. Как только немного очухался, выдернул модик Хана из головы неизвестного. Потом нащупал телефон и позвонил Оккингу, чтобы

сообщить потрясающую весть.

Глава 18

Взяв коробочку с пилюльками, я проглотил семь или восемь «солнышек». В чисто познавательных целях. После схватки с Ханом ныла каждая клеточка тела, но дело было не только и не столько в этом. Я хотел знать, как наркотики подействуют во время работы училок. И томясь в ожидании Оккинга, эмпирическим путем познал горькую истину: училка, очищающая организм от алкоголя, выбивает Также и «солнышки». На кой черт она тогда нужна? Я выдернул зловредную ханжу и. проглотил еще горсть пилюлек.

Появившийся Оккинг был на седьмом небе от радости. Он просто ликовал другого слова не подберешь. Первый раз в жизни я видел его таким счастливым и довольным. Оккинг выказал небывалую вежливость и предупредительность, трогательную заботу о моем самочувствии. Он так хорошо себя вел, что я решил: вместе с легавыми приехали ребята из программы городских новостей и снимают все это для передачи, но, как ни странно, ошибся.

— Что ж, с меня причитается, Одран, — сказал

лейтенант.

По-моему, он должен мне гораздо больше.

— Я сделал за тебя всю паршивую работу, Оккинг.

Он не отреагировал даже на такой укол.

— Возможно, возможно… Теперь я, по крайней мере, смогу хоть выспаться. Я ведь даже есть не мог, не думая о Селиме, Сейполте и остальных.

Хан очнулся: однако, лишившись своего модика, он сразу же начал вопить. Я вспомнил, как ужасно себя чувствовал, когда выдернул училки, хотя носил их всего пару дней. Кто знает, сколько времени Хан — или как там его настоящее имя? — скрывался, пряча свое истинное «я» сначала под одним личностным модиком, потом под другим… Возможно, лишившись псевдоличности, руководившей его поступками, он осознал всю дикость совершенных им преступлений и был не в силах перенести это. Убийца лежал на мостовой, скованный по рукам и ногам, извиваясь и посылая страшные проклятия на наши головы. Оккинг молча наблюдал за ним несколько секунд.

— Унесите его отсюда, — приказал он наконец двум полицейским в форме.

Они не очень-то нежно сделали это, но я не испытывал никакого сочувствия.

— Теперь что? — спросил я Оккинга. Тот сразу стал намного серьезнее:

— Думаю, настало время уйти в отставку.

— Когда узнают, что ты получал деньги от иностранной державы, ты станешь не очень-то популярной фигурой в городе. Ты запятнал свою репутацию.

Он кивнул:

— Уже узнали, мой друг, по крайней мере те, чье мнение имеет здесь силу.

Мне предоставили выбор: либо поискать работу в другом месте, либо провести остаток жизни в одной из ваших типичных крысиных нор, которые почему-то называются тюрьмами. Не понимаю, как можно бросать людей в такие адские дыры, ведь это просто средневековье!

— Ты сам немало сделал для того, чтобы поддерживать прирост населения в наших тюрьмах.

Тамошние обитатели будут ждать тебя с бо-ольшим нетерпением… Он вздрогнул:

— Как только улажу все дела, просто упакую чемоданы и тихо исчезну в ночи… Но они могли бы, по крайней мере, как-нибудь отметить мою работу.

Понимаешь, неважно, был я иностранным агентом или нет, я сделал немало полезного для

города и никогда не шел на сделку с совестью, за исключением одного-двух случаев.

— Многие ли осмелятся, положа руку на сердце, сказать подобное о себе? Да, ты редкий человек, Оккинг. — Он действительно принадлежал к уникальной породе людей, которые способны уйти от ответственности да еще и обратить все это себе на пользу. Он обязательно найдет где-нибудь работу.

— Тебе приятно видеть меня в беде, правда, Одран?

Если честно, мне это действительно было приятно. Но отвечать ему не хотелось; я молча отвернулся и стал запихивать в сумку разбросанные по мостовой вещи. Горький урок не прошел даром: я засунул парализатор под галабийю.

Насколько я понял, с формальностями было покончено и я мог идти.

— Ты дождешься, пока поймают убийцу Никки? Хоть это ты можешь сделать? спросил я. Он искренне удивился:

— Никки? Ты о чем, Марид? Мы схватили убийцу. Ты просто спятил со своими навязчивыми идеями. Никаких доказательств того, что существует второй убийца, у тебя нет. Успокойся и не морочь людям голову, иначе очень скоро убе-

дишься в том, что герои зачастую превращаются в бывших героев. Ты начинаешь надоедать.

Вот слова настоящего легавого! Я поймал Хана и передал Оккингу; теперь проклятый сукин сын объявит, что парень, арестованный полицией, убил всех, от Богатырева до Сейполта. Ну в том, что этих двух порешил Хан, сомнений нет, но я убежден, что Никки, Абдулла и Тами стали жертвами другого, неизвестного нам субъекта. Доказательства? Ни одной серьезной улики, но иначе произошедшее попросту не складывается в единую картину. Международная интрига: одни пытаются похитить Никки и вернуть на родину к отцу, другие стремятся убрать ее, чтобы предотвратить скандал при дворе. Если допустить, что Хан убивал агентов и той, и другой стороны, то объяснить его действия можно лишь тем, что парень психопат, которому просто нравилось играть в ангела-мстителя, и искать логику в его поступках бессмысленно. Чушь! Он был профессионалом, наемным убийцей, который уничтожал намеченные жертвы, чтобы защитить интересы хозяев и обеспечить свою безопасность, не оставив свидетелей. Человек, искромсавший Сейполта, — не сумасшедший, он только носил модик психа.

Этот человек не имел никакого отношения к смерти Никки.

Даже если лейтенант решил, что удобнее думать иначе, по нашему кварталу бродит второй убийца.

Спустя восемь-десять минут после разговора с Оккингом, раздался звонок телефона. Хасан. Он обещал сообщить мне о решении Папы насчет нашей встречи.

— У меня есть еще кое-какие новости, Хасан, — объявил я.

— Фридландер-Бей примет тебя незамедлительно. Он вышлет машину минут через пятнадцать. Надеюсь, ты дома?

— Нет, но я буду ждать у входа. Я встречался с довольно интересными людьми, однако мы уже разошлись по домам.

— Это хорошо, мой племянник. Ты заслужил отдых в компании добрых друзей.

Я уставился в затянутое облаками небо, вспоминая недавнюю смертельную схватку с Ханом; в принципе, слова Шиита должны были меня рассмешить, но смеяться не хотелось.

— Отдыхать мне не пришлось, Хасан — Я рассказал, что произошло, вплоть до того, как брыкающегося убийцу унесли легавые.

Хасан от удивления лепетал что-то неразборчивое.

— Одран, — объявил он, наконец взяв себя в руки, — Аллаху приятно, что ты, Его верный слуга, жив, маньяк схвачен, и мудрость Фридландер-Бея восторжествовала.

— Да, это точно, — подхватил я. — Правильно, Хасан, приписывай все заслуги нашему Папе.

Ничего не скажешь, он сильно поддерживал меня своей сверхъестественной мудростью! Если подумать, он помогал не больше, чем Оккинг. Конечно, Папа загнал меня в угол и заставил покорно подставить, башку хирургам, но потом наш босс просто восседал в своем кабинете и подбрасывал своему верному слуге хрустики время от времени. Папе известно все, что происходит в Будайине, Хасан.

Ты хочешь сказать, что они с Оккингом ничего не видели, ничего не слышали и просто стояли с разинутыми ртами? Ерунда. Я выяснил, как участвовал в этом деле Оккинг; но еще больше хотел бы знать, какова истинная роль Папы.

— Молчи, отродье шелудивого пса! — Шиит сбросил маску сладкоречивого святоши и позволил увидеть свое истинное лицо, что случалось нечасто. — Тебе еще предстоит научиться

разговаривать с теми, кто старше и выше тебя! — Затем, так же неожиданно, вернулся прежний смиренный слуга Аллаха:

— Ты все еще не пришел в себя после сражения со злодеем. Прости меня за то, что я на миг сорвался, сын мой, именно я должен проявить большее понимание и сочувствие. Все в руках Аллаха, все подвластно воле Его. Итак, о племянник, скоро приедет машина. Фридландер-Бей будет очень доволен.

— Я не успею купить ему маленький подарочек, Хасан. Он хмыкнул:

— Твой рассказ — лучший подарок. Ступай с миром, Одран.

Я ничего не ответил и убрал телефон. Потом поправил сумку на плече и поплелся к своему бывшему дому. Я встречусь с Папой, а потом спрячусь в пыльном чулане Исхака Джарира. Хорошие новости: из игры выбыл Хан. Именно он высказывал страстное желание убрать меня. Стало быть, второй убийца не жаждет моей смерти.

По крайней мере, я очень надеюсь на это.

Ожидая появления Папиного авто, я размышлял о своем поединке с Ханом. Я всей душой ненавидел его — стоило только воскресить в памяти изуродованное тело Селимы, ужас, испы-

танный в доме Сейполта, и гнев переполнял душу. Сначала убийца расправился с Богатыревым, пожелавшим смерти собственному племяннику.

Никки — главная фигура; остальные убийства лишь следствие лихорадочных попыток убрать следы, чтобы замять скандал в благородном семействе. Думаю, усилия увенчались успехом. Конечно, многие в городе знали подоплеку событий, но раз принц умер, в России скандал не состоялся. Царь Вячеслав управлял страной; партия монархистов выиграла. Более того, хорошенько поработав, они смогут даже использовать смерть Никки, чтобы усилить контроль над бурлящей державой.

Мне на все это было наплевать. Что касается Хана, я оставил ему жизнь ненадолго, конечно. Его ждет свидание с палачом во дворе мечети Шимаал, где происходят казни. А в оставшееся время пусть перебирает в памяти свои зверства, с ужасом ожидая часа возмездия.

Появилась машина; мы быстро добрались до владений Фридландер-Бея. Лакей оставил меня в той же комнате, где я уже дважды ожидал приема. Папа молился.

Фридландер-Бей не выставлял напоказ свою набожность, что заставляло относиться к нему

с особым уважением. Иногда, глядя на старца, я испытывал стыд за собственное поведение; в такие минуты я воскрешал в памяти все жестокости и преступления, в которых он был виновен. Я обманывал себя, конечно. Кто из нас безгрешен? Уверен, Фридландер-Бей не строил никаких иллюзий на этот счет. По крайней мере, он взывал к Господу, моля о прощении. Однажды Папа объяснил мне суть своей политики: он должен заботиться о благополучии огромной армии «друзей и помощников», и зачастую оградить их от беды можно лишь обходясь с беспощадной жестокостью с теми, кто не принадлежит к его клану. Если подходить к делу с подобной позиции, Папа представал величайшим лидером и строгим, но любящим и справедливым отцом для своих подопечных. Я же, напротив, выглядел ничтожным отщепенцем, в свою очередь нарушившим множество запретов, но, в отличие от Фридландер-Бея, делающим это из. голого эгоизма. Вдобавок, меня не хватало даже на то, чтобы хорошенько попросить у Аллаха прощения.

Наконец один из Булыжников, охраняющих Папу, сделал мне знак. Я вошел в кабинет;

Папа ожидал меня, сидя на антикварном диване.

— Ты снова оказываешь нам великую честь, — произнес он, показав, чтобы я располагался на втором таком же диване напротив.

— Ты оказал мне великую честь, позволив приветствовать тебя в твоем доме, — ответил я.

— Прошу, раздели со мной мой скромный обед.

— Ты — отец щедрости, о шейх! — Я не чувствовал страха или неловкости, как при прежних встречах с Папой. В конце концов, сегодня я совершил для него невозможное! Мне снова и снова приходилось напоминать себе, что теперь великий человек — мой должник.

Слуги внесли первую перемену блюд; Фридландер-Бей тем временем говорил о разных пустяках. Мы отведали понемногу от каждого яства: все удивительно вкусно приготовлено. Я решил избавиться от училки, подавляющей чувство голода, и сразу же осознал, что страшно хочу есть и с готовностью поучаствую в» банкете, который устроил Папа. Но остальные училки вытаскивать пока не стал. Страшно.

Слуги внесли блюдо с мясом ягненка, курицей, говядиной, рыбой и гарниром рисом и овощами. В конце трапезы нам предложили несколько сортов сыра и свежие фрукты. Когда грязные тарелки унесли, Папа и я раскинулись на диванах,

попивая крепкий кофе со специями.

— Да будет вечно обильным твой стол, о шейх, — произнес я. — Это была лучшая трапеза в моей жизни.

Ему явно пришлись по вкусу мои слова.

— Слава Аллаху, я рад, что сумел угодить тебе. Выпьешь еще кофе? — Да, благодарю, о шейх.

Все слуги, включая даже Говорящих Булыжников, удалились. Фридландер-Бей налил мне кофе сам — почет, который оказывают особо дорогому гостю.

— Теперь ты должен признать, что все мои планы относительно тебя были верными, — сказал он негромко.

— Да, о шейх, моя благодарность безгранична. Он отмахнулся.

— Не ты, а мы все, жители города, должны благодарить тебя, о сын мой.

Теперь надо поговорить о будущем.

— Прошу прощения, о шейх, но пока мы не обеспечили свою безопасность сегодня, рано строить планы на будущее. Один из угрожавших нам убийц пойман, но второй все еще на свободе. Возможно, этот злодей уже вернулся туда, откуда был послан, он уже давно не давал о себе знать. И все же не стоит отвергать напрочь вероятность

того, что он до сих пор прячется где-то в городе. Мы поступим мудро, если постараемся выяснить, кто он и где его логово.

Старец нахмурился и потер щеку.

— О сын мой, лишь ты один веришь в существование второго убийцы. Не вижу, почему человек, который был сначала Бондом, а затем Ханом, не мог стать и палачом, так неслыханно надругавшимся над Абдуллой. Ты упоминал о том, что у Хана имелось множество личностных модулей. Разве нельзя допустить, что один из них сделал из Бонда-Хана демона, убившего принца Николая Константиновича?

Господи, как мне убедить этих людей?

— О шейх, по твоей теории выходит, что один и тот же человек работал и на коммуно-фашистов, и на белорусских монархистов. Если так, то он бы гасил собственные усилия на каждом шагу. Подобная позиция способна оттянуть развязку, что, очевидно, выгодно ему, хотя очень трудно понять, чем именно. Вдобавок, он смог бы рапортовать о положительных результатах и той, и другой стороне. Но как он потом выпутается из создавшегося положения? В конце концов, один хозяин наградит, а другой — покарает нашего «слугу двух господ». Нелепо думать, что кто-то

одновременно защищал и старался уничтожить Никки. Кроме всего прочего, экспертиза установила, что неизвестный, убивший Тами, Абдуллу и Никки, был ниже и массивнее, чем Хан. И имел короткие толстые пальцы.

По лицу Фридландер-Бея скользнула слабая улыбка.

— Твое видение событий, о достойный сын мой, остро, но, увы, страдает ограниченностью. Я сам иногда вынужден поддерживать обе стороны. Что еще остается делать, если ссорятся твои возлюбленные друзья?

— Прости меня, о шейх, но мы говорим о серии хладнокровных убийств, а не о ссорах. Кроме того, ни немцев, ни русских нельзя назвать нашими возлюбленными друзьями. Их ссоры не имеют никакого значения для нас, жителей города.

Папа покачал головой.

— Ограниченное видение, — тихо, словно про себя, повторил он. — Когда империи неверных рассыпаются, пред миром предстаем мы, обретая новую силу.

Когда два великих шайтана, Соединенные Штаты и Советский Союз, распались на множество государств-осколков, это был дар Аллаха.

— Дар? — Я никак не мог понять, при чем здесь

Никки, мой модифицированный мозг и несчастные, заброшенные обитатели Будайина.

Брови Фридландер-Бея сошлись в единую линию; неожиданно он стал похож на великого воина пустынь, подобного могучим военачальникам, за многие сотни лет до него поднимавшим гигантские армии на битву. Причем каждый потрясал непобедимым мечом Пророка.

— Джихад, — прошептал он.

Джихад. Священная война. Один из пяти столпов ислама.

В ушах зашумело, кожа на мгновение покрылась мурашками. Теперь, когда бывшие великие державы становились все более и более беспомощными, истерзанными голодом и распадом всех связей, настало время для ислама завершить завоевание мира, начатое много столетий назад. В глазах Папы сейчас горел тот же огонь безумия, который я видел у Хана.

— Все свершится по воле Аллаха, — сказал я. Фридландер-Бей шумно вздохнул и одарил меня благосклонной улыбкой. Он не заметил иронии в моем тоне. Папа был гораздо опаснее, чем я когда-нибудь мог предполагать. В нашем городе он обладал абсолютной властью; если прибавить еще сверхпочтенный возраст и эту идеюфикс… С

ним надо держаться особо осторожно.

— Ты очень обяжешь меня, если примешь это. — Он протянул мне очередной конвертик. Люди его уровня полагают, что деньги — идеальный подарок для того, кто имеет все. Другие посчитали бы такое оскорбительным. Я взял конверт.

— Не могу выразить словами, как я благодарен…

— Не ты, а я твой должник, сын мой. Ты хорошо потрудился, а я всегда награждаю тех, кто претворяет в жизнь мои желания.

Я не заглянул в конверт: даже некультурный идиот вроде меня знает, что такой поступок везде и всюду считается неприличным.

— Ты отец щедрости! — сказал я.

Сегодняшний визит проходил просто замечательно. Я понравился ему намного больше, чем во время нашей первой встречи — кажется, с тех пор прошла целая вечность!

— Я быстро утомляюсь, ты должен простить меня, сын мой. Водитель доставит тебя обратно. Вскоре мы снова встретимся и тогда поговорим о твоем будущем.

— Клянусь зеницей своего ока, о властитель из властителей, моя жизнь в твоем распоряжении.

— Нет мощи и силы, кроме Аллаха, Великого, Могучего. — Его ответ напоминал формулу, завершавшую обмен любезностями, но на самом деле подобное восклицание обычно приберегают на случай внезапной опасности или перед каким-то серьезным испытанием. Я вгляделся в лицо старца, пытаясь найти разгадку, но он уже отослал меня. Попрощавшись, я покинул кабинет Папы и всю дорогу до Будайина размышлял над событиями последних дней.

Уже стемнело; у Френчи, как всегда по понедельникам, собралась порядочная толпа народу. В основном, моряки военного и торгового флота, пришедшие сюда из порта за пятьдесят миль; пять-шесть туристов мужского пола, которые жаждут развлечений, но обретут нечто совсем иное, и несколько путешествующих парочек, стремящихся услышать как можно больше удивительных, исполненных местного колорита историй, чтобы дома пересказывать их ахающим соседям. Были и бизнесмены из города, которые, скорее всего, знали здешние нравы, но все равно пришли, чтобы выпить и поглазеть на обнаженных девочек.

Ясмин сидела между двумя моряками. Они радостно гоготали и перемигивались поверх ее

головы: ребята решили, что нашли то, за чем явились сюда. Ясмин тянула коктейль. На столике перед ней выстроились семь пустых бокалов. Ясно видно, что это она нашла то, за чем приходила сюда. Френчи брал за каждый коктейль восемь киамов, и часть денег отдавал девочке, заказавшей выпивку. Моя милая уже нагрела веселых повелителей морей на тридцать два киама, и, судя по их виду, успешно продолжит потрошить их — ведь вечер только начинается… И это не считая чаевых! Ясмин замечательно умела вытягивать чаевые. На такую работу просто приятно смотреть: она могла извлечь хрустики у клиента быстрее всех, кого я знаю, за исключением разве что Чири.

Возле стойки оставалось несколько незанятых сидений: одно у двери и еще несколько в конце бара. Не люблю сидеть рядом с выходом, как какой-нибудь тупой турист. Я направился туда, где царил полумрак. На полпути передо мной выросла Индихар.

— Вам будет гораздо удобнее в кабинке, господин, — предложила она.

Я ухмыльнулся. Девочка не узнала завсегдатая без бороды, облаченного в галабийю. Она пригласила меня в кабинку, потому что за стойкой не

сможет устроиться рядышком и избавить меня от лишней монеты. Как я уже говорил, Индихар — хорошая девочка, я никогда не ссорился с ней, но ответил:

— Сяду у стойки. Хочу поговорить с Френчи. Она слегка передернула плечами, отвернулась и орлиным взглядом окинула толпу; выделила из стада ягнят подходящую жертву — троих неплохо выглядевших купцов, сидящих с фемой и обрезком. Где устроились две, всегда найдется место для третьей. Индихар устремилась к ним.

Помощница Френчи, Далия, подошла к новому клиенту, волоча по стойке мокрую тряпку. Она раз-другой махнула передо мной тряпкой.

— Пиво?

— Джин и бингара со льдом. Она подозрительно прищурилась.

— Марид? Ты?

— Как тебе нравится мой новый облик? Она уронила тряпку и молча уставилась на меня. Так продолжалось, пока я не занервничал.

— Эй, Далия! Ты в порядке? Она открыла рот, захлопнула его, снова открыла.

Наконец обрела дар речи.

— Френчи! — завопила Далия. — Он пришел, Френчи!

Все вокруг обернулись, чтобы посмотреть на меня. Ничего не понимаю. Френчи поднялся со своего стула возле кассы и вразвалку подошел ко мне.

— Марид, — торжественно произнес он. — Я слышал, ты вычислил и уделал парня, который кокнул Сестер.

До меня дошло, что я теперь герой квартала.

— А, ну да. Вообще-то, он меня вычислил и чуть было не уделал. Да, у него это здорово получалось, пока я не рассердился.

Френчи ухмыльнулся:

— Ты единственный, кто не наложил в штаны и выручил всех нас. Даже лучшие люди города плелись в десяти шагах позади тебя. Ты спас много жизней, Марид. С этого дня будешь получать бесплатную выпивку в моем заведении и по всей Улице.

И никаких чаевых. Я поговорю с девочками.

Это был единственный жест, на который способен Френчи, и я оценил его.

— Спасибо! — Не успев как следует освоиться с ролью героя, я уже знал, что иногда она может здорово раздражать.

Мы немного поговорили. Я попытался внушить Френчи, что на свободе остается второй убийца,

но он не хотел об этом слышать. Френчи предпочитал верить, что все опасности позади. В конце концов, какие у меня доказательства? С тех пор, как погибла Никки, неизвестный ни разу не использовал сигареты в качестве орудия пытки.

— Кого именно ты ищешь? — спросил Френчи. Я перевел взгляд на сцену, где танцевала Бланка. Это она обнаружила тело Никки.

— У меня есть одна улица в качестве улики; кроме того, я примерно знаю, что ему нравится делать со своими жертвами. — Я рассказал о модике, который нашел в сумочке у Никки, и об ожогах, порезах и кровоподтеках на телах убитых.

Френчи задумался:

— Знаешь, — произнес он медленно, — я помню, кто-то говорил мне о подобном клиенте.

— Да ну? Клиент пытался прижечь девочку, или как?

Френчи покачал головой:

— Нет, нет. Какая-то девочка рассказывала, что, когда она стянула с клиента одежду, увидела ожоги и шрамы от порезов — точь-в-точь как ты говорил.

— Чей это клиент, Френчи? Мне надо с ней поговорить.

Он напряг память:

— Ага! Вспомнил! Мирабель.

— Мирабель?! — Я не верил своим ушам. Это била старуха, восседавшая сейчас в углу у стойки. Она всегда устраивалась там. Возраст дамы — где-то от шестидесяти до восьмидесяти лет; полвека назад, когда она еще обладала нормальным телом и личиком, Мирабель работала танцовщицей. Когда миновала первая молодость, бросила развлекать полупьяную публику и сосредоточилась на тех аспектах индустрии развлечений, которые приносили хрустики гораздо быстрее.

Достигнув еще более почтенного возраста, вынуждена была уменьшить запросы, чтобы ее не вытеснила с рынка напористая молодежь. Теперь на голове у Мирабель красовался роскошный ярко-красный нейлоновый парик, сочный и упругий, как искусственные лужайки в европейском квартале города. Мирабель так и не накопила достаточно денег, чтобы модифицировать тело или мозг. По контрасту с окружающими ее великолепными телесами — лучшими, которые можно купить за хрустики, — ее лицо казалось даже более старым и сморщенным, чем на самом деле.

Мирабель явно проигрывала соперницам, но умудрялась возмещать недостатки особой

методикой работы с клиентами, упирая на персональный подход и максимальное удовлетворение запросов: за сумму, равную стоимости одной порции коктейля, она предложит клиенту терапевтический сеанс мастурбации плюс свой многолетний опыт.

Прямо у стойки, не переставая болтать о разных пустяках, словно они с клиентом заперлись в номере мотеля. Мирабель подтверждала одну арабскую пословицу: наилучшее из благодеяний — то, которое совершают без промедления. Конечно, говорит при этом в основном она, но, если вы не разглядываете парочку пристально или не попадется несдержанный клиент, ни за что не догадаетесь, что происходит.

Как правило, девочки требовали, чтобы им заказали не меньше семи-восьми коктейлей, прежде чем вообще начать переговоры. Но время работало против Мирабель, она не могла себе такого позволить. Если сравнить Ясмин, скажем, с новенькой спортивной машиной, Мирабель тянула на полумертвое от старости искореженное такси Билла, безумного американца.

Вот почему в рассказ Френчи верилось с трудом. Мирабель не могла представиться возможность заметить шрамы на теле любого клиента. Как она

подцепит его, сидя в темном уголке бара?

— Она отвела его к себе домой, — ухмыляясь, сообщил Френчи.

— Да кто согласится пойти с ней?!

— Тот, кому нужны деньги.

— Ах ты черт! Значит, она платит мужикам, чтобы ее трахнули?

— Если есть круговорот воды в природе, почему то же самое не может происходить с деньгами?

Я поблагодарил Френчи за ценную информацию и сказал, что должен побеседовать с Мирабель. Он засмеялся и отправился к кассе. Я подсел к ветеранке древнейшей профессии.

— Привет, Мирабель.

Ей пришлось долго разглядывать мою физиономию. Наконец она радостно воскликнула:

— Марид! — Между первым и вторым слогом ее проворные пальчики принялись за работу. — Купишь мне выпивку, милый?

— Хорошо.

Я сделал знак Далии, и та сразу поставила перед престарелой красоткой порцию коктейля. Барменша ухмыльнулась мне; я с обреченным видом пожал плечами.

Девочки и обрезки в заведении Френчи всегда просили подать вместе с выпивкой высокий

стального цвета стакан ледяной воды, объясняя, что не терпят спиртного и должны запивать его, чтобы избавиться от противного привкуса. Они отхлебывали немного коктейля, а потом припадали к стакану. Клиенты жалели бедных шлюх: как им тяжело каждый вечер вливать в себя по две-три дюжины порций ненавистного зелья! На самом деле девочки просто выплевывали коктейль в стакан. Время от времени Далия брала стаканы, якобы для наполнения их свежей водой, и выпивала содержимое. В отличие от своих коллег, Мирабель не нуждалась в подобной услуге: ей нравился вкус спиртного, даже очень!

Должен признать, Мирабель умела работать пальцами не хуже классного ювелира. Вот что значит практика. Я уже собрался прервать сеанс, но потом решил: «Почему бы и нет?» Любой опыт полезен.

— Мирабель, — шепнул я. — Френчи сказал, что ты видела какого-то парня с ожогами и шрамами по всему телу. Ты можешь вспомнить, кто это был?

— Я видела?

— Парень, которого ты отвела к себе домой.

— Когда?

— Не знаю. Если я найду его и хорошенько рас-

спрошу, мы спасем много жизней.

— Правда? А мне выдадут какое-нибудь вознаграждение?

— Сотню киамов, если вспомнишь. Мои слова подействовали, как ведро холодной воды. Она не видела такой суммы со времен бурной юности, а эти годы казались далекими, как древние предания. Мирабель вся напряглась, пытаясь воссоздать облик своего ночного знакомца.

— Ты знаешь, — сказала она наконец, — что-то в таком роде произошло. Но, хоть убей. не могу вспомнить, кто это был. Марид, я обязательно вспомню. А награда…

— Как только вспомнишь, позвони мне или скажи Френчи.

— А мне не придется с ним делиться?

— Нет. — На сцене появилась Ясмин. Она увидела меня рядом с Мирабель, заметила ритмичные движения ее руки, окинула меня взглядом, исполненным презрения, и отвернулась. Я засмеялся:

— Спасибо, Мирабель, мне пора.

— Уже уходишь, Марид? — спросила Далия. — Не очень-то много времени у тебя это заняло.

— Куча дел, Далия. — Я покинул гостеприимный бар. Меня страшно угнетало сознание того, что мои лучшие друзья, вроде Оккинга, Хасана и

Фридландер-Бея, пребывали в уверенности, что им больше ничто не угрожает. Я знал, что они ошибаются, но они не желали меня слушать. На мгновение даже захотелось, чтобы произошло что-нибудь ужасное, и все убедились в моей правоте, но, конечно, нести потом бремя вины я не желал.

В самый разгар ликования жителей Будайина, избавившихся с моей помощью от страха перед убийцей, я чувствовал себя более одиноким, чем всегда.

Глава 19

— На самом деле ты не хочешь этого. Одран взглянул на собеседника. Вулф восседал в кресле — воплощенное высокомерие и самодовольство: глаза полузакрыты, губы то выпячиваются, то сжимаются в тонкую линию. Он чуть повернул голову и посмотрел на меня.

— Ты не хочешь этого, — повторил великий детектив.

— Нет, хочу! — вскричал Одран. — Хочу, чтобы все поскорее закончилось!

— Тем не менее… — Тот поднял толстый палец и помахал им. — Ты продолжаешь надеяться на упрощенное решение проблемы, некий способ, который избавит тебя от опасности быть убитым или, что еще больше пугает тебя, изуродованным. Если бы Никки убили чисто, без изуверской жестокости, ты без колебаний преследовал бы преступника и нашел его. А теперь ситуация, в которой ты оказался, ужасает тебя все больше, и ты желаешь лишь одного: спрятаться от реальности. Подумай сам, где ты сейчас находишься: скорчился в вонючем чулане какого-то нечистоплотного

феллаха. Фу! — Вулф осуждающе нахмурился.

Одран почувствовал, что обречен на поражение.

— Ты хочешь сказать, что я избрал неверный путь? Но ведь детектив ты, а не я! Я просто Од-ран, здешний черномазый, который сидит на куче тряпья рядом с пластиковыми стаканами и прочим мусором. Ты ведь сам постоянно твердишь, что любая спица приведет муравья к центру колеса.

Вулф пожал плечами (то есть чуть приподнял их).

— Да, я действительно так говорю. Но если муравей проползет три четверти пути по оси, прежде чем выбрать спицу, он рискует потерять не просто время гораздо более ценную вещь, мой друг!

Одран беспомощно развел руками.

— Я приближаюсь к цели своим некультурным и неуклюжим способом. В общем, как умею. Почему бы тебе, о эксцентричный гений, не использовать свои великие способности и не объяснить мне, где искать второго убийцу?

Вулф вцепился в ручки кресла и медленно поднял свое массивное тело. Он не удостоил меня вниманием, проходя мимо. На лице гения дедук-

ции застыло весьма озабоченное выражение. Пора навестить орхидеи.

Вытащив из розетки модик и вставив вместо него свои суперучилки, я обнаружил, что сижу на полу чулана, опустив голову между колен. Я снова почувствовал себя непобедимым: исчезли голод, усталость, жажда, страх, даже гнев. Сжав губы, пригладил растрепавшиеся волосы, принял героический вид. Ну-ка, ребята, разойдись, это работа для…

Это работа для меня. Да, наверное. Тут уж ничего не поделаешь.

Я бросил взгляд на часы. Уже вечер. Тем лучше: все местные потрошители и их потенциальные жертвы как раз вышли на улицу.

Я хотел доказать этой раздувшейся от чванства жабе, Ниро Вулфу, что настоящие, из плоти и крови, а не придуманные люди тоже способны шевелить своими примитивными мозгами. А еще хотел прожить остаток жизни без подспудного страха, что через мгновение меня начнет выворачивать наизнанку. Следовательно, надо найти убийцу Никки. Вот и все.

Я вытащил конверт и пересчитал хрустики. Пятьдесят семь с лишним тысяч киамов. Я рассчитывал найти, самое большее, пять кусков. Я

долго сидел, не отрывая глаз от толстой пачки банкнот.

Потом убрал деньги, вытащил коробочку с пилюльками, проглотил без воды двенадцать паксиумов. Покидая свое убежище, по пути столкнулся с Джариром и, не проронив ни слова, вышел из его дома.

Улицы в этом квартале уже были пустынны, но чем ближе я подходил к Будайину, тем больше встречалось прохожих. Я миновал Южные ворота и зашагал по Улице. Во рту пересохло, хотя училки по идее должны контролировать работу эндокринной системы. Хорошо еще, что я не чувствовал страха, потому что… потому что на самом деле напуган до смерти. Мне повстречался Полу-Хадж; он что-то бормотал, но я просто кивнул ему и прошел мимо, словно столкнулся с незнакомым человеком. Должно быть, сегодня в городе проходил какой-то съезд или к нам привезли группу туристов, потому что мне вспомнились небольшие скопления чужаков посреди Улицы, глазеющих на живописные бары и кафе. Я даже не удосуживался обойти их, просто расталкивал стоявших на пути.

Когда я добрался до магазина Шиита, дверь была заперта. Я стоял, тупо уставившись на нее.

Не помню, чтобы заведение Хасана когда-нибудь закрывали.

Если бы такое увидел обычный человек по имени Марид Одран, он сообщил бы Оккингу; но сейчас здесь стояли Одран и его чудо-училки. Поэтому я вмазал несколько раз по замку. Наконец он не выдержал моего натиска, и я смог войти.

Абдул-Хасан, наш юный американец, естественно, не сидел на своем обычном месте. Я быстро пересек комнату, сорвал ткань, прикрывавшую вход на склад. Там тоже никого не оказалось. Почти бегом преодолев неосвещенный проход между высокими рядами деревянных ящиков с товарами, я распахнул массивную стальную дверь и вышел в темный переулок. Напротив в стене красовалась еще одна дверь, а за ней — комната, в которой когда-то я выторговывал свободу для Никки (увы, она недолго наслаждалась ею). Я подошел к последнему препятствию и забарабанил по гулкому металлу. Нулевой результат. Я снова принялся отбивать кулаки. В конце концов послышался тонкий голос, сообщавший мне что-то по-английски.

— Хасан! — заорал я.

Новая порция загадочных отрывистых фраз; затем голос утих, а через несколько секунд его

обладатель опять выкрикнул несколько слов на языке неверных янки. Я поклялся, что, если переживу сегодняшнюю ночь, обязательно куплю пареньку училку арабского языка. Вытащив конверт с деньгами, я стал размахивать им в воздухе, вопя как пароль:

— Хасан! Хасан!

Дверь чуть приоткрылась. Я вынул тысячную банкноту, сунул в руку юного американца, дал ему полюбоваться на остальные хрустики и повторил:

— Хасан! Хасан!

Дверь с грохотом захлопнулась; мои деньги бесследно исчезли.

Когда дверь снова приоткрылась, я был готов действовать: сразу же вцепился в нее, потянул изо всех сил, заставив мальчишку в конце концов отпустить ручку.

Он, пронзительно вскрикнув, навалился на дверь, но все-таки разжал пальцы. Я распахнул ее и сразу согнулся пополам: поганец стукнул меня изо всех сил. Из-за его маленького роста удар не попал в цель, но все равно было чувствительно. Я схватил его за рубашку, влепил пару хороших затрещин, стукнул головой о стену и отпустил. Абдул-Хасан мешком свалился на грязную мо-

стовую. Я немного постоял, чтобы отдышаться. Училки работали отлично: сердце билось ровно, как будто я только что отплясывал на вечеринке, а не дрался. Перед тем как отправиться дальше, я нагнулся над мальчишкой и вытащил зажатую в кулаке тысячную банкноту.

Как часто говорила моя мамочка: «Никогда не бросай свои вещи где попало».

На первом этаже — ни души. Я решил запереть за собой стальную дверь, чтобы ни американец, ни другие злоумышленники не смогли подкрасться сзади, но потом передумал: возможно, придется быстро сматываться. Прижимаясь к стене, стараясь идти бесшумно, я медленно и осторожно двинулся к лестнице, которая вела наверх.

Без моих училок я был бы сейчас далеко отсюда, нашептывая всякие красивые фразы на ушко незнакомке на каком-нибудь романтическом языке. Я вытащил коробку с приставками и задумался. Обе моих розетки загружены не полностью, можно нацепить еще штуки три, но я ведь, кажется, обзавелся всем, что пригодится в критической ситуации. Если честно, оставалась еще черная училка, воздействующая на центр наказания. Вряд ли когда-нибудь соглашусь под-

ключить эту страшную штуку; с другой стороны, если придется столкнуться лицом к лицу с чудищем, вроде Хана, имея при себе только хлебный нож, я скорее стану разъяренным хищником, чем визжащим от бессилия, страха и боли царем природы.

В комнате второго этажа находилось два человека. В углу, рассеянно улыбаясь и сонно протирая глаза, стоял Хасан. Он выглядел так, словно его отвлекли от некоего приятного времяпрепровождения.

— А, Одран, мой племянник.

— Хасан…

— Тебя впустил мальчик?

— Я дал ему тысячу киамов и избавил от ответственности. Потом избавил и от денег. Хасан тихонько рассмеялся:

— Как ты знаешь, я привязан к мальчишке, но он американец.

Непонятно, что хотел сказать Шиит: то ли «он американец, значит, тупой», то ли «он американец, этого добра навалом, я всегда могу достать другого».

— Он нам не помешает.

— Очень хорошо, о обладатель многих достоинств, — согласился Хасан.

Он опустил глаза на Оккинга, распростертого на полу. Ноги и руки лейтенанта были привязаны нейлоновыми веревками к кольцам, вделанным в стены.

Совершенно очевидно, что Хасан так забавлялся и раньше. Причем довольно часто.

Тело, конечности и лицо Оккинга покрывали ожоги от сигарет и длинные порезы, из которых сочилась кровь. Не знаю, кричал он или нет, — училки заставили меня сосредоточить все внимание на Хасане. Но одно могу сказать точно: он был еще жив.

— В конце концов ты все-таки добрался до легавого, — констатировал я. Наверное, сейчас жалеешь, что у него нет розетки. Ты ведь любишь использовать свой особый модик, правда?

Хасан поднял брови.

— Да, тут уж ничего не поделаешь… Но зато у тебя их целых две. Я предвкушаю удовольствие, которое ты скоро подаришь мне, о сынок. Кстати, должен поблагодарить тебя за то, что порекомендовал мне этого полицейского. Я, честно говоря, пребывал в уверенности, что мой сегодняшний гость и вправду тот безмозглый болван, за которого он себя выдавал. Но ты постоянно твердил, что он скрывает важную информацию. В конце

концов я подумал, что не могу рисковать: а вдруг ты прав?

Я нахмурился, посмотрев на извивающееся тело Оккинга, и мысленно пообещал, что, когда снова стану самим собой, непременно ударюсь в истерику.

— С самого начала, — сказал я спокойно, словно обсуждая стоимость партии пилюлей, — я вбил себе в башку, что у нас орудуют два убийцы-модика. Я не мог даже представить себе, что вторым преступником может оказаться старый добрый маньяк. Какой же я болван: ломал голову, пытаясь перехитрить суперсовременного профессионала международного класса, а это был всего-навсего местный старикашка-пакостник! Господи, сколько времени потрачено впустую, Хасан! Стыдно мне было брать деньги у Папы за такую паршивую работу! — Естественно, произнося эту речь, я незаметно подбирался все ближе и ближе к нему, разглядывая тело, распростертое на полу, с печалью и укоризной покачивая головой — в общем, изображая из себя добросердечного, умудренного опытом сержанта полиции, который пытается урезонить слабонервного жлоба, собравшегося прыгнуть с энного этажа небоскреба. Можете поверить мне на слово: это гораздо труднее, чем

кажется!

— Ты больше не получишь от Фридландер-Бея ни киама. — Казалось, Хасан искренне опечален моей судьбой.

— Может быть, да, а может, нет, кто знает? — Я медленно приближался к нему, не отрывая взгляда от пухлых коротких пальцев, сжимающих обычный дешевый кривой арабский нож. — Каким же я был слепцом! Ты работал на русских.

— Конечно, — раздраженно отрезал Хасан.

— Ты похитил Никки.

Он удивленно посмотрел на меня:

— Нет, мой племянник, ее забрал Абдулла, а не я.

— Но он действовал по твоему приказу.

— По приказу Богатырева.

— Абдулла похитил ее из виллы Сейполта:

Хасан молча кивнул.

— Значит, Никки еще была жива, когда я в первый раз разговаривал с немцем.

Она находилась где-то в доме. Сейполт не собирался убивать ее. Потом, когда я ворвался к нему, чтобы выведать правду, он уже был трупом.

Хасан уставился на меня, то и дело пробуя пальцем лезвие.

— После смерти Богатырева ты убил ее и засу-

нул тело в мешок для мусора.

Потом убил Абдуллу и Тами, чтобы обезопасить себя. Кто заставил Никки написать записку?

— Сейполт, о мой проницательный друг.

— Значит, единственный, кто может раскрыть твою причастность к убийствам, — Оккинг.

— Не считая тебя, конечно.

— Разумеется. Ты отличный актер, Хасан. Ты сумел полностью обдурить меня.

Если бы я не нашел случайно твой самодельный модик (Хасан оскалился, словно зверь, застигнутый врасплох), если бы не другие улики, которые выдавали связь Сейполта с исчезновением Никки, у меня не было бы ни единой зацепки. Вы с немецким наемником Ханом отлично сработались. Я и не подозревал ничего, пока не понял, что все мало-мальски важные сведения шли через тебя. Подумать только преступник был совсем рядом, требовалось только увидеть его. В конце концов, я просто не мог не сообразить — это ты, твои проклятые короткие, жирные, неуклюжие пальцы…

Я придвигался все ближе и ближе. Нас разделяло всего футов десять. Еще шаг… В это мгновение Шиит разрядил в меня обойму маленького белого пластикового игломета. Целая армада игл прон-

зила воздух. Последние два заряда вонзились мне в бок, чуть пониже левой подмышки. Я почти не почувствовал их, словно это произошло не со мной. Знал, что потом будет по-настоящему больно, а какая-то часть рассудка, неподконтрольная училкам, задалась вопросом: отравлены иглы, или это просто острые кусочки металла, которые рвут мышцы в клочья.

Впрочем, очень скоро я узнаю ответ на собственном опыте.

Меня охватило отчаяние. Я совсем забыл про свой парализатор и, в любом случае, не собирался состязаться в меткости с Шиитом… Уже падая, сумел выхватить черную училку и вогнал ее в розетку.

Как описать свои ощущения? Ты привязан к креслу, и зубной врач дрелью вгрызается тебе в небо; ты чувствуешь, что еще немного — и начнется припадок эпилепсии, а он все не начинается, и ты страстно желаешь, чтобы пришли долгожданные муки, потому что находиться на Грани их еще страшнее. Глаза слепит нестерпимо яркий свет, в уши бьет непереносимо громкий шум, тело раздирают наждаком шайтаны, в нос лезет непередаваемо мерзкая вонь, тошнотворная гадость забила рот… Я был готов умереть,

лишь бы избавиться от всего этого. Готов растерзать любое живое существо, оказавшееся рядом.

Я схватил Хасана за руки и вонзил зубы в его горло. В лицо брызнула горячая кровь; помню, я еще подумал, какой у нее замечательный вкус… Хасан дико взвыл от боли и страха; он стал бить меня по голове, но не в силах был оторвать от себя охваченное бессмысленной яростью, отчаянием и паническим ужасом животное, в которое я превратился. Его тело извивалось в моих руках, мы вместе свалились на пол. Шииту удалось отползти в сторону. Он вскочил, вставил новую обойму в игломет, нажал на спуск, вгоняя в мое тело заряд за зарядом. Я снова прыгнул, опять вцепился ему в горло, разрывая зубами плоть, выдавливая пальцами глаза. Теперь кровь заструилась по рукам, теплая кровь врага… Хасан издавал ужасные вопли, но их почти перекрывал мой надсадный животный вой.

Черная училка безжалостно терзала меня, словно едкой кислотой разъедая мозг.

Даже поединок, высвободивший всю звериную страсть и ненависть, не принес мне ни капли облегчения, не избавил от бесконечной, монотонной пытки. Я кусал, рвал, грыз окровавленную тушу, которую некогда называли Шиитом.

Очнулся я в госпитале, одиннадцать дней спустя, до предела накачанный транквилизаторами. Я узнал, что терзал Хасана, пока жизнь не покинула его, и продолжал калечить уже бездыханное тело. Хасан сполна заплатил за смерть Никки и остальных, но по сравнению с тем, что сделал я, все преступления Шиита казались невинными детскими играми. Я грыз и рвал труп, пока не превратил его в бесформенную груду мяса и костей, так что полиции с большим трудом удалось установить личность покойного. То же самое я сделал с Оккингом.

Глава 20

Перед выходом из госпиталя меня напутствовал доктор Еникнани, добродетельный турок. Мне здорово досталось от Хасана, но, к счастью, я не помнил, как это произошло. Порезы, ушибы, иглы, засевшие в теле, не представили особой проблемы для медиков. Доктора просто починили мое бренное тело и, словно мумию, запеленали с ног до головы. На сей раз никаких строгих неприветливых санитаров — за всем следил компьютер. Врач вводил программу: перечень наркотиков, дозировка, максимальное количество, которое мне разрешается. Чтобы получить очередную порцию, достаточно было нажать на кнопку. Если же я делал это слишком часто, попросту ничего не происходило. А если ухитрялся дождаться урочного часа, компьютер сам вводил соннеин прямо в капельницу. Я провалялся почти три месяца, а когда наконец вышел на волю, мой зад оставался гладким, как у младенца. Вот было бы здорово — раздобыть хотя бы один такой автоматический впрыскиватель! На рынке уличной торговли наркотиками

произошла бы настоящая революция. Правда, кое-кто в результате потеряет работу, но такова уж цена прогресса.

Я провалялся так долго не из-за ран и прочих физических страданий, которые пришлось претерпеть, пока я делал из Хасана суповой набор. По правде говоря, подобными травмами занимаются в отделении неотложной помощи, и через несколько часов пациент спокойно обедает или танцует с какой-нибудь красоткой. Подлинную проблему для врачей представлял мой мозг. Я совершил и увидел слишком много жутких вещей, поэтому доктор Еникнани и его коллеги боялись избавить меня от черной училки и приставок, которые блокируют чувства, понимая, что в незащищенный рассудок хлынет поток информации о происшедшем, и я сразу чокнусь, как паук на роликовой доске.

Меня, то есть нас — два трупа и один полутруп, — обнаружил мальчишка-американец и тут же вызвал полицию. Меня доставили в госпиталь, а здесь никто из высокооплачиваемых, высококвалифицированных специалистов не пожелал рисковать репутацией и положением, взяв на себя ответственность. «Как поступим, коллеги? Вытащить обучающие приставки или

оставить их? Если вытащим, пациент может навсегда потерять рассудок; если оставим, они все сожгут в его голове». А пока они совещались долгие часы, черная училка возбуждала центр наказания. Я снова и снова терял сознание, но, как вы понимаете, в бреду мне мерещилась отнюдь не Хони Пилар…

Сначала они вытащили черную училку; остальные оставили, чтобы я как бы пребывал в эмоциональном вакууме. Врачи шаг за шагом, медленно и осторожно, возвращали меня к полноценной жизни; могу с гордостью заявить, что сейчас башка у меня работает так же, как прежде, а все училки я держу в коробочке на случай, если нахлынет тоска по прошлому.

И на сей раз посетители в больницу не приходили. Очевидно, мои приятели, в отличие от их героического друга, не страдали потерей памяти. Я воспользовался вынужденным бездельем, отрастив бороду и длинные волосы. Наконец однажды утром доктор Еникнани решил меня выписать.

— Дай Бог нам никогда больше не встречаться.

Я пожал плечами:

— С этого дня я собираюсь посвятить себя какому-нибудь спокойному маленькому бизнесу,

скажем, продаже поддельных древних монет туристам. Хватит с меня. Не хочу никаких забот и неприятностей.

Доктор Еникнани улыбнулся:

— Этого никто не хочет, однако неприятности подстерегают нас на каждом шагу. Нельзя просто спрятаться от них. Помните самую короткую суру в Благородном Коране? Одно из первых откровений, ниспосланных Аллахом своему Пророку: *«Скажи: „Прибегаю к Господу рода людского, от наущения сатанинского злого, что вселяет искушение в сердца рода людского, из джиннов и рода людского“*[25].

— От сатанинского наущения, ножей, парализаторов, иглометов и пистолетов, — уточнил я. Доктор Еникнани медленно покачал головой:

— Ищущий нож — найдет нож; ищущий Господа — найдет Господа.

— Ну что ж, — произнес я утомленно. — Когда выйду отсюда, начну новую жизнь. Надо будет всего-навсего изменить привычки, образ мыслей, отбросить к чертовой матери многолетний опыт.

— Вы смеетесь надо мной, — печально сказал

---

[25] Примечания: 25

Сура 114 „Род людской“ (Пер. Б. Я. Шидфар); самая короткая сура в Коране — 112 „Единобожие“ (4 аята).

он. — Но настанет день, и придется всерьез задуматься над тем, что сегодня кажется шуткой. Я молю Аллаха, чтобы это случилось не слишком поздно.

Доктор оформил бумаги на выписку. Итак, я снова стал самим собой, снова свободен как птица и могу идти куда пожелаю, хотя идти-то мне в принципе некуда.

Я отказался от своей квартиры; единственное, что у меня осталось, — сумка с целой кучей денег. Вызвав такси, я отправился к Папе. Уже второй раз я приезжал без предварительной договоренности, но теперь, по крайней мере, была уважительная причина: Хасана не было и некому звонить насчет встречи. Лакей узнал меня; более того, его обычно невозмутимое лицо на мгновение оживилось. Я стал знаменитостью. Когда политики и секс-бомбы ласково треплют тебя по плечу, это ровно ничего не значит, но уж если тебя узнает лакей, то можно смело считать, что твое лестное мнение о себе хоть в чем-то справедливо.

Меня даже освободили от процедуры ожидания. В коридоре появился один из Булыжников, молча повернулся и зашагал впереди. Я последовал за ним. Так мы добрались до Папиного кабинета, и

я подошел к его величественному столу.

Фридландер-Бей сразу встал; он так старательно улыбался, что, казалось, кожа вот-вот не выдержит и порвется. Папа поспешил навстречу мне, взял мое лицо в ладони и поцеловал.

— О сын, возлюбленный сын мой, — вскричал он. У него не хватало слов, чтобы выразить переполнявшую сердце радость.

Зато я был немного растерян. Как следует вести себя в подобной ситуации?

Кто я — неприступный супергерой или „парнишка с нашего двора“, который по воле случая стал защитником квартала? По правде говоря, я хотел поскорее получить разбухший от хрустиков конверт, убраться отсюда и навсегда забыть о старом негодяе. Папа сильно затруднял мою задачу: он чмокал меня снова и снова.

Наконец даже такой ярый приверженец арабских традиций, как Фридландер-Бей, понял, что Пора заканчивать. Он отпустил мою зацелованную физиономию и, словно за стенами крепости, укрылся за своим грандиозным столом, опять став неприступно далеким. Кажется, сегодня не будет совместной трапезы и приятных разговоров за чашкой кофе, когда я услаждал бы слух хозяина дома рассказами об истерзанных

трупах, а он объяснял, какой я замечательный. Папа долго разглядывал меня, не говоря ни слова. Возникнув, как из-под земли, Говорящие Булыжники расположились за моей спиной: один слева, другой — справа. Это напоминало наше первое свидание, только сейчас мы находились в роскошном дворце, а не в грязном мотеле. Неожиданно из супергероя я превратился в ничтожного слизняка-неудачника: попался при попытке обчистить карманы прохожего и теперь томлюсь в ожидании приговора. Не знаю, каким образом Папа сумел внушить мне подобные чувства. Один из секретов магической силы, которой он обладает. Мне ведь до сих пор неизвестны его истинные планы, с ужасом подумал я.

— Ты хорошо поработал, достойный сын мой, — произнес Фридландер-Бей задумчиво. В его голосе слышались неодобрительные нотки.

— Благодаря могуществу Аллаха и твоей мудрости, дару предвидения, я преуспел в своем начинании, — сказал я.

Папа кивнул. Он привык к тому, что его упоминают наравне с Аллахом.

— Прими наш скромный дар в знак благодарности. — Один из Булыжников сунул мне конверт, и я взял его.

— Благодарю тебя, о шейх.

— Благодари не меня, но Аллаха в Его бесконечной щедрости.

— Святые слова. — Я положил деньги в карман. Ну что же, теперь я могу идти?

— Многие из моих друзей расстались с жизнью, — размышлял вслух Папа, — я потерял также немало доверенных помощников. Следует позаботиться, чтобы в будущем подобное не могло повториться.

— Да, о шейх.

— Мне нужны верные люди на ключевые посты, друзья, на которых можно положиться. Меня охватывает стыд, когда я вспоминаю, каким доверием облек Хасана.

— Он был шиитом, о шейх. Фридландер-Бей махнул рукой.

— Тем не менее… Настало время восстановить разрушенное. Твоя работа еще не закончена, сын мой. Ты должен помочь нам построить новую систему безопасности.

— Я сделаю все, что в моих силах, о шейх. — Мне совсем не нравилось, что разговор принял такое направление. Но я был бессилен что-либо изменить.

— Лейтенант Оккинг умер и отправился в свой

рай, иншалла. Его место займет сержант Хаджар, человек, которого я хорошо знаю и могу не опасаться. Я хочу учредить новую важную должность посредника между моими будайинскими друзьями и городской администрацией, который будет наблюдать за действиями властей.

Никогда еще не чувствовал я себя таким маленьким и одиноким.

— На эту должность я избрал тебя.

— Меня, о шейх? — спросил я дрожащим голосом. — Но это невозможно! Не может быть, чтобы ты и вправду выбрал…

Он кивнул:

— Да будет так.

Я почувствовал такую ярость, что забыл обо всем на свете. Подскочив к нему, я заорал:

— Пошел ты со своими погаными планами! Ты сидишь за этим столом и играешь чужими судьбами, спокойно наблюдаешь, как убивают моих друзей, суешь свой „скромный дар“ одному, другому, третьему, и тебя ни капли не волнует, что потом станет с ними, лишь бы денежки, не переставая, текли в карманы! Ты… Не удивлюсь, если окажется, что за Оккингом, работавшим на немцев, и за Хасаном, работавшим на русских, стоял один и тот же человек — ты! — Губы Фрид-

ландер-Бея сжались в тонкую полоску, и я сразу заткнулся, сообразив, что совершенно случайно попал в точку. — Значит, так оно и было, да? — сказал я тихо. — На самом деле тебя совершенно не беспокоило, что здесь происходит. Ты играл за обе стороны, а не стоял в середине, потому что середины не существовало. Был только ты, поганый живой скелет. Да в тебе вообще нет ничего человеческого! Ты не способен любить, ненавидеть, сопереживать. Несмотря на все молитвы и поклоны, ты пуст, как глиняный истукан. В горсти песка больше чувств, чем в тебе!

Самое странное, что Булыжники никак не мешали мне — не оттащили от стола, не превратили лицо в кровавое месиво. Они вообще не двигались с места. Должно быть, Папа знаком приказал им не мешать моим излияниям. Я сделал шаг вперед, и уголки губ Папы чуть приподнялись. Трогательная гримаса-улыбка на морщинистом, иссохшем лице старца-патриарха. Я застыл на месте, словно натолкнулся на невидимую стену.

Барака… Особая аура, которая окружает усыпальницы, мечети святых и праведников. Я не смогу тронуть даже волоска на его голове, и Папа прекрасно понимал это.

Он неторопливо вытащил из ящика стола ка-

кое-то устройство из серого пластика, свободно уместившееся на ладони.

— Ты знаешь, что это такое, сын мой?

— Нет.

— Это часть тебя. — Он нажал на кнопку, и ужас, превративший меня в дикого зверя, заставивший разорвать в клочья Хасана и Оккинга, вновь, словно раскаленная лава, затопил мозг…

Я очнулся, лежа на ковре у ног Папы, свернувшись в клубок.

— Прошло всего пятнадцать секунд, — кротко отметил он.

Сжав зубы, я окинул его взглядом.

— Так ты будешь заставлять меня слушаться? Папа опять продемонстрировал свою улыбку-гримасу.

— Нет, сын мой. — Он бросил мне пластиковую коробочку, и я поймал ее на лету. — Возьми. Я хочу добиться любви и доверия, а не страха.

БАРАКА Я сунул коробочку в карман. Папа кивнул.

— Да будет так, — снова сказал он. Вот и все. Я превратился в легавого.

Говорящие Булыжники молча надвинулись на меня. Чтобы не задохнуться в их каменных объятиях, пришлось отступить. Так, шаг за шагом, они

вытеснили меня из кабинета в приемную, из приемной в коридор, пока, наконец, я не оказался за дверью дома. Мне даже не дали ничего сказать.

В итоге я, во-первых, стал намного богаче, а во-вторых, превращаюсь в жалкую подделку охранника правопорядка под началом бравого Хаджара. Перед этим бледнели самые жуткие наркотические кошмары, когда-либо рожденные моим рассудком.

Каково главное свойство слухов? Правильно: быстрота их распространения.

Наверное, новости дошли до каждого жителя квартала еще когда я в счастливом неведении лежал на больничной койке, наслаждаясь общением со своим лучшим другом — соннеином. В „Серебряной ладони“ Хейди отказалась меня обслуживать. В „Кафе Солас“ Жак, Махмуд и Сайед упорно разглядывали пыльный воздух сантиметрах в десяти над моей головой и спорили о том, сколько чеснока нужно класть в приправу. Я заметил, что к Полу-Хаджу по наследству от покойного Хасана перешел его американский мальчишка. Надеюсь, они будут счастливы вместе…

В конце концов, я отправился к Френчи. Далия положила передо мной салфетку. Она чувствова-

ла себя очень неуютно.

— Как дела, Марид?

— В порядке. А ты все еще разговариваешь со мной?

— Ну конечно, Марид, мы ведь старые друзья. — Однако она кинула напряженный взгляд в сторону кассы.

Я тоже повернул голову. Френчи медленно поднялся со своего стула и вразвалку подошел к нам.

— Я не хочу тебя здесь видеть, Одран, — сказал он мрачно.

— Послушай, Френчи, когда я поймал Хана, ты сказал, что будешь обслуживать меня бесплатно до конца жизни.

— Это было до того, как ты разодрал на куски Хасана и Оккинга. И тот, и другой — дерьмо собачье, но то, что ты сделал… — Он отвернулся и сплюнул.

— Но ведь Хасан убил…

Френчи оборвал меня. Повернувшись к Далии, он свирепо прорычал:

— Еще раз обслужишь этого ублюдка — вылетишь отсюда. Ясно?

— Ага. — Она переводила испуганный взгляд с меня на Френчи.

Он посмотрел на меня:

— Теперь вали отсюда.

— Можно мне поговорить с Ясмин?

— Говори и выметайся. — С этими словами он повернулся ко мне спиной и быстро зашагал прочь, словно спешил убраться подальше от какой-то дурно пахнущей мерзости.

Ясмин сидела в кабинке рядом с каким-то парнем. Я проигнорировал клиента и подошел к ней.

— Ясмин, — начал я, — мне надо…

— Лучше уходи отсюда, Марид, — заявила она ледяным тоном. — Я знаю о том, что ты сделал. И насчет твоей паршивой новой работы. Ты продался Папе. Поступи так другой, я бы ни капельки не удивилась, но ты, Марид… Сначала я не, могла поверить. Но ведь это правда? Все, что про тебя рассказывают?

— Меня заставила училка, Ясмин! Ты и представить себе не можешь, что она со мной сделала! В конце концов, ты ведь сама хотела, чтобы я вставил розетки…

— А стать легавым тебя тоже заставила училка, так я понимаю?

— Ясмин… — Господи, неужели это я, человек, который превыше всего ценит собственное до-

стоинство, который ни в чем не нуждается и ничего не ждет от судьбы, одинокий странник, бесстрастно созерцающий мерзости жестокого мира, ибо видел столько, что утратил способность ужасаться… Сколько лет я тешил себя подобными сказками? И вот я стою здесь и, как мальчишка, умоляю ее…

— Уходи, Марид, или мне придется позвать Френчи. Я работаю.

— Можно потом позвонить тебе? Она поморщилась:

— Нет, Марид. Нет.

Пришлось уйти. Мне и раньше доводилось оставаться в одиночестве, но с подобной ситуацией я сталкивался впервые. Наверное, такого исхода следовало ожидать, и все же мне было гораздо труднее пережить это, чем все ужасы, через которые пришлось пройти. Мои собственные друзья — бывшие друзья — решили, что проще вычеркнуть имя Марида Одрана, выбросить его из своей жизни, чем посмотреть в глаза правде. Они отказывались признаться даже себе, что подвергались страшной опасности и что в один прекрасный день смерть снова может постучаться в их дверь. Они упрямо притворялись, что мир — средоточие радости и здоровых удовольствий,

что на земле все происходит в соответствии с десятком-другим простых правил, которые перечислены в какой-то мудрой книге. Не надо даже учить их; достаточно просто сознавать, что они существуют, и душевное спокойствие обеспечено. А я, как бельмо на глазу, постоянно напоминал, что никаких правил на самом деле нет и жизнь любого живого существа всегда и всюду подвергается смертельной опасности. Они не хотели знать об этом и в итоге пришли к нехитрому компромиссу. Я стал козлом отпущения, местным злодеем; я принял на себя и почести, и хулу. Пусть всем займется Одран, пусть Одран заплатит за все, да пошел он к такой-то матери, несчастный сукин сын!

О'кей, пусть будет так. Я ворвался к Чири, скинул со своего законного места у стойки какого-то молодого негра. Ко мне сразу подошла пьяненькая Мирабель.

— А я тебя всюду искала, Марид, — с трудом произнесла она.

— Только не сейчас, Мирабель! Я не в настроении.

Чирига переводила взгляд с меня на негра, который напряженно размышлял, стоит затевать со мной разборку или нет.

— Джин и бингара? — спросила она наконец, подняв брови. — Или тэнде?

Мирабель примостилась рядом.

— Ты должен выслушать меня, Марид. Я посмотрел на Чири: трудный выбор… В конце концов, заказал водку.

— Я вспомнила, кто это был, — объявила Мирабель. — Ну, парень, которого я привела тогда домой, весь в шрамах; помнишь, ты искал его? Абдул-Хасан, мальчишка-американец. Понял? Должно быть, Хасан его так изукрасил. Я же сказала тебе, что вспомню. Теперь с тебя причитается! — Она тщетно пыталась выпрямиться. Престарелая красотка ужасно гордилась собой.

Я взглянул на Чири; она ответила чуть заметной усмешкой.

— Перебьемся, — сказал я.

— Перебьемся, — сказала она.

Негр все еще торчал рядом. Он недоуменно оглядел нас и вышел из бара. Я сэкономил парню целую кучу денег.